

Нгуен Динь Тхи

рушатся берега

Нгуен Динь Тхи

Рушатся берега

Роман

Перевод с вьетнамского

П. Алешина

Предисловие Б. Полевого

Издательство • Прогресс • Москва 1970

Москва 1970

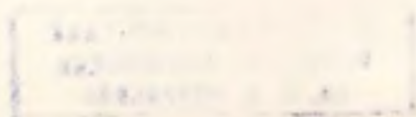
NGUYỄN - ĐÌNH - THỊ

VỠ BỜ
TIỂU THUYẾT
QUYỂN I

Nhà xuất bản Văn Học
1962

Редактор П. Петров

7-3-4
24-70-16

У вьетнамской литературы свое, особенное, очень характерное и необыкновенно интересное лицо. Это древняя и в то же время молодая литература. Ее первые письменные, лишь впоследствии записанные литературные памятники уводят читателя в глубь даже не веков, а тысячелетий, и в то же время такой жанр, как роман, родился во Вьетнаме лишь в начале этого века.

Впрочем, так было со многими литературами Востока, но вьетнамскую литературу при этом всегда отличала и отличает сейчас одна характерная черта, вернее добрая традиция: на всем протяжении своего более чем тысячелетнего существования она была и остается народной, в самом глубоком смысле этого слова. Она всегда воспевала героев своего народа, их борьбу, их подвиги, всегда высмеивала и гневно клеймила своекорыстных людей, предателей, изменников народного дела, людей, которых сегодня именуют коллаборантами. Эта ее традиция, зарожденная еще в глубокой древности, пронесена до наших дней. И именно сейчас, когда мужественный и храбрый народ этот, отстаивая свою независимость, честь и право строить социализм, уже не первый год успешно единоборствует с одной из сильнейших империалистических держав мира, эта добрая и славная традиция расцвела как никогда.

Перед вами, читатель, первая книга диалогии «Рушатся берега», принадлежащей перу одного из талантливейших современных писателей Вьетнама Нгуен Динь Тхи. Прежде чем обратиться к этому произведению, которое, несомненно, обогатило мировую литературу, я считаю долгом сказать несколько слов о его авторе, моем давнем друге.

Тхи сам мог бы стать героем романа. Юношей, почти подростком, он начал борьбу сначала против японских, потом против французских оккупантов. Подобно Аркадию Гайдари, он в пятнадцать лет был уже комиссаром батальона, участвовал в знаменитой битве у Дьен Бьен Фу. Он был храбрым комиссаром, и уже в те дни в полках сражающегося Вьетнама пели его песни, которым он дал и слова и музыку.

Человек необыкновенно одаренный, Нгуен Динь Тхи и поэт, и пламенный публицист, и автор коротких новелл для детей и рассказов для взрослых. У него есть работы на философские темы, серьезные работы, и в то же время он композитор, сам сочиняющий музыку для своих песен, как, например, для очень известной «Песни о Ханое», которую поют вьетнамцы еще со

времен Сопротивления. Путешествуя по сражающемуся Вьетнаму, мы не раз слышали эту песню в самых различных аудиториях. Ее пели солдаты на 17-й параллели, на заставе, отделенной лишь рекой от Южного Вьетнама. Ее пели артисты на вечера встречи с ханойской интеллигенцией. Ее исполнял самодеятельный хор текстильщиков Нам Диня. Она звучала столько раз, что, запомнив ее своеобразный мотив, и мы, не зная слов, расхрабрились и подпевали хору.

Таков Нгуен Динь Тхи, худощавый, стройный человек — воин, писатель, общественный деятель, — с тихим голосом и спокойной улыбкой. В последние годы он обратился к жанру романа, и вот перед нами его второе прозаическое произведение, «Рушатся берега», в котором он выступает уже как зрелый мастер этого монументального жанра, свободно и ярко пишущий широкое полотно народной жизни на одном из самых сложных этапов вьетнамской истории.

Начало второй мировой войны в Европе, 1939 год. Правительство Народного фронта во Франции потерпело поражение, и это немедленно находит отклик в далеком, казалось бы, Вьетнаме — тогда французской колонии. Реакция переходит в наступление. Начинается жесточайший террор колонизаторов. Закрываются газеты и журналы, изымаются все хоть сколько-нибудь вольнолюбивые книги. Разгоняются профсоюзы. Коммунистическая партия, созданная еще в 1930 году и уже накопившая немалый революционный опыт, вынуждена была перейти на нелегальное положение. Тысячи коммунистов, профсоюзных активистов и даже просто сочувствующих революции людей брошены в тюрьмы. Колонизаторы действовали по гитлеровскому образцу — попораны все законы. Молодежь хватают и отправляют на принудительные работы по строительству военных укреплений или увозят за моря, где вьетнамские юноши должны служить в колониальных войсках. И как всегда бывает в момент торжества реакционных сил, местные эксплуататоры — помещики, промышленники, кулаки, затаившиеся и поприехавшие в предшествующие годы, — берут реванш и, пользуясь благоприятной обстановкой, снова завыщивают гайки эксплуататорского прессы.

Именно в эти сложные для Вьетнама дни, в этот труднейший исторический период, когда партия коммунистов выдержала тяжелейший за всю свою историю экзамен, и вводит читателя Нгуен Динь Тхи. Действие романа протекает в местах самой острой классовой борьбы — в крупнейшем городе Северного Вьетнама Ханое, в индустриальном центре и порту Хайфоне и в деревнях, прилегающих к этим городам, кровно связанных с ними, —

здесь действительно можно лучше всего проследить общественное движение крестьянской массы, составлявшей в те дни основное население Вьетнама. Располагая богатейшим, может быть даже лично пережитым, материалом, художник, вооруженный передовым мировоззрением и обладающий массой наблюдений, показывает, как в эти труднейшие годы крепнет и закаляется коммунистическая партия его страны, как в жестоких, порою трагических столкновениях растут люди. Растут и морально готовят себя для будущих великих сражений и с французским, и с японским, и с американским империализмом. Закалка эта, происходящая как бы на глазах читателей в период 1939—1941 годов, уже достаточно ясно объясняет, как рождались, идейно крепили те люди, которые сегодня восхищают все свободолюбивое человечество, нанеся поражение самой могущественной, самой вооруженной армии самой богатой страны капиталистического мира.

В этом, как мне кажется, сила и привлекательность романа «Рушатся берега». Рушатся берега империализма, и этот необратимый процесс писатель показал весьма убедительно.

Автор отлично знает материал и свободно оперирует им. Из огромной массы жизненных наблюдений вырисовываются и оживляют его художественные образы. И это прежде всего обаятельнейший образ профессионального революционера Кхака — вьетнамского интеллигента, истинным университетом которого было многолетнее пребывание в одной из самых страшных колониальных тюрем на острове Пуло-Кондор; образ сочувствующего революции, но колеблющегося интеллигента Хоя; сестры Кхака Куен — девушки, которая не слишком хорошо разбирается в том, что делают революционеры, но отказывается от всех земных радостей из любви к брату; образ вьетнамской деревни, как бы откристаллизованный в портретах юной Соан и Мама, не смеющих признаться в любви друг другу. Мам, сельский парень, который воспитан в традициях уважения к властям — и местным, и колониальным, — выступает в защиту своих прав, и это уже решительный шаг крестьянина колониальной страны и революцию.

Нам, советским людям, все это, может быть, покажется необычным (не так шли в революцию наши отцы и деды), но это Вьетнам, очень далекий Восток со своими традициями, и мы благодарны автору за то что он мастерски показал нам, как приходили к социалистическому самосознанию его сограждане, жившие в иных условиях, воспитанные в иных традициях.

С большой теплотой рисует автор образы вьетнамских борцов и простых тружеников. Рельефы и пластичны в романе

сцены полевых работ, великолепны описания удивительной и неповторимой природы: и рисовых полей, и многоводных бурных в горах, и раздольных, неторопливых на равнинах рек, и гор, вдруг поднимающихся среди болотистых пойм, и перистых бамбуковых рощ, и деревень, точно перенесенных художником со старой восточной гравюры. Автор любит свою страну, ее людей, ее ландшафт, ее животный мир, и потому, описывая все это, романист как бы возвращается к своей первой профессии — профессии поэта. Но когда авторский прожектор начинает высвечивать дом и быт помещика Кханя или, скажем, благотворительный вечер, устроенный в ханойском театре для избранных, он превращается в боевого сатирика, бесноватно ядовитыми становятся его краски, когда он описывает быт Кханей или семью начальника уезда Мона, или дает сатирические портреты представителей французских колониальных властей.

В романе есть немало впечатляющих образов. Это и художник Тхань Тунг — талантливый мастер, калечащий свой талант в угоду быстротекущей моде, это и лирический образ женщины из народа — Ан, готовой на любые жертвы во имя большой любви, это и бесстрашная, преданная революция работника Гай. И у каждого свой облик, свой душевный мир, свое особое место в объемном повествовании, где в сложных коллизиях как бы переплетаются их судьбы.

Но главным героем — и это не только литературная, но и историческая закономерность — остается коммунист Кхак, его партийная работа, его любовь к Ан, его борьба, которая закаляет волю, и, наконец, его трагическая смерть. Смерть во имя жизни, смерть во имя победы революции.

Кхак, как мне кажется, любимый герой самого романиста. В этом образе выражено его кредо, уверенность автора в неизбежной победе справедливого дела. Он погибает в застенках французской охраны, выданный предателем. Но он погибает несломленным борцом. Зная, что обречен на смерть, он до последнего дня продолжает революционную работу коммуниста-организатора, коммуниста-вдохновителя, коммуниста-пропагандиста, словом, коммуниста, который до последнего удара сердца, до последней секунды своей жизни остается в строю. И в этой коммунистической правде сила романа Нгуен Динь Тхи, в этом революционный заряд его книги, в этом ее притягательность для советского читателя, который, с любовью и уважением к вьетнамскому народу следит сейчас за его героической борьбой.

Да, многие славные люди сложили головы в этой борьбе, принесены большие жертвы. Но без жертв не добывается побе-

да, и гибелью любимого героя, героической гибелью, Нгуен Динь Тхи сообщил своему роману непреходящую силу, подобно тому как это сделал Александр Фадеев в «Молодой гвардии» или Маргарита Алигер в своей поэме «Зоя». Погибший герой как бы продолжает жить среди нас, помогать нам в борьбе, мы чувствуем его живым и активным современником.

Сколько на наших глазах возникло и исчезло шумных «ультра-модернистских» поденок, созданных на Западе после второй мировой войны, а книги, написанные по законам социалистического реализма, жили, живут и будут жить. К таким книгам, как мне кажется, относится и роман Нгуен Динь Тхи. Это несомненный вклад в литературу социалистического реализма, это одна из тех книг, которая делает для нас далекий Вьетнам близким, которая помогает нам, советским людям, живущим в тысячах километров от этой страны, глубже понять жизнь, борьбу, радость и невзгоды этого героического народа.

Б. Полесвой

Часть первая

Поезд всего на две-три минуты остановился на этом полустанке, неподалеку от железнодорожного моста, потом паровоз засвистел, выбросил клубы дыма, и, тяжело громыхая на стыках рельс, состав покатился дальше. Силуэты вагонов медленно ушли вдали, пока наконец не слились в сплошную черную полосу. Но вот и полоска исчезла среди полей, и уже откуда-то издали донесся последний протяжный свисток.

Тихий, заброшенный полустанок погружался в предвечерний сумрак. Женщины, сошедшие с поезда, возились у корзин, собираясь к себе в село. Поглощенный своими мыслями, Хой вместе со всеми спустился с платформы.

— Приехали на побывку, учитель? — неожиданно услышал он знакомый голос. Это остановил его Ты Гать, хозяйка крохотной чайной, стоявшей у самой дороги. — Расскажите-ка, что в мире делается. Как там французы и китайцы? Все еще воюют? И правда ли, что из Ханоя почти все разбежались? Зайдите к старику выпить чашку чаю!..

Пригнувшись в дверях, старик вышел из своей лавуги. С наголо обритой головой, с бороденкой в несколько длинных седых волосков, скуластым лицом, точно высеченным из почерпленного в огне камня, широкоплечий, большерукий и, по-видимому, очень сильный, он напоминал нещедрого жителя.

Хой остановился и приветливо поздоровался со стариком.

— Правда, отец, одни бегут, другие возвращаются, мечутся, как теги в дежку¹.

Но не успели они перекинуться и несколькими фразами, как вдруг завyli пронзительные автомобильные sireны. Оба разом обернулись. Со стороны Хайфона неслась длинная вереница машин. Мимо промчалось уже штук тридцать, сорок, пятьдесят... Казалось, не будет конца трехосным грузовикам. Новенькие, выкрашенные в защитный цвет, они с бешеной скоростью неслись один за дру-

¹ Фонарь с двойными стенками; когда внутренняя вращается, но внешняя стенке бегут теги от фигурок. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

гим, громяхая на неровной дороге, оглушая ревом сирен, поднимая за собой целые столбы пыли.

Жители сел, расположенных вдоль дороги, давно привыкли к этому — день за днем бесконечными колоннами американские машины перегоняли по вьетнамской земле в Китай, к чанкайшистам, увязнувшим в войне с Японией.

Снеша сиротаться от пыли, Ты Гать затащил Хоя в чайную. Там сидело несколько человек — по всей видимости, торговцы. Они пили чай и обсуждали последние новости.

— Что творится! В Хайфон этих машин нагнали видимо-невидимо!

— Я слышал, там уже нет ни одного свободного клочка земли. Свалки и те пошли под стоянки. Платит чуть ли не по сотне пиастров в месяц. Несдыханию! А китайцы все бегут и бегут. Гостиницы и рестораны растут, точно грибы после дождя. И дешип из Гонконга и Шанхая понаехало — хоть пруд пруди. В Хайфоне, говорят, стоит только пальцем пошевелить, и деньги сами поплывут в карман.

Хой поднялся.

— Пойду я, а то скоро совсем стемнеет.

— Будете возвращаться в город, не забудьте заглянуть к старпну.

Хой вышел из чайной и торопливо запагал в сторону реки.

Осенний вечер догорал. Под мостом шумел Лионг. На месте прежней переправы мерно покачивалось несколько лодок, привязанных к торчащим из воды бамбуковым шестам. Видно было, как на лодках разводили огонь под котлами, оттуда медленно плыли волны сизоватого дыма, стелящиеся над водой.

Что за тихий вечер сегодня!.. Хой спустился на дорогу, проложенную по дамбе, и с удовольствием опутил на лице вечернюю прохладу, которой тянуло с полей. Каждый раз, когда он приезжал в родное село, он испытывал такое чувство, будто стал птицей, которая разорвала путы и взлетела высоко в небо. Уходила куда то будничная жизнь, полная забот, — монашеская жизнь бедного учителя в небольшой частной школе. Живая бамбуковая изгородь вокруг села, знакомые тропинки, рисовые поля, волнующиеся под легкими порывами ветра, далекая линия

горизонта, скрытая облаками, — картина родного края, которая, подобно ласковой матери, утешит в любом горе, развеет любую печаль, согреет блудного сына, вернувшегося в отчий дом.

Со стороны далекой погоды неторопливо плывут удары колокола, рождая в душе Хоя тихую грусть. Скалистые горы Ти-минь и Донг-чиеу морскими волнами вздыбились вдаль, и, как обычно по вечерам, их склоны медленно затягиваются голубоватой кисеей тумана. Погруженный в свои мысли, Хой неторопливо шел по дамбе. На землю уже спустилась темнота, но дети все еще копошились в пойме — искали в вязком речном иле мелких рачков.

Перед изором Хоя вновь возник образ жены Тхьетта, такой, какой он увидел ее сегодня утром, во время ареста. Закованная в наручники, с рассыпавшимися по плечам волосами, она повернула к нему окровавленное лицо и словно молила о чем-то взглядом. Почему сегодня в Ханое арестовано так много людей? И что сейчас делается в провинциях? Он приехал, чтобы рассказать все Кхану, впрочем, не известно, дома ли он. Может быть, его тоже забрали? И вообще, стоит ли идти к нему сейчас? Ведь в доме Кхака, возможно, его ждет такая же ловушка, как и в ханойской квартире сегодня утром. Хой печально вздохнул. Тревожно было у него на душе.

Бо-ом... Бо-ом... В вечернем сумраке плывут удары колокола, и мысли Хоя тоже повольно плывут куда-то. Значит, и французы, и англичане, и немцы уже втянулись в кровавую бойню. Это же мировая война! Теперь все полетит к черту! Миллионы людей барахтаются в грязи, остервенело наносят друг другу смертельные удары... В памяти Хоя возникли кадры военной кинохроники, снятые в Испании и Китае. Целые кварталы объаты пламенем, по улицам бегут плачущие женщины и дети, рвутся снаряды, бомбы, и повсюду валяются трупы, на которые невозможно смотреть... Скрюченные, в неестественных позах, в беззвучном крике разинуты рты, глаза застыли в предсмертном ужасе... Какое значение может иметь теперь, в этом безумном вихре смерти, судьба маленького человека! У Хоя в уголках рта обозначились горькие складки. Как это они сказали? Стоит только пальцем пошевелить, и деньги сами поплывут в карман! Что верно, то верно. Все последние ночи, до самого ут-

ра, ему не давал спать навойливый стук игральных костей. В окнах отелей Хой видел тени шанхайских девиц — платных партнерш любителей потанцевать и поразвлечься. Но в Ханое, возле вокзала, он видел и безжизненных от войны китайских бедняков. Они стояли, сбившись в кучки, такие одинокие в этой незнакомой стране, полной тревожной неизвестности. Эти беженцы были похожи на муравьев, которых смыло водой в половодье, — бегут, спасаясь от гибели, и все же бессмысленно волочут кто травинку, кто комочек земли... Но вот накатылась новая волна — все сметено, все разрушено...

Бо-ом... Бо-ом... Плынут, плывут удары колокола, надрывные, печальные... Испокоп веков тянут люди лямку жизни. Одни умирают, другие рождаются. И так без конца: новые люди — новые надежды и горести. Бо-ом... Бо-ом... Сколько усилий, и все напрасно... Существование в этом мире в образе человека, как учит буддийская вера, быстротечно, а жизнь человеческая — безбрежный океан страданий... Бо-ом... Бо-ом... Колокольные удары далекой пагоды все падают и падают, монотонные, заунывные...

Очнувшись, Хой огляделся. «Как безлюдно!» — мелькнуло у него. Дорога проходила мимо густых садов. Несколько летучих мышей испуганно сорвались с деревьев и умчались вдаль — странные, мигающие тени. Услышав ритмичные удары мо¹ и невнятное бормотание, Хой понял, что подошел к кладбищу. Знакомый старый баньян раскинул свою густую тень, почти скрыв от глаз пагоду Гань, лишь огоньки светильников мерцали среди разбросанных в беспорядке могильных холмиков. И вдруг Хой почувствовал, что за ним кто-то идет. Он быстро обернулся, всматриваясь в темноту, и действительно увидел какой-то неясный силуэт. Бесшумно, словно тень, человек приближаясь. Наконец Хой увидел, что это женщина. Она шла, держа под мышкой поп², немного согнувшись набок под тяжестью корзины, висевшей на плече.

— Приехали своих навеселить? — услышала Хой голос, еще не разобрав, кто перед ним.

¹ Небольшой деревянный ударный инструмент, который сопровождает молитвы в буддийских храмах.

² Национальный голоний убор. Широкополая конусообразная шляпа из пальмовых листьев.

— Кто это?

— Это я...

К Хою подошла девушка. Отерев го лба пот, она перенесла корзину с одного плеча на другое. Судя по всему, корзина была тяжела.

— Вы забыли меня? Это же я, Соан...

— Бог мой! А я и не узнал тебя.

Соан, кажется, улыбнулась. Она была высокая, стройная, с энергичной, деловитой походкой. Соан, дочь тетушки Муи. Кто бы мог подумать, что она уже совсем взрослая! Не знаешь, как и величать ее теперь.

Я заметила вас еще на станции. — В голосе Соан послышались смелливые нотки. — А я иду на губернаторской усадьбы. Боюсь возвращаться одна в темноте. Но вы так быстро шли, что мне только у самой деревни удалось вас нагнать. Хотела окликнуть, да не решилась...

Хой улыбнулся. Оказывается, у кого-то он может вызывать робость.

— Что значит не решилась? Корзина у тебя, кажется, тяжелая, давай помогу...

Соан смущенно засмеялась.

— Что вы... Всего навсего кушину пантовой настойки. Это губернатор посылает нашему депутату. Он не такой уж и тяжелый, вот только бы не разбить, иначе меня со света сживут!

Как быстро летит время!.. Нет пять или шесть назад, когда семья тетушки Муи разорялась, Соан, совсем еще малышка, должна была в уплату долга идти в работницы к депутату Кханю. Всему селу было ясно, что все это подстроил сам депутат. Его люди подбросили на поле тетушки Муи рисовую барду от самогона, депутат донес об этом французскому таможенному инспектору и засадил старика тетушки Муи в тюрьму. А их дом и землю прибрал к рукам. Хой как мог старался им помочь. Он был тогда еще молод и горяч. Он послал письма в несколько ханейских газет, уговорил сельчан подать жалобу на депутата. Но ничего не помогло. У депутата были связи, и этому делу, как обычно, хода не дали. В то время никто, конечно, и подумать не мог, что маленькая Соан, отданная в услужение Кханю, вырастет в такую прелестную девушку!

Они спустились с холма и подошли к развилке, откуда тропка вела к сельскому рынку. Соан остановилась.

— Ну, вот вы и дома, а мне — туда...

Девушка беснуемно сконннула в сторону и исчезла на едва различимой тропе.

Оставшись один, Хой остановился в нерешительности, раздумывая, что делать: то ли направиться в соседнее село к Кхаку, как он решил сегодня утром еще в Ханое, то ли сначала зайти домой. Он подумал, что лучше, пожалуй, побывать сначала дома, послушать, что говорит в селе, а уж завтра навестить к Кхаку. Но ведь завтра, возможно, будет поздно. Если он не предупредит своего друга сегодня, завтра (может быть, даже этой ночью) они могут схватить его, и тогда Хой не простит себе этого всю жизнь. К тому же, если он днем заявится к Кхаку, который находится под надзором, местное начальство наверняка заметит это, и тогда неприятностей не оберешься. Нет, лучше не ждать до завтра... И все же, прекрасно понимая все это, Хой почему-то медлил, поглядывая в ту сторону, где только что исчезла Соан.

Он долго стоял в нерешительности, пока не почувствовал, что краска стыда залила его лицо. Хой резко повернулся и быстро зашагал по дороге в село Тям.

II

Как и большинство бедных семей, живших на берегах Лыонга, семья Кхака поселилась в пойме, на краю села, среди банановых и туговых деревьев. Дома здесь стояли далеко друг от друга, так что голоса соседей почти не были слышны. Из года в год, в июле—августе, река вздувалась, прорывала дамбы и, затопив пойму, заливала полевые. Дороги, сады, дворы, даже земляные настилы, на которых стояли дома,— все скрывалось в мутной, кирпично-красной воде. Сначала она так же внезапно, как и разливалась; стоит несколько дней — и потом ее день, а то и меньше уйдет, оставив после себя красноватый ил. И тогда все окрашивалось илом — и стволы деревьев, и стены, и поля, даже руки и ноги у людей и те становились кирпично-красными.

Тропинка, идущая через село Тям, по которой шатал Хой, видно, еще не просохла после недавнего наводка... Хой с трудом пробирался, шлепая по вязкой жиже, скользил и едва не падал в непроглядной тьме.

Наконец он добрался до места. Он застал Кхак за ужином. При тусклом свете крохотного керосинового свечильника вся семья сидела вокруг деревянного подноса, поставленного прямо на земляной пол.

При виде человека, внезапно появившегося из темноты проулка, все на мгновение застыло от неожиданности и, отложив палочки, молча уставились на незнакомца. Но тут Куен, сестра Кхак узнала Хоя.

— Это вы? Давно у нас не были... Тху, что же ты не здороваешься с дядей Хоем?

Куен ушла в дом, заветила там керосиновую лампу и, взяв чайник, скрылась в кухне.

При виде этой мирной картины тревога за судьбу друга немного улеглась, но все же осталось какое-то шмяцающее чувство: быть может, не сегодня-завтра судьба снова раскидает по свету эту многострадальную семью...

— Как чувствуешь себя, тетувика? — обратился Хой к матери Кхак. — Кунайте, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания.

Кхак поднялся, чтобы пожать Хою руку, удивленный и озабоченный приходом приятеля.

— Проходи в комнату.

— Спасибо, не беспокойся, ты сначала поужинай...

Обстановка в доме была все та же, что и год с лишним назад, когда Кхак, после того как отбыл ссылку на острове Пуло-Кондор, вернулся домой. Хой заходил тогда к Кхаку, и тот точно так же сидел за бамбуковым столом в старинном кресле из черного дерева. Деревянный пятистенный дом уже порядком обветшал, и в земляной насыпи, обложенной черепичными плитками, на которой он стоял, темнели трещины. В большой комнате помещался алтарь для почитания предков. Половину дома занимали ящики, похожие на огромные сковороды бамбуковые плетенки с шелковичным червем. А если к этому добавить письменный стол у окна, то этим, собственно, и ограничивалась вся неприхотливая обстановка дома. Лишь несколько латунных подсвечников, курильница из бронзы да стоики книг на алтаре, написанных еще иероглифами, указывали на принадлежность семьи к старой конфуцианской интеллигенции.

От привычного вида этого дома с его подчеркнутой скромностью и непритязательностью на Хоя повеяло умиротворением, а в памяти невольно возникли картины

далекого прошлого. Вот он, маленький с черной прядью на макушке наголо обритой головы, входит с отцом в дом дедушки Май, где его будут учить иероглифическому письму. Хой смутно помнил худощавое лицо с узкой, клинообразной бородкой. Вечно он был чем-то недоволен, этот старый конфуцианец. Несколько не смущаясь присутствием учеников, старик нещадно поносил французов. Но особенно яростно он честил «эту банду» Хэинг Као Кхай и Нгуен Тхана¹. До сих пор Хой слышался пронзительный голос старика: «Ха! Теперь губернатором у нас будет этот Ви!.. В наши дни ищадия ада становятся «отцами народа». Видно, конец пришел Стране Юга!» Стоя перед притихшими, испуганными детьми, старик смеялся жеманным, похожим на клекот смехом. Когда Хой рассказывал об этом дома, отец печально вздыхал: «Да, не принимает души старик Май того, что делается вокруг. И они, конечно, не простят ему этого!» Так и случилось. Как только общество Донг Гинь Нгуа Тхук² развернуло свою деятельность, старый Май был арестован и сослан на Пуло-Кондор, откуда уже не вернется.

Старик умер, но его решительность и энергия жили в его детях и учениках. В тысяча девятьсот тридцатом году Кхай обвинили в принадлежности к партии коммунистов. По решению суда его на двенадцать лет сослали туда, где когда-то томился отец, — на Пуло-Кондор. Все уже поставили на нем крест: редко кто возвращался после долгих лет ссылки с этого страшного острова. Однако в тысяча девятьсот тридцать шестом году во Франции к власти пришло правительство Народного фронта и Кхай выпустили на свободу. В родное село он вернулся с чахоткой. Хой было ясно, что, если Кхай попадет в тюрьму сейчас, живым ему оттуда не выйти. И тогда их семья обречена на гибель. Эти мысли пронеслись в голове, пока Хой дожидался друга.

Вскоре Куен внесла в комнату поднос с чайниками и пригласила гостя к чаю.

— Как здоровье вашей семьи? — участливо спросила она.

— Спасибо, ничего.

¹ Представители местной феодальной знати, которые разграничивались с народными по тайнами против французских империалистов.

² Культурно-просветительное общество.

Кхак вошел в комнату.

— Что же это ты приходишь в дом поднадзорного без ведома старосты? — Он улыбнулся широкой, добродушной улыбкой.

Хой тоже улыбнулся.

— Как ты добрался по такой грязи? Ведь вода сошла только вчера. Боюсь, как бы река снова не забунтовалась. Поднимется выше — тут уж не до шуток. Прорвет дамбу, как в позапрошлом году.

Хой взял с подноса чашку и сделал несколько глотков.

— Не думаю, — ответил он. — В тридцать седьмом в это время вода еще везде стояла, все было затоплено. А сейчас дело, видно, к концу идет...

Он закурил, с минуту помолчал и, вздохнув, добавил:

— Климат у нас — хуже не придумаешь! Что ни год — половодье, половодье кончается — засуха начинается. Да такая, что мозги высушают.

— Климат климатом, но суть-то ведь не в этом! Ты небось уже думаешь: ну, на своего конька сел, опять на политику потянуло.

Все время, пока он говорил с Хоем, Кхак не переставая улыбаться. Внешне он мало походил на старого Мая. Не было у отца ни такого квадратного подбородка, ни большого, добродушно улыбающегося рта. Разве что глаза были отцовские — такие же лучистые и с такой же складкой на верхних веках. Глядя на друга, Хой невольно вспоминал, как он выглядел после Пуло-Кондор: скулы торчат, глаза ввалились — скелет, обтянутый кожей.

— Ну как? — Кхак словно прочел мысли друга. — Поправился я после ссылки?

Улыбнувшись в ответ, Хой взял со стола старинную книгу.

— Все еще переводишь для «Прощения»?

— Пришлось немало поторговаться, пока они не согласились заказать несколько переводов. Издателей интересуют сейчас только рыцарские романы. — Кхак выбрал одну из книг и стал листать ее, отыскивая в ней какое-то место. — Закачиваю перевод «Записок». Ты не представляешь, как много в них о нашем крае. Вот послушай, я переведу тебе один кусок.

Кхак наклонился к лампе.

— «В годы Общества и Козла началась смута. За восемнадцать кровавых лет провинции Хай-чжонг был нанесен огромный ущерб. Сады превратились в джунгли, где бродили дикие звери, а поля заросли бурьяном. Отказавшись в жизни люди питались древесной корой и полыми тыквы. За муу¹ земли давали одну рисовую лепешку. В уезде Пинь-луан жила богатая икона, которую народ почитательно звали «спасительницей уезда». Так вот, в те годы не осталось у нее ни зернышка, и тогда притащила она пять мешков серебра, чтобы выменять его на рис, да так и умерла с голоду возле налоды Бинь-де — кому нужно серебро в такое время?

Когда кончилась смута, люди стали понемногу возвращаться в родные места. Они вырубали сорняк, приводили в порядок свои старые жилища, распахивали оставшиеся ризны, чтобы предать их земле..»

Кхак захлопнул книгу и поднял на Хой лукавый взгляд.

— Здесь пишут, что в какой-то лавочке торговали вместо свинины человеческим мясом. Чудовищно!.. Как можно смея парад наш вынести такие страдания и не исчезнуть с лица земли?

Он замолчал и задумался. И тут, понизив голос, Хой сказал:

— Кхак! Сегодня в Хане идут помятые аресты..

Кхак оживился: сейчас Хой расскажет ему то, из-за чего он, собственно, появился у них в этот неурочный час.

— Вчера, часа в три ночи, — продолжал Хой, — неожиданно подъехала машина. Они ворвались, чтобы арестовать Тунста, но его не оказалось дома. Тогда схватили его жену, тут же в доме учинили допрос, а потом избили, ввели наручники и увезли неизвестно куда. Утром я вышел в город узнать, что происходит. Оказалось, редакции газет «Наше время» и «Колесо» опечатаны, книжный магазин Дунг Суан разгромлен, повсюду на тротуарах разбросаны газеты. В помещении «Толаришества» на Хлопковой на Кожеванной и у Вечернего рынка — везде шныряли ищейки. Говорят, взяли Тоана и Игана. Всю ночь полицейские машины рыскали по городу, и всюду аресты.

¹ Мера площади, равная 3600 кв. м.

аресты... Народ на улицах — словно пчелы в растревоженном улье.

С минуту Кхак сидел молча, не отрывая взгляда от стола.

— Тихет, — тихо спросил он, — что ты намерен из провинции Куанг-нам, что работал в «Труд»?

— Он самый. По-моему, он догадывался о чем-то и успел скрыться накануне события.

Живое, но детски открытое лицо Кхака стало необычно суровым. Губы плотно сжались, лоб перерезали морщины. Он смотрел на Хой напряженным взглядом.

— Есть у тебя еще что-нибудь?

Хой отрицательно покачал головой.

— Ты же знаешь, я там ни с кем не веду знакомств. А с Тихетом мы просто жили вместе. Вот я и решил, что тебя нужно предупредить, и как можно скорее. Я думаю, тебе следует...

Кхак кивнул:

— Ты прав. Я пробуду здесь еще день два, не больше.

Он сидел неподвижно, держа в руке чашку с остывшим чаем.

— Что же теперь будет? — нерешительно спросил Хой.

— Репрессии, — коротко ответил Кхак и поставил чашку на стол. Потом заговорил медленно, раздумчиво, завысивая каждое слово: — Видишь ли, сейчас не те времена, когда во Франции у власти стоял Народный фронт. Да и от нашего правительства уже не потребуют новых прав и свобод. Мы должны были раньше понять это. Идет мировая война. Начался новый этап...

Наступило молчание. Каждый думал о своем. Хой размышлял над последней фразой Кхака. Что же принесет этот новый этап ему, Хойу, и Кхаку, и всем тем, кто живет в это постыдное время? Кхак казался по-прежнему спокойным, хотя сердце у него забилось сильнее. Он весь как-то подобрался, напряжился, словно боевой конь, который, заслышав звуки боя, напряженно всматривается вдаль...

Со стороны села послышался собачий лай. Затянулся и щенок во дворе у Кхака. Вышла старенькая, согбенная мать Кхака, она привела внучку, чтобы уложить ее спать.

— Пойдем. Я немного провожу тебя, — сказал Кхак.

Ночное небо было усеяно звездами. Узкий серп луны тускло освещал тропинку. Пройдя через баньяновую рощу, друзья вышли к реке и поднялись на дамбу. Вокруг не было ни души.

— В Ханое, наверное, сейчас неспокойно, — вернулся Ххак к прерванному разговору. — Что говорят о войне?

— Да толком никто ничего не знает. Судачат всяк по своему. — В голосе Хоя звучала усталость. — Еще несколько недель назад все было более или менее ясно. Газеты выступали против сторонников императорской власти и Фам Куиня, который требовал вернуться к договору восьмьдесят четвертого года¹. Плакаты были расклеены даже на стенах мэрии. А некоторые газеты как ни в чем не бывало помещали призыв Союза демократической молодежи... Да, вот еще... На днях сотрудники японской культурной миссии организовали в «Мажестико» бесплатный просмотр своего фильма. И вдруг перед началом сессии на сцену изобразился какой-то юноша и произнес целую речь о том, что в Японии царит фашизм, что жизнь японского народа совсем не похожа на эту рекламу! Все зааплодировали, кто-то крикнул: «Долой фашизм!» И вот после всего этого — трах! Россия подписывает договор с Германией! Тут вообще все перепуталось. Люди перестали понимать, что происходит в мире. А когда стало известно, что Англия и Франция объявили войну Германии, многие бежали из города. В скверах и на набережной нарыли траншей. Сразу же подскочили цены на рис. Частные школы перешли в ведение правительства. Даже моя жалкая школа, и та прекратила занятия впрямь до особого распоряжения городского управления по делам просвещения. Теперь, если и разрешат ее открыть, учеников все равно не собрать: большинство ребят уехали из города вместе с родителями. И главное непонятно, куда люди бегут. Те, кто позакиточнее, занимают машины, телеги, волокут с собой весь скарб. Но и бедняки тоже удирают. Бегут куда глаза глядят. А дня через два три, глядяшь, возвращаются. Никто не знает, что это за война. Но все охвачено паникой.

¹ Договор между Францией и Индокитаем, ставивший Индокитай в зависимость от Франции.

Хой с минуту помолчал, но не в силах, видимо, скрыть дальше то, что заповой сидело у него в душе, с раздражением продолжал:

— Как же все-таки понимать этот договор России с Германией? У меня лично все это не укладывается в голове! Неужели вы, ваша пропаганда, водили нас за нос? В Ханое я слышал, как кто-то брёл ил: «Прондай, Москва!» Троцкисты воспользовались случаем, косят нас на всех перекрестках, называют предателями революции. Но почему то именно нас отслеживают жандармы, а те, кто предает нас анафеме, преспокойно живут себе в Ханое! И все-таки не могу понять, как Россия могла протянуть руку Германии...

— Говоринь, троцкисты ругают нас на чем свет стоит? — оживился Кхак.

— Еще как! Чего только они не алетут про нас... И главное, к этой болтовне прислушиваются. Если не все, то пять-семь человек из десяти все же верят. В толоте Хой звучала горечь. — Даже «Наше время» — газета, которая сочувствовала нам, теперь выступает против России. Ты поминишь учителя Дьема, дядю моей жены. Так вот, приходит как-то раз он ко мне и заводит такую речь. Что же это, говорит, сынок, господа коммунисты делают? Оказываются. Сталин то с Гитлером сговорились и поделили Польшу? Троцкист То так прямо и заявил: конец, мол, пришел Третьему Интернационалу, только Четвертый остался верен идеям революции! А по мне, говорит Дьем, что третий, что пятый, что седьмой, что десятый, я уверен, не бывает так, чтобы коника сама от сала отказалась! Желтые и белые никогда не любят друг друга. И что коммунисты, что фашисты — один черт! Вот, говорит, возьми французов. Разве они когда нибудь будут с нами заодно? Все эти фронты родные народные или как их там — все это один обман, для отвода глаз. Одна найка-лейка! И плевать, говорит, мне на то, что русские стакнулись с немцами. Лишь бы французов разнесли к чертовой матери!

И как ни скверно было на душе у Хоя, он не мог удержаться от смеха, вспомнишь разъяренную физиономию Дьема. Кхак тоже улыбнулся.

— Таких сердитых, как дядюшка Дьем, сейчас хоть отбавляй. Но одной ненависти к французам мало... Придет время, и все поймут...

Хой по-прежнему молчал, его одолевали сомнения.

— Я понимаю так, — как бы отвечая на эти сомнения, продолжал Кхак, — напали, скажем, на тебя бандиты, хочешь отбиться, но идут действия между собой драку. Так что же тебе, бороться за них или подомзаться: ну, пусть они переловятся между собой? Советский Союз понимал договор с Германией, потому что англичане и французы попали на мюнхенскую сделку — выдали Чехословакию Гитлеру в надежде на то, что тоткинется на Россию. Но русские хотят избежать этого и потому подставили под удар господ англичан и французов.

Хой продолжал молча идти вперед.

— Ты, я смотрю, не веришь мне.

— Нет, почему же, — отвечал Хой, — у тебя все лишь, логично получается, мне просто ничего возразить. Но я несколько задаю себе вопрос: не чересчур ли вы упорovali в свой идеал? Упоровали до того, что, даже когда действительность опровергает вас, вы готовы идти на все, лишь бы отстоять его. Когда я смотрю на все происходящее глазами простого человека, то вижу лишь одно: несколько великих держав дерутся за господство в мире, им я делаю нет до того, что станет с малыми странами. Слабому, как жегла, не дано и рта раскрыть. Сильный растопчет его и идет дальше своей дорогой, даже не оглянувшись на жертву. Недаром говорят: буйволы дерутся — миникаре гибель! — Хой грустно улыбнулся. — Конечно, все то, что я сейчас говорю, совсем не согласуется с вашими идеями, зато все просто и понятно.

Некоторое время друзья молча шли рядом. Неожиданно послышался какой-то шум. Выйдя на середину дамбы, они увидели в той стороне, где начиналось село, яркие огни.

— Видать, у Кхэня опять какой-то банкет, — заметил Кхак.

Сходя с дамбы, друзья угостили у купы бананов. Легкий ветерок шелестел в банановых листьях, покрывал холодной рыбой похрустывал реки. Обхватив руками, Кхак задумчиво смотрел на воду, улыбался своей мягкой, доброй улыбкой.

Откровенно говоря, — продолжал он, — в нашу идею действительно трудно верить. Ведь источник веков, чтобы выжить, люди должны были обманывать, грабить.

убивать друг друга. И вот являемся мы и заявляем, что не желаем больше мириться с этим, и стремимся сделать так, чтобы человек человеку стал другом! Кто же поверит этому! И нам не доверяют, нас чествуют в так и эдак, а бывает, устраивают на нас облавы, а то и убивают насмерть. Но пройдет время, и, подобно нам с тобой, обманутые, задавленные трудом рабы прозреют! — Кхак на минуту замолчал. — Нет, я не говорю: «Прощай, Москва!» Я верю в страну Советов!..

Визнолованный Хой порывисто повернулся и пожал в темноте руку друга.

— Когда я слушаю тебя, на душе становится светлее. Чувствую, что готов бороться до конца! Очень хочется увидеть, куда же в конце концов мы придем. Но как поглядишь на то, что делается вокруг, так и хочется махнуть на все рукой: плевать, будь что будет! Наш народ даже представить не в состоянии, что когда-то может произойти революция. Видно, яд рабства проникнул нас насквозь. Посмотри на наших людей! Десятки семей на моих глазах были разорены, и все это для того, чтобы в доме депутата горели вот эти огни. И что же? Те, кого он обобраб, не оставив им даже набедренной повязки, продолжают по-прежнему гнуть на него спину, сами подставляют шею под ярмо. А этот вечный страх! Страх перед каждым, у кого в руках плеть. Страх перед стариком, перед чиновником, перед стражниками, перед французским гошподином! Достаточно ему, словно микстушкой, бросить ласковое слово, и за него уже молят господу бога. Да что говорить о простых крестьянах! Я сам живу с этим страхом в душе. Как-то бы, получила обиделась, вижу все бесчинства и самоуправство властей и... молчу! Молчу, точно в рот воды набрал. Потому что, если я открою рот, они не оставят в живых ни меня, ни мою жену, ни моих детей. К тому же что я один могу сделать, слабый человек!..

— В одиночку каждый слаб! — подхватил Кхак. — Именно поэтому мы и должны помогать друг другу, объединяться, создавать свои организации.

Хой горестно покачал головой.

— Не у каждого, как у нас, хватит мужества отдать себя делу революции. Вот я! Понимаю же и понимаю делу революции, но боюсь. Я не смогу перенести заключение и пытки, как переносите их вы. Да и откуда мне

знать, что я должен делать? Даже в своей семье я нередко чувствую себя ненужным...

Хой подавленно замолчал и отвернулся.

Ты неправ, — мягко возразил Кхак. — Мне кажется, что ты просто еще не вполне осознал необходимость революции. Придет время, и ты поймешь, что дальше так жить нельзя. Вот тогда у тебя появятся и смелость и сила... Общество, в котором мы живем, насквозь прогнило, оно бесчеловечно. — Кхак говорил вполне серьезно, точно размышляя вслух. — В один прекрасный день оно рухнет, потому что люди не смогут уже жить по-старому. Боюсь только, как бы не прозевать этот момент. Тогда, как говорится, будет поздно прыгать, раз вода у самых ног!

Они поднялись и стали прощаться, оба немного расстроенные этой беседой. Откуда то издали, с той стороны, где горели яркие огни, все еще слышались шумные возгласы эспермежу с визгивыми звуками флейт.

IV

Когда Кхак вернулся домой, Куен вошла у плетенку, раскладывая снежные тутовые листья. Весь дом уже погрузился в глубокую тишину.

— Мама спит? — спросил ее Кхак.

— Кажется, только что заснула. Твое лекарство готово, и поставила его на стол.

Куен лишь мельком взглянула на брата и тут же снова склонилась над своими плетенками, держа в руке персиковую лань. Большая корзина с листьями у ее ног была наполовину пуста. Белые червячки шелкопряда проворно ползали по свежим листьям, жадно работая челюстями. В тех же плетенках, до которых еще не дошел черед, они застыли в сладком сне. Но едва Куен начинала бросать туда листья, как мгновенно весь этот маленький мирок оживал и из плоских плетенек срывался шелест, напоминающий шум моросящего дождя. Куен с удовольствием наблюдала за своими прожорливыми питомцами. У нее появилось даже какое-то теплое чувство к этим созданиям. Поевшие до отвала, они толстели, точно кто-то надувал их, и утром их трудно было узнать. Но вот беда: на тутовом дереве, что росло во дворе, уже почти не

стало листьев, и сегодня ее любимцам не придется поест досыта.

Руки девушки разбрасывали по плетенкам тугошпиг лист, а сама она ловила каждый звук в доме, стараясь определить, что делает брат. Ее удивило и встревожило неожиданное посещение Хоя, который давно уже не появлялся в их доме. Ей очень хотелось расспросить брата, не случилось ли чего. Но Кхак, выпив лекарство, ушел к себе за перегородку, и оттуда теперь же было слышно ни звука. Куен решила, что брат устал и улетит спать. Стараясь не шуметь, она вышла из комнаты и отправилась на кухню.

А Кхак лежал, устало смежив веки. Ветерок из окна мягко обвивал его лицо, и он не заметил, как заснул...

...Пробудился он внезапно, с таким ощущением, будто спал очень долго. В большой комнате было темно, но на кухне все еще горел огонь. Как всегда, упрямившись с домашними делами, Куен, прежде чем пойти спать, готовила на утро еду свиньям.

Короткий, но глубокий сон освежил Кхака. И хотя дремота еще не прошла, он решительно поднялся, стараясь прогнать остатки сна. За окном на фоне светлеющего неба четко вырисовывались ветви ялина¹, растущего рядом с домом. В ночной тиши время от времени слышался лишь далекий лай собак да ветер шелестел в кронах мелкий и карамбол, что росли на берегу пруда.

И тут Кхак особенно остро почувствовал, какими прочными узами связала нея его жизнь с каждой веточкой этого дерева, с каждым из этих звуков, доносившихся сейчас до него.

Ему было не то четыре, не то пять лет, когда мать рассказывала, что на их дереве повесилась его тетя, не выдержавшая ревности мужа. Иногда, проснувшись ночью, маленький Кхак лежал в темноте, тесно прижавшись к матери, и со страхом смотрел в окно, на черные ветви ялина. Ему все казалось, что он видит тетю. На ней зеленый пояс, в руках розовый веер, которым она манит его куда-то в передомую, сказочную даль. Когда Кхак только еще начинал учиться грамоте, отец посадил на берегу карамболу. Если в доме подыхала кошка, Кхак с сестрой закрывали ее под деревом, веря, что душа живот-

¹ Фруктовое дерево.

ного войдет в дерево и от этого плоды его станут слаще. Дерево быстро вытянулось, выросло быстрее, чем они, дети, и пышно разрослось, щедро дая людям свою прохладную тень. Они играли в тени карамболы — то изображали шумный базар, то готовили праздничный стол из листьев и плодов, сорванных в саду украдкой от родителей. И теперь это дерево стоит, укрывая в своей тени маленькую дочурку Кхака, которая, как когда-то он сам, целыми днями играет под деревом.

После того как Хой сообщил о массовых репрессиях в Ханое, Кхак все время думал о том, как ему поступить. И сейчас решение созрело: этой ночью он увидит из села. Легальный период кончился, медлить больше нельзя, надо уходить и подполье. Непонятно только, почему они там, в Ханое, замешкались и допустили арест Нгана и Тоана? И не известно, сколько еще ребят попало в лапы полиции! Бески, призванные Хам, вызвали у Кхака смешанное чувство досады и тревоги. Вот уже больше года, как он по указанию партии жил здесь, лечился, находился под надзором полиции. Теперь опять началась битва и он снова вынужден встретиться лицом к лицу с врагом. Никогда еще не чувствовал он себя таким здоровым, полным энергии. Ночью он доберется до пристани Гом, где в доме товарища Зана у них явка, а там свяжется с партийным руководством.

Однако теперь, когда настало время отправляться в путь, Кхак неожиданно ощутил какое-то странное волнение. Ему вдруг стало очень жаль мать и сестру, которых он вновь должен был оставить на произвол судьбы. Прошло более десяти долгих лет с тех пор, как был арестован отец. Мать работала не разгибая спины, сносила обиды и унижения, только чтобы вырастить сына. Когда он подрос, он стал за старшего в семье — занял место отца. Мать не только любила сына, но и относилась к нему с уважением. Она не делала ни одного шага, не посоветовавшись с сыном, и обычно поступала так, как он говорил. Однажды Кхак привел в дом незнакомых людей. Они долго о чем-то беседовали интеллоаса. Помня, что сын повел по стопам отца, мать лишь украдкой смахнула слезы, ни одного вопроса, ни одного упрека не сорвалось с ее уст. Она только стала постепенно подыскивать ему жену: ей казалось, что душа мужа не успокоится, пока сын не женится. Особенно она боялась, что у Кхака

не будет детей. Тогда прекратится род старого Мая, и это тяжелой ответственностью ляжет на ее плечи, ибо она не выполнит predetermined ей свыше долга жены и матери. Все ее добродетели не смогут возместить такой грех. И вот, едва Кхаку исполнилось двадцать лет, мать настояла на своем и заслала сватов. У Кхака не было никакого желания обзаводиться семьей. Он и в глаза не видел свою будущую жену, но из любви к матери не стал противиться, понимая ее тревогу. Он был уже тогда коммунистом, но перенять воле родителей не осмелился бы, ибо был воспитан в духе конфуцианства, каноны которого за многие поколения вошли в плоть и кровь членов его рода. Но не прошло и двух лет после свадьбы, как Кхак был арестован и приговорен к ссылке. Оставшись одна, жена его Там терпеливо сносила все тяготы жизни, растила дочь, выносила на своих плечах все заботы. Мать очень любила невестку, хотя в глубине души ощущала по поводу того, что та не погарила семье сына. Там, латав тоску, не переставала ждать мужа, как тысячи и тысячи вьетнамских жен многою веков ожидали возвращения своих мужей. Но ей так и не довелось увидеть Кхака. Она ушла из жизни, оставив после себя крохотную дочь, еще не видевшую отца.

Годы, проведенные в тюрьме, закалили Кхака, научили его стойкости и хитрости в борьбе с врагом, умению в любых условиях, пусть даже на грани жизни и смерти, сохранять последовательность и твердость. Он пришел к тому, что политзаключенные-коммунисты, где бы они ни находились — в зловонных ли тюремных камерах, на каменных ли работах в гиблых лесах, — повсюду устанавливали контакт друг с другом, создавали свои организации и добивались улучшения условий жизни. За годы заключения Кхак познакомился со многими профессиями: был каменищиком, провизором, лесорубом, скотоводом... Он научился отстаивать свое мнение, выступать перед товарищами, писать статьи, а временами, когда это посещало вдохновение, он писал и стихи, как, впрочем, почти все политзаключенные.

Когда семь лет спустя Кхак вернулся в родное село, взгляд его прежде всего отыскал крышу родного дома, вышедшую из-за кроны яна. Знакомая с детства картина... Глаза застлало слезами. Вслед за взрослыми встречать отца выбежала и малышка Тху, но застесня-

лась, увидев незнакомого дядю с бледным заросшим лицом и жутко ланивинными глазами. Кхак встал с руки, глядел и не мог наглядеться, не верил своим глазам: у него уже такая большая дочь...

Теперь семья Кхака жила гораздо хуже, ведь из шести сао¹ земли четыре пришлось продать. Мать совсем поседела, а знакомый взгляд ее живых, выразительных глаз заметно потускнел. И Куен выросла. У них в деревне доцуинку двадцати трех — двадцати четырех лет считали ласивейшей в округе. Кхак понимал, что сестра не могла оставить мать и маленькую Тху и устроить свою жизнь. Дома она одна должна была поспеть в поле: засеять и убрать урожай с двух сао земли, обработать огород, ходить за скотиной и птицей да еще заниматься разведением шелкопряда и червей. Жизнь, полная забот и лишений сделала Куен замкнутой, и она редко теперь улыбалась. И только в глазах можно было прочесть чувства и мысли, которыми она жила. Куен не была красивой: темное от заката лицо, жесткие, грубоватые руки. Но большие, умные глаза освещали ее лицо особой красотой. Она не задумывалась над своей судьбой. Печаль и радость, все, что она испытывала — все можно было прочесть в ее глазах.

Прошло несколько месяцев после возвращения Кхака из ссылки. Он лежал прикованный к постели, и всю заботу о нем ваяла на себя Куен. Она следила, чтобы он спокойно спал, доставала продукты (ведь он нуждался в усиленном питании) и защищала его от обидчиков со старостой и другими представителями власти. Где решительно и твердо, где ласково и мягко Куен ограждала брата от неприятностей.словно пчелка, готовая каждую минуту распухнуть крыльями и броситься на врага, удерживающего ее выводу, Куен оберегала брата. А Кхак был на краю смерти, мучаясь, он страдал еще и оттого, что обидает семью, что может заразить их своей опасной болезнью. За эти месяцы семья и вовсе пришла в излох. Куен словно высохла, а малышка Тху украдкой жадно поглядывала на миску с мясным рисовым супом и фрукты, которые тетя Куен давала только отцу. Каждый раз, перехватывая этот взгляд, Кхак чувствовал такую острую боль в груди, словно ему вонзали нож, но, как только он

¹ Мера площади, равная 360 кв. м.

пытался позвать к себе Тху, та притворялась, что не слышит, и быстро исчезала. Однажды Кхак не выдержал и заявил, что, если еду не будут делить поровну, он не будет к ней прикасаться. Однако через день-другой все стало по-прежнему, и снова семья отказывала себе во всем, только чтобы поскорее поставить его на ноги.

В самые трудные минуты непоколебимая вера Куен в его выздоровление и ее заботы помогали Кхаку ничуть не меньше лекарств, которые он ежедневно во множестве глотал. Одно слово «чахотка» вызывало тогда в народе панический ужас. Но Куен твердо верила, что сумеет вылечить брата. Она расспрашивала всех, кто хоть что-нибудь знал об этой болезни, пробовала применять все возможные средства западной и восточной медицины. Она старалась, чтобы при всей их бедности у Кхака было регулярное питание, необходимые лекарства и покой. Наблюдая эту борьбу, Кхак мысленно сравнивал сестру с отважным полководцем, настойчиво ведущим тяжелое сражение.

Едва начав ходить, он стал думать, как помочь сестре и матери. Однако стоило ему раздеться и полезть в пруд, набрать для ванны рыбки, как женщины поднимали истошный крик. И дело было не только в том, что они опасались за его здоровье. Привыкшие, как и все женщины, выполнять за мужчиной всю физическую работу, чтобы те могли спокойно размышлять о высоких материях, и мать и сестра были убеждены, что Кхак берется не за свое дело. Но постепенно, шаг за шагом Кхак все же «вторгался» в «чуждое женское» дело. То он перекроет крышу курятника, то сменит подстилку у поросятой свиньи, причем никто не замечал, чтобы он стеснялся этой работы. Затем Кхак стал сажать овощи, ухаживал за анелиновыми деревьями. Это он обнес огород забором, купил и везет и что пок для лечения больных кур, расстил кормовую рыбку в пруду и напустил туда мальков...

Хозяйственные хлопоты сближали их. За день и у матери и у Куен находилось немало вопросов, по которым нужно было посоветоваться с Кхаком. А он в свободное от домашних дел время любил обучать сестру грамоте и часто беседовал с ней и матерью о революции, о борьбе за независимость. Вечерами Кхак обычно писал статьи в легальные партийные газеты, выходящие в Ханноу — подписывая их, конечно, не своим именем, — ли-

бу, чтобы подработать, занимался переводом. Крен училась старательно. Вскоре она могла уже самостоятельно читать газеты. Сейчас, когда у нее чаще стало выдаваться свободное время, она заметно похорошела, даже щеки чуть-чуть порозовели, она стала оживленной, разговорчивой, казалось, к ней вновь возвращается юность.

Постепенно в доме Кхака все преобразилось. Исчезла прежняя атмосфера обреченности. Дом вновь наполнился голосами: бабушка искала внуку, слышался детский смех, разговоры взрослых. А как только Кхак начал вставать, к нему стали приходить и гости. Односельчане постоянно названивали Кхака, приходили потолковать о сельских заботах, а молодежь — послушать его рассказы: нередко девушки и парни приходили из соседних сел. Даже местные должностные лица, включая сборщика налогов, приезжали к Кхаку с уважением. Но только мать и сестра знали, что по ночам приходили какие-то знакомые люди, спрашивали Кхака и, проговорив с ним несколько часов, уходили до того, как на востоке начинало светать. И мать и дочь относились к этим людям с почтением и вместе с тем испытывали какую-то неясную тревогу, если ночные гости появлялись в доме.

Часто по вечерам, когда все работы по дому были закончены, а малышка Тху уже сладко спала на коленях у бабушки, мать Кхака начинала вспоминать прошлое. Она до мельчайших подробностей помнила множество историй со времен прихода французов. Ее рассказы оживляли в памяти Кхака годы смуты, голода, нищеты, те времена, когда страна потеряла независимость. Кхак рассказывал о знакомых семьях, живших в их районе вдоль реки Лыонг, о том, кто как жил, как вел себя в те трудные времена. Он узнал, что уже тогда одни почили на поклон к новым властям, другие же предпочли тюрьму. С удивлением Кхак узнал, что настоящее имя старшего Ты Гать, что держал чайную у моста, — Зу и что младший брат его Ди отправился в свое время в Новый Свет, но так и пропал неизвестно где. Сам Зу еще в молодости служил поваром у короля Хам Нги, после чего попал в официанты и был причастен к истории с отравлением французских солдат в ханойских казармах, но, к счастью, ему удалось тогда бежать. Его прозвали Ты Гать¹ за то, что, несмотря на

¹ Четыре кирпича (вьетнамск.)

нажды с кем-то из парней, он одним ударом разбил четыре кирпича. А нынешний губернатор Ви начинал когда-то с простого переводчика. Отец его, сборщик налогов Ниа, в год лошади правед в село Тюонг французских солдат, те устроили засаду и разбили крестьян-поп-станцев, сражавшихся под началом генерала Ки. А спу-сти некоторое время какой-то неизвестный прямо на рын-ке зарубил этого Ниама.

Все эти истории, рассказанные матерью, врезались на-всегда в память Кхак. А Куен научилась у матери ста-ранным народным песням, сказаниям и монотонным ре-читативом пересказывала Кхаку сказания о вятии Ха-нои французами или пела песни Фан Бой Тяу о наем-ных солдатах. Кхак в свою очередь рассказывал им о го-дах, проведенных в ссылке, и тогда все затанц дыханье невольно втягивали голову в плечи, словно гроза все еще грохотала над их головами...

И вот теперь эта гроза действительно готова была разразиться над ними. Откуда-то из-за горизонта, пылаю-щего кроваво-багровым заревом, наполняли злоеющие чер-ные тучи, затягивая небо над многострадальной вьетнам-ской землей. И когда Кхак думал о своих задыхавшихся беспроектной нуждой односельчанах, которые всю жизнь гнули спину на рисовых полях, у Кхак сжималось сердце от боли, жалости и мстительного чувства.

Кхак поднялся и уложил в ушачок белье. На стене ви-села фотография Там, сделанная вскоре после их свадь-бы. Кхак долго смотрел на улыбающееся лицо жены, но уже не в силах был оживить в памяти эти черты, пред-ставить ее такой, какою она была в жизни. Ведь прошло около десяти лет! Кхак задул лампу и на цыпочках вы-шел из дому. На соседней комнаты доносилось спящее дыхание спящей дочери. Слышно было, как мать воро-чала в сон. Кхак почувствовал вдруг страшную сла-бость в ногах. Ему захотелось разбудить мать, расска-зать ей все, обнять и поцеловать на прощание дочь. Но он поборол в себе это желание и осторожно вышел во двор.

Полузакрыв глаза от усталости, Куен сидела на кух-не возле котла, в котором на медленном огне готовились еда для свиней. Она выдохла от неожиданности, когда Кхак, сунув сверток с бельем под мышку, присел рядом с ней. Удивление тут же сменилось испугом.

— Сестренка, — тихо сказала Кхак, — мне надо уходить...

Он хотел было объяснить ей все, но у него деревятелило горло и он замолчал. Куен смотрела на брата, широко открыв глаза. Казалось, его глаза огибали все ее лицо. И вдруг лицо Куен задрожало и из глаз покатились крупные слезы.

— Ты уж объясни все маме. А я постараюсь старательно о себе знать.

Кхак поднялся. Куен схватила его за руку.

— Подожди минутку!

Она скрылась в доме и, вернувшись, незаметно сунула ему в карман немного денег. Проводив его до огорода, Куен, всхлиывая, прижала к руке брата.

Близится полночь. Мать проснулась и позвала дочь:

— Куен! Поздно уже, ложись, дочка!

Ответа не было, она поднялась, бормоча:

— Заснула, небось...

В темноте она прошла на кухню, еще раз окликнула дочь, и только тут услышала ее сдавленные рыдания...

V

После разговора с Кхак Хой долго не мог уснуть. Тхао несколько раз просыпалась и видела, что муж не спит и время от времени обмахивается веером.

— Что с тобой?

— Ничего, спи.

Хой снова закрывал глаза, подолгу ложал, не двигаясь, но сон упорно не шел. В голове все время вертелся вопрос: что делать? Что теперь делать? Он думал о своей работе в школе. Разве воспитание детей не есть проявление любви к родине? Хой отдавал подготовке подрастающего поколения — будущему своей страны — все свои силы, и ему хотелось верить, что его питомцы не будут чужими, как он сам и как те жалкие обыватели, с которыми ему приходится сталкиваться каждый день. Они будут здоровыми, образованными людьми, полными сил и энергии. Они будут уважать справедливость, любить свободу, ненавидеть трусость и низкопоклонство. Правда, не один десяток, а, может быть, сотни лет пройдут, пока по

явится поколение таких людей. Но если в каждом поколении удастся воспитать их хотя бы несколько тысяч, то придет время, и их будут десятки тысяч, а потом и миллионы. Тогда достаточно будет им сделать одно движение, и французам придет конец. Главное, чтобы эта новая интеллигенция была стойкой, твердо шла к своей цели, не тратя времени на пустые разговоры. Учитель! Госноду, сколько мук и страданий таит эта полубарская, полурабская профессия! Перед глазами Хоя до сих пор стоит старый учитель Хуан, когда инспектор по просвещению швырнул ему в лицо тетради с его рабботками. А ученики, эти «сдюровые, образованные, полные сил и энергии» люди будущего?! Жалкие, оборванные ребятинки с лишайми на голове и трахомными глазами, которые ходят в школу от случая к случаю. Сколько грезит достают они в конце каждого месяца учителя, который не живет, найдутся ли у родителей средства заниматься за обучение и смогут ли дети продолжать учебу. А дети из замечательных семей, что были у него в классе? Они держались с ним так, словно их родители облагодетельствовали его! А теперь и эту убогую школу закрыли из-за войны, и неизвестно, когда она снова откроется. Где теперь достать работу, как прокормиться? Ведь он должен прокормить не только себя, но и обеспечить жену и ребенка! Мысль о безработице приводила Хоя в отчаяние, в голове неистово звучал все тот же вопрос: что делать? Что теперь делать?

Тут Хоя показало, будто что-то незлышно проникло в комнату. Он открыл глаза и приподнял москитную сетку. Из окна в комнату бледно-голубой шелковой дуптой падал нисой луч лунного света. Прозрачный, неувидимый лунный свет. Верно, уже полночь. Интересно, что делает сейчас Кхак? Ветерок все еще доносил неясный шум и далекие голоса. Видно, у депутата гости веселились всю ночь.

Рядом с Хоем легко и ровно дышала по-прежнему Тхлю, сладко спала малышка Ван, укутанная матери в плечо. Хой протянул руку и, едва касаясь волос, погладила жену по голове. Почувствовав сквозь сон ласку мужа, она остервенно, чтобы не потревожить Ван, повернулась и прильнула к нему. Но Хой никак не мог отделаться от грустной мысли: «Теперь мне предстоит жалкая жизнь, никому от меня не будет пользы».

Проснувшись Хой еще до рассвета. Тхао возилась на кухне. У них уже было двое детей, но она все еще соблюдала обычай молодых невесток: если муж дома, надо вставать раньше, чем обычно. Во сне Ван подкатилась к отцу. Ровное, нежное дыхание. Резьбовые гуськи слегка приоткрыты, пухлые ручки сжались в кулачки, одну ножку она произвольно забросила на отца. Да, пожалуй, только в этом мире у человека нет никаких забот. Хой осторожно снял с себя ногу дочки и встал. В шкафу, стоявшем у изголовья, он взял связанные в пачки старые газеты и отперелся с ними на кухню.

Тхао удивленно взглянула сперва на мужа, затем на газеты, но Хой молча уселся около очага и стал совать газеты в огонь.

— Пусть покровитель нашего очага поможет нам...

— Ты что-то скрываешь от меня, — с тревогой в голосе проговорила Тхао.

— Ничего ообычного, — ответил Хой с деланным равнодушием, — в Ханое запрещали эти газеты. Вот я и решил сжечь их от греха. Найдут — могут быть неприятности.

Пламя высоко поднялось над очагом. Газеты ярко желихивали и воцмчались на огне, обволакиваясь дымом. Хой успел задрать лишь обрывки заголовков, набранных крупным шрифтом. Забастовки... Демонстрация... Десять тысяч горшков... Мадрид сражается... Земленатцы, объединяйтесь, требуйте... Пламя постепенно слиняло, и наконец от газет осталась таевица пучка жмла. Хой показалоь, что сейчас он сжог какую-то часть своей жизни, именно ту, которая была насыщена бурными событиями, исполнена светлых надежд. А сейчас надвигается темнота, темнота и опасности.

Они сядили, тесно прижавшись друг к другу. Тхао поняла, что муж не хочет говорить сейчас, и решила не приставать с расспросами. Она знала, что в конце концов он все сам расскажет. И действительно, спустя несколько минут Хой сказал:

— Слушай, вчера в Ханое полицейские агенты явились с обыском в тот дом, где я снимаю комнату.

— Какой ужас! Ну и что им удалось обнаружить?

— Если бы что-нибудь удалось, вряд ли я сейчас разговаривал бы с тобой! — отшутился Хой, чтобы успоко-

ить жену. — Они приходили за Тхеном, но его не было дома, и они взяли его жену.

— Вот беда! А тебе ничего не будет?..

— А что я такого сделал?

На лице Тхао была выразительная растерянность: она будет защищать своего Хой и никому не отдаст его.

— Точно они не берут нерешенных! Ты уж там держи язык за зубами. А может, тебе стоит переменить квартиру?

Хой улыбнулся:

— Ну с какой стати мне переезжать? Да и куда я поеду?

— Нет, я серьезно. Если ты останешься на прежней квартире и будешь жить среди своих отчужденных учеников, у меня не будет ни минуты покоя.

— Зачем ты так изводишь свои драгоценные нервы. Ты любишь, как они заботятся обо мне, когда я болен? И тому же я признаю, к этой квартире и мне совсем не хочется возиться с переездом.

— Ну ладно там жди! — Тхао на минуту задумалась, перебирая в памяти своих тайных знакомых. — Может, тебе лучше пойти у мистера Дюма?

— Нет уж, извини! Он с утра до ночи только и делает, что рассуждает на философские темы. Попробуй-ка это выдержать.

— Да, — улыбнулась Тхао, — поговорить он любит. Это у него с тех пор, как умерла тети. Раньше за ним такого не замечали.

Хой вполголоса разговор со стариком Дюмом об интернационалах и довольно рассмеялся.

— Ты не боюсь думать, что твой дядюшка стал бы безобидный бонитивный старичок. Мы как-то разговаривали с ним, так он только и живет, что говорить о политике...

— Неужели?

— Ты мне не веришь?

Тхао замолчала. Тоненько запах чайника. Хой предположил, что жена обдумывает, куда еще можно переселить его. Он хорошо знал эту ее черту — уж если она что-нибудь задумала, то не отступит, пока не добьется своего. Вот они затворились как будто о совершенно посторонних вещах, переключаясь с одной темы на другую, а на самом деле все обстоит иначе. Они настолько знают друг

друга, что понимают все с полуслова. Тхао беспокоилась о судьбе мужа. Размышляя о том, как бы получить устроит его в Ханю, чтобы он был в безопасности (скажем, у кого-то из близких и недалеко от школы), она учитывала и тех, кто мог причинить Хою вред.

— Ты вот что, — посоветовала она, — если встретишь ся с депутатом Кханем, познакомься с ним.

— Ну, если он первым познакомится со мной — я ему, конечно, отвечу.

— Ну что ты! Мы должны быть осторожны. Они и так считают нас заносчивыми. Лучше тебе первым познакомиться, ничего с тобой не случится.

— Да, но, к сожалению, когда я его встречаю, он даже не смотрит в мою сторону! Отверачивается! Как же тогда здороваться с ним?

— На то они и глупада, как же может быть иначе?

— Ну хорошо, и тогдашний раз, когда встречу, своему ладони на груди и что есть мочи закричу: «Я почтительно приветствую вас!» Ты довольна?

Тхао прыснула со смеху и толкнула мужа в плечо. В котле закипела вода, заваренная вместо чая листом дерева вой. Хэй разлил напиток по чашкам, и, усевшись рядом, супруги с наслаждением стали его пить.

— Подумай... Хэй хотел было рассказать о том, что его школу закрыли, но не решился. Да и зачем говорить об этом? Только лишние тревоги сеять. К тому же кто знает, может, через день-два все устроится и занятия начнутся снова...

Видя, что муж замолчал, Тхао спросила:

— Ты о чем?

— Кажется, у отца теперь хватает покупателей?

— А-а...

Тхао вдруг спохватилась:

— Надо сходить посмотреть, может быть, он встал уже. Я принесу вам настоящего чая, а ты пока побеседуй с ним.

— Вряд ли он встал. Как у него дела?

— Тут зачастил к нему один клиент, — Тхао заулыбалась. — Кан. Он только что взял себе гостью жену, ты помнишь Мо, которая должна была выйти за Диня, так вот, она пошла за богатством и вышла за этого чиновника, хоть он ей в отца родится. И теперь этот Кан ходит каждый день к отцу за подкрепляющим...

Хой рассмеялся.

— Да! Ты помнишь Соан? — спросил он неожиданно. — Я встретил ее вчера, когда шел со станции, и, знаешь, сперва даже не узнал. Как выросла!

— Ничего удивительного, — ответила Тхао, — ей ведь уже не то пятнадцать, не то шестнадцать. В такие годы и лохмотья не портят, если на щеках горит румянец. А вот мадемуазель, как ни румянится, ни кожи, ни рожи, и глаза белесые, как у рыбы.

«Мадемуазель», о которой шла речь, была дочкой депутата Кхана. Она училась во французской школе в Ханое и, когда приезжала в село на летние каникулы, ходила в юбке и картавила на французский манер.

— А что там у депутата за торжество сегодня? — поинтересовался Хой. — Такую иллюминацию устроили и орали до самого утра!

— Ты разве не знаешь? Вот уже вторую неделю они пируют по случаю избрания нашего депутата — медалью не то дракона, не то тигра, черт их разберет. Сейчас веселье уже идет к концу. А вначале что было! Гостей повезло из разных провинций! Министры подъезжали чуть ли не к дверям гостиной: там уже накрыли столы и приготовили место для танцев. — Тхао вздохнула. — Все жалобы сельчан на этого депутата — не больше чем жалобы лягушки о дожде. Ведь у него власть: прибрал к рукам всю долину, больше сотни мау земли! И суд, конечно, поверит, что вся эта долина принадлежит государству и что у депутата Кхана есть бумаги, заверенные генерал-губернатором, по которым он имеет право на эту землю. А ты все твердишь: справедливость! Сколько семей из нашей деревни проливают слезы! Выходит, что земля, которую они своими руками подняли и воделали столько лет, принадлежит не им. Вот уж истинно: баклан ловит, а журавль себе в клюв владет.

Хой опустил голову. Слова Тхао звучали упрямком, точно это он был виноват во всем. Ведь он однажды уже проиграл в борьбе с Кханем.

Солнце взошло.

— С ума сойти!.. — спохватилась Тхао. — На рынок опоздаю. Если останешься дома, открой куритник и свари рисовую кашу для Ван, а то ей ничего будет есть. Отец уже, конечно, встал. Сходи визней с ним чаю. Да, не забудь напомнить Хиен, чтобы она сбегала к тетушке

Дису за ситом. Что за народ! Брать — это им просто, а вот возвращать не торопятся! Ну ладно, побегу...

В это утро Хой не высовывался из дому после, он возманился с Хини и Ван, обсуждал семейные дела с отцом. Старик Зю, деревенский лекарь, как всегда, жаловался на свою жизнь. Какие могут быть деньги у одиночек! Да если они и болуют, то не думают лечиться. Нарежут разных листиков, заварят, подмажут паром, чтобы пропотеть, или купиет на рынке на несколько су трав у гурьев Маи. А разорятся на несколько хао и купишь настоящего лекарства — для них просто муча. Вот когда уже совсем приметет, тогда идут к лекарю. Да и то едва сунут нос в лавку, и сразу назад. Потом прослуют одну-две дозы и уйдут: почему лекарство не помогает? Нет чтобы пройти еще курс, как предписывает врач, как требуется медицина! Таких больных раздай и обчисти.

Но кто был по-настоящему ненавидим старому Зю, так это лекарь Миен, что сидит на рынке Гань. Он-то и отбивает клиентов у Зю. Несколько лет назад он откуда-то появился в этих краях и открыл шиварную лавку, чтобы легче было надувать пристаков. Придет к нему кто побогаче, так он перед ним прямо ужом жмивается, и болен то пустяковая, а он ему все дорогие лекарства прописывает. А бедняк зайдет, так Миен, зная, что тот больше чем на одну-две дозы не может рассчитывать, начинает спрашивать беднягу, а потом дает что-нибудь подешевле — на одну-два хао, да бумага надергит побольше. Но для бедняка и одно-два хао — большие деньги, а что там за лекарство, откуда ему знать? Никдаром говорят: «Каков лекарь, таково и лекарство!»

Хой понимал, что отцу хочется выйти свою ненависть к новому лекарю, которая мучает его долгие годы. Он усаживал Ван на колени и, глядя дочку по головке, слушал горькие жалобы отца. Что правда, то правда, этот лекарь с рынка Гань действительно мошенник. Однако все какие хитрости Зю и сам иногда применял. А что ему оставалось делать? Не обманешь — не продашь, тогда хоть стынай все лекарства в помойку, да и зубы на полку. И Хой только подкидывал, слушая старика.

Наконец старый Зю умолк. Потом, успокоившись, он спросил:

— Как ты считаешь, удастся Дзингу подыскать работу?

У нас сейчас туговато с деньгами. Хорошо, что хоть ты выбился в люди, а то для нашей семьи большое счастье. А Донгу нужно иметь работу. Если он пойдет учиться в Хайфон, мы не вытянем.

Хой продолжал. Он считал Донга совсем способным парнишкой, каких-нибудь два года оставалось ему, чтобы закончить неполное среднее образование, хотелось бы, чтобы Донг продолжал учиться. Но как ни жаль было братишку, он понимал, что старик прав и что семья действительно не сумеет свести концы с концами, если Донг уедет. К тому же куда сможет поступить Донг, даже если через два года получит диплом? Попробуется сдать экзамен на должность секретаря в местной провинциальной администрации? Это почти невозможно. Ежегодно из нескольких тысяч экзаменующихся этот диплом получают лишь два-три десятка. Без клячки тут не промочить. Хой уже испытал это на себе. И вот теперь Донг вынужден будет пойти по его стопам: добыться права носить черное шелковое платье и белый пробковый пояс и лаковые туфли на резиновой подошве — привилегии местной интеллигенции; ему, словно нищему, придется елозить по улицам в поисках места секретаря в каком-нибудь частном учреждении или торговом заведении. Но в каждом учреждении или заведении он все к носу столкнется с сотней таких же безработных интеллигентов, едва не умирающих с голоду. В конце концов, если повезет, он устроится учителем в частную школу, то есть приобретет такое же шаткое положение, как и он, Хой. И это еще будет великое счастье! Или делается писателем. Это уж и вовсе смехотворно: во Вьетнаме, где народ влачит жалкое существование, полно всяких писателей и журналистов! Видать, литература стала последним выходом для людей, получивших образование и не нашедших применения своим знаниям и своим мыслям.

Хой опустил малышку на землю.

— Ладео, я постараюсь найти ему место. Нужно только будет съездить и поговорить с самим Донгом.

Но старик Зяо продолжал свое:

— Я слышал, что есть в Ханой какое-то техническое училище. Может, ты найдешь там его и экзамену в это училище?

— Вот поеду в Ханой, постараюсь разузнать.

Наступил вечер. Тени уже протянулись до середины

двора, а Хой так и не решил, ехать ему или остаться еще на два-три дня. Ехать не хотелось. Вот уже много лет подряд целыми месяцами приходится торчать в Ханое, пока наконец не выпадет свободный день, чтобы съездить домой, к своим. А дома угадется пробыть лишь несколько часов, да и то все время думаешь о том, как бы не опоздать на следующий день к занятиям. А потом в Ханое, когда бродишь по улицам или сидишь в библиотеке, все терзаешься воспоминаниями об этой короткой встрече с семьей. И Хой решил махнуть на все рукой и остаться дома на несколько дней. Хватит с него. К тому же в школе наверняка еще с полмесяца не будет занятий. Но может случиться и так, что завтра эта проклятая школа вдруг откроется, а его не будет на месте, что тогда? Нет, оставаться нельзя. Надо ехать. Он должен быть в Ханое, даже если придется сидеть там без дела.

Хой вышел попрощаться с женой. Тхао молчала, расстроенная предстоящей разлукой, и, когда Хием хотела проводить отца до конца села, она ей не разрешила. Хием начала жужжать и готова была вот-вот заплакать. Хой заступился за дочь, и все было улажено.

Тхао настаивала, чтобы Хой сходил в доме Дьему, может быть, тот согласится взять его к себе постоянцем. На краю села она попрощалась с мужем, а Хой с дочерью пошел дальше, до самой палатки Гань. У развилки дорог Хой остановился. Только вчера стоял он здесь, мучимый тревожными мыслями, и вот сейчас все это отодвинулось куда-то. Жизнь по-прежнему текла по своему руслу, будничная, однообразная, и выхода из этого не было. Хой вздохнул и погладил Хием по голове.

— Ну, баги, дочка, уже поздно, мама ждет.

Хием послушно повернула в село, а Хой побред дальше. Через минуту он обернулся. Фигурка Хием уменьшалась на глазах, однако Хой еще видел ее черную косичку — тоненькую полоску на спине. Маленькая родная фигурка! У Хой потеплело на душе. Но что его ждет впереди? Кто знает, станет ли когда-нибудь его жизнь светлей? Сбоку за яркой зеленой тропинкой потянулось что-то длинное, темное. То был серый каменный забор, ограждающий имение депутата Кхана. И на всем пути до моста, сколько бы Хой ни оборачивался, он видел эту мрачную стену, высокую, серую — она словно преследовала его.

Льонг катала свои воды от самой горной цепи, протянувшейся по пограничным с Китаем провинциям Бакзинг и Донг чиеу. У подножия горы До, огромным челноком перегородившей выход в долину, река широко разливалась и, спокойная, ровная, подходила к оживленному, забитому лодками причалу Гом, возле которого крутиль год дымили гончарные печи. Здесь она делала поворот и текла среди пустынных холмов, поросших высоким, в дост человека камышом. Нередка попадались тут лачуги бедняков, сирятанные среди банановых деревьев и зарослей сахарного тростника. Но уже от деревни Тям селения встречались чаще, оживляя речную долину. Вдоль небольшой дороги, проложенной по дамбе, до железнодорожного места, что лежал на пути из Ханоя в Хайфон, протянулись густые сады и аккуратные, хорошо ухоженные поля. Тут Льонг становилась совсем уже равнинной рекой и лениво текла среди рисовых полей, убегая вдаль, до самого горизонта, туда, где ощущалось дыхание моря.

Места эти с их нежно зеленой порослью рисовой расапы, густыми садами и тенистыми тропинками среди полей, вызвали обычно восторженные возгласы нассакиров, которые славили благодатный край. А ведь каких-нибудь тридцать лет назад вся долина Льонг до самого подножия До была еще покрыта непроходимыми зарослями камыша. Старики помнили, как в конце правления династии Чиней¹, во времена нескончаемых междоусобиц, крестьяне бросали свои поля и бежали куда глаза глядят. Чтобы не умереть с голоду, люди питались съедобными кореньями, полевыми мышами, змеями. Когда же стало совсем невмоготу, народ двинулся к военачальнику Хо, поднявшему восстание в горах Чай-сон. При династии Нгуенов² чиновники окончательно забросили свои дела. Из года в год, восемь лет подряд прорывало дамбу в районе селения Кот и затопляло рисовые поля. Несколько уездов словно вымерло, жители разбрелись по свету, бросив земли на произвол судьбы, и десятки тысяч мау заросли диким камышом. Когда же появились французы, в этих камышах скрывалось повстанческое войско генерала Кы, уроженца

¹ Династия Чиней правила с 1810 по 1860 г.

² Династия Нгуенов правила с 1869 по 1910 г.

села Тьонг. В течение четырех лет он дрался с чужеземцами, пока его не предал Ням, его односельчанин. — он привел французов в лагерь повстанцев. Ры погиб, а партизаны рассеялись кто куда. Самое кровавое сражение произошло здесь в год Лангана. Берега Лыонга были сплошь усеяны трупами. Их подбрасали и хоронили в братских могилах на окраине села Гань. Здесь же позднее выстроили пагоду, и с тех пор это место стало сельским кладбищем. Народ чтит своих отважных сынов, и ежегодно в конце января жители окрестных сел стекались сюда, чтобы воскурить благовония в память погибших.

Впоследствии власти не раз пытались вырубить камыш у берегов Лыонга, но тот упорно разрастался вновь.

Прошло время, и постепенно жизнь тут стала возрождаться. Отстраивались деревни. Люди возвращались в родные места. Тут же объявились и представители власти, лезшие драку из-за плодородных земель. И как некогда веком веком повсюду на многострадальной вьетнамской земле, нежная зелень прибрежного камыша скрывала страдания тех, кто всю жизнь проводил по колена в жидком иле рисовых полей и кого после смерти опускали туда же, в тот же ил. Иссохшие, исчерканные от голода и зноя, ютились взрослые и дети в жалких лачугах из камыша, рядом со стоячими илестыми водоемами. Илом были обмываны их лачуги, илом пропитаны и одежда и тело. Они трудились от зари до зари, но илом этого труда стекались туда, где дорога, идущая через село, становилась шире, покрываясь илтами и неожиданно кончалась, словно отсеченная высокой, как у тюрьмы, стеной, утыканной поверху острым бутылочным стеклом. За тяжелыми, сбитыми из прочного джута, наглухо закрытыми воротами лежал просторный, мошечный кирпичом двор с несколькими водоемами, а вдоль стен росли темные, низкие, покрытые черешней конуры. В садовые дворы нырнули круглые илестные зернохранилища, поверху засыпанные рисом, тут же стояли скинды рисовой соломы и тянулись в ряд стойла для буйволов, хлев для свиней и сарай для прилук. Типичное владение сельской знати, жестоких богатей, нисантор, сосущих кровь своих односельчан-бедняков. На каждые пять-шесть сел приходилась «вилла» крупного чиновника — двух-трехэтажное строение с хаотично, на китайский манер, загнутыми

угиами крыш, выложенных кусочками цветного фарфора. Стрoения эти, как правило, подпирали колонны, выкрашенные тоже в китайском стиле красной и золотой краской. И тут же, рядом с этими элементами древнекитайской архитектуры, европейские современные балконы-лоджии, веранды, громостоводы на крышах, застекленные, прикрытые жалюзи окна. Недалеко от железной дороги лежало поместье губернатора Вн, сына старосты Нима, того самого Нима, которого за предательство зарубили на рыночной площади. В деревне Гом расположилось поместье «ученого» Дака, а при въезде в деревню Гань — имение депутата Кхана. Подальше на север, у подножия горы До, километров на десять с лишним протянулась кофейная плантация и животноводческая ферма, принадлежащая французам; это хозяйство крестьяне прозвали плантацией Мати. Земля под всеми этими поместьями и плантациями была разными способами отобрана у крестьян, которые когда-то своими руками поднимали ее и почти полвека возделывали, обильно поливая собственным потом.

Несколько десятков лет назад там, где сейчас лежит имение Кхана, тоже было заросшее камышом болото, над которым висели тучи комаров. Примерно в двадцатых годах безземельные жители окрестных сел стали выжигать камыш, рыть отводные каналы и селиться тут. Так постепенно возникло небольшое село в десяток дворов, которое называли Дуой.

Депутата Кхана в то время звали просто Кханам. Он был вторым сыном Хоата, чиновника из села Гань. В молодости Кхань был недурен собой и славя в округе игроком и гулякой. Почти все небольшое хозяйство, оставшееся после отца, он промотал в «старелочку»¹ или растратил на девиц. Но попойки и путежки помогли Кханю обзавестись широким кругом знакомых, которые в дальнейшем помогли ему снова встать на ноги: третья жена начальника уезда посватала за него свою дочь Дат. Невеста была на шесть лет старше Кхана и отличалась дурным нравом, но зато в приданое за нее дали более тридцати мау. Женясь, Кхань оступился и задумал польза то что бы то ни стало разбогатеть. Как раз в тот год в их

¹ Азартная игра.

провинции стали вербовать рабочих на каучуковые плантации на юг страны и в Новую Зеландию. Дат и ее родители развили бурную деятельность, они объездили все и вся, щедро раздавая взятки чиновникам вплоть до губернатора, и в конце концов заготовили для Кханя место подрядчика по вербовке рабочих. Помогало Кханю и старое ремесло, он отыскал своих прежних приятелей и открыл игорные дома, где с утра до ночи трясли старелочку». Сколько несчастных, разоренных тогда этой старелочкой, поставили отпечаток пальца под контрактом, который закабалял их на целые пять лет. Однако нужно было набрать тысячи рабочих, и тогда Куань подкупил местные власти. Улучив момент, сельские бюрократы подрядка просто хватали нищих, бродячих и бессловесных людей, связывали им руки и силой волокли на вербовочный пункт. От главного подрядчика француза Кхань получал по полтора донга за голову да, кроме того, клал в свой карман немалую толику из аванса — пяти донгов, — который причитался каждому завербованному. Не прошло и двух лет, как Кхань сколотил капитал десять тысяч донгов.

Затем супруги Кхань заинтересовались селом Дуой. Жена не пожалела денег и добилась своего — скупила несколько участков земли и дом в центре села. Поселившись в доме, «хозяйка» первым делом созвала всех сельских старцев на утешение, выставила им водки и торжественно объявила, что жертвует деньги на постройку кирпичной арки у въезда в село. Старики были довольны. А супруга Кханя стала ссужать жителям села деньги под проценты.

В те годы уже ощущалось начало экономического кризиса. Рис стал дешевле из-за риски, которой кормят свиней и удобряют поля. Крестьянам не хватало урожая, чтобы расплатиться с налогами и долгами. Как правило, в марте и августе, когда подходил срок сбора урожая, во дворе у «хозяйки хозяйки» толпились бедняки со всего села: одни просили займы, другой упрашивал отсрочить долг, надеясь, что следующий урожай удастся продать по дорожке. Откуда им было знать, что рис станет еще дешевле, что проценты от долгов породят новые долги. Один за другим закладывали они свои дома, землю и, разорившись наконец, уходили из села и переселялись в долину реки.

Наконец в селе осталось всего два семейства — семья дядюшки Муй и семья Мама, — которые решили, что бы ни случилось, не покидать родного дома. Но вот однажды, когда Мам ушел ловить рыбу, неизвестно отчего загорелся вдруг его дом. Слепая мать Мама стала звать на помощь, оцунью отыскивая выход, но в яду натыкалась на пламя. Когда на крики прибежали соседи и вывели старушку из дома, она была все в ожогах. Маленькая Соан не отходила от нее, кормила ее с ложечки рисовой кашней, но ничего не помогло, на третий день старушка умерла. Похоронить ее было не на что, и Мам, стиснув зубы, отправился к «госпоже хозяйке» продавать кусочек поля. Немало попладевалась над ним «хозяйка», прежде чем швырнула ему несколько донгов за его землю.

А к Муй как-то раз — это было несколько месяцев спустя после пожара, — пришел французский инспектор и заявил, что у него в саду обнаружена рисовая барда. Дядюшке Муй связали руки и увезли, не дав даже проститься с семьей. Так вот и случилось, что тетунка Муй тоже не избежала общей участи: будучи на сносях, она должна была идти на поклон все к той же «госпоже хозяйке» — продавать дом и землю, чтобы выручить хоть сколько-нибудь денег и хлопотать за мужа. Но хозяйка отказала. «Мне не нужен хлев», — презрительно усмехнувшись, заявила она. Пришлось ее долго упрашивать, прежде чем она согласилась купить дом и землю за двадцать донгов и еще ссудить в долг пять донгов при условии, что Соан будет служить у нее в доме, пока долг не будет выплачен. Тетунка Муй с двумя малышками тоже переселилась в нойму и кое-как слепила себе крохотную лачугу. Все двадцать с лишним донгов тетунка Муй отдала управляющему сеза, умоляя его помочь мужу. Тот взял деньги, но дядюшку Муй все равно угнали на каторгу, и оттуда он уже не вернулся.

Экономический кризис с каждым днем ощущался все сильнее. За корзину риса теперь давали всего пятнадцать-шестнадцать су, а налог был по-прежнему два с половиной донга с души. Существовала и другая повинность: ежемесячно крестьяне обязаны были выкупить определенное количество водки. Так, на небольшой уезд налагали пять-шесть тысяч бутылок, на уезд побольше — до восьми-десяти тысяч. Когда подходило время сбора нало-

гов, деревню, словно банда грабителей, наводняли солдаты, чиновики и их слуги. Деньги обычно выколачивали во дворе Дома собраний и в сторожке: здесь заколачивали в колодки, здесь же и порол. На дорогах, на рынке — в одну и ту же картину: несчастные крестьяне ведут скотину, тащат свой жалкий скарб, тазы, деревянные лоты, даже курьихицы для поминания предков — все продается, только чтобы уплатить налог. Буйвола, который стоит двадцать-тридцать донгов, снускали за пять-шесть. А тем, кому уже нечего продать, впору было вести на рынок детей или отдать их в дом к богатым. За ребенка давали донг, в лучшем случае — полтора.

Ежедневно у ворот Кхая выстраивались вереницы просителей, пришедших к «господину хозяину» просить денег в долг или под заклад. «Господин» долго размышлял и давал займы лишь тем, у кого была еще земля, давал под огромные проценты. Достаточно было крестьянину несколько раз прийти за ссудой, и земля должника, как правило, становилась собственностью займодателя. За несколько лет «хозяйствования» Кхая крестьяне беднее почти все умерли с голоду, а более зажиточные вконец разорились. Так постепенно земля окрестных сел — Гань, Тям, Тао, Тюонг — участок за участком переходила в руки «господина хозяина».

От прежней деревушки Дуой не осталось и следа. Когда Кхай избрали депутатом Собрания народных представителей, он решил построить себе новый дом. Он съездил к французам на плантацию Мати, сам набросал эскиз дома и заказал проект архитектору в Ханое. Новый дом являл собой причудливое смешение стилей: драконы, фениксы и львы уживались рядом с мраморными плитами, уложенными по-европейски, в шахматном порядке. Старинные, сделанные из дорогих пород дерева национальные тахты стояли бок о бок с европейскими гарнитурами — низкие кофейные столики, диваны, кресла. Гостиная и банкетный зал размещались внизу. В них с двух сторон тянулись длинные ряды застекленных окон с рамами, украшенными резьбой (летучие мыши с монетой во рту — символ богатства и благополучия). Стены сплошь были увешаны пестрыми вышивками и традиционными, писанными иероглифами изречениями. Тут и одинокий «Золотой петух», и «Встреча героев» (орла — героя неба, и тигра — героя земли), и «Восемь фэй», летящих над морским

прибором. Тут же висел и сделанный из дерева грациозный набор старинного оружия, покрытого позолотой или выкрашенного в красный цвет. В верхнем этаже помещался сделанный на французский манер «зеркальный зал» для чайных церемоний, приемов и европейских танцев. От ворот через весь сад шла углубленная гравием дорожка, в полукруглом бастейне цвели лотосы, вокруг бастейна стояли клетки с птицами и обезьянами. Тут был даже теннисный корт. В дальнем углу двора размещались различные хозяйственные постройки, кухня, кладовые, гараж, стойла для буйволов и для коров, огромные клеточные хранилища для риса. И все это было надежно обнесено высокой каменной оградой. От главной дороги в сторону поместья Кхана шла дорога, вымощенная кирпичом, она доходила до величественной арки, по обеим сторонам которой стояли две раскинутые сосны.

Куда-то вдала была лотоса, супруги Кхана устроили бан. По всему саду на ветвях деревьев были размещены народные китайские фонарики. Автомобили и экипажи то и дело подвозили знатных гостей. Прислуга сблизась с ног, металась по комнатам, обслуживая гостей. А ночью дом засиял ярким светом керогазовых ламп.

Такой свет над садом Дуой вспыхнул впервые. На незадачное зрелище высыпало поглазеть все население окрестных деревень. На краю рисовых полей, на кладбище, возле палат сидели те, кто потерял тут же — и землю, и дом, и скот. Сидели в темноте тесными стайками и как замороженные смотрели туда, где сверкали огни и откуда слышались веселые крики, смех, музыка, аплодисменты. Одни тихоко выдыхали, другие бормотали себе под нос проклятия. Устав сидеть, они поднимались, потом снова садились и, обхватив руками колени, молча покушавши травинки. Каждый думал свою невеселую думу. И с той поры, если кто шел ночью по дороге от моста в село, путь ему всегда обещали белые огни из поместья депутата Кхана.

VII

Они сверкали и в эту ночь, яркие огни, разговявшие темноту. «Зеркальный зал» весь переливался отраженными огнями. Раскрасневшиеся от обильного ужина и вина

гости шутили, весело смеялись и громко разговаривали. Дамы расположились в углу зала. Они сидели, поджав под себя ноги, на широкой тахте из черного дерева рядом с китайским столиком и креслами с круглыми тыффиками из узорчатого сатина. Мужчины юрились, развалившись на красных европейских креслах и диване, поглядывая из окон во двор. Одетые в белое служанки торжественно сновали по залу, разнося чай.

На углах, где сидели дамы, то и дело слышался смех и оживленные возгласы. Было душно от ароматов запахов духов и косметики. Мадам Де, полная, раздвоенная дама, жена секретаря уездного управления, вынула из кармана зеркальце, незаметно подкрасила губы и снова вернулась к беседе. Ее пронзительный голос резко выделялся среди общего шума. На излоблении близкой знакомой хозяйки она держалась непринужденно и явно чувствовала себя своей в этом доме. Ее тихонький смех был то заискивающим, то шутливым, а то и — если нужно было — принимал презрительный оттенок.

— Послушай, — смеясь, обратилась она к дочери хозяйки, Нгуэт, — ты, милая, должна обязательно представлять мне случай погулять на твоей свадьбе. Долго ли еще мне ждать? Вот сиберусь в Ханой и сосватаю тебе там доктора...

Нгуэт энергично замотала головой, так что локоны рассыпались, и выбежала из зала с дочерью губернатора Ви. Девушки скрылись в комнате Нгуэт.

Фыонг, жена уездного начальника Мона, в свою очередь решила навести красоту, открыла сумочку и подкрасилась. Она была самой молодой из всех присутствующих дам. Ей было не больше тридцати. У нее были влажные губы и большие темные глаза. Она бросала иногда прямой, чуть-чуть насмешливый взгляд на какого-нибудь мужчину, словно спрашивая: «Посмотри-ка на меня, не правда ли, я хороша?» Фыонг слыла женщиной прогрессивных взглядов, и губернатор провинции уважал ее больше, чем упрямца уездом. Фыонг рассеянно вынула из портсигара английскую сигарету и закурила, прищурив глаза.

— Тьонг! Тьонг! — окликнула Де молодого человека. — Подойди-ка сюда. Не согласитесь ли вы, госпожа губернаторша, взять нашего Тьонга в зятя? — шутливо обратилась она к жене губернатора, чумкой за-

стыжней на тахте. — Пу-ка, Тьонг, поклонись по всем правилам хорошего тона своей будущей теще.

Тьонг, сын Кхана, подошел поближе и что-то невнятно забормotal, явно смущенный красотой молодой жены начальника усада, сидящей рядом с теткой и пускающей изо рта тонкие струйки дыма.

«Госпожа губернаторша» невозмутимо пила китайский чай, сохраняя важность и самодовольство — как и подобает представительнице высшей знати. Плоскогрудая, точно вяленая рыба, вынутая из-под гнета, она всегда задирала голову от перепохивавшего ее чувства собственного превосходства. У нее были такие длинные уши, что они почти касались плеч, губернаторше доставляло удовольствие, когда ее сравнивали с ученицей Будды, богиней Куан Ам. Перед тем как заговорить, она обычно протицала горло, как это делают солидные пожилые люди, однако чуть скошенный пробор — а не прямой, как это полагается пожилым женщинам, — и светлая подругивающиеся щеки выдавали ее желание выглядеть моложе своих лет. В какое бы общество эта дама ни попала, она держала себя так, словно была какой-то избранницей. Сейчас длинные уши губернаторши тряслись в такт хриловатому смеху.

— Пу как, бакалавр, весело отдохнул? — повернувшись к отпрыску депутата, проговорила она. И, не считая нужным выслушать сбивчивый ответ «бакалавра», обладательница длинных ушей повернулась к хозяйке.

— Хм, какие послушные у вас детки! Смотрю и завидую. Разве сравнить с моим лицензиатом! — При этих словах губернаторша повернулась к своему сыну Фату, который курил в кругу мужчин.

Фьонг на сговорах губернаторши чуть заметно улыбнулась. «Бакалавр», «лицензиат»! Эти звания присваивались авансом еще до окончания средней и высшей школы. А взгляд «послушного» хозяйского сынка, который усаживался на ее грудь, критично свидетельствовал о его «застенчивости».

— Ну уж если вы действительно завидуете нашей хозяйке, так за чем дело стало, берите бакалавра в зятья, — решила уловить она губернаторшу. — Жаль, правда, господина губернатора сейчас нет. Но ведь известно: куда идешь, туда и попадаешь. Стоит только нам захотеть, а он-то уж не будет против. Не так ли?

Де тут же решила использовать этот полужутливый-полусерьезный разговор, благо она слегка захмелела. Она расплылась в такой довольной улыбке, что глаза у нее совершенно закрылись.

Длинные уши губернаторши снова затряслись от смеха.

— Нет, серьезно, — не отставала Фыонг, — раз уж сегодня такой удачный день, мы все согласны быть свидетелями! Расстилайте, госпожа губернаторша, циновку, и пусть бакалавр Тьонг встанет перед вами на колени, как полагается вставать перед будущей тещей!

От таких речей уши губернаторши, казалось, вытянулись еще больше. На ее лицо набежала тень неудовольствия. Неужели эта девчонка издумала издеваться над ней?!

Чувствуя, что разговор начинает принимать неприятный оборот, хозяйка поспешила разрядить атмосферу:

— Отведайте, пожалуйста, — обратилась она к губернаторше, — это компот из консервированных груш. Умеют же французы готовить! Пожалуйста, госпожа Де, и вы, госпожа Фыонг.

Дат попеременно предлагала гостям сладкое, обводи их взглядом своих маленьких глаз. На лице у нее, как и у всех дам сегодня, лежал тонкий слой румян, отчего грубоватая кожа приняла трудно передаваемый оттенок. Когда ее взгляд останавливался на ком-нибудь из гостей, казалось, что она собирается проглотить свою жертву. Она была неразговорчива, и темные губы ее под слегка загибающимся кончиком носа были обычно плотно скаты. Лицо это не выражало ни чувств, ни мыслей, так что трудно было определить, что испытывает в данный момент эта женщина: расположение, неприязнь, радость или тревогу. Единственное, что можно было прочесть на ее лице явственно, — это презрение и коварство.

Предложив компот, Дат подзывала прислугу.

— Дао, сходи узнай, как там кофе. Почему так долго не несут?

Однако не успела хозяйка произнести слова, как Соан внесла тяжелый поднос с чашками. Она несла его осторожно, закусив от напряжения губу, боясь пролить кофе на серебряный поднос, уставленный сверкающими, оправленными в чеканное серебро чайными, блюдцами, ложками, кофейничками.

И снова вежливые приглашения отведа¹ть кофе, звон ложек, стук чашек...

Мужчины встретили появление подноса радостными возгласами. Запах кофе смешался с ароматным табачным дымом, клубами вискиним над головами. Кхань поднес к губам чашечку и стал пить кофе исторопливо, причмокивая, смакуя каждый глоток. При этом его жесткие, как у сома, усы шевелились над голубовато-белой фарфоровой чашкой.

Кхань выпил кофе, поставил чашку на стол и протянул свои бледные, костистые пальцы к сахарнице. Он взял кусочек сахара. На оттопыренном мизинце блеснул большой черный агат. И тут усы снова приподнялись и встали торчком. Повернувшись в сторону открытой веранды, он крикнул:

— Лу! Ко мне!

И в тот же миг в комнату забежала огромная овчарка с разинутой пастью, в которой сверкали большие белые клыки. Глухо рыча, этот огромный, ростом с теленка, раскормленный пес подошел к дивану, где сидел господин Мон. Когда пасть собаки оказалась перед самым носом этого господина, тот испуганно съежился, судорожно схватившись за очки. Помахивая хвостом, пес схватил кусок сахара, брошенный хозяином, и тут же залаял, требуя нового. Кхань бросил еще кусок и крикнул по-французски:

— Dehors!¹

Пес нехоти побрел к двери, его жирное тело колыхалось из стороны в сторону.

Глава уезжа, вытянув шею, опасливо проследил за собакой.

— Где вам удалось приобрести такого пса?

Кхань довольно разгладил усы.

— Это немецкая овчарка. У нас в провинции только у французского резидента есть еще две такие.

Господин Куанг Лой, сидевший напротив хозяина, откинувшись на спинку кресла и, вынув изо рта таванскую сигару, тоном знатока заметил:

— У этих собак, как правило, бывает черная морда и острые уши. Необыкновенно умные создания!

«Бакалавр» в углу залы томился в одиночестве, потя-

¹ Потел! (франц.)

гласа коньяка. Лишь в этот момент, когда взгляд продолжал каждое движение Соан, которая молча спускалась по комнате, обнося гостей; длинное белое платье со стоячим воротником удивительно преобразило девушку. На ее щеках играл румянец, лоб покрылся испариной, а большие глаза смотрели холодно и строго. Стоячий воротник не скрывал стройной шеи, под тонкой белой материей угадывалась молодая, уругая грудь. И чем беспокойнее становилось «баналавру», тем усерднее поглощал он коньяк...

А Соан со своим подносом успевала всюду. Она ходила по просторному залу, ничего не слыша, не обращая внимания на происходящее вокруг. На подносе оставались еще три-четыре чашки. Заметив на веранде несколько гостей, она подала им кофе и спустилась вниз.

Фыонг стояла на веранде, облокотившись на перила, и наслаждалась ночной прохладой. Ей давно уже наскучило общество губернаторши и хозяйки. Следом за Фыонг на веранду вышел «лицензиат» Фат. Он предложил ей сигарету и заговорил слегка заплетавшимся языком:

— Черт возьми! Умрешь со скуки с нашими стариками! Нет, не понять им нас, молодых...

Слово «нас» он произнес так интимно, точно обнял Фыонг. В темноте глаза молодой женщины озорно сверкнули. Она повернулась к Фату, и от ее округлых плеч на «лицензиата» повеяло тонкими духами. Свет, проникающий на веранду из зала, мягко падал на гибкую фигуру Фыонг, подчеркивая красивые линии ее тела.

— А не кажется ли вам, что «наши» старики хотят сосватать вас?

В ответ «лицензиат» вскинул руки к небу и, перейдя на французский, страдальчески воскликнул:

— Умоляю, не напоминайте мне об этом, не берите мои раны!..

Потом он провел ладонью по волосам и печально уставился вдаль.

— Извините меня. — В голосе женщины послышались нотки жалости. — У нас, по-видимому, какие-то неприятности?

«Лицензиат» тяжело вздохнул и с жаром произнес:

— Да. Многие из моих друзей, люди современных взглядов, знают эту историю. Мы с ней любим друг дру-

га, любим вопреки воле ее родителей, вопреки запретам моей семьи. Какое значение может иметь этот запрет для меня! У меня хватит сил и энергии преодолеть любые препятствия. Нет, другое причиняет мне боль...

Фыонг удивленно вскинула брови.

— По-моему, если вы полны такой решимости, то чего же еще ждать? — проговорила она. — Женитесь официально на... этой женщине, и делу конец!

Фат снова тяжело вздохнул.

— Как бы вам это объяснить... Трудно говорить дурно о человеке, с которым тебя связывает большое чувство... Приходилось ли вам когда-нибудь ошибаться в жизни? Кажется, нет, нашел золотой самородок, а оказывается, это всего лишь олово... Бог мой, если бы это была не ты, Фыонг, то вряд ли когда-нибудь я решился бы открыть свою тайну...

Лицо женщины вскинулось, но Фат как ни в чем не бывало продолжал:

— Может быть, я веду себя слишком откровенно, но ты же понимаешь, что делается со мной...

— Простите, я ничего не понимаю, — холодно сказала Фыонг и поспешила оставить своего собеседника.

Фат со злобостью вынул сигарету в сад, пробормотав себе под нос какое-то ругательство.

Тем временем в зале все шло своим чередом. Депутат Кхань, наклонив к себе изогнутую тростинку инкрустированной перламутром курительницы, затянулся и, выпустив дым, обратился к господину Куанг Лою:

— Сейчас в Хайфоне вам, кажется, недурно живется?

— Да... хе-хе... пожалуй...

Куанг Лой откинул жирное тело на спинку кресла, стараясь поудобней устроить свой большой живот. От выпитого вина лицо его побагровело, казалось, даже глаза у него загорелись красными искорками. Сейчас ему больше всего хотелось поскорее улечься в постель. В голове вертелась мысль о молодой жене, оставшейся в Хайфоне. В кармане у него лежала небольшая коробочка с бриллиантовым перстнем, который он только что приобрел для нее. Он уже рисовал себе приятную картину: он вернется домой, возьмет на руки свою пухленькую женушку, наденет на ее крошечный пальчик колечко, и она, вскрикнув от радости, вознаградит его бесчисленными поцелуями своих соленоватых губ.

Его вернул к действительности вопрос депутата:

— Вы, я слышал, открыли еще один автомобильный цех?

Куанг Лой улыбнулся.

— Ну, какой там цех! Всего лишь небольшая мастерская по изготовлению кузовов. Приезжайте как-нибудь посмотреть. Так, еще одна небольшая доходная статья. Ведь в этих делах главное — не упустить случай. Никто не знает, как долго еще будет продолжаться спрос на машины.

— Еще долго! — поблескивая очками, вступил в разговор начальник уезда Мон. — Ведь перевозки в Китай могут осуществляться сейчас только по нашим дорогам. Нанкин, Шанхай, Коптон заняты японцами. В дальнейшем объем перевозок должен еще больше возрасти.

— Вы так думаете? Хе-хе, — засмеялся Куанг Лой, прищурив глаза. «Ничего-то вы не понимаете, — думал он. — То, что вы говорите, известно каждому младенцу».

Он затянулся сигарой и неторопливо продолжал:

— Откровенно говоря, дело это — лакомый кусочек, но тут есть свои подводные камни. Мы получаем товар только по заказу, а когда он прибывает к нам в страну, то французские фирмы обходят нас, используя свое право заключать контракты непосредственно с чанкайнистскими властями. Вот и получается, что мы все время на вторых ролях. Ну а кроме того, меду-то много, но и мух, как говорится, хватает. За эти доходы нам, аннамитам¹, нередко приходится платить копы... А тут еще китайские эмигранты. Ведь им проще иметь дело со своими властями. И главное — постоянная тревога, как бы не прекратился поток грузов. Привлаюсь, и эти «жесткие господа» за морем у меня тоже вызывают опасения!

Начальник уезда усмехнулся.

— Ну, это вы уж слишком!

Куанг Лой уклончиво произнес:

— Возможно, возможно, что тревоги эти пустые...

Однако тон, каким были сказаны эти слова, свидетельствовал о том, что сам Куанг Лой отнюдь не считает эти тревоги пустыми. В его памяти еще были свежи рас-

¹ Так до революции называли вьетнамцев.

сказы шоферов, вернувшихся с китайской границы. Они своими глазами видели, как японские самолеты бомбили китайские пограничные пункты против Донг-данга, Лао-кая и железнодорожную станцию Пинсян, рядом с вьетнамской границей. Почти каждый день бомбежки, пожары на беззащитах, десятки тысяч гамаонов бежания сгорели, превратились в груды искореженного металла целые колонны протезов из Вьетнама автомашины. Мало того, в последнее время самолеты «жестких господ» стали «сбиваться с курса» и, пересекая вьетнамскую границу, долетали до Тхат-ххе и Винь-зи, где совсем недавно «случайно уронили» несколько бомб. Кстати, французы до сих пор никак не реагировали на этот инцидент.

Кхань задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Черный перстень при этом позвякивал. Видно было, что и это деловыми мыслями в войну.

— Мне недавно прислали извещение о реквизиции автомашины. Вы не получали такой бумаги? — обратился он к Куанг Лою.

Тот отрицательно покачал головой.

— Это, правда, пока только уведомление. Когда потребуется сдать машину, они сообщат дополнительно. А что, господин Мон, — обратился Кхань к начальнику уезда, — правду говорят, будто есть распоряжение правительства вновь призвать на службу чиновников, вышедших в отставку?

— Правда, — кивнул тот. — Не сегодня-завтра снова начнется вербовка в рабочие батальоны. Есть слух, что на этот раз правительство намерено набрать и отправить во Францию не менее семисот-восьмисот тысяч человек.

Губы денутата плотно сомкнулись, усы на мгновение замерли.

— А забастовка в Хайфоне, — вновь обратился он к Куанг Лою, — вроде немного утихла?..

При слове «забастовка» Куанг Лой даже подскочил на кресле, словно его ударило электрическим током. Потом наклонился к столику и в сердцах затасил сигару в серебряной пепельнице.

— Пусть только попробуют! Бастовать их сейчас и пряником не заманишь. У Ком-бена зашевелилась было, потребовали повысить зарплату, но как только зачинщи-

ков посадили, так сразу притихли. Сейчас и в Хаюе и в Хайфоне — всюду вылавливают коммунистов.

— С ними только так и недо, — задумчиво протянул Кхань, — вечно они недовольны! Дай я им здесь волю, так, будьте уверены, давно бы прирезали!

К Куанг Лою снова вернулось спокойствие, и он откинулся на спинку кресла.

— Что вы говорите! Неужели они посмеют поднять голос против нас? По-моему, наши люди настроены мирно.

— Это только так кажется! В тридцатом году дошло до того, что правительство послало в Винь-бао самолеты с бомбовым запасом. А здесь, в Хай-ване они связали начальника уезда, посадили его в корзину для свиней и чуть было не утопили. Если интересуетесь, господин Мон расскажет нам в подробностях эту историю.

У начальника уезда за стрелками очков удивление блеснули глаза.

— Депутат Кхань говорит правду. Даже у нас в уезде из села Тим сбежал недавно опасный преступник.

Кхань презрительно скривил рот. Под черными усами сверкнул оскал зубов, лицо стало холодным и жестким.

— Да, я слышал. Вы о Кхаке? Старый Тон у меня в Гае неплохой староста, но я все таки сам слежу за особо неблагонадежными.

Начальник уезда одобрительно кивнул:

— Правильно! Если что заметите, сразу дайте нам знать.

Господин Куанг Лой допил свой кофе и закурил новую сигару.

— Так не забудьте известить меня. И господина Мона я хотел бы иметь честь и удовольствие принять у себя, если у него найдется свободное время. Сейчас у нас в Хайфоне довольно весело.

Поняв намек, мужчины громко рассмеялись.

Женщины поднялись с широкой тахты и сдвинули стулья к игорным столикам.

Госпожа Де жеманно произнесла:

— Что же это вы, господа мужчины, увлеклись разговором и совсем забыли о нас!

Мужчины поднялись, все стали шумно рассаживаться вокруг двух столиков, застучали игральные кости.

Пока наверху, в ярко освещенном зале, гости и хозяева развлекались игрой в кости, внизу, в одной из боковых комнат, в комнате Лонга, управляющего и секретаря депутата, вокруг тарелочки с колодой карт собралось не менее оживленное общество. Банк метал изображенный по поясу мужчины, руки, грудь и живот которого были покрыты татуировкой, изображавшей и голых женщины, и драконов, и иероглифы. Свет керосиновой лампы освещал снизу его лицо, отчего шрамы и морщины на нем приобрели какой-то злобный вид. Это был сам управляющий, сводный брат хозяйки, которого односельчане прозвали Принцавым Лонгом. Играли почти все служащие и приближенные Хэня, начиная с чинара Тиюна и счетовода Хюня и кончая дальними родственниками хозяина. Были здесь и младшие братья Принцавого Лонга, которые только тем и занимались, что затевали ссоры и скандалы с батраками. Единственным посторонним среди них был шуфер господина Куанг Доя. Он сидел позади игроков и, следя за игрой, время от времени бросал свои замечания.

В конце просторного двора, рядом с кухней, откуда свистелось пламя очага, ужидало с десятков поденщиков. Перовый, мерцающий свет освещал людей, устывшихся прямо на земле вокруг двух деревянных подносов. От их домотканной одежды разило потом. Лица почти нельзя было различить. Люди сидели из корточек, палочками забрасывая в рот рис из чашек, шумно прихлебывая сочной отвар. Ели молча, торопиво. Чашки с рисом быстро опустели. Было уже за полночь, когда, покончив с ужином и даже не выкурив трубки, они поднялись и направились к воротам.

Наскоро собрав посуду, Соан тихонько позвала:

— Тетя Дон!

Маленькая, повязанная платком женщина остановилась.

— Отойдём в сторонку, — шепнула ей Соан, — мне нужно вам что-то сказать.

Когда они отошли в темный угол двора, Соан сунула в руки женщины небольшой сверток.

— Будьте добры, передайте это моим ребятам. Толь-

ко получше спрячьте, когда будете проходить порота, а то потом хлопот не оберешься.

Тетушка Дон спрятала свертки в свой узелок.

— Слушай, дочка, — торопливо заговорила она, — сегодня днем я встретила Мама, он просил передать тебе, если сможешь, постарайся отпрятаться домой хоть на вечер, мать заболела.

— Знаю, тетя! Я сама истерзалась, прямо не знаю, что делать!

— Что тут можно поделать, когда работаешь у хозяев! Но ты не беспокойся. Мама купил лекарство, ухаживает за ней. Ну, и пойду.

— Идите, тетя, а то она еще доедаются.

Женщина взяла под мышку старинный пояс и заспешила за односельчанами. Глядя ей вслед, Соан тяжело вздохнула. С утра ей передали, что мать сильно простудилась и вот уже несколько дней не выходит за работу, лежит пластом. Что же они едят? Как там выкрутятся бедный Ка, которому всего одиннадцатый год? Хорошо еще, Мама не оставляет их. Соан подняла с земли большую корзину с посудой и направилась к пруду.

В саду за домом было безлюдно и тихо. Взошла луна, ее лучи серебрили воду, проглядывавшую сквозь огромные веера пальмовых листьев. Слышно было, как время от времени в воду с шумом падают листья. Соан присела на берегу. Все мысли по-прежнему были там, дома. Вот были бы у нее крылья, перелетела бы эти высокие стены и хоть минутку побыла дома. Теперь ей редко снятся сны. А когда она была еще девочкой, не проходило и ночи, чтобы она во сне не побывала дома. Однажды ей приснился отец. Будто было это еще в старом доме. Отец увидел ее и говорит: «Как ты выросла, дочка!» Проснувшись, она долго думала о нем, и слезы катились по ее лицу. А в другой раз ей приснилось, что она нашла в земле кушанья, полный блестящих серебряных монет. Как все обрадовались тогда!.. Но тут она проснулась. Она снова закрыла глаза, чтобы увидеть, что было дальше, но больше ничего не увидела. Не раз среди беда дня она неподвижно застывала где-нибудь с широко раскрытыми глазами, уносясь в свои мечты. И тогда всё, начиная от камня, что торчал у ступенек на берегу пруда, ствола кокосовой пальмы и до самых об-

заной, превращавших высоко в небо, до беника в углу комнаты, — все чудесно превращалось то в доброго спасителя-волшебника, то в прекрасного коня, который сейчас увезет ее отсюда, то в корзиночку риса, которую она могла отнести домой своим. Об этих снах и грезах своих она не рассказывала никому, а когда подросла, мечтать перестала. Служ у донугата Кхана с каждым годом прибавилось, и Соан все больше замыкалась в себе, все реже разговаривала с окружающими. Люди казались ей непонятными, она побаивалась их. Только иногда отыскивала Соан старую Дои, которая почемала обирала близ корзинки, и подолгу шепталась с ней в темноте. Даже когда ее били за что-нибудь, она молчала. Только шире раскрывала глаза. Случилось однажды, хозяйка била ее и вдруг остановилась и в бешенстве злорала, не в силах выдержать ее изурожено-молчаливого взгляда: «Что уставилась? Вот выколю зенки, тогда узнаешь!»

Соан мыла посуду, а неподвижный взгляд ее окружающих глаз витал где-то далеко. Мыслями она перенеслась в свою жизнь, что стояла на краю коймы. Вот сестренка Хюе нянчится с малышом Пау. Увидев Соан, она, обесумев от радости, бросается к ней. Мать притягивает к постели ей навстречу: «Пришла, дочка!» И Мам прибежал, смеется: «Хорошо, что пришла! Смотри, Соан, как все рады видеть тебя!» Соан улыбается. Каждый раз при встрече с ней Мам не в силах скрыть свою радость, и это приятно Соан, странное волнение наполняет ее грудь.

Ярко светит луна. От легкого ветерка вода в пруду покрывается сверкающей рябью. Вымыв посуду, Соан уложила ее в корзину и отнесла подальше от воды. Вода приятно холодит кожу, и Соан, засучив повыше шаровары, сбросив блузку, сошла вниз по каменным ступеням. Луна льет свой голубой свет, лаская плечи и руки девушки, пока она плещется в прохладной воде.

Выйдя на берег, Соан начала одеваться, и тут кто-то сзади обхватил ее. От страха у нее подкосились ноги. Чьи-то руки продолжали крепко сжимать ее. Соан с силой рванулась.

— Пустите!

— Молчи, ты...

Она узнала сдавленный испепел «бакалавра». От него противно несло винным перегаром, потные руки шаркали по ее телу.

— Пусти!

Злость комком подступила к горлу. Собрав все силы, Соан ударила Тьонга и вырвалась из его рук. От неожиданного и сильного удара худосочный отпрыск депутата зашатался, едва устояв на ногах.

— Ты что, с ума сошла?

— Не смей касаться меня!

Тьонг снова хотел было ее обидеть, но Соан, схватив залившуюся на земле палку, угрожающе подняла ее над головой.

— Ну, ладно, ладно! Вот ты, оказывается, какая тварь!

Самбравив, что сила не на его стороне, бакалавр презрительно усмехнулся и, пошатываясь, скрылся в темноте.

А Соан все еще держала в руках палку, дрожа от возбуждения и злости. Когда она шла из сада, колени у нее подгибались, так что она несколько раз опускала торшину на землю. Из глаз ее катились слезы.

В полночь повар погрел за плечо дремавшую на бамбуковой лежанке Соан.

— Вставай, пора нести ужин.

Соан едва успела расставить тарелки на подносы, как спустилась служанка Дао. Повар внимательно осмотрел подносы, не забыла ли чего Соан. Большое блюдо с куриной лапшой; рыба, очищенная от костей; мелко нарубленное куриное и голубиное мясо. От блюд шел аппетитный запах. Потом повар проверил специи: рыбный соус — выжонкам, уксус и соевая приправа, розетки с молотым перцем, с лимонным соком, приправленным солью и стручковым перцем. И, только убедившись, что все на месте, ничего не забыто, он разрешил нести подносы наверх.

С трудом подняв поднос, Соан отправилась вслед за Дао. От тяжести ломило плечи. В конце коридора она слышала звуки патефона, смех, аплодисменты, и в тот же момент яркий свет ослепил ее. Соцгурившись, она пронесла свой тяжелый поднос в зал, полный табачного

дыма. Пестрые платья, разомлевшие от вина лица гостей, которые пьяно размахивали руками, расхаживая по лампате, и многократно отражались в немых заркалах.

IX

Прошли шумные дни приема, гости разъехались. Соан выстирала и убрала белое платье, опять напянула на себя старую, заплатавшую коричневую рубашку. И снова день за днем она подметала двор, мыла полы, протирали окна, стирала белье, молочила рис, колола дрова, полола траву в огороде, чистила уборные — словом, не знала ни минуты отдыха, вертелась с самого рассвета, когда надо было приготовить мясной суп для ошарки, до позднего вечера, когда она подогревала воду хозяйкам для ножных ванн. И уже совсем ночью, когда весь дом погружался в сон, Соан киновизна в двух старых бейзабах воду, чтобы рано утром побыстрее приготовить корм для нескольких десятков свиней. Голодная, она одна сидела на кухне у раскаленного очага и дремала или, тоскуя по дому, вспоминала своих.

Как-то утром депутат Кхань вспомнил о приглашении Куанг Лоя и отправился в Ханфон. Дат тоже собралась ехать, у губернаторши должна была состояться церемония «общения с духами». Стоя перед высоким трюмо, она напудрилась, накумарила щени, подкрасила губы. Потом завернула в пакет необходимое для церемонии нарядное цветистое платье. Маленькие глазки хозяйки смотрели из зеркала умиротворенно. Затянувшись в розовый корсет, она надела плотно облегающее шелковое белье и стала разглядывать свой располневший стан, поворачиваясь то одним, то другим боком. Она с нетерпением ждала предстоящей церемонии, казалось, ритмичная ритуальная музыка уже звучит в ее ушах. Длинные белые сатиновые панталоны выглядели парадно. Она призывно поводила глазами, делая игривые жесты, кокетливо изгибалась в сторону воображаемого молодого певича, сладострастно закатывая глаза, как это обычно делают женщины, когда на них снисходит дух, готовый отвечать на вопросы.

Вдруг она увидела в зеркало, что в комнату кто-то

вошел. От неожиданности она вздрогнула, но, увидев, что это всего лишь Соан, успокоилась и как ни в чем не бывало стала опрыскивать себя духами.

— Тебе чего?

Соан замялась.

— Госпожа, у меня мама заболела...

— И ты пришла сюда отпрашиваться! Заболела — поправится. Нечего тебе без конца бегать домой.

— Но, госпожа, я с Нового года еще ни разу не была дома...

Дат поправила волосы и, довольная результатами, продолжала смотреться в зеркало.

— Поддай крепкое платье. Ладно, сходи. Но чтоб завтра рано утром была здесь. Слышишь! Смотри, если приеду, а тебя не будет...

Соан подала платье и предложила стоять.

— Чего стоишь? Чего тебе еще?

— Госпожа, я хотела попросить...

Дат, точно ужасенная, резко нагнулась к Соан.

— Ты смеешь просить еще что-то?! Да ты знаешь, что та фарфоровая чаша, которую ты недавно разбила, стоит столько, что твоего жалования за год не хватит, чтобы расплатиться за нее. Убирайся!

Не проронив ни звука, Соан повернулась и пошла к двери. Но тут, очевидно передумав, хозяйка вдруг остановила девушку и стала рыться в кошельке.

— Вот тебе пять су от меня, купи что-нибудь своим ребятишкам. От меня, слышишь! А что касается денег, то сама подумай: ведь твои мать еще ни одного донга не возвратила с тех пор, как заняла у меня. Ну, хватит. Спустись вниз, скажи повару, пусть даст тебе чашку риса, поешь и иди, да возвращайся пораньше.

Когда Соан ушла, хозяйка, улыбаясь своей добротой, снова принялась за туалет. Наклонясь в сторону, приподняв рукой край платья и прижав на пояс, она релетировала движения ритуального танца.

Секретарь Тионг осторожно заглянул в дверь.

— Госпожа, машина подана.

Зажав в ладони монетку, Соан спустилась в помещение для прислуги. Увидев ее расстроенное лицо, тетулка Доп поспешшла к ней.

— Что случилось?

Соан молча показала ей монету. Та сразу догадалась, в чем дело. Долг в пять донгов, которые мать Соан заняла несколько лет назад, ежемесячно плодил по два с половиной хао нового долга. И это при том, что «добрые» господа потребовали всего пять процентов. За работу у господ Соан положили в месяц три хао и питание. Если вместе из них два с половиной хао в уплату процентов, то от заработка оставалось пять су, которых едва хватало, чтобы рассчитаться за одежду, разбитую посуду и прочее. Так что, если бы Соан проработала у них всю свою жизнь, она все равно не смогла бы сконить ни су, чтобы рассчитаться с этим злощастным долгом. Тем более что в долевой расписке значилось не пять донгов, а пятнадцать.

— Ладно, дочка. Как бы жестоки ни были люди, помни: есть боги, они не оставят нас!..

И тетушка Дон, развязав пояс, где хранились ее жалкие сбережения, протянула Соан хао и несколько мингток в плату. Видя, что та не решается взять деньги, она сказала:

— Бери, бери, это маме. Болезнь никого не минует.

У Соан покраснели глаза. А тетушка Дон торопила:

— Ладно, иди скорее. Пойдешь мимо рышка, не забудь купить чего-нибудь ребятам...

Как только тихонько, обитые железом ворота откатились назад, Соан почувствовала себя так, словно вышла из тюрьмы. С каждым шагом, отдалявшим ее от этих ненавистных ворот, на душе становилось легче. Глаза Соан открыли и заблестели, щеки зарделись румянцем, а живительная сила, та, что всегда отличает молодость, ринулась у Соан роковое ощущение радости, которая не ла и рвалась наружу.

По обеим сторонам дороги шелестели рисовые колося. Порывистый осенний ветер, пробегая по полям волнами, пригибал их к земле, а они, тесня друг друга, упрямо вставали и, качая головами, перешептывались: «Смотрите, это же Соан! Она идет домой!..» По небу быстро неслись белые, как вата, облака. Они глядели вниз и кричали друг другу: «Сегодня Соан отсутствовали домой!» Соан шла быстро, от радости она ног под собой не чула. Из месяца в месяц, из года в год шли и шли однообразные дни, Соан не выходила за пределы кухни и мошеч-

этого кирпичом дощам, и зачастую удавалось загнать её за высокие стены, отгораживающие от нее внешний мир. Она не могла ни шагу ступить, ни слова сказать так, как хотела. А вот теперь она может идти куда угодно, в любую сторону, может смеяться, петь, танцевать, и никто никто не запретит ей этого! С каждым шагом ноги уносили ее все дальше от тех, кто приказывал ей, ругал и бил ее, для них она была ниже их породистой собаки. Теперь же она стала прежней Соан, у которой есть любимая мать, братья, сестры. Ноги Соан летели, почти не касаясь ухабистой дороги, унося ее все дальше от страхов обид и унижений.

На рынке Соан купила несколько банок риса и на одно су конфет для Хуэ и Бау. За баньяном, у вагоды Гань, она свернула на знакомую дорогу к себе в Тяо. Сразу же за деревьями, что выстроились вдоль дороги, появились рощи. Широкими, в тени деревьев, шли две девочки. Короткие пиджачики, длинные прядки волос, схваченные на затылке латуновыми заколками, в руках чернильницы, под мышкой тетради. Они шли медленно и о чем-то болтали. Это были, по-видимому, ученицы начальной школы, что стояла на краю села.

Соан прибавила шагу и, когда поравнялась с девочками, улыбаясь, спросила:

— Что это вы так медленно идете? Не боитесь, что учитель накажет?

Девочки, словно по команде, подняли на Соан глаза и с улыбкой переглянулись. Соан сделала строгое лицо.

— А ну-ка, скажи мне вот ты, что с ямочками на щеках, ты, ниверное, хохотушка? А ты, видно, попрыгунья, ножки-то у тебя как у кузнечика.

Девочки едва удерживались от смеха. Соан обратилась к «ямочкам на щеках».

— Как тебя зовут?

Та, засмушавшись, отвернулась.

— Не знаю.

— Как это ты не знаешь! Зачем же ты обманываешь?

Ну, а тебя как зовут?

«Кузнечик» оказалась посмелее.

— Меня зовут Тхеу.

Тут девочки весело рассмеялись и, словно две птички, разом вспорхнули и улетели. Отбежав на несколько шагов, «кузнечик» обернулась и крикнула:

— А ее зовут Хиеп!..

И маленькие фигурки исчезли за деревьями.

Дома никого не было, только пес Ванг, не признав Соан, набросился на нее с угрожающим лаем. Отбиваясь от него, Соан громко позвала:

— Хюе, Хюе! Где ты?

Пес продолжал бросаться на Соан.

— Ванг! Да что с тобой, Ванг!

Пес немного успокоился, но все же продолжал негромко рычать. Соан повернулась в сторону реки:

— Эй, Хюе!.. Э-э-й!..

Она отставила в сторону плетенный из бамбука застил, заменявший дверь, и вошла в хижину. На треножнике — холодный чайник. У стены — камышовая лежанка, прикрытая дырявой циновкой, под усыпанной соломой от циновки.

— Ах, негодница! — заорчала Соан. — Разве можно так запускать дом?

Она отыскала вешик, стала было подметать под, но, услышав голоса возвращавшихся детей, остановилась.

— Соан!.. Это ты, Соан? — дошел до двора радостный голос Хюе.

Ванг, виляя хвостом, бросился встречать своих маленьких хозяев. Хюе с трудом тащила за собой неуклюжего Бау.

— Соан! Когда же ты пришла?

И Бау, ухватив старшую сестру за пояс рубашки, тоже радостно лепетал:

— Сёан плисла, Сёан!..

Соан наклонилась, подняла брата на руки и рассмеялась:

— Боже мой, у моего братца борода выросла! Ай-ай-ай, какая Хюе нехорошая! Только и знает что играть, а братишка ходит весь чумазый.

Соан подошла с малышом к большому глиняному тазу, что стоял во дворе, умыла, посадила на лежанку и сунула ему конфету.

— Вот! Сиди здесь.

Хюе глотала слюнки. Но сестра была сердита на нее, и она стояла у двери, не смея напомнить о себе.

Соан сама позвала ее.

— Иди сюда, Хюе, вот и тебе конфета. А где мама?

Видя, что Соан уже не сердится, Хюэ подбежала и прижалась к сестре.

— Мама пошла на мост продавать рачков.

— Бог ты мой! Ведь мама больная!

Хюэ посмотрела в глаза сестре.

— Я ее не пускала, а она сказала, что уже здорова, что может идти.

— А Ка где?

— Ка пошел с Мамом ловить креветок.

— Хорошо. Ты оставайся здесь, разведи огонь и поставь греть воду, а я схожу на речку, вымою рис и зерны.

Соан пошла за дом, нашла пучок водяных выюнков, потом отсчитала из сумки несколько чашек риса и, положив все это в корзину, отразилась к реке. Миновав заросшие камышом участки, она вышла на ровный песчаный берег и, войдя по колено в воду, стала мыть рис. Несколько рыбок всплывали в воде, брошенные ловить вылавлившие из корзины рисовые зерна. До чего же смелые эти маленькие создания! Так и бросались наперегонки за каждой рисинкой. У Соан по-прежнему было тепло на душе. С реки она шла по проулку, мимо дома Мама, неожиданно для себя она остановилась и свернула в дом. Илетепая приставила дверь знакомого ей крытого соломой дома была приоткрыта. Вокруг тишины. Соан с волнением отодвинула дверь и вошла в пустую лачугу. В углу — полки с кухонной утварью, снати для ловли рыбы и креветок. Все покрыто слоем копоти. Небольшой горшочек холодного вареного риса стоял на очаге. Подалеку от каминной лежанки вилась толстая бамбуковая трубка для табака, а на самой лежанке — позолоченная чашка чаю. Бедный Мам! Один как перст, ни отца у него, ни матери, ни братьев, ни сестер. При этой мысли Соан охватило незнакомое волнение. Она вышла, притворив за собой дверь и бегом пустилась домой.

Ужин в этот вечер в доме тетунки Муй проходил оживленно. Дети сидели, жадно уставившись на еду, и, раздувая ноздри, вдыхали теплый аромат вареного риса. Они уже привыкли получать на день всего полчашички холодного риса, а позолоченный месяц вообще приходилось довольствоваться лишь рисовой похлебкой. И сегодня на

ужин к горячему рису были лишь вареные водяные зьянки, приправленные горьковатым соусом, да несколько соевых креветок. Но все это поедалось с таким апетитом, будто дети сидели за праздничным столом. У Соан покраснели щеки. После риса Ка потянулся к плетенке с вареным бататом, от которого шел пар. Он плынул себя по животу.

— Эх! Все равно еще пусто! Добавлю-ка я несколько этих поросят, тогда будет в самый раз.

Хюе пристала и замахала палочками на брата.

— Смотри не съешь мою бататину, вот ту, большую.

— Возьми еще рису, — предложила Соан брату.

Ка качнул головой.

— Нет, пусть Хюе поест, я уже наелся.

Во дворе засветился факел, и на пороге показались Мам. На нем были короткие штаны и старенькая рваная рубанка. Под мышкой он держал рыболовную сеть. При виде Соан он радостно просиял.

— Соан!.. Ты давно дома?

Светящиеся искорки от факела слетали к его ногам, преодолевая слепоту в темноте... Он потоптался на месте в нерешительности, затем обратился к Ка:

— Ну что, Ка, пойдешь со мной на ночную рыбалку?

— Конечно! Подожди, я сейчас...

Ка быстро покончил с ужином, привязал к поясу небольшую корзиночку для улова, схватил в углу сачок и вышел во двор.

— Да ты посиди немного с нами, выпей чаю, — предложила тетунка Муй. Соан подбросила небольшое полешко в очаг и мельком взглянула на Маму. Их взгляды встретились, и оба испуганно отвели глаза.

— Спасибо, я только что наел, — смущенно сказал Мам.

Тем временем Ка зажег факел и торопил своего приятеля.

— Ну, пошли!

Мам, улыбаясь, кивнул тетунке Муй:

— А знаете, Ка оказался ловчее меня. Только вот еще немного боится ночных духов.

Приятели вышли на улицу. Соан долго следил за порхающими огоньками факелов, удалявшимися в сторону дамбы. Как жаль! И зачем только им вздумалось ловить рыбу в эту ночь...

Было уже поздно, но мать и дочь все еще сидели у

очага. Малыш Бау позанимал на колених у Соан. Хюэ заснула на лежанке. От очага приятно тянуло теплом. Соан сидела подле матери, смеясь вслух. И ничего ей больше не надо, сидеть бы тут так дома, с матерью и малышами.

— Пу, как там у тебя, дочка? — спросила мать.

Соан хотела было рассказать об этом негодяе Тьмонте, но почему-то стало неловко. К тому же она не хотела беспокоить мать. И она сказала:

— Как всегда, мама.

Тетушка Муй поняла. Что «как всегда» означало, что дочь ее по-прежнему не живет, а мается. Вначале, приходя домой, Соан показывала матери слезы побоев и горько плакала. Но со временем она перестала рассказывать об этом. На вопросы матери она отвечала обычно. «Как всегда...»

Тетушка Муй тяжело вздохнула.

— Слушай, Соан, я решила отдать нашего Ка в дом Баэ, той, что живет у моста. Как ты на это смотришь?

— К этой глухой тетке?

— Ты что, ошалела, какая она для тебя тетка? Она обещала платить за Ка в месяц по полтора хао.

«Глухая тетка» держала у моста лавочку, где торговала пареным рисом. Во всей округе она была известна своим грубым обращением с работниками и слабостью к мужскому полу. Соан не хотелось, чтобы братишка жил у этой женщины.

Словно угадав мысли дочери, тетушка Муй тихо добавила:

— Если она будет плохо обращаться с ним, заберем его обратно. А так и от дома недалеко и чтонибудь все-таки заработает, мне облегчение. Даст бог, перебьемся год-другой, скопим денюжат, расплатимся с долгами и выкупим тебя.

Только теперь Соан стало ясно, на что рассчитывала мать, намереваясь отдать Ка в люди. Но мать ошибалась. Соан хорошо знала, что хозяин и не подумает огнустить ее. Да и удастся ли им вообще когда-нибудь скопить те пятнадцать донгов, что числятся за ними в долговой расписке! Нет, видно, придется всю жизнь страдать в этом зверином догоне! Обида и гнев душили Соан. Сколько ей пришлось испытать! Горький комок подступил к горлу. От обиды и боли ей хотелось кричать на

она делала, плакать, кататься не могла. Но она продолжала сидеть неподвижно, с плотно сжатыми губами, с выражением упрямой воли на лице.

Наконец все улеглось. В камышах зашвыстел ветер. Становилось прохладно. Накрывшись циновкой, Соан лежала, прижавшись к матери, и ей вдруг показалось, что она снова стала маленькой девочкой. Как там сейчас Мам и Ка? Бродит, наверно, в холодной воде... И, вспомнив про Мама, Соан еще раз пожалела, что не удержала его, не предложила остаться у них посидеть... Ведь завтра ей возвращаться в хозяйскую усадьбу. Сколько месяцев ждать этой встречи и даже не поговорить! Ведь предложи она ему остаться, он сразу бы согласился. Она то знает! Но если бы она осмелилась, она бы потом провалилась со стыда. Даже сейчас, только подумав об этом, Соан почувствовала, как краска наливает ей щеки.

Ветер не ослабевал, напротив, стал, кажется, еще сильнее. Хюэ и Бау крепко спали. А Соан снова, как в детстве, стала мечтать. Вот через несколько лет они расстанутся с Кханем и она вырвется из этого проклятого дома. Она вернется к своим и будет помогать матери по хозяйству, смотреть за детьми. Ну, а Мам? Как она будет с ним? При этой мысли Соан опять почувствовала, что краснеет... Она смущенно рассмеялась, обхватила мать за спину и, как в детстве, закинула на нее ногу.

— Тоже мне малышка! — забормотала та спросонья. — Навалилась, думаешь, легко матери!

Ж

Рисовые колосья на полях налились, потяжелели, пригибая к земле тонкие стебельки. Дни стояли ясные, погожие, но как-то в полдень задул такой горячий, порывистый и влажный ветер, что стало трудно дышать. Черные тучи, скопившиеся над морем, бросились на сушу и, обгоняя друг друга, в одно мгновение закрыли черной пеленой все небо. Ветер с каждой минутой все крепчал, будто кто-то гигантским веером махал над морем. Под порывами ветра волновались рисовые поля, стлался камыш, с тревожным шуршанием в саду бились ранние листья бананов, гнулись ветви деревьев. Природа и люди в страхе ждали надвигающуюся грозу.

По реке заходили волны с серебристо-белыми гребешками. По волнам, то исчезая, то вновь появляясь, скользила чья-то лодка. Преодолевая ветер и волны, она упорно шла к берегу. Внезапно черный, глухой небосвод прорезала ослепительная молния, ударил гром, и его раскаты прокатились по небу. Откуда-то сверху сплошной стеной хлынули потоки воды. Люди с тревогой смотрели на небо, точно молили всевышнего: «Ведь рис почти созрел! Оставишь ли ты нам что-нибудь? Иначе помрем с голоду». Так было всегда, в августе и сентябре, перед жатвой, когда урожаю грозили ураганы.

Но едва бури проносились, над полями в неподвижном знойной марше повисало беспощадное солнце. Земля покрывалась тяжелой испариной, и всё — деревянные укрепления, бамбуковые стены, плетеные притворы дверей, одежда и утварь в деревянных сундуках — одевалось белой пыльной плесенью. Рисовые колосья желтели и наливались соком. И даже те колоски, которые прибило дождем и ветром к земле, оказывается, не погибли: утолив жажду и выпитав себя солнечными лучи, они тоже набирались сил. И вот уже зажелтели отдельные участки.

Люди считают дни до нового урожая, все стараются растянуть последние запасы. Рис едят только раз в день, второй раз едят уже рисовый отвар. Кукуруза и батат тоже на исходе. По селам и усадьбам бредут в эти дни с серлами на плечах бледные, изможденные люди — ищут работу...

В тот день семья старого Зяо убирала урожай с участка, расположенного за домом. Тхао с вдовой Дан вышли на работу засветло, когда с полей еще не сошла роса. Все утро их поим маячили среди густых, высоких золотисто-спелых колосьев. К полудню сытый рис разложили на кирпичных плитах двора. Женщины наскоро перекусили и, едва передохнув после утренней жатвы, впряглись в большой каменный каток.

Полуденное солнце беспощадно жгло плечи и, отражаясь в золоте колосьев, больно слепило глаза. У Ден перекинута через плечо веревка, шея напряженно вытянута — сейчас она похожа на буйвола, который с усилием тащит за собой плуг. От жары лицо ее под широкими полями острокопечного неба стало кирпично-крас-

ним, а коричневая рубашка на спине потемнела от пота. Тхао с силой наваливается на бамбуковую рогащину и, подталкивая тяжелый каток сзади, внимательно следит, чтобы он шел по колосьям. По лицу Тхао непрерывно струятся крупные капли пота. Тяжело дыша, женщины молча ступают по горячим колосьям босыми ногами. Сейчас им не до разговоров. Каток все катится и катится, описывает бескончаемые круги по маленькому дворику, устланному колосьями.

Труд этих женщин ничем не отягчается от труда животных, но они не жалуются, не ропщут, потому что привыкли и считают этот унижающий труд чем-то вполне естественным. Иногда от усталости у них мутится в глазах и двор и дом словно куда-то исчезают, и только грохот каменного катка да шелест соломы неотвязно стоит в ушах. Спина горит так, будто с нее сошла кожа. От нестерпимой жары все мысли в разгоряченном мозгу, кажется, превращаются в пар.

Наконец Тхао не выдерживает.

— Проклятая жара!

— Да, печет... — соглашается Дон и снова натягивает веревку. Только голова ее опускается еще ниже.

— Отдохнем немного, — предлагает Тхао.

Они отходят к водоему и усаживаются в тени дерева, обмахиваясь, как веерами, своими платками.

Внезапно налетел легкий ветерок и в тени запрыгали, завертелись солнечные зайчики. Дышать стало свободнее. Тхао даже перестала обмахиваться. И тут она почувствовала, как у нее набухли груди, как острая боль пронзила их, и из сосков брызнуло молоко.

— Хиен! — крикнула она в сторону дома. — Неси скорее Ван.

Хиен играла с сестренкой у входа в дом. Заслышав материнский голос, она проворно, словно кошка мышку, обхватила ее и, изогнувшись под тяжестью, заторопилась к матери.

— Ну что ты бросилась как утробная? — пожурила ее мать. — А если бы упала? Сходя-ка на кухню, принеси чайник с водой.

Тхао взяла малышку и стала высвобождать грудь.

— Ну что за пехорония у тебя мать, сколько времени проморила дочь голодом! — приговаривала она.

Дон, с доброй улыбкой глядя на них, стала ласково

гладить нежные розовые пятнышки своими черными от загара руками.

— А-гу.. А-гу.. гу-гу, — вытягивая губы, бормотала она.

Ребенок посмотрел на нее, раскрыв в улыбке беззубый рот, потом быстро повернулся к матери, поймал губами грудь и от удовольствия засучил ногами.

Хуи принесла две чашки и чайник и уселась послушать, что говорят взрослые.

— Ну что ты за упрямая женщина! — подшучивала Тхао над идовой Дон. — Уж если не жалеешь идти второй раз замуж, заведи хоть ребеночка. Вот бы и агукалась с ним.

Лицо Дон вспыхнуло румянцем.

— Посылай, если есть что за примете, — отшутилась она.

— Смотри, я ведь не шучу!

Обе женщины рассмеялись. Дон развернула халатик, вынула скрученный лист бетеля и принялась его жевать.

— С твоего сао не меньше возьми, а то и все девять корзины соберем, — перечела она разговор. — Уж больно урожай хорош! За последние годы это первый такой.

Тхао сама с удовольствием оглидырала полновесные золотые колосья.

— Да, пожалуй, так. К вечеру уже будем знать, сколько наберется корзины. Муж придет убирать урожай на участке Фен, ты обязательно приходи помогать.

— Приду, приду, — кивнула идова, не переставая жевать бетель. — Хочу еще разок отведать твоей рыбки с плодами карамболы. С прошлого года не могу забыть ее.

Тхао расцвела в улыбке.

— А в этом году рыба будет еще жирнее.

Ребенок, населившись догута, отвалился от груди и незаметно подремал. Тхао подумалась, чтобы передать его Хуи, а тут внезапно вздрогнула от громкого крика, доносившегося с той стороны, где жила тетушка Диеу.

— Что там случилось? — Дон вскочила с земли. Она подбежала к жилой нагороди, отделявшей двор соседки, и увидела, что старший сын Диеу Тан отбивается от нападающих на него стражников.

— Ну-ну, не хватай, пожемливей!..

— Скоро тебя будет пожемливей! Говори, идешь или нет?

В доме слышался громкий плач ребятинки. Сама Диеу, бледная, перепуганная, выскочила во двор.

— Дозволяете мне! Я поговорю с ним, и он не станет сопротивляться.

— Разговаривать с ним иди к Дому общины. А там еще много дворов обойти надо.

Стражники схватили под руки и поволокли отбывающего Таиа. Размазывая по лицу слезы, мать засеменила за ними, за ней кинулись ревущие дети. Дойдя до уличной арки, один из стражников остановился и заорал, грозно вытаращив глаза:

— А вам что здесь пужно? Вот веснушку сейчас напкой! А ну, марш домой.

— Хватит, ребята, — обернулся к ним Таи. — Не ходите дальше.

У арки тетушка Диеу совсем обессилела. Руки и ноги у нее так тряслись, что она в изнеможении рухнула на землю и забилась в плаче.

— О-о-о!.. Праведное небо! Сын мой, сыночек! — причитала она.

Таи обернулся было, чтобы взглянуть на мать, но его грубо толкнули в спину, и он двинулся вперед по дороге, ведущей к Дому общины.

Крепко прижав к себе маленькую дочку, Тхао стояла рядом с Дон и широко открытыми глазами смотрела на происходящее. Кровь отхлынула у нее от лица, сердце гулко заколотилось. Что это такое?! Что происходит?

— А-а, — догадалась вдруг Дон, — забирают в солдаты.

Тхао с удивлением обернулась к ней.

— Понимаешь, набирают солдат для отправки в Европу, — пояснила Дон. — В Тюонге вчера уже был такой набор. Подожди, я схожу посмотреть, что там творится.

Дон торопливо вышла со двора.

Тетушка Диеу продолжала громко алаякать на улице. С другого конца деревни снова донеслись крики и брань. В несколько минут вся маленькая деревня переполошилась так, словно на нее напали враги.

И Хиен куда-то запропастилась... С Ван на руках Тхао хотела было подойти к тетушке Диеу, но тут неожиданно послышался резкий голос старого Зия:

— Тхао, Тхао!..

В голосе старика звучало недовольство.

— Ты куда это? Нечего тебе лезть в государственные дела!

У Тхао в груди кипели злость и раздражение, но, как всегда робая перед страхом, она молча повернула к дому.

Войлей тетюшки Диеу уже не было слышно, наверное, она отправилась с детьми к Дому общины. Тхао осторожно подождала спящую дочку на кровати, опустила москитник и стала в вооружении ходить по дому. Как там сейчас ее Хой? Не случилось ли с ним чего? Ей стало казаться, что с ним произошло тоже что-то странное, что у нее отнимут мужа, что, несмотря на все усилия, ей не удастся его уберечь. Тхао не находила себе места и покоя, не выдержав этой пытки, незаметно выскользнула из дому и отправилась к Дому общины.

Во дворе Дома общины шумели толпы. Десятки два парней, только что пригнанных сюда, стояли у нарядного входа. Они все еще не могли прийти в себя, не понимая, что произошло и какая участь их ожидает. Большинство ничего не успело с собой взять: ни на голове ни кормперевая грубая рубашка на теле — вот и все, с чем они пришли. Несколько парней, видимо, из более состоятельных семей: на ногах у них были деревянные сандалии, на голове — пробковые шлемы. И одеждой они отличались от других: в белых рубашках и черных шелковых брюках. Они стояли в окружении своих многочисленных родственников — родителей, жен, братьев, сестер. Все о чем-то возбужденно переговаривались, женщины плакали. Народу с каждой минутой становилось все больше. Люди стояли в несколько рядов, плотным кольцом окружив новобранцев. Одни пришли просто посмотреть, другие старались пробиться к юношам, чтобы дать им последний наказ. Все это только усиливало беспорядок. На земляном возвышении перед Домом общины стояли староста, сборщик налогов, начальник сельской стражи, а рядом с ними, повязанные голубыми кушаками, — солдаты из местного гарнизона и несколько местных стражников. Тут тоже было шумно, все кричало разом, стараясь перекрыть шум толпы.

— А этим что надо? Где стража? Гоните всех сторон и шум! — кричал в сторону пронзающих староста Тон.

Замелькали дубинки, посыпались удары... Толпа бро-

сизась крассынуу, ее отнесли за ворота. Только близкие новобранцев не двигались с места.

— Вы что разорались? — забормотал староста. — А ну, замолчите, иначе сейчас же всех разогнать!

Тхао стояла в толпе, стараясь заглянуть во двор. А там уже началась перекличка.

— Игуен Ван Ат...

— Я!

— Ле Динь Тао... Где Ле Динь Тао? Что же ты, скотина, не отвечаешь? Буй Суан Винь...

— Я!

В толпе говорили:

— Это не в солдаты берут, а в рабочие батальоны...

— Все равно, разве можно так? Что же они с ними, как с бандитами...

— А ты попробуй по-другому, так никто и не пойдет, все разбегутся.

— Смотри-ка, и грамотных стали брать. Вон у Куан-га сына тоже забрали.

— Даже со школьным аттестатом и то берут. Саржан-тами, говорит, сделают и переводчиками.

— Откуда ты знаешь?

— Только что сборщик налогов в лавке у Шень рассказывал.

Во дворе продолжалась перекличка.

— Чап Ван Таи!

Это был тетюшка Диеу. Тхао вытягивала шею, стараясь отыскать его в толпе.

Наконец из ворот вышли стражники, расчищая дорогу дубинками. Люди отхлынули. Затем появился староста с зонтом в руках. Новобранцы в окружении солдат шли за ним по трое в ряд. Шли как на каторгу. Прощай, семья, прощай, родное село... Слышался громкий плач родных да грубая брань и угрозы стражников.

Тхао старалась отыскать в толпе Тапа. Он шел почти последним, держа в руке узелок с одеждой. Видно, тетюшка Диеу все-таки успела сунуть ему в руки этот узелок. Другой рукой он придерживал зачем-то свой старенький зонтик. Лицо у него было какое-то бессмысленное, окаменевшее, точно его душа уже распростилась с телом. Тетюшка Диеу плелась за сыном по обочине дороги. Время от времени Тап оборачивался и лицо его болезненно морщилось.

— Не нужно, мама, ади дэмо!... — упрямился он с

У выходе из села толпа провожающих постепенно начала редеть, но несколько женщин, обессилевших от горя и слез, танцовали за колонной, стараясь еще хоть раз взглянуть на сынов близких, подальше проводить их в этот, может быть последний, путь.

Тхао остановилась на дороге и, забыв сейчас обо всем, смотрела вслед уходящим.

— Пойдем, — слышала она голос Дон. — Нам ведь нужно закончить с рисом. А то не успеем.

Тхао послушно повернула назад. У обеих женщин в глазах стояли слезы. От радостного настроения, которое бывает обычно у крестьян в первый день жатвы, не осталось и следа.

XI

Прошло неделя полторы, пока жители села Гань смогли наконец успокоиться. Пользуясь случаем, сельские чиновники под тем или иным предлогом заходили в зажиточные семьи и, утражая новым набором, старались выжать из них что возможно в свой карман. Вот и к Зяо заглянул староста Тон, чтобы «поговорить по душам». Он был настроен благожелательно и растолковал Зяо, что, хотя Донг и получит аттестат об окончании средней школы, по тебременным законам он все равно подлежит службе в армии в качестве сержанта-переводчика. Пришлось привести немало красноречивых доводов, подкреплённых взяткой, чтобы староста оставил их в покое.

Но в конце концов и эта история постепенно забывалась. Жизнь маленьких людей на берегах Льюнта продолжала идти своей проторенной тропкой. В полях созрел рис. Днем из бездонной голубизны неба на землю падали раскаленные лучи. Сочные, зеленые стебли золотились, подсыхали, передавая свои соки выне, в колоссы, которые лениво покачивались, тяжело нагибаясь к земле. Река совсем обмелела, обнажив покрытые сухим, раскаленным песком берега. Вода в ней стала какого-то желтовато-бурого цвета, и текла она теперь медленно, устало среди бескрайних, до самого горизонта, полей созревшего риса.

С каждым днем на поля выходило все больше жнецов. И вот наконец настала горячая пора жатвы. Все, кто остался в деревне, высылали на уборку. Среди желтого моря колосьев нестлели бесчисленные светлые пятна ирисконовых или. По дорогам оживленно шныряли веревичи носильщиков. Красные, разомлевшие от жары, шли они быстрой, пружинистой походкой, с корзинами, наполовненные снопами. В воздухе стоял свежий запах скошенных колосьев. Села словно ожили. Ведь последние месяцы люди питались только рисовой похлебкой и багетом. А у многих не было и этого, и они кое-как перебивались несозревшими бананами и просто съедобной травой. От недоедания лица заострялись, глаза мутнели, губы делали мертвенно-бледными. Ну, а сейчас, когда и на завтрак и на обед был молодой ароматный рис, все пошлое, окрепло, работали весело и быстро. Над полями звенел смех и гам, звучали песни.

Тетунке Муи хватило дня, чтобы с помощью Мам убраться и обмолодить урожай со своих двух сао, а потом и она и Мам пошли заниматься на работу и теперь целыми днями пропадали в полях. Даже Хае оставалась в эти дни братишку одного и уходила собирать на дорогах упавшие колоски. Возвращаясь она затемно. Тетунке Муи предстояло отработать двенадцать дней у сборщика налогов Сыока в уплату долга, который она взяла под новый урожай, чтобы свести концы с концами и дотянуть последние месяцы. Ну а Мам шла обычно искать свою артель. Пока не начались полевые работы, в артели было всего четыре-пять человек. Они ловили вместе рыбу, креветок, улов продавали, барыши честно делили поровну. А когда приходила пора жатвы, к ним присоединялось еще человек шесть-семь молодых ребят, умелых жнецов, они всей артелью шли заниматься. Артельным старостой был у них дядюшка Тео, человек серьезный, бывш. пий, он хорошо знал окрестные уезды. Работать на полях артелью было удобней, да и сообща легче отстаивать свои права, если бы, например, хозяин вздумал снизить договорную цену. Работали они иногда аккордно — так было выгодней. И хозяева — пусть то был даже сам староста — вынуждены были считаться с такой артелью и обращались с ними более уважительно. Но начиналась жатва, и артель распадалась.

В этом году артель лишилась трех человек. Их забрали в солдаты для отправки в Европу. К счастью, Коя, близкого приятеля Мама, пока, кажется, не тронули. Так же как и Мам, Кой во время жатвы работал по найму на полях, но, будучи большим мастером по части рыбной ловли и ловли креветок, он чуть ли не круглый год пропадал на реке или на озерах. Сильный и ловкий, Кой был похож на выдру, глаза его смотрели на всех насмешливо, даже дерзко. Мать Коя умерла, когда тот был еще совсем маленьким, и ему уже с малых лет пришлось самому содержать старого пьяницу отца, с которым он жил на отшибе, в лачуге на берегу реки.

Когда Кой узнал, что в их семье ребят забирают в солдаты, он тут же бросился искать Мама. Но, увидев, что тот дома, успокоился.

— А я решил, что тебя тоже забрали.

Мам не понял.

— Разве ты не знаешь, — пояснил Кой, — новобранца сначала, как бонзу, обреют, а потом разденут донага — и к доктору. Осмотрят зубы, послушают грудь, пощупают живот. И даже пониже заглядывают... Со смеху подохнешь! Точно жеребцов выбирают.

Мам рассмеялся.

— Ты, брат, смотри не зевай, — продолжал Кой. — А то не в этот, так в другой раз попадешь! А меня — дудки! Даже если поймают и посадят на пароход, я все равно прыгну в море и удеру. Это точно!

Кой сказал Маму, что в этот сезон будет работать в артели у предводительницы села Шоан. Дочка этой предводительницы — смех один — влюбилась в него, Коя, без памяти. Тут как-то встретила его на рынке, так он от нее насилу отвязался. Все глазки строит, будто артистка. Помани он ее пальцем — побежит за ним без оглядки. И Кой с достоинством заключил:

— Но на что она мне, эта гордычка! Смотрит на всех свысока, будто лучше ее и нет никого на свете!

Мам улыбнулся:

— Не издумай только с ней шуры-муры завести, Куэ тебе шею свернет.

Кой добродушно рассмеялся. Куэ действительно нравилась ему. Да и она, кажется, тоже была к нему неравнодушна. Однако до сих пор никто из них не решился первым сказать друг другу об этом.

В тот день предстояло убрать у Шоан пять с лишним мау в низине, далеко от деревни. Артельщики отправились на участок еще затемно. Когда стали подходить к сторожке воле дамбы, они услышали чьи-то всхлипывания.

— Кто это?..

Мам остановился, прислушался. Кунг, шедший впереди, тоже остановился:

— Скорей всего это Тхонг. Вчера, когда стемнело, я видел, как она подбирала колосья на участке депутата. Подбирай себе на здоровье, но зачем соваться к депутату? Ну, там ей, верно, и всыпали.

Они заглянули в сторожку. Стражников не было. В углу сторожки сидела на полу Тхонг. Одежда на ней была разорвана, руки скручены за спиной и привязаны к бамбуковому колу, торчащему из земли. Увидев Мам, женщина заголосила:

— Жизнью заклинаю, сделай милость, развяжи мне руки, сынок! О небо, совсем они онемели. И ребенок, несчастный, ждет меня не дождетсЯ, все глазки поди вылакал...

Кунг серпом перерезал веревку.

— Надо же понимать, тетушка, — хмуро сказал он. — Ведь говорили: кто полезет к депутату, того до смерти забивают.

— Да-да, теперь-то я это хорошо знаю. Но ведь ребенок-то голодный, иначе разве я покрыва бы свои седины позором...

— Хватит, мать, иди, — остановил ее Мам, — а не то придут люди Кханя — всем нам будет худо.

Женщина не заставила себя упрашивать: подхватив подол, она выскользнула из сторожки.

Мам и Кунг пошли догонять своих. Но вот наконец и участок предводительницы. Мам внезапно остановился: отсюда хорошо был виден небольшой, до боли знакомый холм с одиноким фикусовым деревом. Там, у подножия холма, лежало поле, которое когда-то принадлежало им и которое Кхань прибрал к рукам, а сейчас сдает в аренду семье Хоа. Сегодня они тоже выжили на уборку. Мам стоял на дороге, не в силах оторвать взгляда от одинокого фикуса, который напоминал ему детство. Когда он был еще совсем маленьким, мать сажала его под этот фикус и целый день работала в поле, а он сидел под деревом и

играл один. Сейчас рядом с фикусом поставили шалаш и устроили птичник, обнесли холм оградой — там теперь конюшились сотни уток.

Решив, что Мам любителю птицей, дядюшка Тео зашеялся:

— Чего засмотрелся, сынок? Никак, в птичнике хочешь покататься?

Мам растерянно молчал, но Кой, догадавшись, что происходит в душе друга, усмехнулся.

— Смотри не смотри, землю не вернешь.

Мам вдруг взорвался.

— Не суй нос не в свое дело!

Кой виновато улыбнулся. Что-то сегодня его приятель явно не в себе. Потом он спокойно уселся на меже, раздал тлеющий соломенный жгут и закурил бамбуковую трубку. Подошел дядюшка Тео, повязавший вместо лямки тростниковую бечевку поверх короткой коричневой рубашки. Он взял из рук Коя трубку и с наслаждением затянулся. А Мам схватил серп и пошел по полю, раздвигая руками густые рисовые колосся. Было еще рано. Над полем стоял туман, в воздухе чувствовалась приятная прохлада. Однако чистое, голубое небо предвещало жару.

Тео задрал голову и поглядел на небо.

— Синопсис будет нехорошо, — сказал он. Потом громко крикнул: — Ну, кончай перекур! Вперед, мое храброе воинство!

Около трех десятков мужчин и женщины разбрелись цепочкой по мокрому от росы полю и словно потонули в нем: рис был густой и высокий. А какое удалось зерно! Крупное, плотное и такое спелое, что зерна даже звенели, когда колосся ударились друг о друга.

Капли росы бриллиантовым дождем сыпались с колосьев, когда серпы касались стеблей, и сверкали в лучах восходящего солнца. Шшш! Шшш! — пели острые серпы, подрезая потатливые рисовые стебли.

Мам шел у самого края поля, шагах в десяти от Коя. Кой время от времени поглядывал в сторону приятеля, но видел лишь его спину в коричневой рубашке, мерно наклонявшуюся в такт движению серпа.

С соседнего участка доносился звонкий голос дядюшки Тео.

От реки тянул легкий предутренний ветерок. Стайка

воробьев прыгала в траве по обочине дороги, а те, что посмелее, садились на поле и выискивали упавшие зерна. Растянувшись пелочкой, жнецы стали медленно спускаться к реке. В воздухе еще ощущалась утренняя прохлада, и люди весело перебрасывались шутками. Только Мам жал молча, не поднимая головы. Кой болтал о чем-то с Дытем, и их негромкий разговор доносился до Мама.

Дыть был сегодня какой-то грустный. Не так давно они с Мо решили пожениться, но жадные родители его подруги, подбившись на полсотни дойгов, отдали дочь третьей женой за чиновника Кана. У этого Кана не было сыновей, и теперь, в надежде занять наследников, он зачастил к лекарю Зю за подкрепляющим. Эту историю передавали из уст в уста как анекдот. Дыть совсем извелся, возненавидел Мо и решил уехать из села куда глаза глядят.

— Слушай, — сказал он Ково, — задумал я податься в солдаты. Уеду в Европу и разом покончу со всей этой историей! Противно мне ее бесстыдство. Ведет себя, как блудливая сука.

— Подумаешь! Пошли ее подальше... Есть из-за чего убиваться! Педаром гонорится: «Изменила лавчонка ко-косу, с которым вместе стояла на дороге. Лавчонка сгни-ла, а кокос и сейчас цветет».

Дыть глубоко вздохнул. Со стороны, где работал дя-дюшка Тео, слышался смех. Видно, чтобы подраздорить свою племянницу Тхом, он занял:

Сверканьем звезд переполнено небо:
Высокая — муж, с нею шже — жена.
Когда девчонка длинна, как тополь,
Звезда ей высокая очень нужна¹.

Кой обернулся в их сторону.

— Послушай, Тхом, что я тебе спою.

Когда у лодки нет руля, она пути не знает,
Когда тесемки порваны, срывает ветер лоп.
Но лодке руль пригодается, тесемки снова слягут,
А девушку к семье привинтит только муж.
Очень плохо девушке без мужа жить одной

Кой пропел и, довольный, рассмеялся. Но из густого спелого риса тут же зазвенела ответная песня Тхом:

¹ Перевод стихов А. Еремипа.

Кто там голос падает, или только слышится?
Ты напрасно задумался, бесплодно думайся!

Ты и сам-то без руля, пальма ты арекова!
Полюбили бы тебя, да любить-то некою!

Париж все уж возмужали и детьми обзавелись!
А тебя, бесплодной пальме, только молча жать бы рис!

Ночью ты лежишь один, на циновке вертнешся.
Что способен ты любить, шпэму не верится!

Смех прокатился по всей цепочке.

— Ну что, получил? — закричал восхищенный
Дыть. — Так тебе и надо!

Солнце поднималось, заливая поля горячими лучами. Люди обливались потом. Он струился по лицу, по плечам, рукам, но жатва продолжалась, никто не уходил, и по-прежнему ступали босые ноги по земле, с шелестом ложились стебли, срезанные серпом. А женщины все ближе подходили к реке, оставляя за собой покрытую длинными рядами сжатого риса полосу. По ней уже прыгал чай-то ценок, обнюхивая свежескошенные стебли.

Мам продолжал работать сосредоточенно, не поднимая головы. Он легко орудовал серпом, и под хруст колосьев постепенно таяли недавние обида и злость, на душе вновь становилось спокойно и радостно. Он с усмешкой слушал шутки, сылавшиеся вокруг.

С самого утра люди работали не разгибая спины, и теперь все уже чувствовали усталость. Солнце поднялось высоко, все сильнее горели плечи, песни смолкли, разговоры прекратились. Над полем слышались лишь мерный хруст колосьев да тяжелое дыхание жнецов. Было решено сделать побольше с утра, чтобы в полдень и во второй половине дня, когда солнце печет особенно немилосердно, было полегче. А колосья все падали и падали, устилая землю сплошными рядами... Но вот дядюшка Тео шумно вздохнул, медленно разогнул спину и вытер потное лицо.

— Фу-у! Всю спину разломило старику!

Кой тоже распрямился, снял нон, смахнул пот со лба.

— И не только тебе, старику, я тоже едва держусь на ногах.

Оба рассмеялись и пошли отдохнуть на межу. Перестал работать и Мам, он обернулся и поглядел на сжатое поле, устланное желтыми рядами сжатых стеблей.

На дороге несколько человек вязали снопы, складывали их в корзины и на коромыслах несли к хозяйке во двор.

— Мам, — крикнул Кой, — иди попей води!

Мам подошел, уселся рядом и, взяв из рук приятеля бамбуковую флягу, стал пить жадно, не отрываясь от ее пахучего края. От утреннего раздражения не осталось и следа.

Знойные лучи слепят Маму глаза. От густых испарений становится душно. Солнце жжет спину даже сквозь рубашку. Все тело омыто едким потом. Перед глазами колышется мутно-красная пелена. Горит во рту, пересыхает в гортани, по лицу непрерывно стекают крупные капли соляного пота, пот щиплет глаза. От усталости и жары ломит спину, плечи. Временами Маму кажется, что от этой работы он теряет сознание. Руки сами собой еще повторяют привычные движения, но в глазах плывут и плывут, застилая все, яркие круги. Шшик... Шшик... Легко и быстро снуют серпы. Люди наклонились к земле, в глазах рябит от колосьев. Шшик... Шшик... Рука захватывает горсть стеблей, колосья вздрагивают. Шшик... Жнецы идут и идут, склонившись к земле. Время от времени то один, то другой распрямится, нарушая ровную линию согнутых спин, сверкнет на солнце нон, опишет полукруг золотой снопик и ляжет ровненько в ряд с другими. И снова склоняется жнец... А солнце печет немилосердно. Но вот налетел случайный порыв ветерка, и людей обдает жаром, словно из печи. Мама мучит жажда. Он идет к меже, хватает бамбуковую флягу и осушает ее всю, до дна. Вода отдает свежим бамбуком и кажется удивительно вкусной. Потом он возвращается и с прежним азартом продолжает работу, будто и нет изнуряющей жары. Неожиданно спина ощущает странную прохладу. Запрокинув голову, Мам видит, как над головой плывет стайка туч. Это они на какое то мгновение защитили его от раскаленных лучей безжалостного солнца. От голода у Мама вдруг засосало под ложечкой.

В полдень снопы отнесли в село и, наскоро перекусив, возвратились в поле. Чем ближе к вечеру, тем многочисленнее становилось на дороге, тем оживленнее работали жнецы. Жара заметно спала, кое-где слышались разговоры, смех... Кой теперь работал рядом с Тхом, и они то

и дело перебрасывались шутками. Их голоса напомнили Маму Соан. С того дня, когда она приходила навестить больную мать, прошло почти два месяца.

Мам любил Соан, но боялся признаться ей в этом. В тот вечер он специально пришел, чтобы посидеть, поговорить с ней, но едва увидел ее, как все слова застряли у него в горле. Так вот и получилось, что вся встреча продолжалась лишь минуты две три. А на завтра чуть свет Соан снова отправилась в хозяйскую усадьбу. Сколько пережил он тогда из-за этой неудавшейся встречи! Маму было очень жаль бедняжку Соан, которой за все ее детство выпало так мало радостных минут и в глазах которой таилось что-то такое, о чем было известно лишь ей одной... Да, у Соан были такие глаза, которые словно говорили. Сейчас Мам мечтал лишь об одном: хорошо бы Соан была такой же вольной, как вот эта Тхом. Пусть Тхом бедна, все равно она во сто раз счастливее Соан! Нет, нужно обязательно что-то придумать и освободить Соан из кабалы. Маму не раз приходила в голову мысль бросить все и податься куда нибудь на заработки, сколотить денюжат, вернуться и выкупить Соан... Но куда пойдешь?

— Это что же такое! Какой сунин сын вижет снопик так, что половина моего риса остается на дороге?

Крикливо брань заставила Мама обернуться. По дороге металась предводительница Шоан, их хозяйка. Она то и дело наклонялась, подбирая упавшие колоски, и громкий голос ее дребезжал, точно кто-то бил по разбитой миске.

Солнце совсем уже опустилось, коснувшись верхушек тростника, темневшего вдалеке. На обочине дороги, что тянулась вдоль поля, с которого уже убрали рис, маячили фигуры людей. Это были люди Шоан, они пришли подгонять жнецов и следить, чтобы те не таскали рис. По другую сторону дороги стояла толпа оборванных крестьянок с детьми, они терпеливо ждали, когда хозяйка со своей свитой уйдет с поля, чтобы подобрать колосья.

— А вы что здесь торчите? — шипела Шоан. — Приготовились грабить чужое добро?

Вдруг на дороге послышались крики, кто-то гудко зацепая босыми ногами по утоптанному грунту.

— Ах ты, воровка проклятая! — завопила предводи-

тельница.— Что же вы стоите? Бейте ее, бейте, пока не сдохнет, я отвечаю!

Двое слуг схватили какую-то женщину, которая бросилась было на дорогу собирать колосья, и тут же стали бить ее чем попало...

Солнце быстро садилось за горизонт. На западе облака горели багровым пламенем. Мам почти не разгибался, он хотел поскорее дожать последний клочок. Наконец он поднял голову и увидел перед собой речку, окрашенную багрянцем заката. Теперь, когда урожай был снят, поле преобразилось. Еще сегодня утром от речной отмели до самой дороги оно было покрыто спелыми колосьями, а сейчас кругом расстилалась лишь золотистая стерня, рдеющая в лучах заходящего солнца. С реки потинуло свежим ветерком. Над рекой, над желтым морем рисовых полей плыли, наполненные ветром, корячневые нарусы джонок.

Жнецы довозывали последние снопы и на коромыслах спосили их во двор к хозяйке. Шоан с дочерью и дворовыми все еще никак не могли успокоиться. За дорогой, на межах, на могильных холмиках, сидели на корточках бритые мальчишки и лохматые девчонки, сидели женщины с изможденными лицами. И дети и взрослые жадным взглядом провожали каждый сноп, уносимый с поля. Предводительница приказала слугам подобрать с дороги все колосья, все зерна и все ходить по полю, проверяя, насколько чисто снят ее урожай, не остался ли где ненароком несжатый клочок. И только когда стало уже совсем темно, когда последний работник покинул поле, предводительница тоже отправилась домой. Едва она скрылась, как женщины и дети, сидевшие вокруг, словно стая голодных уток, высыпали на дорогу и на поле. Может, хоть что-нибудь осталось! Они долго еще бродили вьотьмах, шаря по полю в надежде найти случайные колоски.

ХИ

Взошла луна. В деревне не спали, шел обмолот. Двор предводительницы был полон людей. При бледном свете луны они стояли парами и, поочередно поднимая над голову снопы, с силой ударяли им по камню. И так

раз за разом, без конца. От этих ударов в воздухе стоял непрерывный гул. Время от времени, обмолотив сноп, кто-нибудь из работников ослаблял соломенный пояс, которым схвачен был сноп, и отбрасывал назад солому. Описав дугу, сноп мягко шлепался где-то сзади. Зерна сыпались дождем, отскакивая от камней, и ложились плотной поленой на землю. Казалось, люди исполняют какой-то замысловатый танец на залитом лунным светом дворе. Они знали, что эти золотистые зерна им не достанутся, но слаженный ритм общего труда рождал в их душе какую-то светлую радость. Старый Тео стоял в паре с приемницей Тхом, а Кой работал с Мамом. Он нет-нет да и отпуская шутки.

— Ну и мягко же вы бьете, дядюшка!

— А как же! Ведь чем старше, тем мягше, чем мягше, тем дольше, ну а чем дольше, тем топчан растрясется больше!

— Сначала надо жениться, дядюшка! Живете бобылем, а туда же, топчан растряссти надумали...

Дружный хохот покрыл слова Коя.

Тхом-то не заботится никак подыскать дядюшке невесту, вот он и живет один, сердечный, словно круглая сирота.

— Я не раз говорила ему, да ведь разве он меня смущает!

Старый Тео добродушно улыбался.

— А кто за меня пойдет? Беден, как церковная крыса, да еще и стар в придачу!

— Никто не ведает, где черт с педьмой обедает. Глядишь, еще такую молодку отхватите!

— Может, и так, ведь не зря говорят: и сленой кот жареную рыбку может ханнуть!

Кругом снова захохотали.

— Хватит вам! Там Куэ поет, дайте послушать.

С другого конца двора донесся чистый девичий голос, до того нежный и ласковый, что все невольно притихли.

Трепетным светом луна круглолицая полила сплывшем ночью. Верхушки бамбука в предугроженном свете колыхнет легкая дрожь. Я полюбила тебя навсегда, забыть мне тебя немощь.

Мам обернулся и замер, он словно хотел понять, откуда у Куэ берется этот удивительный голос, от которого захватывает дыхание.

Почту любви нести тяжело, как груз через дышащий пролет.
Дороги любви совсем не легки, но сердце от счастья поет.
Как птичка, сердечко попало в силки, ах, что его завтра ждет?

Казалось, голос девушки заставил умолкнуть все остальные голоса: видно, каждому хотелось послушать, как поет Куэ.

Но тут за воротами громко залаяли собаки и несколько мужчин вопли во двор.

— Дома ли господин предводитель?

— Кто там? Ах, это вы, староста!

— Да, и со мной чиновник по сбору налогов.

На пороге показалась Шоан.

— Боже мой! А я сражу и не поняла, кто это пришел. Заходите, заходите в дом, господа.

Песня смолкла.

Мама охватила грусть. Слова песни не выходили у него из головы. Улучив момент, когда во время отдыха все столпились вокруг котлов с водой, он подошел к Куэ. Смуглолицая, стройная, лицо в едва заметных оспинках, живой взгляд удлиненных, темных глаз. Вокруг девушки уже вертелся Кой, он рассказывал ей что то смешное.

Было далеко за полночь, когда село наконец затихло. Мам с Коем отправились купаться на реку. Луна стояла высоко, потянуло прохладой. По воде ходили, переливаясь, сверкающие пятна ряби. Кой доплыл до самой середины и, словно выдра, нырял и плескался, наслаждаясь прохладой реки. Мам уже давно был на берегу, оделся, а Кой все не вылезал из воды.

— Слушай, Кой, скоро, видно, нам с тобой идти отбывать трудовую повинность, — сказал Мам, когда Кой стал одеваться.

— Кто тебе сказал?

— Я поднимался к хозяйке за лучиной прикурить и слышал краем уха их разговор. Староста сказал, что только из нашего села возьмут восемьдесят человек. А всего из провинции — две с половиной тысячи! В Хайфон отправят строить аэродром. А отправка послезавтра.

— Так скоро! Но почему ты думаешь, что именно нас?

— Сам подумай: кто еще, кроме нас, остался то?

— Да... Ты прав, пожалуй!

Кой оделся, пригладил мокрые волосы и присел рядом с приятелем.

— Что ж, пусть отправляют! — вдруг заявил Кой. — Хотя подумаю, что за город этот Хайфон. — Тут он сплюнул, прибавив крепкое словцо. — Нам с тобой один черт. Куда пошлют, туда и пойдем!

Но Кой непросту хорохорился. На самом деле он думал о последнем разговоре с Куэ. Он так и не решился сказать ей тогда, при народе, о своих чувствах. А сегодня, закончив уборку у Шоан, Куэ должна была идти работать в Тям. Когда теперь доведется им встретиться!

— А ты не слышал, — спросил он у друга, — на какой срок забирают?

— Говорят, месяца на три.

— Туды их в корень! — не выдержал Кой. Но и почему?

Мам улыбнулся.

— Хочешь остаться, сходи поклонись Винь. Пусть она только шепнет отцу, тот похлопочет!

— Плевать я на нее хотел!

— Почему же? Она вроде недурна!

— Красив плод, да с червоточинкой... — отшутился Кой. — Видел бы ты, как она сегодня разозлилась на меня. Все вертелась на кухне, знаки разные подавала, а я будто и не замечаю.

Помолчали. Кой опять вспомнил удлинённый разрез глаз и берущий за душу голос. А Маму захотелось рассказать другу о Соан...

— Слушай, Кой... В этот раз я, может, долго не вернусь в село...

— Это почему же?

— Думаю остаться в Хайфоне, подработаю денюжат, тогда и вернусь. Здесь ведь не выбьешься, всю жизнь будешь голодать.

Мам вздохнул. Ему хотелось сказать, что деньги ему нужны, чтобы выкупить Соан, но он сдержался. Ведь не известно, удастся ли ему все это осуществить.

— Тебе-то что, — с грустью отозвался Кой, — ты один. А у меня отец на руках, как его бросишь...

Друзья встали и набрали дров. На дороге они попрощались и разошлись. Мам уже жалел, что не рассказал приятелю о Соан. Не сегодня-завтра уезжать, и не

известно, когда он вернется в родное село. Хотелось поинтересоваться Соэи, но как это сделать? Вряд ли она сумеет выйти за ворота. Ворота наглухо закрыты и днем и ночью, кругом стража. А стены такие высокие, что ничто живое не переберется через них. Разве что птицы...

Дойдя до окраины села, Кой заметил на дороге фигуру женщины. Женщина быстро пошла в сторону соседней деревни. Кто бы это мог быть? Кой ускорил шаг.

— У-у-! — озорно крикнул он, подойдя сзади к женщине.

Та вздрогнула и разом обернулась.

— Черт! Испугал как, прямо душа в пятки ушла. Куэ остановилась и перевела дух. Кой улыбнулся.

— Куда это ты так поздно?

— Это мое дело.

— Здорово! За что же так немилостиво? А не боишься одна идти мимо твоей? Вот схватит тебя ночью черт за горло, да так, что язык вывалится!

— Ох и душень! Ну кто на ночь глядя болтает такое? Даже мурашки по телу забегали!

— Ну ладно, не буду. Ты в Тям собралась?

— Да, угонорилась работать завтра у Куэи, у них и почевать буду. А ты где завтра будешь работать?

— Завтра я еду в Хайфон...

— Зачем?

— На работу. Будем строить аэродром, разрази его гром, для господ французов-каранузов, чтобы били не то японцев, не то китайцев — желтых зайцев.

— Ну и зубоскал ты! Тебе бы все шутить!

— Нет, правда. Так же верно, как то, что у головастика в конце концов отпадает хвост! А если совсем серьезно, еще не знаю, завтра или послезавтра.

Они вышли к кладбищу рядом с изгородью Гань и оказались под густой кроной огромного баньяна. Темнота заставила их умолкнуть. И тут Кой внезапно почувствовал, как его охватило неясное волнение. Ему неудержимо захотелось обнять девушку. От этого тревожного чувства ему было и странно и неловко. Горло так пересохло, что, спроси его о чем-нибудь Куэ сейчас, он, верно, не смог бы выговорить ни слова.

Но вот они вышли из тени. Куэ прибавила шагу. Кой пошел сзади, не отрывая взгляда от ее плеч, облитых

тонкой коричневой кофточкой. Он немного успокоился, но все еще молчал, ему трудно было собраться с мыслями. Дорога шла между двух рядов тенистых нянов и вся была залита серебристым светом. Куэ продолжала молчаливо и как-то скованно шагать вперед. Она тоже испытывала тревожное волнение. Она уже давно обратила внимание на Коя, этого смиренного, озорного парня. Но когда она почувствовала, что Кой постоянно ищет встречи с ней, она ощутила и приятное волнение и страх, страх перед превратностями любви. На собственном горьком опыте испытала она, какое горе может принести любовь, и боялась этого чувства. В этот вечер, после того как она спела, Кой сказал: «Куэ, мне нужно повидаться с тобой». И вот не успела она обдумать его слова, как судьбе было угодно свести их. Видно, на роду ей было написано встретить этого печального малого. Она остановилась и неожиданно сказала:

— Ну, довольно, возвращайся.

— Не пойду!

Он хотел сказать это шутливо, но голос прозвучал как-то иначе, естественно. В мягком свете луны ослепки на лице Куэ стали не видны, а узкие глаза смотрели на него прищурясь и словно смеялись. Сердце у Коя заколотилось сильнее. И вдруг хитрый прищур исчез, глаза округлились, потемнели от страха. Кой, не помня себя, схватил Куэ за руку и увлек в сторону сада, под густые кроны нянов. В саду было темно: свет луны почти не пробивался сквозь листву. Они стояли, прижавшись друг к другу, чувствуя, как судорожно бьются их сердца, как с трудом вырывается сдерживаемое дыхание, как бурлит молодая кровь... Куэ уронила голову на плечо Коя, веки у нее медленно опустились, а тело вдруг послушно прильнуло к нему. Листья няна прошуршали и сомкнулись, скрыв их от всего мира...

Куэ поднялась, но Кой еще лежал, смежив ресницы, не выпуская руку девушки из своей.

— Пусти, мне надо идти, а то уже поздно. Завтра вечером жди на берегу. Где встретимся?

— Приходи к большому капоковому дереву, туда, где ловят рыбу, — сказал он.

Куэ ушла, а Кой долго еще сидел под деревом, не в силах прийти в себя. Ему казалось, что он еще чувствует на своем лице прерывистое дыхание Куэ.

И снова забурлило село, услышав о трудовой повинности. «А как же с уборкой урожая?» — спрашивали все друг у друга. После жарких, ясных дней небо вдруг затянуло тяжелыми тучами. Те, кто еще не успел убрать рис, с тревогой поглядывали на небо, оно не предвещало ничего хорошего. Особенно тяжело придется тем, у кого мужчины пойдут отбывать повинность. Дома работы полно, а тут уходить. «Как то без меня дома управятся?» — думали уходящие на отработку, а остающиеся тревожились за своих близких, ведь ничего не было известно: куда посылают, на сколько, на какую работу. Вот почему слово «повинность» пугало всех...

Весь следующий день лицо Коя то и дело освещалось счастливой улыбкой, его как будто совершенно не касалась происходящая в селе суматоха. Он испытывал удивительное чувство легкости и некоторой ошеломленности, словно все еще чувствовал Куэ рядом с собой. Вечером он занял домой, чтобы собраться в дорогу. Собственно, собирать-то ему было нечего: одна пара белых, старая циновка да патицка из пальмовых листьев на случай дождя. И старый, дырявый пон. Даже во время ужина с отцом он чувствовал себя так, точно парил где-то под облаками. Едва наступил вечер, Кой отправился на условленное место.

Берега Лыонга заросли в этом месте густой травой. На фоне томящего неба четко выделялся одинокий силуэт старого дерева, наклонившегося в сторону отмыли, почти всегда выступавшей посреди реки, как только приходила жасуха. На всякий случай Кой отошел от дороги подальше и присел, скрывшись в траве. Но не прошло и минуты, как москиты тучей набросились на него и так свирепо стали жалить, что Кой не выдержал, выскочил на открытое место и уселся на корточки под деревом, прижавшись спиной к его стволу.

С реки дул прохладный ветерок, напоминая о конце осени. Неумолчно звенели цикады, где-то издали квакали лягушки. Небо совсем потемнело. Время от времени Кой выглядывал на дорогу, но Куэ не показывалась. Ему казалось, что он идет уже целую вечность. Ваошла луна, нетерпение Коя росло. Ущербленный диск бесшумно плыл среди облаков, освещая все вокруг тусклым

светом. Заблестела река, над водой поднялся легкий туман.

Кой начинал злиться. Может, она вообще не придет? Поисками черные мысли, с каждой минутой разрастались тревога, сомнения, подозрения... И зачем он только полюбил ее! И так сразу... Кой представил себе, что вся история уже стала известна. Вить и она, скривив губы, говорит: «Я-то думала, что он парень стоящий! А этот жестокий итенец, оказывается, связался с бабой, у которой уже был один муж. Она же все в жизни прошла — и огонь, и воду, и медные трубы. И по любовникам богата. Певичка, одно слово! Только и знала, что бродить по деревням да песни распевать. Вот ее муж и пропал». Подобные речи Кой не раз слышал о Куэ. Ему неизвестна была ее прошлая семейная жизнь. Знал он лишь, что, разламывая с бродячей труппой, она вышла замуж за такого же, как сама, певца. Года два три назад муж бросил ее с ребенком на руках, с тех пор она живет у матери и с трудом сводит концы с концами. Но может, и правда она гулящая? Странно все-таки, почему она не идет! И почему она сразу ему отдалась? Или считает это минутным развлечением? Кой вскипел было, но тут же вспомнил миндалевидные глаза, широко раскрытые, черные, влажные... Нет, невозможно, чтобы эти глаза... А может, случилось несчастье? И Кой почувствовал, что любит Куэ, любит ее всю, и ее глаза, и ее податливое тело.

Но вот у отмени маленькую чья-то фигура. Кой изогнулся... Потом на дороге показался знакомый силуэт и тут же скрылся в густой траве. Видно, Куэ шла не от дома, а от реки.

— Ты давно ждешь меня? — тихонько спросила она, едва переводя дыхание, и боязливо оглянувшись, словно за ней кто-то гнался.

Он ничего не ответил. Просто взял ее за руку и повел вдоль берега. Оба молчали, застывшие, как и вчера. Минутами казаву, они очутились у небольшого шалашика, спрятанного в зарослях камыша.

— Ну, вот и мой дом, — улыбаясь Кой, сел на землю.

Низенький, крытый солом шалаш был обращен выходом в сторону реки. Там укрывался в нем от солнца и дождя, когда доил ябл и кроветок.

Куэ, все еще смущаясь, опустилась рядом, потом мед-

ленно сняла с головы косынку и вдруг, повернувшись к Коя, спрятала лицо у него на груди. Он обнял ее, а затем, слегка отстранив от себя, долго смотрел в глаза, не в силах оторвать от нее взгляд. В глубокое сияние луны она казалась ему еще красивей. Какой у нее маленький и прямой нос! Как черенок пальмового лиотика! А губы сейчас чуть сухие, запылись! И какие славные эти реснички на лице! Они ей так идут. Ну а глаза... Тут Кой даже не мог подыскать сравнений, до того они были прекрасны. Сейчас они смотрели немного загадочно, внимательно разглядывали Коя, и странно, в них одновременно чувствовалась и твердость, и упрямство, и какая-то детская наивность.

Куэ тоже поняла, что полюбила этого парня, и была благодарна ему. Но тревога за будущее не оставляла ее. На горьком опыте она знала, что, если женщина неосмотрительно поддастся чувству, ей потом не избежать беды. Знала... Но сейчас, когда смотрела на Коя, вся была переполнена своей любовью и ей было не до рассуждений! Из-за облаков выглянула луна. Луныный свет проник в палаш и поджег голубоватым огнем высохшее сено, устилавшее земляной пол. Они забыли обо всем на свете. Сменялось жаркое дыхание, смелись молодые, жадные тела и поплыли, понеслись по петляемой реке, сквозь пороги и водовороты, то беззащитно доверяясь ей, то облитые страхом и смущением. Временами они словно пробуждались от грез, и тогда в лунных сумерках две пары глаз светились стыдливо и восторженно. У Куэ покраснели щеки, она зажмурилась, ее грудь переносила счастье.

Вдали плескалась река. Ветер шептала травой. Луна поднялась высоко, темно, было уже на полночь.

Куэ лежала и смотрела на небо. Вдруг она рассмеялась.

— Ты чего? — Кой приподнялся.

— Так... — Она притянула его голову к себе на грудь.

Кой, как ребенок, ласково закрыл глаза, когда Куэ стала гладить его волосы. Он потерял мать, когда был совсем маленьким, и рос сиротой. Ласку он видел редко. Он был тронут до глубины души, только сейчас узнал этот деревенский парень, что значит нежность, ласка и как может быть удивительно хорошо, когда любишь и любим. Он сжал нежные плечи Куэ.

— Спой мне что-нибудь.

— Не проси, не надо, — чуть помедлив, ответила она.

— Почему?

— Мне сейчас так хорошо, что я не могу петь.

— Завтра я уезжаю, когда еще придется услышать тебя?

Она задела. Сначала едва слышно, потом, захваченная песней, громче.

Зачем и кому надо было луну
На две половинки делить?
Зачем было нужно дорогу одну
Тропинками разъединить?

Луна серебрит слезинками путь,
Трава вдоль дороги плачет..
В разлуке далекой, мой друг, не забудь
Жемчужиной — слезянок горячих.

Трепетный голос звучал у самого уха Кой. Глаза женщины странно блестели, и Кой показалось, что блестят они от слез.

— Что с тобой?

— Ничего...

Она сказала «ничего», но слезинки предательски побежали по щеке. Что это с ней? Может быть, Куз вспомнила что-нибудь из далекого детства? Или из своего несчастного замужества? А может, ее просто расстроила песня? Слезы бежали, но она улыбалась, и непонятно было, что творится у нее в душе.

— Что с тобой, Куз?..

Кой притянул ее к себе, словно хотел прочесть ответ в ее глазах, но глаза — омуты, разве под силу читать в них? Он лишь догадывался, что много, видимо, было в жизни Куз такого, о чем ему и не догадаться. В груди невольно появилось противное чувство ревности к ее прошлому. Куз уже улыбалась.

— Уедешь — не забудешь?

— Зачем эти слова?

— Боюсь. Недаром говорят: с глаз долой — из сердца вон...

— Глупости! Я не такой.

— Придет время, и тебе надоем, станешь попрекать прошлым и бросаешь...

Куз отвернулась, и снова по щекам побежали слезы. Умная и добрая, но ведь она всего лишь женщина, а уеде

женщины — ждать и надеяться на верность мужчины. Кой это знал, потому и не отвечал, только крепче прижал ее к себе.

— Это я так. Не вернешься — жалеть ни о чем не стану. Ну, не сердись. Я ведь перю тебе, но мы так уж устроены: все что-нибудь выдумываем. Не сердись...

Луна снова зашла за тучи. Они продолжали шептаться, пока Кой не задремал, положив голову на ее грудь. Она лежала, широко раскрыв глаза, и боялась пошевелиться, лишь прислушивалась к его ровному дыханию. А в нем сейчас жили два чувства — огромное счастье и страх.

За рекой, в селе, пропели первые петухи...

XIV

Маму так и не пришлось повидать Сяни, и он не просил тетюшку Дон передать ей о своем отъезде. Сейчас, сидя в поезде, он не отрываясь смотрел на приглянувшееся мимо поместье Кхэня. Кой тоже протиснулся к окну, стараясь отыскать где-то там, на берегу реки, заветное одинокое дерево. Каждый из них думал о своем, провозжая глазами знакомые купы деревьев и камышовые заросли. Но вот и они скрылись из виду...

Тетюшка Дон встретила с Сяни лишь через несколько дней после отъезда Мама, когда принесла в поместье Кхэня рис от семьи Хоа.

— Знаешь, дочка, — сказала она, отойдя от пруду, — Мам уехал в Хайфон.

— На отработки?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Сама догадалась. Я уже в тот раз подумала, что его все равно возьмут. А много вещей забрали?

— Много, почти всех. И Кой, и Дыти. Даже Бао поехала. Муж болен, так она должна отработать за него. Тхом тоже взяли. Дядюшку Рань, дедушку Сюэна. Он поехал вместе с игрушкой. Староста сказал, в следующий раз и твою мать заберут. А нет, так Ка поедет вместо нее.

— С ума они сошли! Как же она поедет?.. Кстати, вы не знаете, начал работать наш Ка?

— Начал. Служит у Бат.

— Вы не видели его? Ох, боюсь, достается ему там. Ведь чуть что — она сразу же бить.

— Ну, уж больше, чем здесь, нигде не бьют!

Обе невольно подняли глаза на веранду второго этажа. Окна там были еще закрыты. Во дворе уже собралась порядочная толпа крестьян. Это были дожиники, они принесли рис, чтобы расплатиться с долгами, внести аренду, и теперь сидели, ожидая своей очереди.

Соан долго колебалась, но затем как бы невзначай спросила самое важное:

— Тетя Дон! Перед отъездом Мам ничего не просил передать?

Спросила и покраснела, отъерзулась, будто разлилась слезами. И хоть тетюшка Дон была не ахти как принципиальна, от нее не ускользнуло смущение девушки. Жаль ей было этих молодых людей. Ведь не случись Соан попасть к Гханю, они, наверное, уже связали бы свою судьбу.

— А как же! — ответила Дон, словно не заметив смущения девушки. — Просил поклон передать, сказал, если удастся подыскать в Хайфоне работенку, так там останется...

— И не вернется? — воскликнула Соан.

Кто сказал, что не вернется! Подработает денюжат и придет. Куда ему деваться!

Тетюшка Дон отвечала очень уверенно, между тем она и сама толком не знала, что надумал Мам. Многие уезжали из села на заработки, часть возвращалась, а другие пропадали надолго. Видно, и Соан подумала об этом, потому что на лице у нее вдруг появилось выражение растерянности.

Их беседу прервал крикливый голос хозяйки. Соан испуганно обернулась.

— Ну ладно, тетя Дон, хозяйка уже ждала, надо бежать подавать им умыться.

Отъезд Мама расстроил Соан, она ходила словно в поту опущенная. Днем еще спасала работа, ее было столько, что порой темнело в глазах и было не до раздумий, но ближе к ночи, когда девушка оставалась на кухне одна, она снова, как в детстве, погружалась в свои мысли и мечты, которые пронеслись вереницей под монотонное бульканье воды, кипящей в котлах.

Вначале ее пугали поэтичные мысли о Маме. Она старалась не думать о нем. Однако незаметно Мам вновь овладевал ее помыслами, и она со страхом замечала, что в ее голове рождаются картины, какие раньше она считала бы дурными и даже постыдными для девушки. Она очень жалела, что в тот раз не сумела поговорить с Мамом наедине. Возможно, тогда ему не пришло бы в голову покинуть село. А если бы и уехал, то наверняка сказал бы, когда вернется, не оставил бы ее в неизвестности. Но теперь жальей не жальей — ничего уже не сделаешь!

Однажды Соан приснилось, что она летает. Летает высоко, под самыми облаками, и так быстро, что дух захватывает. И так ей было весело летать! Далеко внизу виднелась волнистая цепь гор, мелкими излучинами какой-то реки. Местность казалась знакомой, но сколько Соан ни силилась припомнить, что это за места, ей так это и не удалось. И вдруг в ее радостное состояние вошло ощущение потери, какой-то горечи. И сразу радость сменилась грустью. Соан уже не летела, а шла, шла одна по пустынной дорожке среди рисовых полей. Потом рядом с ней внезапно оказался Мам. Он взял ее за руку, улыбнулся и пристально посмотрел ей в глаза. Соан проснулась, и спрессонья ей показалось, что кто-то в самом деле держит ее за руку. Сон разом слетел, и тут она увидела, что это ее собственные руки сомкнулись, словно в рукопожатии. Сердце у нее билось тревожно, а все тело было в какой-то сладкой истоме. Она так и не разняла рук, решив, что сон еще продолжается и что это Мам держит ее за руку. Его улыбающееся лицо стояло у нее перед глазами, и она едва не заплакала от обиды. Мам! Соан вздрогнула. Уж не велух ли она позвала его? Кровь бросилась ей в лицо... С этого дня Соан уже не могла не думать о Маме.

Постепенно Соан перестала стыдиться своих мыслей о Маме. Поздними вечерами, оставаясь одна в большой темной кухне, она либо сидела у очага, либо, свернувшись калачиком, лежала на старенькой циновке и, не в силах сомкнуть глаз, все думала и думала. В эти минуты ее тяжелая жизнь отступала куда-то. Широко раскрыв глаза, она часто рисовала в своем воображении встречу с юношей. На нем белая европейская рубашка, на голове белый пробковый шлем, а на ногах парусиновые

туфли, такие, как у учителя Хоя. Он привезет с собой деньги, заплатит долг и уведёт ее из этого ненавистного дома. Он возьмет ее за руку, вот так, как ей пришлось... И снова ее руки смыкались сами собой.

Но сладкие мечты внезапно обрывались, и вокруг Соан снова зияли пустота и холод. Мам уехал, и не известно, вернется ли он. От этой мысли ее горло сжимала спазма, на глаза навертывались слезы. Она тяжело вздыхала, закидывала руки за шютову и, сжав ладони ми затылок, старалась сдержать рыдания.

Соан заметно изменилась. Она совсем замкнулась в себе и стала настолько молчаливой, что порой казалось, будто ее душа уже рассталась с телом. От мучительных переизвращений, которые она постоянно носила в себе, Соан как-то сразу повзрослела. Детство ушло, и ей открылось в жизни многое такое, о чем прежде она и не задумывалась.

Уборка урожая закончилась. Поля обжилились, оплетившись редкой стерней. Рис прокушили, привезли, и тут как раз подошел день уплаты налогов и долгов.

Солнце уже поднялось на высоту шеста, когда в поместье Кхия ворота заскрипели и распахнулись.

На самых разных деревнях стекались сюда крестьяне, сгибаясь под тяжелыми коромыслами. Те, что шли из деревень подальше, прихватывали с собой скатанный в комки вареный рис, завернутый в банановые листья. Они не осмеливались заходить в придорожные харчевни, а только просили иногда вынести им воды. Брали с собой еще плоды аржаной пальмы или курицу: без этого сдать рис было трудно.

На просторном мощеном дворе становилось многолюдно. Крестьяне теснились перед складом в ожидании своей очереди. Но двору расхаживали несколько огромных лохматых собак, при виде этих свирепых псов люди неповижно застывали на месте. Особенно страшна была огромная овчарка, она обосновалась в углу двора и с каким-то презрением поглядывала на оборванных, грязных людей.

Прыцавший Лонг со сворой своих родичей стоял у земляного приступка склада. На приступке, рядом со столом шваря, восседала сама хозяйка. Двери склада были раскрыты, и где-то там, в темной глубине, на дере-

вянном настиже высились огромные цилиндрические зернохранилища, доверху наполненные рисом.

Несколько крестьян из села Тюонг молча выходили за ворота с пустыми коромыслами. Лица их выражали и смятение и растерянность. Такой был урожай, а они снова остались ни с чем. Половину пришлось отдать за аренду земли, потом шла раслата за буйвола, за семена... Вот и получалось, что семь долей уходило за тот рис, что брали в долг до нового урожая, помещику, а три оставалось крестьянину. А до нового урожая ждать целых семь месяцев. Но ведь не уплачен еще налог, что-то надо оставить на семена, что-то надо продать, чтобы купить кое-какую одежку, лекарства... Да и на поминки предков надо... И все из этих несчастных трех долей. Выходит, не успеешь оглянуться, как надо снова затягивать поясок потуже, есть два раза в день, причем один раз рис заменять бататом либо кукурузой, а в другой раз хлебать рисовый отвар, чтобы сэкономить котелок другой риса да как-нибудь дотянуть до Нового года. А в январе снова все чуть жижи, да и то сказать, на одном батате не разжиреешь. Щеки вваливаются, лица бледнеют, снова надо идти к помещику и просить в долг или заниматься к нему же, только бы дотянуть до нового урожая. А там все опять повторяется сначала... И так всю жизнь... А случись ураган или наводнение? Десятки тысяч мрут от голода. Так и переходит эта нищета из поколения в поколение...

Взглянув на молчаливую очередь крестьян, Прыщавый Лоне ткнул пальцем в одного из них.

— Этот!

Худой и обросший крестьянин в латаной одежке подошел к пристанку. Хозяйка бросила одобрительный взгляд на гроздь плодов арековой пальмы и увесистую утку, которые он положил перед ней, и приказала отнести их на склад.

— Как твое имя? — спросила она.

— Меня зовут Бао, госпожа. Нгуен Ван Бао.

— А ну, покажи свой рис!

Крестьянин зачерпнул горсть и протянул руку хозяйке. На мозолистой ладони переливалось плотное, отборное зерно. Хозяйка недовольно скривила губы.

— За такое зерно вычту корзину.

— Зерно хорошее, госпожа...

— Что значит хоронее? Ты, кажется, собираешься со мной спорить? Лонт! Будешь ссыпать зерно, вычти с него корзину. А ты, писарь, запиши в приходную книгу, что получена с Бао дополнительно одна корзина...

Писарь угодливо кивал на каждое слово хозяйки и старательно водил пером. Родичи Лонта мерили рис корзиной, а сам Лонт бросал в ящик счетные палочки. Бросит палочку и крикнет: «Четыре!» Бросит еще: «Пять!» Несколько человек уносили принятый рис в раскрытые двери склада. Бао стоял рядом и недовольно смотрел, как приемщики старались насыпать корзины с верхом.

— Горку-то насыпаете большую, накладно мне... — не выдержал Бао.

— Ты что, скандалить сюда пришел? — Приемщик сердито выкатил на Бао глаза.

Прыгающий Лонт бросил последнюю палочку.

— Двадцать три с половиной корзины, госпожа.

— Как же так, господин управляющий, я принес двадцать четыре! — попытался возразить Бао.

Хозяйка посмотрела в книгу.

— А почему двадцать три с половиной? В этот раз ты засеял полтора мау. Значит, должен был принести тридцать корзин.

Бао с трудом сдерживался.

Я засеял только мау и два сао, госпожа.

Хозяйка вскочила из-за стола.

— Проклятые на пороги твоих предков! Ты что думаешь, очень мне нужен твой рис?!

Бао побелел как полотно. От испуга и обиды у него затряслись руки и ноги.

— Это поле моего дяди, в нем росло одно мау и два сао. Он продал его нам, и в пунчей тоже указано — мау и два сао, госпожа...

— Будь прокляты останки твоего рода! Какие еще мау и два сао? Если земля когда-то принадлежала твоему дяде, так ты теперь вздумал кровь из меня сосать! Полюбуйтесь, я ему дала землю, чтобы семья могла набить рты, чтоб не подохла с голоду, а он еще осмеливается скандалить здесь!

От обиды Бао потерял самообладание.

— За нашу землю я все заплатил сполна. Что вам еще от меня нужно?

В это время из дома появился сам депутат. Тонкие

губы его под черными усиками плотно сжались. Он не торюясь подошел к Бао и наотмашь ударил его по лицу толстой пальмовой тростью.

— Скотина! Кто позволил тебе устраивать здесь скандал? А ты, Лонг, что стоишь? Почему позволяешь оскорблять госпожу? А ну, жыгнуть этому мерзавцу!

Бао прижал руки к лицу, пошатываясь назад, но, сделав несколько шагов, опрокинул корзину с рисом и остановился. У него были рассечены бровь и нос, кровь струйкой текла по лицу, и суируги Ихань расплылись у него в глазах в каком-то зловещем, багрово-красном тумане. Плечи Бао вздрагивали, горло сдавил спазм, из груди рвался крик. И слезы неудержимо текли по щекам, смешиваясь с кровью.

Почему он должен выносить такое? Жгучая обида захлестнула Бао, ноги у него подкосились, и он со стоном грохнулся на землю.

— Что, жить надоело? — Прельщенный Лонг подскочил к Бао и схватил его за ворот. Бао попытался вырваться, но тут хозяйские прислужники, словно собаки, набросались на него и стали его избивать. Сперва Бао защищался, как только мог, но вскоре совсем обессился и зарылся лицом в кучу рассыпанного зерна. Бао вылез из-за ворота и вывернувшись на межу ближайшего рисового поля, там его подняли односельчане и отвели домой.

Золотистые зерна рассыпанного во дворе риса окрасились в алый цвет, на кирпичном настиле виднелись багровые лужицы... Хозяйка крикнула Соан, девушка принесла таз с водой, дрожжащими руками засыпала красные пятна и стала подметать двор.

А поздно вечером Соан сидела на кухне, и по ее щекам беззвучно катились слезы. Когда ей стало совсем невмоготу, она убежала в сад. «Папа, паночка!» — рыдая, повторяла она. Соан вспомнила тот день, когда арестовали отца... Как избивали его тогда стражники! А потом связали и увезли навсегда. «Паночка!» — всхлипывала девушка и озиралась боясь, как бы не услышали в доме...

XV

Небольшая улица, прогнувшаяся вдоль дымбы, была пустыня, только несколько девочек со взколотыми волосами играли в камешки посреди дороги. Рядом с

чайной с не меньшим азартом ископшились в банановых листьях куры — в эти листья когда-то был завернут вареный рис. У порога дома на солнышке лежала собака, время от времени она открывала глаза и неожиданно бросалась на кур, а те, отчаянно кулахая, разлетались в разные стороны. Из небольшой лавчонки мастерской, крытой пальмовыми листьями, доносился чей-то мелодичный свист. В мастерской на бамбуковом топчане стоял ящик с разной мелочью, в углу на балке висели подержанные велосипедные цепи, на земляном полу валялись пилы, плоскогубцы, гаечные ключи, на стене висело несколько старых ижиреек... Хозяин лавчонки, коротко подстриженный парень, сидел на полу и на глаз выверял обод велосипедного колеса. Он-то и насвистывал какую-то мелодию, покачивая иногда в такт ногой, причем с таким увлечением, точно в жизни для него не существовало более приятного занятия.

— А что, ваша жена дома?

Парень повернул голову в сторону двери. На пороге стояла молодая женщина в черной стеганой кофте, повязанная платком. На плече у нее было коромысло с двумя корзинами всякой всячины, которую обычно продают вразное. Пара живых глаз весело смотрела на парня. Не дожидаясь ответа, женщина шагнула через порог.

— Она воп там! — Глаза парня озорно сверкнули на встречу ей.

Женщина прошла во двор и исчезла в домике в конце сада.

Спустя некоторое время она вышла все с тем же коромыслом на плече, поднялась на дамбу и быстро засеметилась по дороге. Через полчаса после ее ухода из того же домика вышел мужчина в длинном платье чиновника с каким-то подобием тюрбана на голове. Под мышкой он держал зонт. Поднявшись на дамбу, он пошел в том же направлении, что и молодая торговка.

Мужчина медленно шел по пустынной дороге. Проходя мимо сторожки, которая сейчас была пуста, он обратил внимание на какое-то объявление с шестью фотографиями, наклеенное на стене. Осмотревшись, мужчина подошел к желтому листку и стал разглядывать фотографии. То был приказ о розыске нескольких лиц, состоящих в коммунистической партии. Одно фото особенно

привлекло внимание мужчины — молодой человек в рубашке с отложным воротничком, — но если бы ктонибудь пригляделся повнимательнее, он, несомненно, заметил бы сходство между стоящим перед объявлением чиновником в длинном шелковом платье и тюрбана на голове и парнем, чья фотография смотрела с бумажного листка. К тому же глаза мужчины светились подозрительно насмешливым блеском. В конце объявления говорилось, что поименованных лиц необходимо задерживать, где бы они ни появились, за укрывательство виновные будут привлечены к суровой ответственности. За поимку же назначалась награда в размере 500 донгов за каждого, не считая почетного звания, которое присвоит патриоту правительство. Тот, кто укажет местонахождение коммунистов, получит 200 донгов.

Вдали, скрипя и гремывая на ухабах, показалась тележка на деревянных колесах. Мужчина отошел от тропинки и быстро зашагал по дороге. Вскоре он спустился с дамбы на боковую тропинку, ведущую к пойме, и тут увидел молодую торговку. Она ожидала его у дороги под тенистым деревом. Они вместе пошли по тропинке и вскоре скрылись в высоком сахарном тростнике.

Кхак и его проводница, не останавливаясь, шли по узеньким тропинкам напрямик, через рисовые поля, стараясь обходить деревни и многолюдные дороги. Вечернее небо уже заволокло серыми облаками, а они все шли, не замедляя шага. Корзины легко покачивались на коромыслах перед Кхаком, и, стараясь не отстать, он то и дело прибавлял шаг. Ему трудно было дышать, и только предвечерний ветер нес с собой спасительную прохладу. Молодая женщина обернулась и, заметив, что ее спутник выбивается из сил, подбодрила его:

— Уже скоро, нам только этот участок миновать, а там и отдохнем.

Вдали показались длинные ряды телеграфных столбов и автобусы, катившие по шоссе. Всего этого Кхак не видел уже месяца три, и сейчас ему вдруг показалось, что эти признаки цивилизации — и покрытое асфальтом шоссе, и автомашины, и телеграфная линия — стали для него явлением чуждого мира. Да, конечно, его сердил милей спокойствие и неподвижность рисовых полей и кочковатых тропинок, на которых не увидишь ничего,

кроме следов человека да отпечатков копыт буйвола. Ближе к шоссе оба на всякий случай нагнулись пошлепать на лоб лопы и пошли на некотором расстоянии друг от друга. Кхак с опаской вышел на широкую ленту асфальта, убегающую по равнине вдаль.

Но вот шоссе осталось позади. Женщина пошла вдоль канавы, по открытой безлюдной равнине, к пылающему кустарнику, видневшемуся вдали. Здесь женщина сняла с плеча коромысло.

— Теперь можно отдохнуть, — сказала она и оглядела своего спутника.

Кхак остановился и вытер пот, на его побледневшем лице выступили красные пятна.

— Вы очень устали, товарищ? — сочувственно спросила женщина.

Как тепло и задумчиво прозвучало сейчас это слово «товарищ»! Кхак с сердечной улыбкой посмотрел на свою проводницу.

— Я долгое время вообще не выходил из дому, а сегодня мы с вами пределали немалый путь. Далеко еще?

— Осталось меньше половины, но теперь мы пойдем потише. В селах вдоль дороги, по которой мы шли, местные власти и полиция часто устраивают облавы, останавливают и допрашивают прохожих. Ну, конечно, поскорей пройти это место, а дальше будет спокойней. Вы, наверное, проголодались? — Она полезла в корзину. — Вот, перекусите.

Кхак не стал отказываться от рисового пудинга, который предложил ему женщина, он и впрямь был голоден, да и вообще последние месяцы, когда он работал в подпольной типографии, Кхак жил впроголодь.

Женщина встревоженно поглядывала на бескровное лицо Кхака, она догадывалась, отчего так быстро утомился ее спутник, отчего на лице у него выступили эти красные пятна. Но она привыкла сама ни о чем не спрашивать и поэтому молчаливо ждала, пока Кхак кончит есть. Наконец она поднялась.

— Надо идти, а то скоро стемнеет, — сказала она и с улыбкой добавила: — Можно не спешить, пойдем потише.

Но не прошло и нескольких минут, как ее привычные к ходьбе ноги снова быстро замедлялись впереди Кхака. А на поля уже спускался вечер. Кхак уже всех сил старался не отстать от женщины. Сейчас он не за-

мечая времени и почти не различал дороги. Они подошли к переправе через какую-то речушку, когда уже совсем стемнело. Противоположный берег был холмистый. Они то вбирались на холм, то спускались по склону вниз. Кхаку стало казаться, что пути не будет конца, но вот женщина внезапно остановилась и сказала шепотом: «Приниди». Они поднялись на холм, на котором смутно выделялось огромное дерево, а под ним горбился крыша палаты. Женщина подошла к двери и постучалась условным стуком. Двери отворились. Пройдя весь коридор, остановились у последней кельи, освещенной тусклым светом маленького светильника. Навстречу поднялся невысокий плотный человек в шерстяном свитере.

Кхак пригляделся к нему и вдруг радостно вскрикнул, узнав старого товарища. Оба бросились обнимать друг друга.

Против всякого ожидания товарищем от партийного комитета Северного Вьетнама, на встречу с которым шел сегодня Кхак, оказался Ле. Он знал его еще по ссылке на Нуло-Кондор. Ле втащил Кхака в келью, вывернул по ярче фителек и, улыбаясь во весь рот, сказал:

— Давай на поглядим, какими мы с тобой стали!

Кхак весело рассмеялся.

— Ну, ты все такой же. Круглый, как плод хлебного дерева...

— А ты все такой же худой. — Глаза Ле, спрятанные за чуть припухшими веками, осматривали Кхака с тревогой и озабоченностью. — Все еще кашляетесь?

— Кашляю, но сейчас чувствую себя гораздо лучше.

Стали вспоминать общих друзей. Ле говорил, слегка нахмурив брови, глядя на бамбуковую дудочку, которую он машинально вертел в руках.

— наших много арестовано, — тихо сказал он. — Си и Дам сидят в тюрьме в Ханое, Лиеу, Тяч и Ка — в лагерях Бак ме. Зяча утащили в Бан-ван, а Ляма, кажется, увезли на Мадагаскар...

...Ле перечислял названия тюрем и лагерей, стижавших страшную славу лагерей смерти. Но были и новые, о которых Кхак слышал впервые. Кхак внимательно слушал Ле и живо представлял себе каждого из друзей. Сосканившись, круглый год содержавший в яме где-то, словно

буйвол, вращал мельничные жернова. А слабый, худенький Дам, оберегая товарищей, каждый раз бесстрашно подставлял себя под удары, когда надзиратели с палками врываются в камеры. Тяна ребята прозвали «красным профессором». Вся нижняя половина тела у него была покрыта язвами, и кожа слезла, обнажив кровоточащее мясо. Он целыми днями сидел на корточках голышом и читал друзьям лекции по диалектическому материализму... И эти люди, закованные в колодки и цепи, ежедневно подвергаемые нечеловеческим пыткам, люди, которых можно было безнаказанно убить до смерти, вызывали тем не менее постоянный страх у палачей.

В последнее время, — продолжал Ле, — наши товарищи увлеклись легализмом, особенно в крупных городах. В результате нам нанесли тяжелые удары. ЦК предвидел изменение обстановки и своевременно дал указание партии уйти в подполье. Однако многие чего-то выжидали, колебались, а некоторые просто решили остаться на легальном положении, чтобы «встретить удар лицом к лицу». Это уж совсем глупо!

Ле говорил ровным, тихим голосом, лишь изредка вскидывая глаза на Кхака, как бы спрашивая, согласен тот с ним или нет.

— Возможно, что кое-кто действительно не успел понять, что обстановка изменилась, — вставил Кхак, — но искушаться трудностей... таких вряд ли было много!

— И тех и других хватает. — У Ле в уголках рта обозначилась грустная улыбка.

Молча вошла монахиня, она внесла поднос с едой, поставила его на стол и так же молча удалилась.

— Ну, ты сперва поешь, небось проголодался. Правда, здесь готовят только постное, так что волей-неволей станешь буддистом.

На ужин подали отварной рис и соевые овощи, но все это показалось Кхаку на редкость вкусным. А Ле тем временем развернул одну из ханойских газет и стал читать. Вдруг он громко рассмеялся.

— До какого же бесстыдства можно дойти!..

Ле вслух прочел Кхаку заметку, рассказывающую о каком-то докторе литературы, который добровольно вступил в армию и уехал во Францию. Газета писала: «Отложить стило, чтобы взяться за оружие, — это героический поступок истинного сына великой Франции, поступок, де-

лающий честь молодежи Вьетнама, потомкам Дракона». В другой статье говорилось: «Только фронт закаляет мужество и силу. Юноши Вьетнама должны лишь приветствовать войну, ибо без нее молодежь древней страны Дракона погрязнет в лени и трусости».

— Продажные писаки! — бормотал Ле, перелистывая газеты. — А! Вот это важно: «В минувшем сентябре в общей сложности был произведен тысяча пятьдесят один обыск и арест». А теперь несколько иное: «Более тридцати мобилизованных рабочих бежали из хайфонского лагеря № 5». Так-так, — одобрительно закивал Ле.

Кхак закончил ужин, и молчаливая монахиня убрала посуду со стола. Когда за ней закрылась дверь, Ле сказал:

— А теперь за работу... Недавно состоялся пленум Центрального комитета, на котором принята новая резолюция.

Кхак выдвинулся и придвинулся к Ле.

Они говорили шепотом, склонившись к светильнику. В какой-то колеблющийся боиза время от времени ударял в мо, сопровождая ритмичными ударами свое монотонное бормотание. Из темного сада долетали холодные порывы ветра. Кхак напряг все свое внимание, стараясь уловить и удержать в памяти не только главные мысли, но и отдельные выражения из резолюции шестого пленума.

«Для народов Индокитая, — читал Ле, — нет иного пути, кроме борьбы за свержение господства французских империалистов, борьбы против ита любых интервентов, к какой бы расе они ни принадлежали — белой или желтой. Партия должна изменить свою политику. Национальный фронт, отвечавший условиям борьбы в прошлом, в настоящее время не соответствует сложившейся обстановке. Теперь необходимо создать единый антиимпериалистический фронт народов Индокитая. Настал период революционной борьбы, нужно быть готовыми взяться за оружие! Нужно готовиться к восстанию. Пришла пора решительных боев! Необходимо выступить против империалистической войны, свергнуть ижеподство французских империалистов, уничтожить прогнивший феодальный строй, освободить народы Индокитая, добиться его полной независимости».

Ле замолчал. Кхак встал из-за стола, с трудом сдерживая волнение. Несколько минут оба молчали.

Теперь перейдем к следующему вопросу, — сказал наконец Ле, подняв на Кхака глаза. — Партийный комитет Северного Вьетнама решил направить тебя в Хайфон.

И Ле подробно рассказал Кхаку об обстановке в Хайфоне.

В партийной организации Северного Вьетнама Хайфон вместе с прилегающими к нему провинциями Кхенан и Куанг-мен составил особый район, названный зоной Б. Как только началась мировая война, все легальные организации в Хайфоне, как, впрочем, и повсюду во Вьетнаме, подверглись репрессиям, однако хайфонский горком партии еще до этого получил указание перейти на нелегальное положение и потому понес сравнительно небольшой урон. Но вот недавно были разгромлены несколько заводских партийных организаций, а однажды ночью, во время совещания в рабочем поселке цементного завода, верооятно по доносу, было схвачено все руководство зонального и городского комитета. Арестованные товарищи держатся стойко, поэтому новых арестов не последовало. Тем не менее связь между оставшимися первичными организациями была нарушена, партийное руководство в городе теперь фактически отсутствовало. Кхак направлялся в Хайфон с заданием восстановить связи, создать новое руководство к приезду в Хайфон специального уполномоченного из центра для руководства городским и зональным комитетами. Ле особо подчеркивал, что необходимо обратить внимание на партийные организации цементного и фосфатного заводов и шелководной фабрики, а также провести работу среди рабочих строительных батальонов, ожидающих отправки во Францию и на строительство аэродрома.

Кхак направил все свое внимание, когда Ле стал перечислять явки, предупреждая, что надо быть очень осторожным, так как неизвестно, в каком состоянии сейчас эти явки.

— Боюсь, — сказал Ле, — что в хайфонскую партийную организацию проник провокатор, так что ты должен быть начеку. Постарайся вначале выяснить, куда ведут следы. — Ле бросил взгляд на часы, было уже два ночи. Оба устали. Ле потянулся и зевнул. — Пожалуй, хватит.

Пора спать. Да, вот еще что. Можно передать весточку домой: скоро наш человек будет в твоих местах, может запернуть, навестить семью.

Кхак был тропут.

— Пожалуй, в другой раз,— сказал он.— Приеду на место, черкну письмецо, переishю тебе, тогда и отправлю с кем нибудь. У нас в селе несколько человек можно, пожалуй, привлечь в организацию. Я их понемногу готовил, когда был дома. Даже сборщик налогов и тот вроде нам сочувствует. А сестренка совсем сознательной стала.

— Как ее зовут, я что то запомнил?

— Куен. Неплохая девушка и умища.

Ле погасил светильник, и Кхак сразу заснул как убитый.

Как только начало светать, Ле разбудил друга. Знакомая проводница уже жила Кхака у ворот нагоды.

— Ну, будь здоров! Самое главное — береги себя. Помни числа и места, о которых условились,— сказал на прощанье Ле.

Друзья долго смотрели друг на друга. Как знать, удастся ли им еще встретиться? Ведь впереди их ожидает немало опасностей. Да и останутся ли они вообще живы?

XVI

Автобус пересек перекресток у Тхюи-нгуюн почти затемно.

— Останови, пожалуйста,— крикнул Кхак водителю,— мне тут сходить!

Он с трудом протолкался к выходу, сыркнул на землю и надел старую фетровую шляпу.

До Хайфона оставалось несколько километров, и лучше было сойти здесь, в пригороде, так как на железнодорожных и автобусных станциях обычно расклеивались объявления, подобные «Приказу о розыске...», которые Кхак видел на стене сторожки. Даже сейчас Кхак не удержался от улыбки, вспоминая, в каких выражениях было составлено объявление.

Сейчас Кхак походил на какого нибудь секретаря, оставшегося без работы. Он был в поношенной сорочке, старых, с пузырями на коленях брюках, в парусиновых туф-

лях с деревянными подметками и в помятой шляпе цвета сгусточного рассола, какие обычно носят уличные торговцы в городах. Но Кхак не чувствовал себя в этом одеянии спокойно, он знал, что именно такого сорта люди вызывают обычно подозрение и подвергаются обыску. И он уже решил, что, как только доберется до Хайфона, раздобудет более приличную одежду. Но где достать денег? В не большой плетенке, которую он держал в руках, лежало лишь две пары белья да расческа, а в тощем кошельке — всего навсего пять донгов и фальшивые документы, которые дал ему Ле. Деньги он расходовал очень расчетливо и, прежде чем решиться израсходовать су, долго взвешивал, стоит ли это делать. Он слишком хорошо знал, как достаются деньги трудовым людям, которые отрывают их от себя для нужд своей партии.

Быстро опускались сумерки. Впереди вечернее небо загорелось красными и фиолетовыми огнями. Когда же Кхак вышел из-за очередного поворота, перед ним звездной россыпью засверкали вдруг бесчисленные огни города. Это был Хайфон. Кхак продолжал шагать по чуть белевшей дороге, словно замороженный глядя на эти огни. И чем темнее становилось небо, тем ярче и многочисленнее становились эти огни, местами сливаясь в сияющие громады, местами растягиваясь в почной темноте, подобно парящему дракону. Давно отвыкший от городских огней, Кхак невольно застыл на месте. Электрический свет! Возможно, это одно из самых прекрасных, самых удивительных творений, созданных человеком! Кхак годами жил в деревне, а последние месяцы не высовывал носа из темной, тесной камерки. Вот почему сейчас огни казались ему чем-то необычайным.

Но сверкающий огнями город не дарил своего света окрестным селам. Напротив, с каждой новой лампочкой, загоравшейся в нем, десятки, сотни камышовых крыш в округе погружались в еще более глубокий мрак. Как только закатывалось дневное светило, огромное пространство вокруг сияющих городов тонуло в бездонном океане непроглядной тьмы. В селах редко у кого хватало денег на керосин, и, когда на землю опускалась ночь, люди, как в доисторические времена, сидели вокруг тлеющих головешек костра. Городская цивилизация паразитировала на теле сел и деревень, питалась их кровью, и, в то время как в городах процветала роскошь, деревни тонули в ни-

щете и невежество. Города, словно огромные багровые язвы на теле страны, разрастаясь, причиняли все больше и больше горя и страданий простому люду. Города были гнездами эксплуататоров, которые, как осьминоги, опутали своими щупальцами тело страны и сосали из нее жизненные соки. В городах была раскинута незримая паутина тайной полиции, здесь обосновались суды и тюрьмы. И городские пилотыны готовы были в любой момент снести головы всем, кто посмел бы посягнуть на власть имущих.

Кхак продолжал идти по безлюдной дороге в сторону города, угрожающе сверкавшего ему навстречу. Перед ним лежала Хайфон. На черной глади реки Кыя Кам дрожали городские огни. На берегу, там, где шоссе упиралось в переправу, стояло несколько табачных лавок и чайных. Мимо промчалась легковая автомашина. Она подкатыва к переправе. Паром находится на противоположном берегу. Машинка стояла с потухшими фарами, в темноте светились лишь огоньки сигарет. Ветер доносил легкий аромат духов. Мужские и женские голоса, французская речь. Ниная старуха затянула:

— Месы... бадам... бадам...¹

Под пиликающие звуки ни² сленой певец тянул старинную песню о любви. Он сидел перед чайной в тусклом свете лампы и, вытянув шею, пел, окруженный толпой. А люди от нечего делать слушали, как тосковала чья-то жена, провожая молодого мужа на учебу в город.

Кхак купил билет на паром, отошел в сторону и стал прохаживаться взад вперед по набережной. На той стороне реки светился огнями Хайфон. Вдоль берега на несколько километров тянулись причалы. Морские корабли стояли у причалов, тесно прижавшись друг к другу, похожие на огромных остроногих акул. Многочисленные сигнальные антенны уходили в бездонное черное небо красными и белыми огнями. В этот поздний час жизнь в порту не затихала. В свете фонарей непрерывно сповали люди, грохоча, взмывали стрелы подъемных кранов. Шум работающих машин, звуки автомобильных сирен, крики грузчиков ни на минуту не умолкали на портовой набе-

¹ Искаженное «месы» и «мадам».

² Двухструнный смычковый инструмент.

режной. Время от времени откуда-то издали долетал протяжный паровозный свисток. Хайфонский порт работал круглосуточно, сгружая десятки тысяч автомашин, сотни тысяч бензобаков, бесчисленное количество ящиков с боеприпасами, тюков с военным снаряжением для отправки в Китай чанкайшистским властям.

А напротив грохочущего суматошного порта, там, где Там бак сливалась с Кыа Кам, громоздились, налезая друг на друга и заслоняя собою половину небосвода, мрачные строения. Это была крупнейшая цитадель французского капитала во Вьетнаме — Хайфонский цементный завод. Трубы огромных клинкерных печей беззвучно выбрасывали в черно-фиолетовое небо белые столбы дыма, как бы неподвижно повисавшие в воздухе. Они напоминали стволы гигантских деревьев, вершины которых уходили в бездну ночи. Долго не мог оторваться Кхак от этих столбов. Ему все казалось, что это ноги свавозного великана, туловище которого скрыто облаками.

— Бузу!.. ¹ Va t'en! ²

Кхак обернулся. Какой-то француз отгонял пищенку, которая продолжала назойливо тянуть:

— Месы... бадам... будьте милостивы... подайте на пропитание...

— Дай ей несколько су, чтоб отвязалась. Меня тошнит от этой грязи, — услышал Кхак голос француженки.

На дорогу со звоном упали монетки. Старуха на ощупь отыскала их и, опираясь на палку, отошла к толпе, окружавшей певца. Наконец послышался шум приближающегося парома.

Паесакиров на пароме было немного. Бродячий певец устроился рядом с Кхаком. Он сидел молча, видимо очень устал. Когда зазвучала французская речь, он тихо спросил:

— Здесь французские женщины?

— Да.

— Много?

Ему никто не ответил, потому что как раз в этот момент мимо проходили французы. Поравнявшись с Кхаком, француженка мельком взглянула на него, потом перевела взгляд на слепого певца и тут же безразлично

¹ Обезьяна! (вьетнамск.)

² Пошла прочь! (франц.)

отвернулась. Повеяло потянуло поветром, почувствовав запах духов. Когда женщина прошла, он усмехнулся.

— Надо же! Сколько одеколона льют, а от них все равно, как от крыс, несет!..

Кхак напряженно всматривался в приближающийся барьер. Одинокий фонарь на столбе освещал небольшую площадку над пропускными воротами. У ворот приезжающих встречали двое. Контролеры или агенты тайной полиции? Кхак потянул поясок на лоб шляпы.

— Давайте руку,— обратился он к бродячему немцу,— я проведу вас. И цинковку с инструментом помогу сплести.

— Премного благодарен вам...

Стали спускаться по сходам. Кхак одной рукой поддерживал слепого, а другой держал инструмент и локтем прижимал к себе цинковку, заслоняя лицо. Один из стоящих у барьера был явно агент полиции. Он стоял рядом с контролером и внимательно всматривался в лица пассажиров. Кхак держался спокойно, поравнявшись с агентом, он отвернулся, как бы потерявший своего спутника. За воротами он отвел слепого к дереву и распрощался с ним. Пока все шло неплохо.

Кхак быстро шел по тротуару, стараясь держаться в темноте под деревьями. Здесь было немногочленно, но вот он миновал французский госпиталь, почти — эта часть города была более оживленной. Как и всякий колониальный город, Хайфон имел «зональные кварталы». Центральной улицей этой части города была улица Поля Вера. Она стрелой вытянулась от восточного здания парходной компании «Пять звезд» до речного моста Ха-ли. Здесь располагались многочисленные банки и магазины французских торговых и транспортных фирм, отели и рестораны для белых, кинотеатры, аптеки, различные ателье...

Сейчас многие крупные магазины были уже закрыты, но увеселительные предприятия и ателье были полны посетителей. Особенно многолюдно было в ресторанах и барах. Легковые автомобили стояли вдоль улицы длинной шеренгой «в затылок» друг другу. Везде слышалась французская речь. Тут почти невозможно было встретить вьетнамца, даже нищего. В других районах города от них не было прохода, а сюда им заходить воспрещалось.

С интервалом в десять минут проходил полицейский патруль: огромный красноватый француз в сопровождении двух щуплых полицейских вьетнамцев, лица которых выражали и угодливость и высокомерие одновременно.

Кхак прибавил шагу. Здесь все ему было чуждо. Выставленная напоказ роскошь западных кварталов оскорбляла чувства вьетнамцев. Каждое причудливое бра, каждый фрак или нарядное платье будто насмехались над лохмотьями и нищетой жителей этой страны. И зловобычало злост. Кхак вдохнул с облегчением, когда наконец эти «западные кварталы» остались позади.

Вскоре Кхак смешался с толпой вьетнамцев и иностранцев, заполнивших шумные торговые улицы. В последние годы Хайфон блистал как никогда. Его наводнили дельцы и спекулянты, слетевшиеся сюда в надежде получить заказы на военные поставки, на которых можно было погреть руки. А легко заработанные деньги по ночам спускались в ресторанах, игорных домах и перлюкклассных борделях. На каждой мало-мальски крупной улице были открыты дамсинги, где тоже шла торговля живым товаром.

Кхак шел среди многоцветных неоновых огней, и ему казалось, что этот город переживает горячий приступ лихорадки.

XVII

Переулок, о котором говорил Ле, начинался в конце тихой темной улицы, каких в Хайфоне множество. Дома на этой улице почти все принадлежали католической церкви. Они сдавались беднякам, вьетнамцам и китайцам. Крохотные однообразные строения лепились друг к другу — как клетушки в курятнике. Лестницы с верхнего этажа обычно выходили прямо на тротуар, вместо наружной стены нижнего этажа на ночь в пазы порога и верхней балки задвигались доски, которые днем убирались, и тогда комната превращалась в лавку. Ночью комната паомината подвал, темный, душный подвал без окон и дверей. В переулке в этот час были открыты лишь парикмахерская, пошивочная мастерская и прачечная, остальные лавки уже закрыли. Тут жили в основном мелкие

служавшие государственных учреждений. В обе стороны ходили узенькие проулки, через которые с трудом можно было пройти к задней части дома, чтобы сменить бак и отхожим место. Жители соседних домов ходили друг к другу обычно по этим проулкам.

Силы, тысячи низких, полутемных лагуг, сооруженных из досок, кусков листового железа, дыривых бензобачков, бамбуковых колец... Эти норы годились лишь на то, чтобы кое-как укрыть своих владельцев от дождя и солнца. В дождь или в зной проулки наполнялись зловонием гниющих отходов и сточных канав. Лица жителей этих кварталов были какими-то восковыми, отечными, как у больных водянкой.

Кхак долго шаргал по вонючему кривому переулку, пока он не раздался, образовав дворик. За двориком продолжались бамбуковые хижины, крытые пальмовым листом, за ними виднелся пустырь, приспособленный под свалку, а дальше — несколько лагуг, огороженных заборами. Судя по всему, это было то самое место, о котором говорил Ле, но Кхак никак не мог определить нужный ему домик. Он решил расспросить, где находится дом Лимонга, и стал озираться, надеясь увидеть кого-либо из жителей. В одной из хижин он заметил мальчика лет тринадцати-четырнадцати и молодую женщину. Мальчик, видно, учил уроки, а женщина шила. Вокруг нее лежали вороха солдатских гимнастеров и брюк. В комнате было тесновато, но чисто.

— О чем ты все раздумываешь, Сон? Надо заниматься! — с упористой сказала женщина и подняла от шитья глаза.

Мальчик принялся наречен повторять урок. Кхак переминался с ноги на ногу. Женщина удивленно посмотрела на него.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она Кхака.

— Не сможете ли вы сказать, где живет Лимонг?

Мальчик с любопытством разглядывал незнакомца. Женщина медлила с ответом.

— Сон, подай гостю стул, — сказала она мальчику. Кхак почувствовал что-то неладящее. Женщина внимательно оглядела Кхака, потом, склонившись над шитьем, тихо сказала:

— Дом Лимонга в конце улицы. Только его нет. Не знаю, что уж он там сделал, но вчера вечером его увидели.

Кхак стоял озадаченный, не зная, как быть. Женщина заметила его растерянность.

— Вы знаете Лыонга?

— Я его дальний родственник из Сон-тая.

— Вот оно что, а мы тут все перепугались, не поймем, за что его взяли. Но кто-то из чиновников там остался. Вы можете узнать, в чем дело.

Женщина снова принялась за шитье. Было непонятно, то ли она просто сообщила Кхаку о случившемся, то ли предупреждала его об опасности. Но видно, все таки последнее. Кхак чувствовал, что это был тонко продуманный ход, ведь, оказавшись Кхак провокатором, к женщине нельзя было бы придираться.

Кхак поднялся.

— Спасибо. Извините, я пойду...

Проще всего... Еще немного, и он мог бы попасть в ловушку. Спасибо тебе, бездельница! Кхак пощенил покинуть опасное место. Но куда теперь? Попробовать разыскать Туена?

Туен был из «интеллигентов», он служил в Управлении учета земельных угодий. Во время Демократического фронта он сочувствовал идеям революции и выполнял поручение партии по распространению новой, латинской письменности. Сам он не был членом партии, но через него можно было связаться с нужными людьми. Кроме всего прочего, они с Туеном были школьными товарищами и оба принимали участие в деятельности первых кружков Товарищества вьетнамской революционной молодежи.

И Кхак отправился искать улицу Чай Кау. Вскоре он стоял перед домом, где должен был жить Туен. В окнах дома еще горел свет.

Кхак дернул за ручку звонка, и через минуту из дома вышла девочка.

— Туен дома?

— Да, пана у себя.

Она проводила Кхака в гостиную. Обстановка тут была скромная, но все же ни в какое сравнение не шла с той, какую он только что видел в маленькой хижине. Кхак опустился в кресло и стал рассматривать комнату: вазы, сверкающий белозной чайный сервиз, на стенах картины в рамках и под стеклом. Но вот за стеной послышались приглушенные голоса, из-за занавески

выглянули чьи-то любопытные глаза, мелькнула фигура девицы. Дочь хозяина принесла чайник, налила гостю чашку чаю. И тут же дверь в гостиную открылась и вошел сам Туен.

Он сильно изменился, пополнил, стал носить очки. Туен не сразу узнал гостя.

— Что вам угодно? — спросил он с некоторым замечательством.

Кхак рассмеялся:

Ты, я вижу, совсем забыл меня, Туен.

Лицо Туена вскинулось, но тут же покрылось бледностью.

— Иди к себе, дочка, нам с дядей нужно поговорить, — сказал он, обращаясь к дочери.

Дочь ушла, и только тогда Туен проговорил сквозь зубы:

— Ты с ума сошел! Что за бредсудетко! Твоя фотография развешена на всех углах, а ты являешься сюда... — И, помолчав несколько секунд, добавил: — Извини, что я не сразу узнал тебя. Ты очень изменился с тех пор.

«Хорошо хоть, что сразу не выгнал, — подумал Кхак. — И ты тоже здорово изменился. И дело не только в очках — прежний огонек исчез».

Туен протянул Кхаку коробку с сигаретами. Кхак поблагодарил.

— Ну, как в природе? — спросил он Туена. — Известно тебе что-нибудь об арестах?

Туен снова поблел.

— Вишу забили насмерть! — ответил он чуть слышно.

— Аресты продолжаются, продолжал Туен полупроше-потом. — Меня тоже вызывали, но ты ведь знаешь, я занимался лишь распространением новой письменности, поэтому они только пригрозили мне и отпустили.

Несколько минут Туен молчал, уставившись в одну точку, потом посмотрел на Кхака и быстро проговорил:

— Слышал я, что все арестованные держатся стойко, выдают. А хватают, видимо, не без разбору. Все пропало, Кхак!

«Нет, — мысленно возражал ему Кхак, — не все пропало. Арестовать партийное руководство им удалось только благодаря тому, что здесь действует провокатор. А сейчас

они вытаскивают арестованных, чтобы выдать руководству низовых организаций и добраться до Партийного комитета Северного Вьетнама».

Кхак взглянул на Туена.

— Ну, а что ты собираешься делать?..

Лицо Туена страдальчески сморщилось.

— Понимаешь... Сердцем я как и прежде... Но ты видишь, у меня семья, пятеро детей, я не могу распоряжаться собой, как вы...— Туен умолк.

— Ты меня пугаешь, я ведь просто подумал, что они все равно не оставят тебя в покое, — сказал Кхак.

— Нет, они знают, что я ни в чем не замешан. К тому же, честно признаюсь тебе, жена сунула Фейжю пятьсот донгов, вот они меня и оставили в покое.

Кхак вспомнил, что жена Туена была дочерью известного богача, торговца пазнам с Рыночной улицы. Туен как бы повзвизгивая взглянул на часы.

— Кхак, я думаю и дальше содействовать распространению новой, доступной народу письменности. Моя мечта — основать собственное издательство, чтобы в эти трудные времена звучал правдивый голос интеллигенции.

— Все это неплохо, но условия теперь не те, что были раньше. Ты должен быть осторожен. — Кхак продолжал говорить спокойно, не торопясь, но мысли его были далеки. Наконец, решив, что пора уходить, он поднялся. — Видимо, напоминать об этом излишне, но я прошу тебя никому не говорить о моем приходе.

— Об этом можешь не беспокоиться.

Увидев, что Кхак собрался уходить, Туен сразу стал обходительнее. Он вышел проводить Кхака и, когда они шли по темному саду к воротам, сунул ему в карман несколько бумажек.

— Это моя скромная дедка. Я должен был бы оставить тебя здесь, но сейчас приходится опасаться даже собственной прилуги. Сообщил я в полицию хоть слово, и мы все погибли.

Кхака обдало жаром. Первым его желанием было тотчас же вернуть деньги. Но он подумал, что сейчас даже эти несколько донгов могут ему пригодиться, и решил оставить их у себя. Дойдя до ворот, Туен поспешию отодвинул засов. Кхак вышел на улицу, ворота с визгом захлопнулись за ним.

XVIII

Эта встреча оставила у Кхак смешанное чувство досады и жалости, но он немного расхохотался, когда вспомнил, как Туен то бледнел, то краснел во время их разговора.

Кхак вернулся в город и побрел вдоль набережной.
— Фо-о-о!..¹

Этот возглас и вкусный запах лангши напомнили Кхак, что он с утра ничего не ел. Нужно было что-то поесть и найти почт. Из указанных Де людей, через которых можно было связаться с местной организацией, оставалась еще работница цементного завода Гай. Кхак решил попытаться встретиться с ней завтра. Но где провести эту ночь?

Кхак остановился перед закуской, вернее, перед бамбуковым топчаном, на котором вокруг керосиновых фонарей были разложены закуски и расставлено несколько чашек. Он опустился на длинную коленчатую скамью, взял рисовый пудинг, развернул листья и стал с аппетитом есть. На другой стороне улицы слышалась ритмичная танцевальная музыка. На тротуаре, в неистом свете неоновой вывески «Бар дансинг», спорили несколько мальчишек, чистильщиков обуви. От обмелевшей реки вынуждо волею стоячей воды. Под деревьями вдоль берега в ожидании клиентов прогуливались несколько девиц в белых платьях.

— Дайте на полеу чаю.

Молодой парень уселся на табурет рядом с топчаном. Вынув из кармана чашку, он долго рылся в кармане и наконец вынул монету с изображением Бао Дая². Кхак окинул парня взглядом. Заплатанная рубашка, на голове помятый пробковый шлем. На осунувшемся лице выражение глубокого уныния. При виде пудинга у парня раздулись щеки. Он жадно уставился на жующего Кхак. Потом, устыдившись, поспешно отвернул взгляд. Видно, он был очень голоден. Кхак купил у хозяйки еще один пудинг и протянул парню.

— Ешь.

¹ Похлебка из рисовой лангши.

² Последний император Вьетнама. Был свергнут Августовской революцией 1945 года.

Тот вспыхнул, но взял пудинг, отвернулся и, наклонившись над топчаном, в два приема проглотил все.

— Безработный? — спросил Кхак.

Парень выткнул на Кхака и молча кивнул. Откуда-то на рикшах подкатили несколько пьяных капралов из французского легиона. Они сидели, развалившись в колясках, и громко пели. Едва рикши поравнялись с дансингом, французы заорали, и не успели еще коляски остановиться, как они неуклюже спрыгнули на землю. Один из капралов отказался заплатить за проезд и патло выкатил глаза на тифедушного рикшу, который протягивал руку, умоляя: «Месы... месы...» А тот как ни в чем не бывало повернулся и направился в дансинг. Рикша поплелся за ним, пытаясь остановить его.

— Месы, вы же не заплатили, месы...

— Черт возьми! Отвяжись от меня, старцы!

Капрал размахнулся и наотмашь ударил рикшу по лицу. Нои рикши отлетел далеко в сторону. Разыгралась привычная сцена: рикша завопил что есть мочи, капрал ударил его еще раз, рикша бросился бежать. Слепой от злобы капрал шнул ногой миниатюрную коляску и, не удовлетворившись этим, перевернул ее вверх колесами. А его друзья стояли у входа в дансинг и заливались хохотом.

— Будь они прокляты! — Парень, сидевший рядом с Кхаком, вскочил.

Кхак схватил его за руку.

— Не горячись, будет только хуже!

Парень вытаращил на Кхака глаза.

— Что значит хуже! Ведь так они всю жизнь будут сидеть на нашей шее!

Кхак поднялся и пошел прочь, увлекая за собой парня.

— Ну, а что мы с тобой можем сделать? В таких случаях лучше не вмешиваться!

Парень хмуро молчал. Он был зом, презирал своего знакомого за трусость, но не решался прямо высказать ему это. Они продолжали идти молча.

— Ну и светло здесь! Глазам даже больно, — заметил Кхак.

— А ты что, приезжий? — спросил парень.

— Да, из Сон тэя. Дворянский брат написал, что

подыскал мне работенку. Я и подался сюда. Приехал, а брата нет, оказывается, уехал куда-то.

— Ты, я вижу, парень простоватый, такому здесь и с голоду недолго помереть.

Кхак улыбнулся.

— Я с детства жил в провинции. Здесь мне все в диковину. Тебя как зовут?

— Лап. А тебя?

— Меня Зёнг.

Но прошло и получаса, как Кхак уже знал, что Лап работал наборщиком в типографии «Курьер», но несколько месяцев назад его уволили. Где только ни побывал он в поисках работы! И всюду встречал отказ. Сейчас он живет у сестры. Ее муж служит кочегаром на пароходе «Пам Хай», который ходит до Кма Онг. Он почти

Когда Кхак спросил, можно ли ему переночевать у них, тот ответил как-то неопределенно: тот ответил как-то неопределенно:

— Пожалуй, можно. Пойдем, спроси сестру.

Им пришлось идти мимо дешевых публичных домов. По тротуару, стуча деревянными босоножками, расхаживали «девушки» в белых легких шароварах. Лап старался избегать встреч с ними, он по опыту знал, как трудно избавиться от них, если они одарят тебя своим вниманием.

Вскоре Лап свернул в переулок, где жили китайские поселенцы. Тут ютились в основном рабочие, кули, торговцы орехами, владельцы переносных закусовых. Жили они большими семьями в тесных комнатухах с одной-единственной кроватью, которую на ночь наглухо затягивали mosquitoной сеткой. На алтаре, у самой двери, в темноте тлели ароматические палочки. Извилистый переулок становился все просторнее и наконец вывел Лапа и его спутника к небольшой деревушке, где, как обычно, росло одинокое филинковое дерево, стоял фарфоровый сосуд с гашеной известью — от злых духов — и дымилась крохотная курительня с благовониями. Дом Лапа находился на краю деревни, свет был потушен. Лап постучал в дверь.

— Сестра!

— Дверь не заперта, — ответила из дома женский голос. Лап толкнул дверь и пригласил Кхака в дом.

— Надо же, темнота какая!

Он щелкнул зажигалкой и зажгет фонарь. Кхак продолжал стоять у двери. Сестра Лапа, увидев незнакомого человека, высунула голову из-за mosquitoного полога.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила она Кхаку.

— Спасибо, не беспокойтесь.

Лап побегал на кухню взглянуть, не осталось ли немного вареного рису. Кхак растерянно оглядывался, не зная, где ему примоститься. Почти всю комнату занимали два сдвинутых вплотную толчана, только у стей оставался узкий проход. Старые коричневые пологи, опущенные сейчас над толчанами, создавали впечатление еще большей тесноты. Наконец Кхак увидел в углу тростниковую циновку и присел на нее. За пологом на толчане что-то зашевелилось, и оттуда высунулась ребячья голова. Потом вторая, третья, четвертая... Несколько пар любопытных глаз уставились на Кхака. Один мальш срыгнул с толчана и побегал на двор.

— Ла-аи! Лаи! — раздался из под mosquitoтника детский голос.

— Да тише вы! — прикрикнула мать. — Прямо блудиты какие-то, а не дети.

— Мама, Зи меня ударил и укусил...

— Зи, ты почему кусаешься?

Под mosquitoником на мигновение стало тихо.

— Говорил тебе, не лезь, а ты опять. Вот сейчас как дам!

Зи, видимо, «получил», так как раздался истонный рев, и мать снова дочихна была подворить пори ток.

— Сао, за что ты побил его? Да замолчи, Зи, разбудишь маленького.

Вернувшись с кухни Лап с глиняным горшочком, от которого шел пар.

— Садись, Зиенг, поешь батата, — пригласил Лап, поставив горшок на толчан.

Не привыкнув еще к своему новому имени, Кхак не сразу сообразил, что это обращаются к нему. От разваренного батата поднимался сладковатый ароматный пар. Но не успел Кхак протянуть руку к горшку, как из под mosquitoшка, точно горох, высыпали дети, непонятно было, как только они там все умещались. Они плотным кольцом окружили Лапа.

— Лаи, можно мне взять одну?

— Лан, а мне?

А ну перестаньте безобразничать! — прикрикнула мать. — Дайте людям поесть.

Лан добродушно рассмеялся.

— Ну, давайте и разделю всем.

Он разломил несколько клубней и раздал их детям.

— А теперь, проказники, ешьте и лезьте на кровать. То, что осталось, — наша доля, кто возьмет, того отпущаю.

Ребята дули на горячие клубни, осторожно очищали кожуру и жадно глотали сладковатую мякоть.

Когда они наконец наобрались на топчан и утомившись, сестра присела рядом с Ланом.

— Ну, что сегодня?

— Опять ничего, — уныло ответил Лан.

Сестра вздохнула. При свете керожиновой лампы Кхак разглядела у нее в волосах серебряные нити. Лан сказал:

Это Зенг. Только что приехал из Сян-гя, тоже ищет работу.

Женщина поцмила на Кхака усталые глаза.

— Сейчас вам будет трудно ее здесь найти.

— У меня в Хай-фоне нет никого. Хорошо, вот Лана встретил. Можно мне у вас побыть несколько дней?

— Тесно у нас, да и детей много, — перенительно ответила женщина. — Но вы сегодня оставайтесь, ночью приедет муж, тогда все и решим.

— Сколько же детей послало вам небо? — меняя тему, спросил Кхак.

— Всего одиннадцать, да двоих уже схоронили.

— Сколько же старшему?

— Двенадцать. Он скоро должен прийти.

— Он у нас чистит обувь, — пояснил Лан, — а отелы сейчас закрываются поздно. Иногда и домой не приходит, спит где-нибудь на тротуаре, совсем от дома отбился.

Видя, что знакомый брата держится просто, сестра в свою очередь поинтересовалась:

— У вас, верно, тоже детей хватает?

У меня одна дочка, ей уже восемь. А жена умерла, дочка сейчас у бабушки.

— Значит, второй раз еще не женились?

— Как-то не пришлось, живу пока один.

Женщина внимательно посмотрела на гости. Ей было жаль этого, по видимому, стабного человека, оставшегося с маленькой дочкой на руках. А теперь безработица и с

дочерью его разлучила, похитила в Хайфон. Тоскует, верно, по дочке!

Женищина не ошиблась. Тоска по малышке Тху, по матери и по сестре не оставляла Кхака. Всю жизнь ему приходилось остерегаться, скрывать от всех, кто он и откуда. Даже ими он должен был носить не свое. Но сегодня ему вдруг захотелось рассказать всю правду. И от этого сразу как-то потеплело в груди. Кажется, повезло, люди оказались хорошие, пожалуй, здесь можно остаться переночевать.

Лап поднялся.

— Пойдем спать на кухню.

В законченной кухне стояла бамбуковая лезжанка, покрытая пиповкой. Лап захватил с собой одеяло, спитое из меньков. На меньковине виделось клеймо фирмы — изображение птицы и лошади с истрепанной надписью на английском языке.

Кхак выгнулся из кухни и посмотрел, куда она выходит. Он прикинул, что в случае чего можно будет отсюда добежать до реки. В Хали, куда ни пойдти, всюду уткнешься в набережную. Если будет облава, им стоит только поставить стражу у мостов — и девушка готова. Одно хорошо: река не широкая, можно переплыть, особенно вот в такую темную ночь.

Лап лег не сразу. Он достал небольшую камышовую флейту и, усевшись во дворе, стал напирать какую-то протяжную мелодию. Вначале Кхак лишь улыбался на старания этого доморожденного музыканта, но постепенно мелодия захватила его. Звуки флейты то влетали высоко-высоко, то журчали прозрачным ручьем, то переливались птичьим щебетом. Мелодия была не знакома Кхаку, он даже не мог понять, вьетнамская или китайская это музыка. Но вот полились медленные, свободные ритмы, напоминающие плавные взмахи журавлиных крыльев. Было что-то похожее на мелодию известной песни о журавлях... Летят журавли... летят в синей дали... Звуки флейты рождали в воображении Кхака представление о бездонном небосводе, о бескрайних просторах рисовых полей, волнующихся под ветром. Милых, родных полей...

Кхак молча лежал и слушал Лапа и сам не заметил, как уснул.

Среди ночи он вдруг проснулся. Где-то в деревне лаяли собаки, слышались голоса. Лап лежал рядом

и безмятежно хранил. Кхак хотел было разбудить его, спросить, в чем дело, но передумал. Собаки продолжали лаять то в одном, то в другом переулке. Лап повернулся во сне. Тогда Кхак встряхнул его.

— Ну что?

— Почему собаки так лают?

— А, это проститутки возвращаются домой.

Лап повернулся на другой бок и тут же снова захрюкал. Кхак невольно продолжал прислушиваться к лаю. Наконец собаки утомились, дергания поутихли в тишину. Лишь ветер шумел в листья бананов.

XIX

Опустился вечер. Берега Там-бак были сплошь уставлены шаландами и баржами, которые, выходя в море, принимали два огромных перепончатых паруса, напоминающих крылья летучих мышей. По берегу тяжело шагала цепочка грязных, оборванных людей с корзинами на головах. Это стружали уголь. Другая цепочка начала с мешками фосфата. Сновали вагонетки, тележки, машинны, велосипеды. По грязной реке непрерывно шли катера, посылая в небо свои протяжные гудки. Весь противоположный берег входил во владения цементного завода, и ни один смертный, ни одна повозка не могли войти в эту зону. Только рабочие цементного завода, только его подъемные краны, его вагонетки, автомашинны, шаланды и баржи могли появляться в этих владениях. Здесь даже небо было насквозь пропитано серой пылью и дымом цементных печей. Берег был разбит на отдельные участки-причалы: под щебень, под уголь, под цемент, тут ожидали своей очереди баржи и шаланды. Шум мчащихся вагонов, грохот кранов, пронзительные гудки автомашин, крики людей сливались в сплошной гул. Небо было натянуто белесой пеленой. По существу, то было не небо, а густая дымовая завеса, накрывшая площадь в несколько километров.

Там, где кончались причалы, в реку Там-бак вливалась Кыа Кам. Здесь было просторней. Справа находился завод по изготовлению портланд-цемента. Сейчас он был законсервирован, а просторные заводские здания использовались под склады. На другом берегу Кыа Кам уже

был уезд Тхунгуен. Вдали виднелись вершины и рыжеватые склоны горной цепи Део. Еще дальше голубела горная гряда Чанг кень. От морского прилива по вечерам вода в Кыа Кам поднималась, по реке ходили соломенные волны, шурша в зарослях камыша, разросшегося на плодородном красноватом иле. Сотни лодок с поднятыми парусами приставали к причалам, подвози щебень, руду, глину. На берегу, точно холми, высклились огромные груды цементного сырья, привезенного с гор Чанг кень. По ним муравьиным потоком ползли люди из барок, они тащили на сипах корзины. К подножию этих искусственных холмов паутиной сходилась сеть узкоколейных дорог. Вагоны непрерывно подкатывали к двум ленточным транспортерам. Каждая вагонетка, подталкиваемая двумя рабочими, подъезжала к приемнику, с шумом опрокидывала породу и пустая возвращалась за новой порцией. А ленты транспортеров с грохотом отправляли куски камня в широко раскрытую пасть дробилки. Там они разгрызались стальными челюстями машины, потом в шаровой мельнице под ударами тяжелых чугунных ядер превращались в мельчайший порошок и наконец исчезали в огромном чреве печи, где бушевало пламя.

Рядом с камнедробильным цехом находился цех по производству пульпы. Сюда на барках подвозили особую глину и ссылали ее в высокие бурты. К буртам подъезжали вагонетки, их нагружали глиной, и они везли ее к бассейнам-мешалкам. Там, шумно отдуваясь, работали машины с быстро вращающимися стальными лопастями. Когда очередная вагонетка сбрасывала глину в бассейн, оттуда летели темные брызги. Рабочие поспешно отскакивали в сторону, но все равно они были выпачканы коричневой грязью с головы до ног. Во время работы мужчины раздевались до пояса и оставались в коротких штанах, женщины наглухо закрывали голову платком, оставляя только щелки для носа и глаз. Некоторые из них следовали примеру мужчин: ходили в штанах и нагрудных повязках.

Вот одна вагонетка неожиданно сошла с рельсов и завалилась набок. Двое откатчиков пытались ее поднять и поставить на рельсы. Но голым костлявым спинам стекали струи пота, от напряжения дрожали колени, но вагонетка никак не поддавалась — то и дело вырывалась из ослабевших рук, и рабочие едва успевали отско-

чить в сторону, когда она снова и снова валилась набок.

— Что вы тут застряли, чтоб вам... Все стоит из-за нас! Надсмотрщик стал хлестать плеткой направо и налево.

За что бьешь? Сейчас поставим.

Человек пять рабочих подбежали откуда-то сзади и поставили наконец вагонетку на рельсы.

— Если с людьми обращаться по-человечески, то и плетка не нужна!

Надсмотрщик угрожающе выкатил глаза, но тут же ретировался. Рабочие были возмущены. Изнурительный труд доводил их до иступления, и нередко подобные ссоры заканчивались кровопролитной дракой. В прежние времена рабочие немедленно прекратили бы работу и потребовали увольнения надсмотрщика: какое он имеет право бить человека? Но теперь приходится глотать обиды и подавлять в себе злость. Вагонетки снова покатились по рельсам одна за другой. Глина снова сыпалась в бассейны, лопасти машины продолжали вертеться.

Двое откатчиков упрямо толкали свою тележку.

— Больно ударил? — спросила одного подомешная женщина.

— Да нет, не так больно, как обидно.

Они нагрузили вагонетку и двинулись в обратный путь.

— Гай, подожди, мне нужно тебе что-то сказать.

Женщина обернулась. К ней подошла работница и, отведя в сторону, сказала:

— Вот уже два дня тебя ищет какой-то человек.

— Кто такой?

— Не знаю. Позавчера, когда кончилась смена, он встретил меня под местом и спросил о тебе. Я сказала, что не знаю никакой Гай. А вчера я опять его видела, прохаживался на том же самом месте. Может, подожди индейку, хотят тебя взять.

— Как он выглядит?

— Незнакомый совсем. Я его никогда здесь не видела.

— Надо посмотреть. Может быть, индейка, а может, и нет. Кончится смена, подожди меня у подъемника, вместе выйдем.

Смена закончилась в сумерки. Из цехов по бесчисленным заводским дорогам к берегу непрерывным потоком

текли тысячные толпы. Эта людская река беззвучно лилась под затянутым дымом небосводом. Лица у всех были изможденные, грязные, бледные, казалось, у людей за день высосали всю кровь, все силы. У многих от голода и усталости подкашивались ноги. А тут еще этот холодный ветер пронизывает насквозь. Все идут молча, слышится лишь стук деревяшек да шарканье брезентовых туфель. Изредка кое-кто из молодежи перебросится двумя-тремя словами да засмеется в ответ на шутку.

И все-таки в этом зрелище была какая-то своеобразная сила, что-то внушительное и грозное. Появись сейчас в этой толпе красное полотнище, и скались бы в кулаки поднятые над головами руки, раздайся над ними призывный клич, и изрогнула бы дорога, забурлила и понеслась стремительной, порожистой рекой и тысячи голодных, уставших людей превратились бы в грозную армию!

Гай и ее подруга вместе с толпой быстро вымчли из проходной. Здесь люди замедляли шаг, останавливались, дожидаясь, когда два часовых-индонезийца проверят каждого. Руки часовых нагло шаряли по женским телам, но все молча сносили оскорбления — лишь бы поскорее выбраться отсюда!

Когда подошли к мосту, подруга дернула Гай за руку.

— Вон этот тип!

У Гай радостно блеснули глаза: в левой руке «этот тип» держал белый носовой платок — условный знак, которым обычно пользовался Ле. Какое-то, налаживается связь с центром!

Но нужно быть осторожной. Могло случиться и так, что сыщики узнали об условном знаке и теперь ждут, когда она клюнет на него. Гай внимательно посмотрела на незнакомца. Нет, он не был похож на ищейку. У тех во взгляде всегда сквозит что-то неуловимо-тревожное и в то же время пагловатое, что сразу выдает их, а у этого лицо осунувшееся, глаза светлые, умные. Но все же нужно удостовериться до конца. Проходя мимо незнакомца, Гай сказала:

— Странно, Ле обещал прислать лекарство от малярии и до сих пор не шлет...

Мужчина пропустил Гай на некоторое расстояние вперед, а затем пошел следом за ней. На мосту он дождался ее.

— Я привез лекарство от малярии от лекаря Хая. Гай припнинулась удивленной.

— Вы о чем?

— Вы родственница лекаря Хая?

Гай едва сдержала улыбку.

— А вы оттуда?

— Да, я от Ле.

Они прибавили шагу и скрылись в темноте.

XX

Следующей ночью Кхак снова встретился с Гай на берегу неподалеку от рынка. Здесь было безлюдно. Подняв с рисом, сахарным тростником и дровами, прибывшие из провинций Тхай-бинь и Кхен-ан, словно застыли на темной реке, фонари на лодках были уже потушены. Двери многочисленных оптовых контор по продаже риса были закрыты. Однако под тамарисовыми деревьями и под индийским жасмином горело несколько десятков крохотных костров. Это готовило себе ужин бездомное племя нищих, бродяг и безработных. В черепках, разбитых сковородках, старых кастрюлях и консервных банках подогревались объедки, выпрошенные в домах или ресторанах, либо перекупленные у скупщиков отходы для свиней. А то и просто отбросы из мусорных ям. Все это заливало водой из колоды и разогревалось на кострах. От костров поднимался едкий запах гари и еще какой-то трудно передаваемый запах — запах нищеты, голода и грязи...

Кхак и Гай сидели под деревом на берегу реки, они напоминали влюбленную парочку. Было так темно, что они едва различали лица друг друга.

— Я сказала товарищам на цементном о твоём приезде. Все очень обрадовались, хотят тебя видеть.

— Только не пужно спешить, сначала давай решим, с кем следует встретиться.

— У нас ребята все хорошие, но мы немного растерялись, не знаем, что делать. Пожурю аресты. Тебе лучше поговорить со всеми сразу, это подбодрит их.

— Я думаю, сейчас только ты должна держать непосредственную связь со мной. Конечно, встретиться с товарищами пужно, и как можно скорее: надо рассказать

им о правилах конспирации. Но необходимо тщательно продумать место встречи. Возможно, мне лучше встретиться пока с двумя тремя наиболее проверенными. А они пусть расскажут остальным.

— Ну что ж, можно и так. Кстати, вопреку с твоим изъясненьем уже решен. Там же будет помещаться и комитет.

— Это место известно только тебе одной?

— Да. Откровенно говори, это дом моей двоюродной сестры. Ты там будешь в безопасности. Она живет с братишкой. Зовут ее Ан. Я уже говорила с ней. Придешь, скажешь, что ты Зёнг, приятель Гай, приехал из горного района.

— Там лучше пока находиться только мне, комитет сейчас нельзя размещать в пределах города. Его надо разместить где-нибудь в деревне или в пригороде. В сельской местности агентам труднее попасть на след. Так нам будет спокойнее работать. К тому же и в деревне нам нужна опорная база. У тебя нет подходящего местечка где-нибудь недалеко от города?

— Лучше всего, пожалуй, в нашей деревне, в Тхюнгунене. Ты пока перебирайся к Ан, место для комитета я подыщу позднее. Сейчас мне нужно подумать о твоей встрече с нашими ребятами.

— Ладно, я иду к Ан. Завтра придешь туда, поговорим подробней обо всем.

Они попрощались и разошлись.

Кхак дошел до перекрестка за французским кладбищем, как ему велела Гай. Там он свернул в переулок, и вдруг ему показалось, что он уже был здесь. Когда он подошел к дому, то и дом показался ему знакомым. Света в окнах не было, двери закрыты. Кхак постучал в окно, как ему было сказано.

Окно отворилось, в проеме появилась стройная фигура женщины.

— Кто здесь?

— Простите, мне нужна Ан!

— Это я, что вам угодно?

— Я Зёнг, приятель Гай, приехал из горного района...

— А! Входи.

Окно захлопнулось, в задней комнате загорелся неяркий свет.

— Проходи сюда.

Кхак пролез в низенькую комнатунку, видно приготовленную для него. Там стояли бамбуковая лежанка и небольшой столик. Ан подняла повыше керосиновую лампу, чтобы он смог осмотреть комнату. Кхак посмотрел на Ан и узнал свою большеглазую незнакомку. Она тоже узнала его.

Большеглазая чуть заметно улыбнулась.

— Когда ты сиранивал про Лыонга, я вначале подумала... И надо же, снова встретились!

— Да, удивительно.

— Я догадывалась, кто ты, но боялась ошибиться.

— Ничего, хоть я и потерял из-за этого много времени.

— Я давно уже жду тебя. Ты ужиная?

— Да, спасибо.

Ты только не стесняйся. Вы же для меня как родные. Я счастлива, когда могу помочь вам. Мой дядя боролся за революцию, когда мы с Гай были еще детьми. Сейчас смотрю на тебя и мне кажется: дядя вернулся. Послушай, я все-таки приготавливаю рисовую похлебку. Ты наверняка ничего не ел!

— Последние дни пришлось сидеть на одном батате, — откровенно признался Кхак. — Только не стоит разводить огонь, могут заметить, а сейчас главное — не вызывать никаких подозрений. Нужно, чтобы люди считали, что в доме все по-прежнему. Найдется у тебя что-нибудь от ужина, и достаточно.

Какой он худой и изможденный! Одни глаза на лице... Ан поставила лампу на топчан и вышла из комнаты. Через несколько минут она вынесла небольшой горшочек с горячей похлебкой, накрытый ленточкой из соевой муки. Кхак с наслаждением принялся за ужин. С горячей едой в него словно вливались свежие силы.

Поевши, он улегся на топчан и завернулся в старенькое ватное одеяло. Это была первая спокойная ночь в Хайфоне.

Кто-то сильно потряс его за плечо. Он сразу вскочил. В темноте послышался шепот Ан:

— Кажется, облава!

Неподалеку громко лаяли собаки, кто-то прикрикнул

на них и заколотил в дверь. Кхак схватил свою плетеную сумку.

— Иди за мной, — шепнула Ан.

Проснулся Сон.

— Оставайся здесь, — сказала ему сестра, — и никому не открывай.

Кхак и Ан миновали дворик и вышли к изгороди за домом.

— Если придут, пробирайся вдоль бананов, к пруду. Там густая трава, кусты. В случае чего — уходи. — И Ан исчезла.

Кхак присел у банана и внимательно осмотрелся, где бы лучше спрятаться.

Копотили в дверь соседнего дома. Кхак перелез через забор и засел в кустах. Он невольно посмотрел на свои ноги. Черт возьми, он ушел в шлепанцах! Сердце треможно забилось. Кажется, вошли в дом. Кхак быстро спустился к пруду и лег, спрятавшись в высокой траве.

Едва Ан вернулась к себе, как раздался стук в дверь. Она быстро скатала постель Кхака и пошла открывать. Снова застучали, уже сильнее.

Эй, открывайте! Проверка документов!

Ан открыла дверь и зажгла светильник. Сон притворился спящим.

В дом вошел французский агент тайной полиции с участковым старостой. Ан почтительно сложила ладони на груди.

— Здравствуйте, господин староста.

— Сколько у тебя в доме человек?

— Двое — я и братишка.

Француз осветил электрическим фонариком Сона и направился к двери, выходящей во двор.

— Открой!

Ан открыла дверь. Француз долго стоял во дворе, обшарил его фонариком, потом вернулся в дом и неожиданно ткнул лучом фонаря в лицо хозяйки.

— Надеюсь, у мадам никто больше не почует?

— Нет.

Только когда неожиданные гости ушли и Ан заперла за ними дверь, она почувствовала, как заколотилось у нее сердце. Сон прыгнул с лежанки, и они вместе, зажав дыхание, стали смотреть в дверную щель,

прислушиваясь к тому, что происходило в соседнем доме.

В тишине где-то прозвучал размеренный бей часов. Бом... бом... бом... Три часа ночи.

XXI

В течение недели Кхак постепенно удалось связаться с уцелевшими от разгрома организациями. Революционному движению в Хайфоне был нанесен довольно тяжелый удар. Город рабочих, в котором еще недавно шла острая борьба, где в уличных демонстрациях участвовали тысячи, десятки тысяч людей, сейчас жил, облитый тревогой. Профсоюзы были распуцены, женские и молодежные организации запрещены, даже общества дружбы и спортивные клубы почти все были закрыты. Из городской партийной организации осталось всего семь человек, причем один из них был до того напуган, что не желал поддерживать никаких связей с организацией. Но то, что осталось еще шесть стойких товарищей, радовало Кхака. Они, как факелы, светили ему в непроглядном мраке, и нужно было не дать им погаснуть.

Репрессии продолжались. Главный удар был направлен по рабочим. Не проходило ночи, чтобы в рабочих поселках не было обысков, проверок, арестов. Обшаривали каждый дом. Вздумай ктонибудь номянуть предков или принять родственников, тут же появлялись полицейские ищейки. Время от времени опять кого-то забирали.

Кхак по-прежнему жил у Ан. Он старался не высывать носа из своей комнаты, не произносил днем ни слова, чтобы соседи не услышали чужого голоса. Только Гай поддерживала с ним связь. В случае надобности Кхак выходил ночью.

Главным сейчас было восстановить партийное руководство, создать временный горком партии. Поразмыслив, Кхак решил действовать через Мана, который работал на цементном унаковщике. Ман состоял в партии с тридцать второго года и был заместителем секретаря партийной организации завода. В первое время возрождать организацию в Хайфоне придется им двоим.

Встреча с Маном произошла ночью в поле, на берегу реки, за городом. К месту встречи Кхака привела Гай.

Кхак и Ман поздоровались, почти не видя друг друга. — Ночь была на редкость темная.

— Я приехал по решению партийного комитета Северного Вьетнама, — тихо начал Кхак, — чтобы создать здесь временное руководство городской организацией. В дальнейшем из центра придут секретари. Нам нужно подумать о возрождении низовых партийных организаций, о деятельности горкома, о мерах по борьбе с репрессиями и о мобилизации трудящихся для создания антиимпериалистического фронта в соответствии с новой резолюцией ЦК.

— Слушай, товарищ Зэнг... — В голосе Мана чувствовались смущение и неуверенность. — Я ведь, откровенно говоря, соображать быстро не умею. Так что ты сам больше действуй. Я в таких больших делах никогда не участвовал...

— Ничего, привыкните. Кхак поклонился Ману по плечу. — Сейчас, в это трудное время, когда все охвачено тревогой и ждут помощи со стороны партии, медлить нельзя, это грозит серьезным ущербом нашему движению. Я ведь здесь новенький, плохо еще разбираюсь в местной обстановке, без вашей помощи не обойдусь. Каждый шаг будем обсуждать и решать сообща. Только так, опираясь друг на друга, мы сумеем что-то достигнуть.

— Да я это так, к слову, раз нужно, приложу все силы.

— Ладно. Начнем с первого вопроса. Коммунистов у вас, как мне известно, всего семь человек: на цементном трое, на фосфатном один, в порту один и в деревне Лаквиен один. Да еще тот, что перепугался и требует, чтобы его оставили в покое.

— Это Фонг, что ли?

— Он самый.

— Струсил парень. С тех пор как взяли Дьонга, он прячется от всех, как мышь в норе. Как-то хотел встретиться с ним, так куда там! Тоже коммунист!

— Пока не будем его считать. Итак, шесть коммунистов. Надо подумать, как лучше направить их работу.

Они еще долго шептались в ночи. Все им надо было начинать сначала. Прежде всего им придется создать две партийные ячейки, одну на цементном и фосфатном заво-

дах, где секретарем будет Кхак. Гай должна уволиться с работы, чтобы помочь Кхаку подыскать место для горкома и быть связной. Ман согласился, что в настоящий момент горком лучше расположить в деревне. Самым нежелательным представлялось им сейчас наладить связь с коммунистами и сочувствующими, чтобы поддержать и подбодрить их. Долгое время все действовало в легальных условиях, привыкли к ним и совершенно не умели работать в подполье. Необходимо было научить коммунистов работать в нелегальных условиях. Нужно было также выяснить причину последнего провала, в результате которого был арестован весь состав горкома, принять меры предосторожности против провокаторов.

Кхак подробно пересказал Ману содержание новой резолюции ЦК. Старый Ман слушал, не проронив ни слова. Кхаку почему-то вспомнился Ле. Вот он так же говорил ему об этой резолюции... И почему-то у Кхака потемнело лицо от этого воспоминания.

Ман ушел нервным. Кхак остался сидеть под баньяном. Он чувствовал себя сейчас как то сильнее, опытней. Ему казалось, что теперь стало яснее, что надо сделать в Хайфоне. Ман — надежный коммунист, побольше бы таких! Удивительно: выбывает из строя один, а на его место уже заступает другой.

— Пора! — услышал Кхак негромкий голос Гай.

Было по-прежнему темно. Кхак пошел через поле за едва видневшейся впереди Гай.

Они вышли к широкому шоссе, ведущему в Хайфон. В этот поздний час шоссе было безлюдно. Впереди на фоне неба четко вырисовывались трубы цементных печей, выбрасывающих легкие белые клубы дыма. Гай подошла к Кхаку.

— Мне, видно, придется уйти с работы?

— А ты сама как считаешь?

— Не знаю. Я уже думала об этом... Мне это проще, я ничем не связана, ни мужа, ни детей... Только бабушка в Тхюнг-гуен. Там у нее небольшой участок, но на двоих хватит.

— А ты кем приходишься Ан?

Гай повернулась к Кхаку, чуть заметная улыбка тронула ее губы.

— Ну и забывчивый ты! Я же говорила тебе. Ее

мать приходилась мне тетей, она работала на цементном. У нас в семье все либо на карьерах Чанг-коля, либо на цементном работали. Моя мать у печей работала, туда же и тетю привела. Мне тогда всего лет одиннадцать-двенадцать было, но я уже работала в бригаде носильщиков, помогала подносить глину, уголь. Каждое утро, с перами петухами, мы с матерью отправлялись на завод. Отец умер, когда и только начала ходить. Тогда еще не было электрических печей. Все делали вручную. Носильщики подносили корзины с камнем и опрокидывали их в дробилку. Случалось, устанет человек, не удержится — и летит вместе с корзиной в машину. Только мокрое место останется. А печи чистили железными коцерами. Так вот и погибла моя мать. Стали они чистить печь, а раскисший цемент вдруг осел. Восемь рабочих не успели отскочить, всех засыпало... Маме тогда было тридцать четыре. Четыре года я прожила у тети. Тети умерли от родов, а вскоре дядя стал харкать кровью. Через год и его не стало. Аи было всего десять лет. И отправили их с братом к бабушке, помогала чем могла, но все равно они голодали. К счастью, Аи стала работать уборщицей в ателье европейского платья. Там она научилась шить и сейчас зарабатывает шитьем. Сама кормится и брата растит.

Кхак слушал Гай, не проронив ни слова, лишь время от времени бросал взгляд на цементный завод, маячивший впереди. Он представлялся ему чудовищем, пожравшим несчетное количество человеческих жизней. На обочинах шоссе появились первые редкие фонари.

— Аи говорила, что у нее был дядя, который участвовал в революционном движении. Ты его знаешь? — спросил Кхак.

Гай не ответила. Удивленный ее молчанием, Кхак обернулся. Гай шла молча, глядя себе под ноги. Когда она наконец подняла голову, лицо у нее было будто каменное. Только глаза сверкнули в темноте, встретив взгляд Кхака.

— Он приходится двоюродным братом отцу Аи... — Она заинулась. Кхак догадался, что история эта связана с личной жизнью Гай, и уже хотел было перевести разговор, но Гай продолжала: — Он сделал мне предложение... А незадолго до свадьбы его забрали.

Оба замолчали. Показалось здание конторы по опто-

мой продаже бензина. Засветел паровоз: пришел вечерний поезд из Ханоя.

— Слушай, Гай, тебе еще не удалось подыскать место для горкома? — спросил Кхак, желая переменить тему.

— Я думаю, спокойнее всего будет в нашей деревне, в доме у бабушки. Завтра я схожу, узнаю, как там.

— Ладно, поезжай как можно скорее. Только помни — ты должна быть крайне осторожна. Хорошо бы разузнать обстановку, спокойно ли там. И прежде чем уйти с работы, подыщи удобный предлог, чтобы у полиции не возникло никаких подозрений.

— Это нетрудно, — ответила Гай. — Скажу ребятам на заводе, что хочу заняться торговлей. В Тхуи игуане меня хорошо знают, в крайнем случае подыщу другое место.

Гай попрощалась и пошла в сторону рабочего поселка, а Кхак обогнул завод и направился к себе.

Часть вторая

Был один из тех осенних вечеров, когда мельчайшая динамика нивы наизвозь пронизывает воздух. Вверх по течению Лямонга поднималась лодка. Нарусе был спущен и брошен на носу. Рулевой, жилистый старик, похожий на утолщенный корень гигантского дерева, стоял на корме, широко расставив ноги, и лишь время от времени шевелил рулем в послон. Взгляд его прищуренных глаз был устремлен вперед. Коричневое обветренное лицо с реденькой бородкой выражало нетронутый спокойствие человека, уверенного в своих силах. У ног старика сидела девочка, раздувая огонь в законченном очаге. Под навесом, где стояли пустые глиняные сосуды для захоронения костей покойников, сидели двое, судя по одежде — торговцы, и тихо разговаривали. Иногда они прерывали разговор, поглядывая на молодую чету, родичей старика Лодыника, которые брали по колесу в воде и, сгибаясь от напряжения, тянули лодку бечевой. Мужчина, обвешанный по поясу, шел немного впереди женщины. Его мускулистая спина и плечи лоснились от пота. Жена в засученных выше колен шароварах шагала в ногу с ним, сильно упираясь в дно. От их слаженных, ритмичных движений дугообразные линии веревки то погружались в воду, то снова с легким плеском появлялись, сбрасывая крупные капли. Подня медленно скользила по едва заметной ряби. Впереди стилиз. пзморось замаячили изогнутые фермы железнодорожного моста, перекинутого через реку.

На дороге, идущей по дамбе, появился парень с копелной через плечо. Он остановился, присмотрелся к лодке и крикнул:

— Дядюшка Зан, это вы?

Мужчина и женщина остановились, вскинули головы.

— Это ты, Кой? Откуда идешь? — крикнул мужчина.

— Из Хайфона.

— Выходит, все уже вернулись?

— Все!

Старик тоже подал голос:

— Есть что интересное? Рассказывай бы.

— Интересного много. Вы в Хай-амон?

— Да. Завтра к вечеру будем там. На обратном пути обязательно к тебе зайдем.

— Ладно, а я к вашему приходу приготовлю рыбу.

Они распрощались, Кой прибавил шагу и вскоре скрылся вдали.

— Скоро мост, Ле, — сказал старик, в сторону навеса.

— Добро! — откликнул один из торговцев и снова повернулся к своему спутнику. — Кстати, не забудь побывать в деревне Тям, навестить Куен и тетюшку Муй. Передать им это письмо. Куен даст тебе несколько книг, ты сразу передал их мне. Вот, кажется, и все.

Ле выглянул из-под навеса.

— Дядюшка Зап, высади меня где-нибудь здесь.

Лодка пристала к берегу. Ле подхватил под мышки зонт, забрал свою плетенку и, засунув штаны, сошел в воду.

— Не забудь, — тихо сказал Ле, подходя к мужчине, тинувшему бечевку, — четырнадцатого ночью жди меня под баньном у причала Кот.

На берегу Ле ощутил штанины и быстро зашагал по дамбе. Лодка неторопливо заскользила дальше по речной глади.

Кой шел быстро. Дождь усиливался. Небо затянуло тяжелыми тучами, начался ветер, рубаха у Коя намочла, но он, охваченный нетерпением, даже не замечал этого. Его волновал вопрос: как его встретит Куэ? Ведь этой ночью он, возможно, увидит ее, будет говорить с ней! Однако к этому радостному ожиданию применялось чувство грусти. Как Мам? Как Соан? Кого хотелось прежде всего разыскать Куэ, но Мам просил его зайти к тетюшке Муй, рассказать о нем и передать необходимый подарок для Соан. Так, ничто особенного, просто белый ситцевый платочек, который Мам купил в Хайфоне. И Кой решил, что сначала нужно повидать Муй. К тому же, если он придет к Куэ, когда стемнеет, будет меньше сплетен.

Тропа от дамбы шла прямо к дому Муй. У калитки Хюэ с братишкой на руках поджидала мать. Бау все время хныкала: «Есть хочу, есть хочу...» Хюэ прижимала голову братишки к своему плечу и старалась его убаюкать.

— Сии, Бау, сии... Завтра я поймаю тебе стрекозу.

На банановые рощицы, на тропицу под ветром заросли камыша опускалась темнота. К Хюэ подкрадывался страх. Широко раскрытыми глазами она смотрела на дамбу — не покажется ли там мать. Так было каждый день.

Мать приходила в полной темноте. Придет, разожжет огонь, развешит юные, висят оттуда несколько горстей риса. Тогда Хюе разбудит брата и они все вместе поужинают, сидя у очага.

Хюе показалось, что на дамба мелькнула фигура матери. Ну да! Это мама спускается по дороге. Хюе радостно затормошила уснувшего брата.

— Мама пришла, Бау, мама!

Но это была не мама. Собака с лаем бросилась в темноту. Дети замерли от страха. Какой-то мужчина поном отгонял собаку.

— Это ты, Хюе? — раздался в темноте голос. — Мама еще не вернулась?

— О, Кой? Это ты? А где Мам?

Кой вошел в дом.

— Ну и темно у нас! Значит, мамы еще нет?

Он разжигает огонь и достал из сумки кусок рисового пудинга.

Когда пришла тетюшка Муй, Кой стал рассказывать ребятам о Хайфоне: о цементном заводе, который и сто раз больше дома децутата Кхана, о причалах, куда пристают огромные лодки, вышивной с многоэтажные дома французов, и о том, что французы там дерутся плетками.

— Послушай, Кой, а где Мам?

— Садитесь, тетюшка, все расскажу по порядку. Мама арестовали.

— Как это арестовали? За что? — Муй замерла от ужаса.

— Я сам не знаю, за что, — ответил Кой. — Однажды рабочие решили отказаться от обеда в знак протеста против подрывчиков, которые убавили порции и стали кормить их гнилым рисом и тухлой рыбой. А через несколько дней нам объявили, что среди нас скрываются коммунисты, парализовали жандармов, окружили несколько лагерей, схватили больше десятка человек, сунули в машины и увезли. Мама тоже взяли, а ведь он был смирный, как теленок.

Муй впервые слышала такие слова, как «протест», «жандармы», «коммунисты». Она их не понимала, но догадывалась, что за этим кроется что-то страшное. И она, конечно, перепугалась: Мам в опасности.

— Через несколько дней, — продолжал Кой, — их выпустили, но четверых отправили в тюрьму Хао-ло. И Ма-

ма тоже. Я слышал, что на допросе эти четверо заявили, что нельзя так обращаться с рабочими.

Когда Кой назвал тюрьму Хаа-ло, Муй еще более встревожилась. Она вспомнила, что мужа тоже держали в этой тюрьме, а потом отправили на каторжные работы, откуда он уже не вернулся. Визно, такая участь ждет и несчастного Мама! По щекам старой Муй покатались слезы. Кой почувствовал, что и у него ком подступает к горлу, но сдержался, молча в конвертик и достал завернутый в газету платок.

— Это Мама прислал Саян. Он просит вас передать ей платок. А эти деньги наказал отдать нам. Из них два хао — для Ка.— С этими словами Кой передал тетушке Муй деньги и платок.

Кой посидел еще немного. Он рассказывал о строгости аэродрома под Хай-фаном, где они работали. Из-за этого аэродрома сгнали с земли крестьян из нескольких деревень. Потом все снесли, перенесли и утрамбовали землю, а взлетную полосу залили бетоном. Крыши в бараках протекали, а лагерь обнесли колючей проволокой и по всем углам построили сторожевые вышки, как в тюрьме. Кормили их голодом. Дни не проходило без побоев: от всех понадало — и от своих и от французов.

Кой рассказывал, тетушка Муй слушала его, тихо всхлипывая.

Холодно. Дождь не перестает моросить. Кой поежился. Настала ночь, темно, хоть глаза выколи. А тут еще этот холодный ветер пронизывает до костей. Кой не успел отойти от дома, как снова промок масквозь. Но ничего, еще немного, совсем немного, и он увидит свою Куа. Она согреет его!

Деревья, окаймлявшие дорогу, напомнили ему ту ночь, когда Куа подарила ему свою любовь. Кой улыбнулся. Вот я и вернулся к тебе, моя Куа. Как я тожоват по тебе, если б ты только знала! А ты возмозалась, что я скоро забуду тебя. Если что и изменилось во мне, так только то, что моя любовь стала еще сильнее. Теперь все познали, я вернулся, и тебе не нужно больше тревожиться. Я уведу тебя к себе. Мы будем делить с тобой и радость и горе до самой старости. Пусть только посмеет кто-нибудь обидеть или оскорбить тебя — я перегрызу ему глотку! Кой мысленно говорил это и улыбался, ему

казалось, что в темноте дождливой ночи он видит родные миндалевидные глаза.

Наконец он миновал школу. Осталось совсем немного: сразу за селом, на краю дороги, под манговым деревом стоит одинокая лачуга. Это дом Куэ. Она живет здесь с матерью, которая нянчит ее дочку; старушка торгует бананами.

Кой долго шнырял в темноту, стараясь увидеть лачугу. Ага, вот и она! У него перехватило дыхание. Ноги отказывались идти... Неслышными шагами он подошел к дому. Налетел порыв ветра, с мангового дерева с шумом посыпались крупные капли. В доме стояла тишина. Кой осторожно постучался.

— Куэ, Куэ!

Слышно было, как зашнырялась старушка.

— Кто здесь? — спросила она.

Кой вначале растерялся, но тут же развился со своим смущением.

— Это я, Кой, откройте.

Дверь отворилась.

— Входи, — сказала старушка.

Но где же Куэ? Ушла куда-нибудь? Кой стоял озабоченный. Тем временем старуха раздула тлеющие угли в очаге, зажгла свечильник и молча поставила его на топчан. Кой снял пон, сел на скамью и огляделся. Куэ не было. Старуха с трудом добралась до очага, сунула в него несколько сучьев и поставила на огонь чайник.

— Бабушка, а где Куэ? — наконец спросил Кой.

Старушка молча κοιошпилась у очага, затем неожиданно спросила:

— Это ты, Кой? — Она поднесла к его лицу лучину.

Кой сидел не шевелясь, он начал догадываться, что произошло что-то печальное. Глаза старушки долго смотрели на него, и вдруг лицо ее смерщилось в плаче.

— Окончив ты... Куэ... доченька моя!.. — запричитала старуха. Кой разобрал лишь отдельные слова: — Умерла она... сгорела в несколько дней...

II

Всю ночь бродил Кой по полям, словно смертельно раненный зверь. Время от времени он садился на землю, прикидывал голову, представляя лицо дождю, и сме-

рел в небо невидящим взглядом. Его душили слезы, внезапно он вскакивал и шатал, не разбирая дороги, сам не зная куда. Незаметно ноги сами привели его к знакомой тропе, туда, где на берегу стоял шалаш. И тут Кой не выдержал, дал волю чувствам. «О-о-о! — закричал он в темноту. — Куэ, родная моя!... Он сжимал голову руками, бегал куда-то, но вскоре, обессиленный, валялся на траву и бился в плаче, сиротав лицо в ладонях.

Начало светать, шалаш был уже виден отчетливо. Их шалаш. Пролетел сын, хлопая тяжелыми крыльями и огласив окрестность зловещим криком. И снова стало тихо. Только река своим журчаньем нарушала предрасветное безмолвие.

Кой задел в шалаш, зубы у него стучали от холода. Ошибившись пальцами он с трудом достал из сумки зажигалку, как-то так разжег костер и непонимая застыл, уставившись на пляшущее пламя. О небо, как же ты допускаешь такую несправедливость! Люди, достойные смерти, живут, а тем, кому жить бы да жить, ты не даешь жизни! Куэ умерла! Старела в несколько дней!

Кой не знал, что Куэ умерла от заражения крови. Она ловила рачков и порезала ногу осколком стекла. А как лечить ее — неизвестно. Не было ни лекарств, ни врачей...

Кой уткнулся лицом в сухую подстилку и встал в забытьи.

Горе тяжелым камнем навалилось на Коя, и он, казалось, уже был не в силах выдержать эту тяжесть... но инстинкт самосохранения оказался сильнее — Кой встал в глубокий сон. Во время этого несчастного сна рана словно бы затянулась, и хотя еще не зарубцевалась, но уже не кровоточила. Сон успокоил разгоряченный мозг, не дал ему помутиться под натиском разрушительной бури. Правда, душевная боль не оставляла его даже во сне, но жизнь уже брала свое, защитные силы организма оберегали его. Он спал, пока у него не накопилось достаточно сил, чтобы встретить новые невзгоды, ожидавшие его в жизни, глаза его раскрылись и с удивлением смотрели на мир, словно Кой вернулся сюда после долгих лет разлуки. Он сид, с трудом вспоминая, где он и что с ним. За эту ночь он постарел на несколько лет.

Он пришел было домой, но отца не застал, и его опять потянуло в Тао.

Он снова пришел в домик Куэ. Вот ее дежанка в углу. Здесь она спала, здесь боролась со смертью, здесь звала его в беспамятстве.

Кой взял на руки дочку Куэ, поднял ее и долго смотрел на девочку, стараясь отыскать черты любимой. Но девочка вдруг расплакалась, и Кой отдал ребенка старухе.

— А где могила Куэ, бабушка? — тихо спросил он.

— Пойдем.

Старуха взяла несколько ароматических палочек и вышла из дому. Недалеко от переправы лежало крохотное кладбище. Здесь под фикусовым деревом возвышался могильный холмик. Кой заложил ароматические палочки и заткнул их в трану вокруг могилы. Неловко падали медлительные ботиночки, чуть дальше, в небольшом озерце, чернел плот. Там ловили рыбу. Мерно поднимались и опускались длинные бамбуковые шесты с согнутыми подъемниками на конце.

Этим вечером Хюэ играла с братом в новую игру: они строили аэродром. Хюэ гудела и фырчала, изображая автомашину.

В разгар игры пришел Кой. Хюэ бросилась к нему. «Кой, Кой, сделай нам кузнечика из бумаги!» Но сегодня Кой почему-то не играл с ними, как обычно. Он лишь потренил Хюэ по голове, прошел в дом и уселся у очага.

Всего лишь один день прошел, как он заходил сюда, а сейчас ему казалось, что это было уже много месяцев назад. Время будто замедлило свой ход. Словно внезапно оборвалась невидимая нить, связывавшая Коя с его прошлой жизнью, и теперь эта жизнь неудержимо отдалялась от него. Знакомая бамбуковая хижина стояла на месте, а вот Мама не было, он сидел в тюрьме. А его Куэ умерла! Нет, он не может здесь больше оставаться! Он еще не знал, куда пойдет, но ему нужно было уйти. А чего бояться? Жить можно везде. Только нужно найти что-то такое, что помогло бы ему жить дальше. Этой ночью дядюшка Зан снова поведет свою лодку по реке. Пожалуй, он пойдет с ним до Гома, может, там найдется работа.

В Европе уже более пяти месяцев шла война, но Ханой никогда еще не переживал таких радостных дней, такого открытого веселья, как теперь. Испуг, вызванный в первые дни известием о войне, давно уже прошел. Все было забыто. Ежедневно газеты помещали сообщения о налетах французской и английской авиации на населенные пункты по ту сторону Рейна либо об успехах союзников на море, то и дело тапавших немецкие суда. В кинотеатрах шла хроника, демонстрирующая неприступность линии Мажино и похищение фронта генералом Гамелемом. Собственно, это было все, что Ханой знал о войне. Зато повсюду говорили об увеличении поставок китайцам, особенно автомашин и горючего. Деньги по-прежнему лились рекой. Почти не проходило без какого-либо благотворительного вечера или ярмарки в фонд «нашей метрополии». Светская молодежь веселилась на балах и конкурсах красоты, распевала модные песенки, пошлые и бессмысленные.

Однажды в городском театре был устроен торжественный концерт учениц старших классов. Особый интерес вызывало участие в концерте воспитанниц двух французских лицеев, дочерей крупных военных и гражданских чинов из Тонкина¹. Что касается местных, то это были в основном дочери промышленников, коммерсантов и вьетнамской интеллигенции. В своих статьях газетные обозреватели обращали внимание на то, что на концерте будут показывать свое искусство две музыкально-хореографические школы Ханоя, этого древнего центра вьетнамской культуры: школа месье и мадам Робер и школа подполковника Фернанда, руководители военного оркестра внутренних войск. К участию в концерте были привлечены оркестры французского легиона и военных моряков. Таким образом, в этот день в театре собрался весь цвет музыкального мира Вьетнама. Интерес к концерту подогревался сообщением организационного комитета об аукционе «по американски», который будет проводиться здесь впервые.

В день концерта около семи часов к театру стали ве-

¹ Названия Северного Вьетнама в период французского колониального господства.

равицами подкатывать машины. На концерт явилась не только столичная элита, приехало внешнее общество из провинций. Театр, выстроенный в стиле французской архитектуры девятнадцатого века, сверкал огнями. От самого входа по главной лестнице был разлитый красный ковер. Черные фраки перемешались с национальными костюмами. Дамские наряды не поддавались описанию. Шелк, бархат, гинюр всех цветов и оттенков, хотя в тот год в Ханое входила в моду бледно-розовые и фиолетовые тона. Фойе наполнилось клубами табачного дыма, в воздухе стоял густой запах духов. Театр был переполнен. Фойе второго яруса, как обычно, было отведено для французов. Там, отражаясь в зеркалах, прохаживали лишь европейские костюмы и платья.

В этот вечер Мон и его супруга встретили в театре немало друзей и знакомых. Начальник ушел на этот раз был не в обычном для чиновников черном шелковом платье с ранговой табличкой, он надел европейский костюм светло-кирпичного цвета. Правда, в европейском платье он выглядел не очень солидно, но зато значительно моложе. А очки придавали ему интеллигентный вид. Фыонг выглядела очень элегантно: она уложила волосы на затылке, собрав их в тяжелый узел по моде, которой следовало новое поколение ханойских женщин. Черное бархатное платье красиво оттеняло ее гладкую светлую кожу и в особенности стройную шею, на которой, словно линия, высилась ее грациозная голавка. Фыонг стояла под руку с сестрой, круглолицей девушкой лет шестнадцати-семнадцати, совершенно не похожей на старшую сестру. Девушке через несколько минут предстояло появиться на сцене. Видимо, поэтому она была так возбуждена.

Мон курил и изредка галантно раскланивался со знакомыми.

— Сегодня наша Ханг будет, подобно звезде, сверкать со сцены, — сказал он громко.

— Скажешь тоже!

Ханг кокетливо засмеялась. Фыонг отвернула и стала обмахиваться программкой.

— Прощу тебя, перестань дымить в нашу сторону.

Широкое лицо Мона расплылось в улыбке. Сегодня уже несколько его знакомых при встрече не удержались

от комплимента: «Та fаише¹ все молодеет! Она, видно, будет вечно оставаться юной. Ты счастливее!» А минуту назад доктор До подмигнул ему и сказал вполголоса: «А сестренка у Фыонг тоже ведурна! Аромат цветов заставил нас срывать их — не так ли?» Начальник уезда рассмеялся: «Вечно ты несешь чепуху...» Доктор До удивился: «О, неужели ты стал моралистом? Вот послуживши начальником уезда еще годика два, она подрастет, и тогда ее в самый раз взять второй женой. Не понимаю, чего тут раздумывать?» Мон покровительственно похлопал друга по плечу и засмеялся. Беседуя с сестрами, Мон то и дело поглядывал на Ханг, пытаясь представить ее себе в качестве второй жены года через два.

Фыонг закашлялась.

— Это ужасно! Просто дышать нечем. Выйдем на балкон!

— Потерпи немного. Надо подождать губернатора. Поздороваемся, и тогда или куда угодно.

— Нет уж, уволь! Пойдем, Ханг!

Сестры вышли на балкон, начальник уезда остался стоять один у лестницы, ведущей во второй ярус. Он в сердцах выбросил недокуренную сигарету и, закурив новую, стал прохаживаться взад и вперед. Да, счастье никогда не бывает полным! Упрямство жены вывело его из равновесия. Разумеется, она могла с ним обращаться так, потому что была богата. Как же, дочь Ить Фонта, владельца магазина шелковых тканей на самой фешенебельной улице города. Справедливости ради следует признать, что за нее он получил не так мало — десять тысяч донгов. Но, к сожалению, деньги давно растаяли как дым: дорогие туалеты, Форд последней марки, да мало ли что еще... На все это нужны деньги. А теперь они живут на его жалованье. Сегодня тесть посоветовал ему: «Постарайся купить сейчас виллу в Ханое, придется: если перенедут поближе к Ханую, сможете постоянно жить в столице». Приобрести виллу! Легко сказать! На государственной службе сейчас не много заработаешь. Чтобы вытянуть из этого народа каких-нибудь несколько десятков донгов, приходится немало попотеть. Тем более у него в уезде, где в последние годы организации Народного фронта и коммунисты расползлись, как черви в

¹ Твоя супруга (франц.).

жирной земле, а голодранцы угрожают демонстрациями и осмеливаются возражать даже начальнику уезда! Нет, государственными чиновникам совсем, совсем не легко приходится! Они всегда между молотом и наковальней. Мои снова швырнул окурок. Вокруг послышались приглушенные голоса, толпа расступилась, пропуская высокого, полного француза с черной бородой и вертящую вьетнамку в красном бархатном платье. О, да это же мадам Нгок Оань с директором департамента по делам просвещения Индокитая! Мадам Нгок Оань заведует женскими гимназиями Аннама¹. В списке ее друзей были только французы. Вот и сегодня! Разве мог бы кто-нибудь из вьетнамцев осмелиться появиться во втором ярусе? А ее пригласили, как будто так и надо. Эта женщина была любовницей почти всех губернаторов Тонкина. Не прошло еще и месяца, как ее последний любовник, губернатор Шатель, уехал во Францию, а она уже крутит с новым. Мои проводил взглядом красное платье. Странный народ эти французы! Была бы еще красавица, а то страшна как смертный грех. В подметки его Фьонг не годится. Тут начальником уезда снова овладело раздражение. Что стоило Фьонг покончить с губернатором провинции, принять его разок-другой, тогда Мону не пришлось бы прозябать в уезде! Вот, к примеру, уездный начальник Бать. В прошлом году он выдвинулся на высшую ступень служебной лестницы, и все благодаря дочери, которая «доставила удовольствие» губернатору Шателю. А сколько таких чиновников! Причем их жены и дочери — настоящие обезьяны. С тех пор как на рождественском празднике губернатор провинции увидел Фьонг, он не перестает спрашивать о ее здоровье. Убудет от нее, что ли, если она ублажит его разок! Был бы муж согласен. Ведь тогда он наверняка стал бы начальником самого крупного уезда. Разве не приятно быть женой такого начальника? Бог мой, почему женщины так глупы? Сколько он ни убеждал ее, все напрасно. Уж если ты сидишь на мужнином хлебе, так помогай ему! Мои почувствовал опять, как в нем закипает раздражение. Какая черная неблагодарность! Однако даже злость не могла заглушить в нем смущенное ощущение стыда. Конечно, сучье дело... Кому оно по

¹ Дореволюционное название Центрального Вьетнама.

душно! Но такова уж жизнь — волей неволей заставляешь идти на все.

В фойе было шумно. Гости, проталиваясь, разговаривали, шутили, смеялись. Было уже больше восьми часов. Давно пора было начинать, но не прибыл еще верховный резидент Тонкина. Неожиданно лицо уединенного начальника просияло и расцвело улыбкой: показался губернатор провинции Хай-зыонг. Достаточно молодой, высокий, в черном костюме, он торопливо шел от арки центрального входа. Мой носенщик к нему навстречу и, склонившись в поклоне, забормотал по-французски:

— Мое почтение, ваше превосходительство!

— А, это вы, милейший. Здравствуйте, здравствуйте. Значит, и вы здесь? — Губернатор приветливо протянул Мопу руку.

Мой склонился еще ниже и почтительно пожал ему руку.

— Рад, рад вас видеть здесь.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.

— А где же супруга?

— Она на балконе, ваше превосходительство.

— Передайте, пожалуйста, ей самый сердечный привет.

Молодой губернатор стал подниматься по лестнице. Мой окинул горделивым взглядом всех наблюдавших эту сцену и отправился искать Фьюнг.

Ханг было приятно видеть, что они с сестрой привлекают всеобщее внимание. Во взглядах мужчин сквозило откровенное восхищение с примесью чувственности, женщины же смотрели на них холодно и даже чуть презрительно. Ханг видела эти взгляды, но объясняла их завистью и потому радовалась еще больше. Она вся была поглощена тем, что делалось вокруг, и жертвовала во все стороны. Старшая сестра же больше молчала, она неотрывно глядела на скверик по ту сторону улицы, погруженный в вечерний сумрак.

— В чем дело, Фьюнг? — наконец не выдержала Ханг.

— Ничего. Просто устала немного, голова боит.

На самом деле она увидела губернатора и вспомнила бесконечные уговоры мужа «доставить удовольствие» этому французу. Муж влился, влился, что его уговоры не достигают дела, и осыпая ее оскорблениями, которые причиняли Фьюнг почти физическую боль. Какой позор, какая

радостью! Видно, быть счастливой можно лишь в безумстве Ханг. Ей еще неизвестна вся эта грязь. Фьюнг несидящим взглядом смотрела вдаль, а то время как мысли ее были в прошлом. Она вспоминала то время, когда была еще не госпожой, не женой уездного начальника, а просто девушкой Фьюнг, наивной и юной.

— Смотри, Мен идет нас, — дернула ее за руку Ханг. — Мон, Мон, мы здесь!

Мен пробрался сквозь толпу и с сияющей улыбкой подошел к сестрам.

— Ну вот, — зашептала Ханг, — передаю тебе твою жену и оставляю вас. Меня уже, наверное, давно разыскивают, нужно подготовиться к выходу.

Мен взглянул ей вслед, закурил сигарету и сказал, едва сдерживая радость:

— Ты однаешь, я думаю, губернатор уже не придет, но, оказывается, он здесь и просил передать тебе самый сердечный привет. Пойдем, все уже идет в зал.

Их ложа помещалась сбоку, недалеко от сцены, так что часть сцены была не видна, но зато отсюда хорошо просматривались почти весь партер и первый ярус противоположной стороны. В этом была своя прелесть, ибо в городской театр ходили не только на спектакли, но и посмотреть на людей и показать себя. В ложе было четыре места, и четвертое было пока свободным. Фьюнг сидела у самого барьера. Мон, наклонившись к ней, шепотом называл всех, кто сидел внизу и в ложах. Фьюнг слушала его рассеянно, она глазами пробегала по рядам, отыскивая старых хаюйских друзей, и в то же время наблюдала на том, какое впечатление производит на публику она сама. Молодая женщина из ложи напротив улыбнулась и помахала ей рукой. Фьюнг тоже улыбнулась и кивнула в ответ. Все таки Минь приняла на концерт. Какие у нее, однако, уже взрослые дочери. Да, время летит! А все же! Ханя со своим «бакалавром» и губернаторша Ви с «министром». Все здесь... Фьюнг улыбнулась. А где же сам денутат? Но улыбка вдруг застыла на ее губах. Кто этот широкоплечий, с большой, массивной головой? Неужели художник Ты? Мечта ее девичьих лет, когда она была еще угнетенной. Тогда они думали, что достаточно любить друг друга, и любовь преодолест все преграды. Но жизнь оказалась подобна

урагану, а то такое, искреннее чувство — всего лишь нежным лепестком. Буря подхватила его и унесла... Судя по одежде, он по-прежнему беден. Рядом с ним Тхань Тунг — тоже художник, но какая пропасть между ними! Имя Тхань Тунга известно не только всей стране, его выступления на шеек красавицы демонстрировались на выставках в Гонконге, Маниле и, кажется, даже в Париже и Риме. Мужчины тоже обратили внимание на Фыонг. Ты пристально посмотрел в ее сторону, отвернулся и снова взглянул, лицо у него было растерянное. А Тхань Тунг бесцеремонно усавился на сидящую в ложе незнакомку в черном бархатном платье, не отрывая взгляда, точно притянутый магнитом.

Прозвенел звонок. Свет в зале погас. Занавес дрогнул и стал подниматься, раздались аплодисменты. На сцене было два флага, поставленных крест-накрест: трехцветное знамя Франции и желтое, с продольной красной полосой — стяг императора Бао Дая. Под каждым флагом стояла группа девушек — француженок и вьетнамок, — словно живые цветы. Француженки были в белоснежных юбках и кофточках, вьетnamки — в белых платьях и шароварах. «Цветы» вдруг ожили, и в зале зазвучала «Марсельеза». Сиденья захолодали, все встало. Фыонг тоже поднялась, она смотрела на сцену, отыскивая свою сестру. Ханг стояла в третьем ряду. Увидев Фыонг, она чуть заметно улыбнулась... Но во французском хоре, кажется, есть и вьетnamки! Так и есть. Вот Шуге! Теперь понятно, почему вся семья депутата Кхэня появилась в Ханое.

Пение окончилось, занавес стал медленно опускаться, все снова захолодало сиденьями, усаживаясь на свои места. Дверь ложи открылась, вошел четвертый зритель. Мои радостно вскрикнул:

— Неужели это ты? — и представил жене вошедшего: — Уездный начальник Чи. Сейчас он занимает пост ответственного секретаря в резиденции самого генерал-губернатора!

Чи и Фыонг церемонно раскланялись.

— Ты теперь вознеси к самому солнцу, — угодливо проговорил Мои, — расскажи, что слышно нового.

Польщенный Чи поклонился и доверительно сообщил:

— Знаешь, сегодня в Ханой прибыл японский генерал!

У Мои округлились глаза. Чи бросил взгляд на Фыонг и наклонился еще ближе.

— Генерал Сусихаги сегодня явился к генерал-губернатору Катру и потребовал разрешения осмотреть грузы, отправляемые через Индокитай китайскому правительству.

— Неужели?

— А ты что думаешь! Но разве французы когда-нибудь кому-нибудь уступали? Катру сам генерал и тоже крепкий орешек. Он ему хорошо ответил! С такой флегматичной миной, на английский манер...

Лампы в зале снова погасли, занавес поднялся, но приятели даже не смотрели на сцену, они были увлечены беседой.

— Тогда японцы как стукнут по столу! Точно он у себя в Токио! Ну, я тебе скажу, и вид был у этого японца!

— Ты его видел?

— Мельком, когда он входил в приемную генерал-губернатора.

На сцене в четыре руки играли на рояле французская и вьетнамка. Чиновникам и коммерсантам, да и их женам эта музыка была непонятна, она была им чужой. Но красивые платья девушек, европейские прически и бегущие по клавишам пальцы не могли не произвести впечатления на зрителей. Исполнительницы были вознаграждены аплодисментами. Затем последовали вокальные номера. Однако самое большое оживление в зале вызывал балет. Когда на сцену выбежали французские девушки в пачках и стали выгибаться и заламывать руки, жены чиновников фыркнули — черт знает что придумали! Зато их мужья раскрыли рты от изумления и пожирали девушек глазами. Еще бы! Не так уж часто им доводится видеть полуголых французенок.

IV

Время близилось к полуночи. В баре «Галльский петух» почти не было посетителей, не считая нескольких французских офицеров и коммерсантов, которые еще оставались за столиками и историчализо тянули коньяк. Музыканты только что кончили играть и устало укладывали инструменты.

Улицы опустели. Ночной воздух был сух и прохладен. Из бара вышли двое — мужчина и женщина. Мужчина был черноволосый, а женщина белокурая.

— Ниная, зай я поперу твою скринку,— сказал мужчина.

— Спасибо, Тоан. У тебя есть сигетки?

Они остановились и закурили.

— Иногда жизнь кажется какой-то безмысленной штукой! Ты не находишь, Тоан?

В голосе Ниной звучали веселые нотки. Они шли рядом, почти касаясь друг друга.

— Какая чудесная ночь! — сказала восхищенно женщина. — Был бы жив отец, он в такую ночь ни за что бы не уснул, коротал бы ее наедине с бутылкой. И как всегда, изливал бы мне душу: «Знаешь, дочка, какой дом был у нас в Туле?» Помнишь, как однажды он шел с тобой и Николаем, а потом бил себя в грудь и кричал: «Да, я виноват! Виноват перед родиной, перед семьей виноват!» И что за характер у нас, у русских...

Тоан улыбнулся:

— А я вспоминаю, как замечательно он играл на виолончели.

Они медленно брели по набережной, вдоль каноников аллей. Верхушки деревьев терялись в темноте. Фонари на столбах бросали пятна тусклого света.

— Когда я слушала, как отец играл, передо мной всегда вставали наши сны, березки и сугробы, по которым дорога бежит, словно по волнам... И золотые купола церквей, сверкающие на солнце, албры вдоль дорог, деревянные домики, занесенные снегом... Боже мой, что бы я не отдала, лишь бы еще раз увидеть родные места... Когда отец привез нас с матерью в Париж, мне было шесть лет. С тех пор минуло двадцать пять лет, а я до сих пор как о рае думаю о родине... Нет, Тоан, тебе не понять, что делается в душе у людей, лишенных родины и кочующих по свету, как пыланы. Я знаю: когда отец играл, душой он уносился в Россию...

Нина замолчала, некоторое время они шли молча, погруженные в свои мысли.

— Тебе, наверно, очень хочется вернуться? — тихо спросил Тоан.

— О, если б у меня были крылья, я бы тотчас же улетела туда. Но мне нравится и Ханой. Я ведь выросла в этом городе и считаю себя приемной дочерью Вьетнама. Но Россию я не в силах забыть!

— Придет день, и твоя мечта осуществится,— уверенно

— сказал Тоан. — Ты увидишь Россию. И как знать может случиться, что и я ее увижу. — Тоан улыбнулся. — Да, кто знает, все может быть!..

— Хороший ты, Тоан! — Голос Нины дрогнул. — Но если это и будет, то очень вскоре. Война... — Нина вздохнула. — Когда отец поехал во Францию, он не думал пробыть там долго, хотел заработать немного и вернуться домой. А тут началась война. Потом пришло известие, что в России революция, голод. Отец побоялся вернуться, остался во Франции. Но во Франции мы тоже не видели счастья. Жили в мансарде, на Монмартре, отец часто сидел без работы. Вскоре от тифа умерла мама. С той поры мы с отцом и мыкались по свету. В конце концов приехали в Индокитай: какой-то знакомый нашел ему место преподавателя музыки, но школу, где он преподавал, вскоре закрыли. Теперь отец уж никогда не увидит Тулу! — Нина замолчала. — Знать, чего мне сейчас больше всего хочется? — спросила она вдруг после паузы. — Встретить кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить по-русски. Раньше нас все-таки было двое, а теперь, когда я осталась одна, мне не с кем больше разговаривать, разве что с собой. Ведь здесь куда ни пойдешь, слышишь только французский. Вьетнамцы принимают меня за «бадам». — Нина громко расхохлялась. — Ну, хватит. Поговорим о чем-нибудь другом. Скажи мне, Тоан, только честно: за последнее время я очень постарела?

Они подошли к фонарю. На губах у Тоана мелькнула добродушная улыбка. Черные глаза музыканта встретились с вопрошающим взглядом голубых глаз. «Скажи, ведь правда, я еще молода и красива?»

— Успокойся, Нина, — ответил Тоан, — ты не постарела и не подурнела. Это у меня с каждым днем прибавляется седина...

— О! Тебе нечего вливать! Ей-богу не даст тебе и тридцати. Интересно, почему вы, вьетнамцы, так долго не стареете? Особенно женщины. Вьетnamки такие изящные, юные, что рядом с ними мы, «бадам», кажемся, поверное, коровами.

Тоан расхохотался. Нина тоже засмеялась.

— Будь здесь хозяйка бара, — сказал Тоан, — он бы давно уже прочитал тебе нотацию: «Почему, Нина, мы так разговариваем с туземцем? Как бы то ни было, вам,

европейской жепщине, не пристало держаться с ним столь фамильярно!»

Оба снова рассмеялись.

— Да... — В голосе Тоана послышались горькие нотки. — Они считают, что аннамиты могут быть только официантами, поварами, прислугой. Представь себе на минуту, что я прошелся с тобой по улице Поля Бера. Как кинулась бы на меня вся эта свора. Если, случается, белый мужчина идет с желтокожей женщиной, они хоть и смотрят на него насмешливо, но не считают это чем-то из ряда вон выходящим: каждый имеет право похвастать своей игрушкой. Но если желтокожий мужчина пойдет с белой женщиной — это уж непростительная наглость! Тебе, Нипа, вероятно, трудно понять меня, но это отравляет мне всю жизнь...

Музыкант глубоко вздохнул. Нипа взяла Тоана за руку, как бы говоря: успокойся, ведь я то совсем не такая.

— Да, я живу в своей стране, — продолжал Тоан, — но у меня тоже нет родины. Даже в музыке. У меня отняли родные звуки. Каждый день я исполняю прекрасные мелодии, но нет среди них ни одной, в которой бы звучала душа моего народа. Я хочу писать вьетнамскую музыку. Но между желаемым и действительным — пропасть. К тому же я так одинок. Друзья не только не поддерживают, они осуждают меня. — В голосе Тоана слышалась боль.

— Ты обязательно добьешься своего, Тоан! — с жаром сказала Нипа. — Все большие музыканты шли этим путем. Ваять хотя бы нашего Глину, композиторов «могучей кучки»: в народной музыке они черпали силы для вдохновения, для создания своих произведений. Ты хорошо видишь свой путь, но тебе не хватает веры в собственные силы. Ты не должен замыкаться в себе. Постарайся привлечь на свою сторону таких музыкантов, которые поддерживали бы тебя.

Они долго шли молча, прижавшись друг к другу. Слова были не нужны.

Дом Нипы находился в конце переулка. Одиноким фонарь освещал ступеньки перед паружной дверью. Оба почувствовали себя вдруг скованно, стесняясь сказать то, что уже готово было сорваться с губ. Глаза их встретились. Голубые сказали: «Мне так тоскливо одной. Почему

и должна возвращаться к это госкивее одиночеству! А черные все двинулись: «Как хорошо этот человек понимает мою душу».

Минуты молчания тонулись. Шаковец Пина прошептала:

— Ну, иди, Тоан.

Она открыла дверь и, точно убегая от него, поспешно скрылась в доме.

V

Супруги Мон решили немного задержаться в Ханое. В воскресенье днем они нанесли визиты друзьям, а вечер провели на ярмарке и на балу. В понедельник утром Мон должен был выехать в Хай-фон. Перед уходом он спросил икху:

— Когда мне прислать машину за тобой?

Из-под одеяла послышался заспанный голос:

— Я позволю тебе.

Мон что-то пробормотал себе под нос и вышел в вестибюль. Аппнула дверь, одеяло пошумело и замерло.

Часов в девять к двери на цыпочках подошла Ханг и тихонько позвала:

— Фьонг!

Видя, что сестра еще спит, она так же на цыпочках спустилась вниз. Фьонг хотела подняться с постели, но под одеялом было так тепло и уютно, что она решила еще понежиться немного. Давно она не бывала здесь. Эту комнату она помнит с детских лет. Тут все оставалось по-прежнему. Сменились только картины на стенах да одежда на вешалке. Теперь здесь жила Ханг.

Солнце поднялось уже высоко, но оно было не в силах пробиться сквозь плотные шторы. Вставать не хотелось: приятно постели приятно давало тело, вызывая смутные желания. Фьонг рассмеялась. Ах ты негодница, сейчас же вставать! Она сбросила одеяло, встала с кровати, накинула халат и растворила окно.

Солнечные лучи залили комнату ярким светом, все предметы словно пробудились. В окно заглядывало голубое небо, на фоне которого четко вырисовывались зелено ветви орхидеи.

Фьонг потянулась, задохнула полной грудью, сбросила халат и стала делать гимнастику.

Она стояла перед большим зеркалом. Грудь дышала глубоко и ровно, а глаза внимательно рассматривали отражение в зеркале. Вот она подняла округлые руки, изогнулась, любуясь изысканной линией бедер. Потом вдруг скинула лиф и подошла ближе к зеркалу. Грудь у нее была уругие, как у девушки. Нет, Фьонг была так же молода, как и до замужества! Разве скажет кто-нибудь, что женщине, которая смотрит на нее из зеркала, уже двадцать шесть? Фьонг правилось ее тело. Не зря она регулярно делала гимнастические упражнения, невзирая на насмешки мужа и его попытки пошептать ей. Мужчины эгоисты. Если она не будет следить за собой, эти груди быстро увянут и потеряют форму. А потом будет уже поздно... Муж страшный лентяй! Его и минуты не заставишь потратить на гимнастику. В тридцать пять лет он уже обрывает. Не раз, проснувшись рано утром, Фьонг рассматривала его спящего, сонящегося лицо и не могла избавиться от чувства отчуждения. В одежде он еще выглядел довольно представительно, но без нее — какая-то бесформенная жирная масса.

Неприятные мысли потемнели блеск в глазах. Фьонг, она схватила халат и мгновенно надела его на себя. Ведь подумается же такое!..

После гимнастики Фьонг приступила к утреннему туалету. Но то радостное изостание, которое она испытала, открыв окно, уже бесследно исчезло. Она сидела, безвольно отдавшись раздумиям. В груди все росло и росла пустота — пустота разочарования. Фьонг боялась этих приступов тоски, но ничего не могла с собой поделать. Знакомые считали ее брак с Моном счастливым. В первое время она и сама так думала. Муж ее был молод, занимал видное положение, был очень внимателен к ней. Она тоже была молода, красива, богата. Казалось, чего еще желать? Но вскоре ярко обозначилось их несоответствие. Фьонг была в расцвете сил, в то время как Мон уже достаточно привыкся к холостяцкой жизни, это был болезненный человек с нерочными наклонностями. Его близость была неприятна Фьонг, она была с мужем холодна. Но сытая и привидная жизнь развила в ней желания. Красота Фьонг расцветала, а ее внутренний мир был беден и пуст. Жизнь без пола казалась бес-

мыслимой. Муж стал совершенно чужим, особенно после того, как между ними возникнула ссора — он про-
чил не «достать» удовлетворения губернатору. Мон стал
оскорблять ее, чего прежде себе никогда не позволял. На-
конец Фыонг крикнула: «Замолчи!» — и посмотрела на
мужа с такой ненавистью, что тот перенугался не на
мутку. После этого случая Мон сошел с со своей старой
любвишкой и постепенно вернулся к прежнему, разуть-
ному образу жизни. Фыонг это знала, но не особенно
огорчалась. Так ей было даже удобнее. Раньше она испыты-
вала к мужу чувство жалости: ведь, в сущности, он
не был счастлив с ней. Теперь эта жалость слетела, как
подсохшая болячка.

Фыонг тоже решила проводить время весело и безза-
ботно. Она попробовала создать круг друзей, но в ма-
леньком уезде, затерянном среди рисовых полей и гор,
это оказалось невозможно. Круг знакомых ограничивал-
ся все теми же лицами: жена депутата Кхана, губерна-
торна Ви, супруга «ученого» Дака и жены чиновников
из уездного управления. Наезжая время от времени в
Ханой, Фыонг чувствовала себя, как рыба, которую вер-
нули в родную стихию. Но и в многолюдном Ханое у нее
уже не осталось друзей. Старые подруги обзавелись семь-
ями, были вечно озабочены домашними делами. Каждая
жила своими радостями и огорчениями, была поглощена
своими интересами, и Фыонг стала для них уже посторон-
ней. Возможно, только Ханг оставалась еще с ней. Но
Ханг была еще слишком наивна, она не могла понять ее
переживаний. Так и текла жизнь Фыонг, без цели, без
смысла, ей казалось, что она зашуталась в жизни, как
гребень в давно не чесанных волосах. Иногда у Фыонг
возникла мысль о разводе. Но она тут же спрашивала
себя: а что потом? Кого вы возьмете, у всех одно и то же.
Счастливым брак сейчас редкость. К тому же у большин-
ства происходили еще и постоянные ссоры из-за денег.
Мон по крайней мере не позволял себе этого, наоборот,
старался, чтобы она ни в чем не испытывала недостат-
ка. А это немало!..

Теперь в зеркале отражалось искусно подкрашенное
лицо — косметика была совсем незаметна. Длинные, за-
гнутые ресницы обрамляли большие черные глаза. Глад-
кая розовая кожа, тонкий овал, небольшой прямой нос и
маленький рот придавали лицу Фыонг детское выраже-

ние. Фьонг улыбнулась. Да, она все еще красива! Но как могло измениться это лицо! Когда в глазах Фьонг загоралась алый огонь, когда из маленького ротика вырывались яростные слова, лицо это тоже было прекрасно, но уже совсем другой красотой, той, что могла привести в растерянность любого мужчину.

Фьонг надела длинное бледно-розовое платье и сошла вниз.

Подобно многим магазинам, дом Ить Фонга представлял собой вытянутый в глубину ряд комнат, разделенных небольшими, почти всегда сырыми переходами-двориками. Передняя комната служила магазином, остальные — жилыми и хозяйственными помещениями. В столовой Фьонг попросила служанку привести завтрах и, закончив с ним, прошла в магазин.

— Ты что же, неужели до сих пор все спала? — заскочило проворчала мать. — Позавтракала? А куда теперь собралась? Опять не дождемся тебя к обеду! Ханг скоро вернется..

— Я хочу навестить Минь. Обедайте без меня, я приду вечером. Скажи, пожалуйста, Ханг, чтобы она не забыла купить билеты в кино.

Фьонг направилась к выходу. Когда она проходила по магазину, покупатели невольно провожали ее взглядами.

— К ужину приходи обязательно, отец хотел поговорить с тобой! — крикнула вдогонку ей мать.

На улицах было многолюдно. У трамвайной остановки толпились нищие. Они были настоящей язвой Ханоя. И откуда только они брались? Особенно много нищих было на ярмарках, возле ресторанов, у входов в кино и театры, на рынках, всюду только и было слышно: «Подайте милостыню, помогите нищему!..» Оглянешься — то протягивает руку старуха, то мальчишка, и все в лохмотьях, грязные, полунагие... И всяк жалуется на свои беды. А станешь спрашивать, почему не едет домой или не работает, так наговорят с три кодоба: и дома голод, и нет денег на обратный путь, и работы тоже нет. А недавно появился новый тип попрошайек — нищие интеллигенты. Одеты по европейски, милостыню просят только по-французски. Иногда нищие вызвали у Фьонг жалость, но чаще — страх и безразличие, поэтому она старалась по-

скорее дать мелочь, чтобы отделаться. Но «интеллигентам» Фьонг принципиально не давала ни су.

Увидев еще издали толпу нищих, Фьонг свернула к ресторану поплавку на берегу озера. Легкий ветер покрыв мелкой рябью спокойную водную гладь. На противоположном берегу среди деревьев промелькнул, звеня, трамвай. И снова на душе у Фьонг стало радостно. Звон трамвая напомнил ей вдруг о Ты. Когда она еще училась в школе, они не раз назначали в этом месте свидания и бродили по берегу. Ты был добрый, но нескладный малый. Он больше молчал и только же улыбался, кивая головой, да смущенно пошмеивался. Неотесанный, будто из глухой провинции. И в обществе совсем не умел себя держать. Круглый год ходил в одном и том же костюме и старых кожаных сандалях. Праздн, в то время Фьонг, может, за это и любила его. Бедность она тогда не считала покором, она ценила в Ты талант. Школьница Фьонг мечтала о романтической жизни с ним в какой-нибудь деревушке. Он — бедный художник, она — трудолюбивая жена. У них простая бамбуковая жилина, но они любят друг друга и счастливы.

Однако пути разошлись... Теперь, вспоминая прошлое, Фьонг испытывала смутное сожаление о чем-то, чего уже нельзя вернуть. Ей было немного жаль и Ты. В театре он выглядел все таким же бедным, таким же неукомплеким. Он всегда был поглощен своей живописью и любил ее, наверное, больше всего на свете. Может быть, даже больше, чем ее, Фьонг. Но вот прошло уже много лет, а Ты так и не получил призвания. Он оказался заурядным живописцем, не сумевшим создать ничего оригинального.

Любопытнее, видел ли он ее в театре? Фьонг наблюдала за ним, но он больше ни разу не посмотрел в ее сторону. Она считала, что то было притворство... Скорее всего, он видел ее, поэтому и ушел до конца концерта. Может, он ее до сих пор любит? Фьонг вздохнула. Надо будет сегодня его навестить. У Минь наверняка будет скучно. Как всегда, бесконечные разговоры о семье, осторожные похвалы своему мужу, жалобы на то, как трудно с детьми, одна дочурка заболела корью, другая мучается поносом... Возможно, родила еще... Тут со счета собьешься! Фьонг рассмееялась, к ней снова вернулось веселое настроение. Да, она купит красивых дво-

тов и пойдет к Ты. Почему бы им не быть просто друзьями? В общем то, Фьюнг села себе с мужчинами довольно сурово и сдержанно, с Ты все будет по-другому.

— Подайте на пропитание!..

Фьюнг выдвинула от неожиданности. Рядом с ней — и откуда они появились — стояли мальчик и девочка. Ребята, спрятавшись за деревом, уже давно следили за богато одетой женщиной, и, когда та поравнялась с деревом, выскочили ей навстречу.

— Пода-а-айте детям пасть на пропитание!.. — тонкими голосами затянули они. Им, верно, было уже лет по девять, но на вид они казались лет семи. Несоразмерно крупные головы и жалкие, тоненькие шейки, на чумазых лицах блестяли глаза, которые еще не засухарились нищета. Но в них уже светилась и боль пережитого, и страх за завтрашний день. Подобно оленям на мшистом и остатков старого паруса сидело на них белом. Из мешковины торчали голенистые ноги. Сухие, потрескавшиеся ручки тянулись к Фьюнг... — Пода-а-айте!.. — Они закинули головы и семеняти за Фьюнг, стараясь не отставать. Фьюнг не кричала на них, не гнала их прочь, и дети поняли, что тут им перепадет.

Фьюнг остановилась. Радостное настроение не покидало ее. Она достала несколько монеток и бросила детям, крикнув: «Каждому по су!» Ребята кинулись поднимать деньги, потом вскопили и, также не поблагодарив, побежали дальше.

VI

Большой стенд против дома «Прогресс разума и морали» был сплошь заклеен цветными афишами с изображением лежащей на диване девушки. Фьюнг пробежала афишу: «Выставка работ художника Тхань Тунга». Она решила зайти взглянуть на эту выставку, ведь последние дни газеты захлебывались от похвал.

В выставочном зале бродило несколько посетителей. Двое французов, очевидно супружеская пара, оживленно переговариваясь, рассматривали лакированную шкуру. Фьюнг окинула взглядом просторный зал и стала рассматривать картины.

Почти все работы Тхань Тунга, представленные на выставке, изображали женщин, застенчивых, мечтательных, с чуть припухшими веками и восточным разрезом глаз. С картинами распущенными волосами, они читали старинные, написанные иероглифами книги, вязали у окна или подле вазы с цветами. Как и большинство посетителей, Фьонг не интересовало художественное мастерство автора, она в основном обращала внимание на лица женщин, невольно сравнивая их с собой. Наибольший успех у посетителей имела картина, выполненная на шелке, — «Фей». Художник изобразил обнаженных сказочных красавиц; молодые, стройные тела, выписанные с особой тщательностью, вызвали восторг у чувственного зрителя. Черные волосы, белая кожа, упругие девичьи груди с розовыми сосками — красота этих сказочных созданий была вполне земной. Внимание Фьонг привлекла картина «Сонериепхотиез». Используя причудливое сочетание светотеней, художник написал девушку лет семнадцати. С распущенными по плечам волосами, она лежала на боку на голубом диване, рассеянно глядя вдаль. На девушке была толстая с короткими рукавами кофточка и легкие шелковые шаровары — костюм не только не скрывал, а, напротив, подчеркивал женственность форм и линий. Художник тщательно выписал детали портрета — высокие брови, темные волосы, стройную шею, полуобнаженную грудь и изящные руки с длинными ногтями. В углу картины стояла цена: 600 донгов. Рядом на кусочке белого картона красовалась горделивая надпись: «Achete par S. E. M. le Résident Supérieur»¹. Такие же таблички были почти на всех картинах. Видно, художник и впрямь пользовался успехом у столичных любителей искусства.

Но что больше всего удивило Фьонг — так это отгороженная часть зала с надписью: «Произведения чистого искусства». Казалось, художник подчеркивал, что это «овитая святых», здесь он уже не связан капризами моды и вкуса, а повинуетя лишь таинственному зову чистого искусства. Картины демонстрировались здесь странные, они были непонятны Фьонг. Вот на одной изображено синее лицо с тремя глазами и двумя ртами. Во-

¹ «Приобрет на Его превосходительством Верховным Резидентом» (франц.).

лоси у этого странного существа были красивые. На других похотках не было ничего, кроме волнистых линий либо расплывшихся голубоватых пятен, напоминавших плесень на стенах. На картине под названием «Вечность» на темно-красном фоне парили в пространстве бутылка, две рюмки и фигура Будды.

Фыонг остановилась перед одной из картин, когда в конце зала появилась все та же супружеская пара и сопровождении самого Тхань Тунга. Вероятно, французы только что приобрели понравившуюся им ширму. Увидев Фыонг, художник даже остановился от неожиданности. Растерялся он на какое-то мгновение, но и это не ускользнуло от зорких глаз Фыонг — значит, она произвела впечатление, отметила она про себя не без удовольствия. Проводив покупателей, Тхань Тунг подошел к Фыонг. Ему явно хотелось заговорить с красивой незнакомкой. Он сделал вид, что тоже рассматривает картину.

В глазах Фыонг мелькнула лукавая искорка. Она постаралась скрыть улыбку и как ни в чем не бывало спросила:

— Простите, вы автор этих картин?

Тхань просиял.

— Да, мадам, — ответил он и поклонился.

— Я буду весьма признательна вам, если вы объясните мне смысл этой картины. Я не совсем хорошо понимаю ее.

— Видите ли, объяснить это очень трудно, картина была задумана не как выражение чего-либо конкретного. Она передает мое внутреннее состояние, вспышку, мимолетное ощущение или, если хотите, мысль, выхваченную из потока сознания. Это новая манера самовыражения, и я сейчас еще нахожусь в стадии поисков. А вам понравилось здесь что-нибудь?

— Откровенно говоря, мне больше нравятся ваши картины на шелке.

— Тогда разрешите преподнести вам альбом с репродукциями. Там все мои картины на шелке: и те, что выставлены здесь, и те, что демонстрировались на международных выставках.

Тхань Тунг пригласил Фыонг в приемную, которая выходила окнами на озеро, предложил гостю чай, сигареты, а сам тем временем выбрал один из дорогих альбомов с цветными репродукциями.

— Разрешите мне сделать дарственную надпись?

— О, вполне достаточно просто автографа.

Фыонг почувствовала, что художник начинает проявлять к ней повышенное внимание. Словно уловив ее мысли, Тхань, ни слова не говоря, расписался на обложке альбома и протянул его Фыонг. Фыонг поблагодарила и уже собралась было подняться, как вдруг художник остановил ее.

— Простите, пожалуйста, я понимаю, что с моей стороны такое предложение несколько смело и неожиданно, но не разрешите ли вы мне писать ваш портрет?

Предложение было действительно неожиданным, и Тхань Тунг, не дав Фыонг опомниться, стал постепенно развивать свою мысль.

— Это будет мой скромный дар в память о сегодняшней встрече. Я назвал картину «Незнакомка в черном бархатном платье». Признаюсь, когда я увидел вас на концерте, у меня уже тогда возникла идея написать ваш портрет. Я уверен, что это будет удивительная картина! О ней заговорят не только у нас! После того концерта я уже впал в отчаяние, не зная, где же мне встретить вас. И я решил писать по памяти. Сама судьба привела вас сюда. Я постараюсь закончить работу в максимально короткий срок, чтобы не отнимать у вас много времени. Мне потребуется всего несколько сеансов. Я уже продумал всю композицию, остается только взять в руки кисть...

С каждой фразой речи Тханя становилась все горячее, все вдохновеннее. Однако Фыонг пока еще не знала, что ответить художнику. Ей хотелось принять его внезапное предложение и вместе с тем было неловко. Горячие просьбы Тханя льстили ее самолюбию, но она опасалась, что история эта может затянется и повлечь за собой нежелательные последствия. Бросив быстрый взгляд на Тханя, она нерешительно сказала:

— Право, не знаю, что вам ответить, ведь я сейчас не живу в Ханое.

— О, это не имеет значения! Я могу прехать куда угодно.

Фыонг подпрыгнула.

— Благодарю вас, но мне лучше сперва посоветоваться с мужем.

На лице художника отразилось разочарование, однако,

чтобы доказать чистоту своих намерений, он тотчас же сказал:

— Разумеется. Только прошу вас, не забудьте о моей просьбе. Если нужно, я могу сам встретиться с вашим мужем и постараюсь уговорить его. Вот мой адрес. Как только вы решите, напишите мне несколько строк.

Тхань протянул Фьонг визитную карточку и пошел проводить ее к выходу. Уже у двери Фьонг неожиданно сказала:

— Впрочем, можно все устроить иначе. Я предполагаю задержаться в Ханое еще на несколько дней. Вы не могли бы работать в доме моих родителей? Если вам действительно нужно для картины несколько сеансов, вы успеете закончить картину до моего отъезда. Начать мы могли бы уже завтра.

Художник просиял.

— Но это же замечательно! Вас устроят утренние часы? Утреннее освещение — наиболее удачное для художника. Я постараюсь занять вас не более чем на пять сеансов.

Фьонг дала свой адрес. На улице, когда она вспомнила заторможенные глаза художника, на губах ее заиграла насмешливая улыбка.

По дороге к другу своей юности Фьонг испытывала беспокойство, она не знала, как ее встретит Ты. Она ахала на рикше, держа в руках букет и илетеную сумочку со снедью и бутылкой сухого вина.

Ты, вероятно, все на ней. Впрочем, она заслужила это... А может быть, он совсем забыл ее? Ведь шесть лет прошло с тех пор. Время стирает следы прошлых радостей и горестей. К тому же тогда они были совсем еще детьми.

Ее визит к Ты был явно необычным, а потому вдвойне интересным. Прижимая к поклонению мужчине, она считала, что Ты должен быть благодарен ей хотя бы уже за то, что она первая пришла к нему. Но нигде Фьонг, казалось, с грустью смотрела из далекого прошлого на сегодняшнюю Фьонг и точно говорила ей: «Не нужно! Не нужно играть любовью». Пока она размышляла, рикша незаметно довез ее до улицы Ханг-кот.

Фьонг подошла к аякскому старому дому и спроси-

ла соседей о Ты. Узнав, что он дома, она медленно пошла по узкому дворику, слыша позади удивленное шуму-канье. Обитателям этого дома было в диковинку видеть здесь такую нарядную и красивую женщину.

На верхний этаж, где жил Ты, вела крутая, почти отвесная каменная лестница, и, пока Фыонг поднималась, и ней постепенно возвращалось спокойствие. Все ее внимание сейчас было сосредоточено на том, как бы не поскользнуться и не упасть. Однако, когда она вышла на открытую веранду и увидела Ты, который в привычной позе сидел на полу перед картиной, сердце у нее заколотилось. С трудом сдерживая дыхание, она подошла к двери. Ты был в трусах и рубашке с застегнутыми рукавами. Однако, увидев, что к нему пришла дама, он немедленно натянул брюки и вышел ей навстречу. Узнав Фыонг, он замер на месте. Его круглое доброе лицо выразило крайнее удивление. Тыльной стороной ладони он откинул упавшую на глаза прядь и молча стоял, не зная, что сказать.

— У тебя все та же уважная лестница, — улыбаясь, сказала Фыонг.

— Присаживайся, — выдвинул наконец из себя Ты.

Но Фыонг не спешила сесть. Она вышла прямо в угол пыльную лаву, вынула ее и поставила в нее букет. Из-за алых глядищусов на Ты смотрели большие, такие знакомые глаза.

— Ты знаешь, зачем я пришла?

Ты не ответил. Он тяжело опустился на табурет у рабочего стола. Большими, чуть-чуть нависающими глазами он оглядел Фыонг, потом опустил взгляд, словно не желая больше видеть ее. Лицо у него было желтое, острое. После того как он в театре увидел Фыонг — блестящую даму, им овладело беспонейство, вспомнилось прошлое, жгла обиды. И сейчас на язык просилась резкие слова.

— У меня болит голова, — сказал он тихо, постукивая кулаком по лбу.

И сама фраза и знакомый неуклюжий жест заставили Фыонг рассмеяться. Он все тот же, совсем не изменился. Этот смех задел Ты, но он сразу тоже засмеялся, смех не зная почему. Фыонг придвинула стул и села рядом с ним.

— Перестань сердиться, — сказала она, — и не надо

грустить. Что было, то прошло, останемся друзьями. Поделуй меня, и давай помиримся.

Она коснулась щекой его губ. Ты по-прежнему молчал и бессмысленно улыбадся. Он только кивнул ей в ответ. «А он совсем охладел ко мне», — мелькнуло в голове у Фьонг. Она встала и огляделась.

— У тебя по-прежнему ужасный беспорядок.

Комната находилась под самой крышей, казалось, стоит протянуть руку, и достанешь до черепичного покрытия. А мебель? Некачественный рабочий стол, пара табуреток, столик для еды, и все. Вместо кровати — тончан из досок. В основном же комнату занимали картины, в беспорядке разложенные, расставленные и развешенные всюду. На вешалке висел испачканный красками белый халат. У окна стоял мольберт с незаконченным полотном. На веранде, рядом с глиняным кухонным дном для воды, лежало несколько вязанок дров, эмалированный таз и стиральная доска. Вся обстановка в комнате показывала, что владелец ее меньше всего заботится об удобствах и что главное в его жизни — работа. Но Фьонг видела во всем этом прежде всего признаки нищеты, и жалость сжала ее сердце.

Ты поднялся и, не зная, о чем говорить, налил себе из бутылки стакан воды.

— Покажи мне свои картины, — сказала Фьонг.

Он кивнул и, пройдя в угол, стал перебирать сложенные там полотна. Фьонг принялась рассматривать незаконченную картину на мольберте. Это был вид, открывающийся из окна: крыши домов, торчащие одна над другой, старая узкая лестница, занутанные дворики с развешанным на веревках бельем... В близком дворе стирала женщина. Узкий переулок был словно сдвинут двумя рядами домов. У стены грелась в желтом солнечном пятне кошка. И над всем этим скоплением крыш, стен, домов, погруженных в мрачную серую тень, сверкало прозрачно-голубое, бездонное небо, по которому безмятежно плыло веселое белое облачко. Фьонг перевела взгляд с картины на улицу и тут только увидела, что этот городской пейзаж скрывает в себе много такого, чего раньше она не замечала, чего не знала, не понимала.

Ты отобрал несколько картин, но, види, что Фьонг рассматривает полотно на мольберте, молча ждал, когда она подойдет к нему. Ему очень хотелось узнать ее мне-

ние о картине, но он не решился спросить ее об этом. Разговор не клеился.

Ты едва отвечал на ее вопросы, где и когда он писал ту или иную картину. Однако он то и дело бросал на Фшонг беспокойные, вопросительные взгляды, его, видимо, интересовало ее мнение о его искусстве.

Ты рисовал очень много, но его картины почти не находили покупателей. Он не мог из-за недостатка средств поставить их в хорошие рамы, не мог заказать им хорошую рекламу или организовать выставку. Закончив очередную картину, он ставил ее куда-нибудь в угол в надежде позже разобраться и послать что-нибудь на выставку. Весь его скромный бюджет уходил на покупку холста, красок, подрамников. Он жил на деньги, которые удавалось заработать оформлением книг и театральных декораций, иллюстрациями в газетах и журналах, рекламой и портретами с фотографий. Случалось, магазин «Искусство», который находится на улице Ханг-чонг и принадлежал его знакомому, брал у него несколько картин, чтобы предложить их своим состоятельным покупателям, но «комиссионные», которые в этих случаях брал владелец магазина, часто не оставляли Ты ни донга. Иногда Ты помогал друзьям, они покупали кое-что из его полотен, давая ему возможность расплатиться с долгами и приобрести необходимые материалы. Так он и жил, круглый год не вылезая из долгов. Даже на натурщиков у него не было денег. Натурщиками ему служили обычно уличные ребятнишки или продавщица бананов, сидевшая целыми днями со своей корзиной внизу на улице. Иногда ему позировали прачки. Но чаще всего Ты брал мольберт и отправлялся за город. Он бродил по деревенским рынкам, речным переправам, работал там, не замечая, как летят часы. Он охотно рисовал уличных ребятнишек, женщин с трудными детьми на руках, стариков, чьи глубокие морщины говорили о тяжелой трудовой жизни. Ты любил рисовать и животных: собак, свиней, буйволов. Все, что он рисовал, он хорошо знал и нередко мог по памяти перенести на полотно. Но каждый раз, стоя у мольберта и вглядываясь в лицо идущего с коромыслом на плече крестьянина или чинно вышагивающего по дороге буйвола, он открывал для себя много нового, чего не замечал раньше. Над каждой картиной Ты работал с большим увлечением, его переполняло вдохновение, и он верил в свои си-

лы. Ему казалось, что ни у одного известного ему художника нет таких картин, как у него. Но вот он кончал работу над картиной, и им овладела растерянность, он терял веру в себя, начинал думать, что зря стал художником, что ему, видимо, надо бросить живопись и искать другую работу. Тогда он бросал писать и по нескольку дней не подходил к мольберту, но и тут он не переставал мечтать. Он мечтал создать огромное полотно, на котором было бы изображено все, что происходит на Красной реке, на всем ее протяжении, от истоков до устья — это был бы образ всей его страны. Еще ему хотелось оживить на полотне героев древних легенд, о которых он слышал от бабушки. Но его мечты так и оставались мечтами. А в жизни надо было каждый день думать о том, чтобы как-нибудь прожить в этой тесной камерке...

Ты молча развешивал нарисованные Фыонг одно за другим свои полотна и вместе с ней сам рассматривал их. И с новой силой оживали в нем прежние мечты. Он почти забыл о своей неудачной любви. Он смотрел на Фыонг и с волнением ждал слов понимания, ему казалось, что она не может не понять того, что он хотел выразить в своих картинах.

А Фыонг растерялась. Она словно попала в чужой, незнакомый ей мир. Все-что ей пришлось, по она боялась связать об этом Ты, боялась ошибиться, показаться смешной. О том же, что ей не нравилось, она предпочитала вообще не говорить, чтобы не огорчать его. И она задавала какие-то ненужные вопросы, брехала неопределенные реплики. А потом неожиданно спросила:

— Послунай, почему ты не рисуешь таких девушек, как у Тхань Тунга?

Ты лишь неопределенно хмыкнул в ответ. Но одна из картин вызвала у Фыонг удивление и какое-то светлое чувство.

— Я тебе сейчас что-то еще покажу, — сказал Ты после небольшой паузы.

Он вытащил из под топчана, на котором спал, полотно, написанное маслом, и поставил его к стене у окна, там, где было светлее. Фыонг радостно воскликнула. С картины на нее смотрела Фыонг никеминна. Это было в те дни, когда они любили друг друга. Фыонг подошла к картине совсем близко. Леткая грусть набежала на ее лицо,

блуждение воспоминаниями. Грусть и одновременно какое-то просветление.

На картине она сидела на скамье, опершись спиной о дерево, листья которого отливали золотом и багрянцем. На зеленой траве, у ног Фьонг, желтели опавшие листья. На заднем плане виднелся пруд, покрытый цветами лотоса. Прозрачный осенний воздух словно трепетал над ним. Фьонг в длинном белом платье сидела в непринужденной позе, положив на колени ноги. Глаза ее смотрели прямо на зрителя, в них таилась скрытая улыбка, а все лицо дышало счастьем. Казалось, она вот-вот скажет: «Я очень счастлива! Я знаю, что я красива, что любима, и я люблю весь мир».

Ты скосил глаза на Фьонг. От его раздражения не осталось и следа. Он чувствовал, что любит Фьонг по-прежнему, нет, сильнее прежнего.

— Если хочешь, возьми эту картину себе, — сказал он.

Фьонг поняла, что лед отчужденности растаял.

— Давай поедим, — сказала она тихо. — Я проголодалась.

Она быстро расставила на столике все, что принесла с собой. Потом нашла два стаканчика для вина. Ты тем временем разжег очаг и поставил на огонь чайник.

Они уселись за столик.

— Ты счастлива?

— Не будем об этом. Я ведь теперь совсем не та, что была когда-то. А ты все такой же.

— Не совсем. Ты добродушно улыбнулся.

— Я очень уважаю тебя. Ты хороший. Я всегда была недостойна тебя.

— Только уважаешь?

— Да. Теперь мы просто друзья. Я постараюсь быть тебе самым лучшим другом. И может быть, так лучше. Соединив свои жизни, мы бы оба страдали. Тебе нужна другая жена.

«Кажется, я ошиблась. Он незаурядный человек», — думала Фьонг, глядя на Ты. А в глазах Ты стоял немой вопрос: «Почему ты не веришь в любовь? Что же такое счастье, если не любовь?»

Вскоре Фьонг стала прощаться. Ты пошел ее проводить.

— Ты ведь разрешишь навещать тебя время от времени? — спросила она его.

— Время от времени — конечно.

Фыонг погрозила ему пальцем.

— Это как позволите понимать? Хотите избавиться от меня?

На улице они остановили рикшу, Фыонг попрощалась.

— Тебе обязательно надо жениться, — сказала она. — Я постараюсь пойти тебе подходящую жену.

VII

На следующее утро принарядившийся Тхань Туинг с мольбертом в руках появился в доме Ить Фонга. Фыонг ждала его наверху, в приемной, одетая в черное бархатное платье. Она пригласила его присесть отдохнуть перед началом работы.

— Как вы думаете, удастся ли вам закончить портрет в два дня?

— Это невозможно! Неужели у вас осталось так мало времени? Мне потребуется не менее пяти сеансов.

— Хорошо, однако постарайтесь уложиться в более короткий срок; я не могу долго задерживаться здесь.

Тхань Туинг с увлечением принялся за работу. Фыонг позировала молча. За все время они обменялись лишь несколькими фразами. В одиннадцать часов художник попрощался и ушел.

Во второй половине дня Фыонг навестила Минь, а вечером Минь появилась в доме у Ты. Она пришла купить у него картину. Выбрав какой-то пейзаж, она спросила цену. Ты замаялся, тогда покупательница сказала:

— Я сама не имею понятия о том, сколько это может стоить. Но мы сделаем так. У меня сейчас с собой сто донгов. Если это вас удовлетворит, я приобрету картину.

— Обычно мне не платят так много, — ответил Ты.

Минь достала конверт с деньгами, взяла картину и вышла на веранду. Там она остановилась, не решаясь спуститься с крутой лестницы. Ты поспешил ей на помощь. Он снес вниз картину, затем помог сойти и самой покупательнице.

Передавая картину Фыонг, Минь все еще не могла прийти в себя.

— Ну и натерпелась я страху из-за этой проклятой лестницы! Неужели он не мог найти себе более подходящего жилья? И зачем было платить за картину такие бешеные деньги?

Во время второго сеанса Фыонг была оживленнее. Да и Тхань держался более непринужденно. Он без умолку рассказывал Фыонг о своих заграничных путешествиях, много острия и не раз заставлял ее расеяться.

В перерыве Фыонг шутя сказала:

— Только прошу вас, не изображайте меня трехглазой!

— Что вы! Это будет один из лучших моих портретов. Мне приходится рисовать многих красивых дам, — добавил Тхань Тунг самодовольно, — но, признаюсь, никогда я не рисовал с таким увлечением, как сейчас. Ваша красота особенная, ее не так легко передать.

— А мне казалось, что художнику все равно, с кого писать портрет.

— О нет, далеко не все равно. Ведь есть женщины, словно горлицы, а есть тигрицы.

— А я, наверное, похожа на сову.

Тхань Тунг расеялся, затем, решив блеснуть остроумным сравнением, сказал:

— Вы... Вы — феникс. Да, да! Настоящий феникс¹.

У Фыонг чуть заметно вспыхнули щеки, но лезть была удачной, она попала в цель.

— Видно, люди правду говорят: все художники — искусные лстецы.

— Простите, но я всегда говорю то, что думаю. Когда эта картина будет выставлена, вы сами услышите, как ее оценят.

Тхань Тунг снова взялся за кисть. Скоро, разгоряченный работой, он попросил разрешения снять пиджак и продолжал работать в сорочке с короткими рукавами. Он действительно весь был поглощен работой. Иногда он останавливался и, сдвинув брови, подолгу рассматривал свою работу, потом снова брался за кисть. Тхань Тунг был широкоплечий с мускулистыми, как у тренированного спортсмена, руками. Черты его лица напоминали скорее европейский тип. На лбу у него выступила испарина, но

¹ «Фыонг» — по-вьетнамски «феникс».

Тхань не обращал на это внимания. В комнате было тихо. Лишь время от времени слышался торопливый скрип иштателя по холсту. Наконец Тхань опустил руки и, прищурясь, с видом явного неудовлетворения стал разглядывать картину.

— Можно мне посмотреть? — спросила Фыонг.

— Прошу вас, не сейчас... — ответил Тхань каким-то неестественным голосом. Видно, что-то у него не ладилось.

Тхань Тунг был не лишен таланта. В своих первых картинах на шелке он нашел своеобразное, нежное сочетание тонов, сумел создать особый тип загадочной, мечтательной красавицы. С тех пор стали даже говорить «Красавица в стиле Тхань Тунга». Но слава будто сковала его творческий рост, нового он ничего не создавал и продолжал писать своих бесконечных красавиц на потребу богатым заказчикам. Счастливая находка, которая помогла проявиться его дарованию, постепенно превратилась в оковы, художник стал работать по шаблону. Правда, своих красавиц он рисовал все более искусно, но за внешней привлекательностью сквозило надоедливое однообразие. Однако на выставках его полотна продолжали раскупать нарасхват, а хвалебные отзывы газет окончательно вскружили ему голову, он поверил в собственную гениальность. Но вот он увидел Фыонг. Эта встреча вызвала у него желание создать новый шедевр, нечто совершенно отличное от всех его прежних работ. Он задумал изобразить женщину со сложным внутренним миром, познавшую в жизни мучительное разочарование. Вначале он лишь искал повод познакомиться с красивой женщиной, но потом работа над портретом увлекла его, а трудности еще больше раззадорили, заставили призвать все свои способности, весь опыт и творческие силы. Однако помимо своей воли он постоянно возвращался к привычному видению, к заученной манере письма, к застывшей гамме цветов. С другой стороны, в лице Фыонг было нечто такое, что ускользало от его понимания, что не удавалось передать на полотне, и художник вдруг в отчаянии понял, что его прославленный стиль оказался ложным, он не способен передать правду жизни.

Фыонг, разумеется, не могла знать всех этих мыслей и переживаний Тхань Тунга, однако она чувствовала, что художник не удовлетворен своей работой, более того, он

очень огорчен. Фыонг передалось состояние художника, и она перестала подтрунивать над ним. Но вот Тхань Тунг отложил наконец кисть, снова стал вглядываться в портрет. Фыонг не выдержала и подошла к мольберту.

— О! Очень похоже...

Тхань Тунг покачал головой.

— Нет, это не то.

— Но почему вы не пишете на шелке? Мне так нравятся ваши картины на шелке.

Художник достал спички и неторопливо закурил сигарету.

— Это только эскиз. А потом я переищу его на шелк.

— Значит, совершенство дается нелегко... — как бы самой себе сказала Фыонг.

На следующий день Тхань Тунг выглядел утомленным и одет был не так щеголевато, как в первый раз. В это утро у Ханг не было занятий в школе, и она попросила разрешения присутствовать во время сеанса. В ее глазах сквозило не только любопытство, но и восхищение. Шутка ли, она вочию видит знаменитого художника. К тому же в ее представлении все художники должны были быть обязательно гениями, людьми особенными, не похожими на других. Ей казалось, что каждый жест художника, каждый мазок его кисти полны величайшего смысла, что вся его работа отмечена печатью священного таинства. Опытный глаз Тханя тут же уловил, что делается в душе девушки, и это помогло ему вернуть утраченную было уверенность в себе. Он почувствовал, что у него вновь вырастают крылья. Теперь и слова, и движения, и даже его манера шуриться, когда он разглядывал полотно, все это незаметно изменилось, стало именно таким, каким их видели восторженные глаза Ханг. Казалось, что от Ханг исходили незримые токи, передававшиеся Тханю и менявшие его как художника и как человека. Теперь он накладывал краски уверенно и быстро, вызывая восхищение сидевшей рядом Ханг. Наконец девушка не выдержала: «Ой, как красиво!»

Восторженные возгласы Ханг действовали на художника как волшебная живительная влага — так оживает рыба, брошенная в воду. Теперь художник был доволен своей работой. Ему тоже нравился портрет, сделанный им. Сиреневые оттенки фона навевали грусть, и на фоне

этой сиреневой дымки отчетливо проступал образ молодой женщины. Это, конечно, была Фыонг, но несколько идеализированная, полуреальная, полусказочная. Глаза ее были устремлены вдаль, и черные агатовые волосы, и нежная, чуть розоватая кожа, и едва приоткрытые губы, за которыми блестели белоснежные зубы. — все это придавало женщине какую-то благородную и сказочную красоту. Красота эта еще больше оттенялась черным бархатом платья, подчеркивающим стройное тело и мягкую зипию груди. В руке женщина держала фиолетовый цветок — символ памяти.

Для Ханг изображенная на портрете сестра была прекрасней всех звезд экрана, которых она знала. Но в силах сдержать восторга, она крикнула:

— Фыонг, Фыонг! Иди-ка посмотри!

Фыонг подошла к модьбергу. Нино ее просияло. Да, это прекрасно! Тхань Тунг действительно талантливый художник. Еще вчера портрет был невыразительным, незаконченным, неопределенным, и вот достаточно было одного сеанса, чтобы произошло чудо.

— Ну, как вы его находите? — спросил художник.

— О, это чудесно!

— Я сейчас позову маму! — сказала Ханг и, не дожидаясь согласия, выпорхнула из комнаты.

Через минуту в приемную вошла мать, младшие сестры Фыонг и несколько продавщиц. Все наперебой восхищались портретом.

— До чего красиво!

— Как живая!..

— Спустись, Ханг, — сказала мать, принеси бутылку шампанского и бисквиты. Человек работает с самого утра, а мы ему даже чаю не предложим.

Принесли шампанское. В приемной стало шумно. Хлопнула пробка. Тхань Тунг поднял пенящийся бокал.

— Разрешите пожелать вам здоровья, — сказал он Фыонг. — Портрет действительно удался, но все же уступает оригиналу...

Фыонг поблагодарила художника. Картина была почти закончена.

Смеркалось. Тхань Тунг сидел у себя в особняке и тянул коньяк, просматривая газеты с отзывами о последней выставке, когда в приемной раздался звонок. Он слу-

стился вниз, включил свет и открыл дверь. На пороге стояла Фыонг. На ней был длинный жакет из фиолетового бархата, на голове легкий светло-розовый шарф, похожий на лепесток лотоса. При виде Фыонг Тхань Тунг окаменел. Он не верил своим глазам.

Фыонг сняла шарф и жакет, осматриваясь.

— Какая у вас поэтическая вилла!

Тхань Тунг что-то смущенно пробормотал.

Фыонг была в длинном темно-красном платье, плотно облегавшем ее изящную фигуру. Она прошла по комнате, разглядывая картины на стене, потом подошла к окну и выглянула в тенистый сад.

— В Ханое не много найдется таких тихих и уютных уголков, — сказала она.

— Мне действительно посчастливилось приобрести вышешей коттедж. В жаркие дни с западного ветра обычно дует прохладный ветер.

Приемная художника выглядела просто и вместе с тем изысканно. Даже табуреты в этой комнате были своеобразным произведением искусства. Настольная лампа, миниатюрные безделушки, вазончики для цветов, пенальтивы, куклы, расставленные на столе, на камине, на полках, — все было привезено из разных стран в качестве сувениров. «Да, не то что у нас в уезде!» — подумала Фыонг.

— Вам не бывает страшно одному в таком большом доме? — спросила она, рассматривая японскую куколку.

Тхань Тунг улыбнулся:

— Но ведь только в таком уединении художник и может творить. Для нас страшнее всего семейный быт. Видимо, поэтому мы предпочитаем оставаться, как правило, холостыми.

— А где ваша мастерская?

— Наверху. Хотите взглянуть?

Просторная мастерская художника имела три больших окна, в каждой стене по окну, одна стена была глухая, и здесь стояло несколько мольбертов с незаконченными картинами. В одном углу был широкий диван, покрытый толстым ковром, какие ткнут в северо-западных провинциях. На столе Фыонг увидела бутылку коньяку и две недонитые рюмки. Она подошла к окну. За садом, в темной глади озера отражалась сверкающая цепочка фонарей.

— Вы пьете коньяк? — спросил Тхань Тунг.

— Благодарю вас, для меня это слишком крепкий напиток.

— Тогда попробуйте французское шампанское. В Париже мне сказали, что ему более пятидесяти лет.

Тхань очень мило ухаживал за Фыонг: угощал ее вином, занимал остроумной беседой, он, словно павлин, распускал перед ней свой пышный хвост. Он знал много забавных историй, так не похожих на все то, что она слышала до сих пор, а вино, которое Тхань не забывая подливать в бокалы, делало их беседу все более оживленной. Сквозь легкое опьянение Фыонг видела, как ловко обхаживает ее этот красивый, породистый самец. Она невольно сравнила его с мужем и чувствовала, как пробуждается в ней тайное желание. Оно поднималось в ней, словно проснувшаяся кобра, которая, подняв голову, разворачивала свившееся в кольцо тело.

Фыонг чувствовала, что она вся горит как в лихорадке. Ей казалось, что она раздвоилась, что рядом с ней сидит какая-то другая Фыонг, которая уже не владеет собой и не желает подчиниться ее воле. Эта вторая Фыонг, бросая кокетливые взгляды на художника, говорила так развязно, смеялась так игриво, что Тхань Тунг совсем потерял голову. Наконец он умоляюще прошептал:

— Фыонг!

Фыонг ничего не ответила, лишь громко рассмеялась. Тогда он опустился рядом с ней и стал целовать ее колени...

Фыонг вышла на улицу. Прохладный ветер окончательно отрезвил ее. Было уже за полночь. Она, не оглядываясь, пошла по пустынной улице. Шла она быстро, почти бегом. Голова была тяжелой, во рту — сухая горечь, в душе не осталось ничего, кроме стыда и отвращения. Ей было все противно. Никого не хотелось ни видеть, ни слышать.

На следующее утро, когда Тхань Тунг пришел закончить картину, он не застал Фыонг: она уехала из Ханоя. Картина так и осталась стоять на мольберте.

В средней школе на улице Неп-нинь началась большая черемеха, почти все ученики высыпали во двор. Было девять часов утра. Преподаватели пили чай в учительской и отдыхали перед очередным уроком. В открытые ворота школы, ведя рядом с собой велосипеды, вошли двое молодых людей. На них были, как и вообще у всех учеников, длинные черные платья, пробковые шлемы и презентовые туфли. Один из них вышел на середину двора и громко крикнул:

— Ребята! Послушайте, что мы вам скажем!

Те, что находились поближе, подошли, заинтересованные. А молодой человек продолжал взволнованным голосом:

— Мы, представители Антиимпериалистического союза молодежи, пришли, чтобы сказать вам: создан Единый антиимпериалистический фронт Индокитая для борьбы против французских империалистов, за независимость нашего народа!

Во дворе стало тихо. Тем временем другой парень достал из небольшой сумки пачку листовок и стал разбрасывать их по двору. Некоторые ребята испуганно поинтересовались, боясь дотронуться до белых листков, но многие бросились подбирать их и стали тут же читать. А первый юноша продолжал:

— Японцы заняли уже Фонг-Тхань, рядом с индокитайской границей. Обстановка очень серьезная. Мы призываем вас вступить в ряды Антиимпериалистического союза молодежи!

Разбросав листовки, юноши быстро прошли сквозь толпу, вскочили на велосипеды и укатили. Все это заняло не более трех-четырех минут. Потом вдруг весь двор забултыхал. Некоторые бросились поднимать листовки, спрашивали друг у друга о том, что такое этот Антиимпериалистический союз молодежи.

Коммунисты! Это слово, неизвестно кем сказанное, с быстротою молнии облетело всю школу. Из учительской выбежали перепуганные преподаватели.

Раскрылось окно в кабинете школьного надзирателя. Пожилой француз высунул голову во двор. Увидев, что там творится, он бросился вниз, подбежал к одному из учеников, который все еще держал листовку в руке.

— Что это такое? — закричал надзиратель по-французски. — Я тебе спрашиваю, что у тебя в руках? — Он ударил ученика по лицу.

От удара мальчишка отлетел в сторону.

— Вон из школы!..

Ученик спрятался за спину товарищей.

— Где преподаватели! Почему не отобрали листовки? Cochoons!¹

Ребята стали расходиться. Во дворе остались лишь надзиратель и учителя. Несколько смятых листовок валялись на земле. Надзиратель яростно топтал их ногами.

— Бандиты! Всех выгоно!

Раздались звуки барабана, оповещающего о начале урока. Ученики построились. Но двор все еще напоминал растревоженный улей. Перед переносами учеников сповали преподаватели. Наконец во двор спустился сам директор. Надзиратель сообщил ему о случившемся, и теперь директор пытливо взглядывался в лица учеников. Внешне все выглядело как обычно, ученики стояли в шеренгах — кроткие овечки. Но директора трудно было провекти. Он всю жизнь прожил в этой колонии и сейчас безошибочно читал злорадение на лицах школьников.

Постепенно шум стих. Только глаза у ребят продолжали задорно блестеть.

Директор распорядился, чтобы никто не сходил со своего места. Он подошел к старшим классам и стал методично обходить ряды, внимательно изучая лицо каждого ученика.

— Ну-ка ты, подойди! — указав на одного из них директор. — Ты поднимал листовки?

Мальчик изменился в лице.

— Нет, господин директор, я даже не затрагивался до них.

— Врешь!

— Правда, господин директор.

— Сейчас посмотрим. Обищите его, — приказал он надзирателю.

Все стояли не шевелясь. Ученик снял верхнее платье, вывернул карманы рубашки, потом снял и рубаху и брюки. Листовок у него не нашли. Мальчик стал не торопясь одеваться, всем своим видом как бы говоря: «Вот видите,

¹ Свиньи! (франц.)

Господин директор, я вам не врулю. А листовка, сложенная вчетверо и засунутая в туфлю, ягла ему подошву.

— Становись на место!

По рядам прошел вздох облегчения. Но тут где-то издали послышались звуки пощечины. Это директор хлестал по лицу ученика, который пытался выбросить из кармана листовку.

— Я тебе покажу, нетодяй! Вздумал меня провести!

Потом директор обратился ко всем.

— Те, кто поднял листовки, должны сейчас же сдать их надзирателю. Кто этого не сделает, будет исключен из школы.

Несколько учеников из младших классов вышли из строя и подали листовки надзирателю. Им было приказано выстроиться отдельно.

— Прошу преподавателей сейчас же обыскать всех учеников в своих классах. За каждую несданную листовку преподаватель несет личную ответственность.

Учителя с недовольными лицами приступили к обыску. Большинство старалось поскорее выделаться от неприятной процедуры. Но были и такие, которые проявляли неподдельное усердие.

И только один учитель не пожелал заниматься обыском.

— Господин Ван, почему вы не выполняете мой приказ? — строго спросил его директор.

— Я считаю, господин директор, что это не входит в обязанности преподавателя.

Директор сухо улыбнулся.

— Понятно. Прошу вас пройти ко мне в кабинет.

Старый учитель оглядел своих учеников и не спеша стал подниматься на второй этаж...

Случай в школе на Иен-инь быстро облетел все школы Ханоя. О нем узнали и родители, и, как это обычно бывает, происшествие постепенно обрастало новыми подробностями. Говорили, например, что два коммуниста ворвались в школу, устроили там митинг, а когда нагрянула полиция, они исчезли, словно растаяли в воздухе.

Родители учеников поспешили встретиться с господином директором на его квартире и умолили отнестись снисходительно к их неразумным чадам. Известно, что за глупости детей должны расплачиваться родители. И роди-

тели расплачивались. Те, что победнее, привозили с собой продукты, а более состоятельные оставляли конверты с деньгами. В тех же случаях, когда школьника оставить в школе было никак нельзя, родители прогнали отпустить ребенка с чистым дневником. Ведь достаточно было написать: «замечены антифранцузские настроения» или «беспокойный элемент, неоднократно нарушал дисциплину», и ученик уже никогда не сможет учиться или устроиться на работу.

В тот же вечер на частной квартире, сдаваемой ученикам под общежитие, в том же доме, где жил и Хой, несколько ребят оживленно обсуждали происшествие в школе на Пей-нинь. Больше всех горячился Бан, по прозвищу Толстогубый. Он учился в десятом классе в школе «Тханг Лонг». Неумный, быстрый как ртуть, он увлекался спортом, занимался бегом, гимнастикой. Прозвище свое он получил за толстые, чуть вывороченные губы.

— Я от злости чуть не обложил его, — говорил он сейчас друзьям. — Этот тип насобачился выворачивать уши. Надо будет как-нибудь проучить его! Но конечно, самый подлый из всех — это старый Козел. Один парень свернул листовку и засунул ее в рубец, где проходит резинка от трусов, так Козел и там ее нашел! И сейчас же, разумеется, к директору. Ну, малого и исключили. Ничего, он у нас еще попляшет. У меня есть одна идея...

Тут толстые губы Бана расплылись в злорадной улыбке. Он наклонился и что-то торопливо зашептал ребятам. Те покатились со смеху.

— Вот это да!..

— Смотри, только осторожней. Поймают — посадят!

— Не поймают! Я буду ехать на велосипеде. Поравняюсь с окном, брошу — и айда! И так каждый день по ароматному пакетику...

Ребята снова залились смехом.

— Надо только в разное время, а то подкараулит. Один раз вечером, другой — утром, третий — в обед. Тогда не поймают!

— Ну у тебя и башка, Бан! Хорошо бы подгадать к ужину, прямо на стол...

Ребята снова рассмеялись. В это время в комнату вошел белолицый крепкий с мыльницей и полотенцем в руках.

— Что вы тут ржете?

— Ты, Ким, только послушай, что Баи придумал!

Выслушав Баа, Ким тоже захохотал.

— Ну и Толстогубый, придумал же!

— Это еще не все. Он у меня на всю жизнь аппетита лишится... А еще можно отколотить его сына. Ведь его чадо учится в школе «Быой».

— Правильно, и ему надо всыпать!

— Зачем же мальчишку? Ведь он не виноват!

— Все равно. Надо и щепка проучить, чтоб панаша знал!

— Так ведь он тогда еще злей станет.

Ребята заспорили.

— Хватит вам! — крикнул Ким. — Лучше я вам сейчас кое-что покажу.

Ким открыл портфель и достал оттуда листовку. Листовку эту ему дал приятель, ученик из школы на Ней-нинь.

Ребята склонили головы над листовкой. В глаза всем бросилась знакомая эмблема — серп и молот. Первая строка обращения была выделена крупным, жирным шрифтом: «Соотечественники!..»

IX

Хой в этот день вернулся домой около десяти часов вечера. Ким предложил ему пройтись к реке и там, показав ему листовку, поведал о происшествии в школе на Ней-нинь.

— У нас в школе только об этом и говорят. Скажите, что нам делать?

Хой в растерянности молчал. Что делать? Он и сам не знал, что нужно делать. Он ничему не мог научить этих ребят, которые верили ему и ждали от него помощи.

— Мы у себя в классе решили переписать эту листовку и раздать своим друзьям из других школ.

— Это, пожалуй, правильно. Но смотрите, чтобы не узнали почерк, а то вам недоброваты.

— А мы напечатаем ее на машинке.

— Надо быть очень осторожными. Поймите, это уже не игра.

Хой так и не знал, что посоветовать ребятам. Он по-

нимал: то, что они задумали, не принесет большой пользы, а тому же это очень опасно. А впрочем, как знать... Может быть, это будет той искрой, которая зажжет факел, а эти, на первый взгляд, малочи могут стать началом больших дел. Во всяком случае, он не имеет никакого права отговаривать ребят от их затей. Если бездействуешь сам, то хоть не мешай другим! Но тут он снова представил себе те опасности, которые подстерегают живых и непосредственных мальчишек. Ведь они так легко могут попасться в лапы тайной полиции! Но что делать? Был бы здесь Тхьет, он бы научил их действовать! Хой вспомнил Кхака. Где теперь он? Вполне возможно, что Кхак в Ханое и события на улице Ней нинь — дело его рук. Хой возвратил листовку Киму и сказал неопределенно:

— Как хотите, но, по-моему, это очень опасно. Не успеете оглянуться, как попадетесь.

— Не попадемся, — возразил Ким. — Мы будем осторожны. У меня есть двое друзей. Мы поклялись, что будем всегда вместе. Решили создать подпольную ячейку и больше никого не посвящать в наше дело.

Хой мысленно улыбнулся: «А сам уже посвятил...»

— Ребята избрали меня старшим. Правда, мне самому еще многое непонятно, а спросить некого. Скажите мне откровенно, вы состоите в партии?

— В какой партии? — Хой невольно отглянулся.

Глаза Кима сверкнули в темноте.

— В коммунистической...

Хой с какой-то непонятной грустью ответил:

— Нет, Ким, я не в партии...

На лице Кима было написано разочарование.

— А вы не могли бы подсказать, как нам связаться с кем-нибудь из них? — с надеждой в голосе спросил юноша.

— Были у меня знакомые, да сейчас я их потерял.

Хой подумал о Кхаке. В памяти всплыло улыбающееся лицо друга, квадратный подбородок...

Хой не принимал активного участия в революционном движении, но великий раз, когда что-либо происходило в стране, он беседовал с Кхаком, и эти беседы помогали ему ориентироваться в событиях. Теперь он особенно остро ощущал потребность в таких беседах, ведь, в сущности, он так же одинок и беспомощен, как и это

ребята. Возможно, даже более беспомощен... И тут Хой вдруг вспомнил о Пугуне. Может, поискать его? Он преподавал в школе «Тхунг донг» и печатался в газете «Лао донг»¹. Хой не был с ним лично знаком, но его знал Дьем, дядя его жены, они работали в одной школе.

— Вот что, я попробую узнать в одном месте. А вы пока не порите горячку. И передай Бану, чтобы он не делал глупостей. Особенно эта затея — избить сына Фенга — совсем ни к чему. Главное для нас — французы.

— Ну, если Толстогоубый что-нибудь войдет себе в голову, избить это оттуда не так то легко. Может, лучше нам самому поговорить с ним? Вас он скорее послушает.

На следующий день во время обеденного перерыва Хой пошел к Дьему. Старый учитель жил в небольшой двухкомнатной квартирке на Китайской улице. У него был отдельный дворик и кухонька. Дьем только что пообедал и, стирбившись, сидел на одном из старинных стульев с трубкой и стаканом винитку в руках. Увидев Хоя, он встал ему навстречу.

— А а!.. Что же это ты, дорогой племянничек, пропал и не показываешься! Присаживайся.

Дьем выглядел еще молодо, хотя голову его уже густо посеребрила седина.

— Нган, заваря-ка чаю своему двоюродному брату! — крикнул он дочери.

Из соседней комнаты вышла девочка, она приветливо улыбнулась гостю и достала из шкафа чайную посуду.

— Как выросла Нган, — улыбнулся Хой. — И все болезненное становится похоже на тетю.

— Правда?

Старый Дьем расплылся в улыбке и с любовью поглядывал на дочь. Это была его любимица. Жена у него умерла десять лет назад, оставив ему двоих детей. Сейчас Нган было уже четырнадцать.

— Ты, наверно, пришел по поводу квартиры?

— Нет...

— А Тхао пишет, что у тебя с квартирой что-то не в порядке. Если так, то переезжай. Квартира, правда, у меня небольшая, но для тебя место найдется.

¹ «Труд» (вьетнамск.).

Хой улыбнулся. Тхао, оказывается, уже написала дяде. Все беспокоится, как бы из-за учеников у него не вышло неприятностей. Она уже не раз предлагала ему переехать к дяде и сердилась, когда он не соглашался.

— Она вечно за меня тревожится. Но пока у меня все в порядке. Если мне понадобится жилье, я, конечно, скажу. А где, кстати, Лок?

Лицо старика сделалось суровым.

— Не спрашивай меня о нем! Я отказался от него...

Старик вынул трубку и дрожащей рукой заложил в нее новую порцию табаку. Хой замолчал, не решаясь продолжать расспросы.

— Ты же знаешь, что французы вербовали в армию учеников. Так вот, он записался в военную школу. Сколько я ни говорил ему, все напрасно. Решил стать французским офицером, мерзавец! Блестящих побед настолько его ослепило, что он забыл о долге перед родиной. И за что только бог наказал наш род? Подумать только — пошел служить к французам! Нет у меня больше сына!

Голос Дьема дрожал от обиды. И лицо как-то сразу постарело. Сейчас он выглядел почти стариком.

Нган стояла в углу, не решаясь вставить слово в защиту брата. Хой молча прихлебывал чай. «А Нган, — подумал он, поглядывая на девочку, — на этот счет, кажется, имеет свое собственное мнение. Лок, наверное, не поладил со стариком, вот и ушел в эту школу...»

Хой хорошо знал характер дядюшки Дьема. Старик и пагу не позволял сделать детям самостоятельно. И когда те противились, он так орал на них, что впору было бежать из дому. Дьем привык быть хозяином в своей семье, и чем большие неприятности он испытывал на службе, тем сильнее это отражалось на детях.

— Где же эта школа? — спросил Хой. — Я бы написал ему, узнал бы, как и что.

— Узнаешь у Нган. А я и адреса его знать не желаю. Бог с ним! Я запретил ему приходить сюда и писем от него не хочу получать. Если хочет писать сестре — пусть пишет. Меня это не касается!

Дьем немного успокоился, раздражение проходило.

— Ну, хватит об этом! — Тут он по-мальчишески подмигнул Хою. — Ты слышал, что произошло на улице Иен-нинь?

— Я как раз хотел спросить вас об этом.

— Ничего не скажешь, здорово! — Старый учитель энергично махнул трубкой. — Смело! Очень смело! А вспомни Фам Хонг Тая¹ — как он пронес бомбу прямо в банкетный зал, прошел мимо стражи и ни один мускул на лице не дрогнул. Ведь его за француза приняли! Мы ведь только с виду робкий народ, а по смелости нет нам на свете равных! И сегодня вьетнамцы постоят за честь своей страны.

— А что стало с учителем Ваном, вы не слышали?

— Директор передал дело в дисциплинарный совет, хотели послать его на работу в захолустный горный район. А Ван сам подал в отставку! Случись это раньше — пришлось бы ему хлебнуть горя, а сейчас французам приходится соблюдать осторожность: в метрополии немцы заседают, а тут на пороге японцы стоят. Вот они и присмирели, зашаривают с нашей интеллигенцией.

Заметив, что Нган внимательно прислушивается к разговору, старик отослал ее во двор и, понизив голос, продолжал:

— Слышала, в прошлом месяце в Ханой приезжал японский генерал ругаться с Катру. Грозился: если не прекратятся перевозки грузов в Китай, то японская армия примет меры. А через неделю японские самолеты разбомбили железнодорожный мост по дороге в Юньнань!

— И все же, по-моему, французы еще довольно сильны. К тому же Англия их поддерживает.

— А что толку! Сам посуди, ну в чем их сила? Только что золота много. А на войне нужны герои. У немцев — Гитлер, а у этих кто? Петен, что ли? Так он уже старик, да и власти теперь у него никакой. А у Гитлера, я смотрю, есть военная хватка. То, что он сейчас на фронте делает, — это все для отвода глаз, чтобы усыпить бдительность. Недаром французские газеты пишут о «drôle de guerre»². Гитлер чего-то выкидает, а потом как даст, те и охвуть не успеют. Я думаю, он сначала высадится в Англии и разобьет французские тылы. Это как на охоте — сначала зверя обкладывают. Если англичане

¹ Фам Хонг Тхай — один из вьетнамских патриотов, боровшихся против колониального господства французов.

² «Странная война» (франц.).

сдадут позиции — французам крышка! А этот Гитлер даже нашу, восточную, военную науку изучил. Я слышал, что он штудировал даже Сунь-цзы¹! А у кого там, в Европе, найдется военный гений, равный нашему Сунь-цзы?

Хой уже несколько раз порывался заговорить о своем деле, но не решался прервать старика.

Наконец, увидев момент, когда Дьем стал набивать трубку, он спросил его:

— Ты в последнее время не встречался с Игуеном?

— С каким Игуеном?

— Который преподает у нас в старших классах.

— Его нет, он скрылся неизвестно куда. А ты разве не знал об этом?

Значит, пропала последняя надежда!.. У Хоя было такое чувство, будто он заблудился в темноте, шел на единственный огонек, сверкавший вдали, и вдруг огонек исчез. Видя, что Хой не отвечает, Дьем стал рассказывать подробности.

— Этот Игуен — голова! Они не спускали с него глаз, но не брали, держали, как приманку на крючке. Дошло до того, что сам шеф тайной полиции Фожке пришел в школу и при всех поздоровался с ним за руку. Потом пригласил его в кабинет директора и о чем-то долго с ним беседовал. Но кто поверит, что политически неблагонадежный и шеф тайной полиции стали друзьями! Они приставили к нему своего агента — ученика из старшего класса, — чтобы тот следил за каждым шагом Игуена. А Игуен хоть бы что, ходил себе на занятия как ни в чем не бывало. Попросил даже переменить ему расписание, чтобы оставить свободной субботу для подготовки к экзаменам на звание доктора юридических наук. Прошло недели две-три, и как-то в понедельник он вдруг не явился на занятия. Агент бросился к нему домой, а Игуена и след простыл.

Дьем засмеялся было, но вдруг помрачнел.

— Он то скрылся, а вот жену уже больше двух месяцев держат под арестом в Хоа-ло. И дочь скитается где-то. Ну, не подло ли! И после этого французы еще требуют к себе уважения.

¹ Сунь-цзы (Сунь В) — знаменитый древнекитайский военный стратег и теоретик, живший на рубеже VI—V веков до н. э. Автор трактата по военному искусству.

Хой поднялся. Слова старого Дьема сейчас не доходили до его сознания, он был поглощен своим. Старик пошел проводить его.

—Одного не могу понять,—продолжал он развивать свои мысли,—зачем такому интеллигентному человеку, как Нгуен, связываться с коммунистами? На кой черт нам этот коммунизм? Наше общинное землепользование лучше всякого коммунизма! Ты знаешь, я составляю курс по истории династии Чан¹. Пришлось перечитать кое-какие летописи. Ну, скажу я тебе, у наших предков было немало интересного. Во время царствования Хо Куи Ли² у нас, например, уже применялись ракетные снаряды!

Старик вдруг остановился.

—Нган.—крикнул он, — иди попрощайся с Хоем! Не воспитанный человек ничего не добьется в жизни, а нация, забывшая моральные принципы, гибнет. До тех пор пока в людях сохраняется нравственность, не все еще потеряно. Вот я и заставляю Нган убирать алтарь поминовения предков. Каждое воскресенье утром она все старательно оботрет, расставит. Ох, не простое это дело — воспитание детей!

Старый Дьем стоял с потухшей трубкой в руках и прищурясь смотрел на дочь, которая почтительно прощалась со своим двоюродным братом.

Хой вышел от Дьема с головной болью. Прямо-таки новоявленный Конфуций! Да он может на смерть заговорить. Хой душил смех. А Тхао еще настаивает, чтобы он переселился в этот дом!

На Писчебумажной улице, где находился рынок, царил оживление. Хой с трудом приходил в себя от тирад дяди Дьема. Что бы в мире ни происходило, людям каждый день нужно было заботиться о том, как прожить. И уже тысячи лет, что бы ни случилось в стране, здесь, на этой площади, разделенной на торговые ряды, собирались люди: одни продавали, другие покупали... В огромном людском муравейнике у каждого были свои радости, свои горести, свои планы и надежды! Человеческое общежитие! Удивительное это сообщество! Люди

¹ Династия, правившая в 1225—1400 гг.

² Император Вьетнама. Правил в 1400—1407 гг.

грудятся, бранятся, размножаются! И так без конца... Жизнь, в общем-то, довольно простая штука. Тогда почему же она так запутана, полна трудностей и страданий? Чем больше думал Хой об этом, тем больше чувствовал себя заблудившимся в огромном лабиринте. Нужна была путеводная нить, чтобы выбраться из него, познать все, что происходит вокруг. Но видно, нить эту ему никогда не найти.

Хой свернул к рынку. От реки одна за другой тянулись повозки, груженные рисом.

Развилка у моста через реку Кай была забита людьми и повозками. На обочине, рядом с лавченками, пропахшими прогорклым маслом, собралась большая толпа. Она окружала бродячих акробатов. Люди вытягивали шеи, стараясь через головы стоящих впереди увидеть представление. Десятки людей следили за сверкающими пожами, описывающими в воздухе замысловатые кривые. Они вылетали и снова возвращались в руки крепкого мальчугана в красной выгоревшей майке. На углу, прислонившись спиной к водосточной трубе, сидел слепой старик. Рядом с ним лежала собака с горящими глазами. Подняв к небу невидящий взор, старик не переставая посылал мольбы в окружающий его мрак. «Прошу вас, люди! Прошу вас, люди!.. — Казалось, мольбам этим не будет конца. — Прошу вас, люди...» А рядом все двигалось, гремело, грохотало... Отчаянно сигналила, проехала грузовая машина, такая тяжелая, что задрожала земля. От реки тянулись повозки, груженные мешками с рисом. У развилки они сворачивали к рынку. Возчики в пропотевших, выгоревших рубашках тянули тележки, шатались от тяжести. От напряжения глаза у них выкатывались из орбит, на шеях вздувались жилы. «Посторонись! А ну, посторонись!» — слышались от моста громкие предупреждающие крики. Несколько ручных тележек с огромными бревнами готовились съехать вниз по откосу. Повозки с рисом отъехали в сторону, очистив путь. «Посторонись! Дорогу!» Громяхая по ухабам, тележка, разгоняясь, быстро катилась вниз. Тело возчика сжалось в напряженный комок, ноги мелькали, едва касаясь земли. Его увлекала за собой огромная тяжесть — бревно в два обхвата и метра три четыре длиной. Помощники бежали по обеим сторонам, изо всех сил стараясь замедлить стремитель-

ный спуск. И только внизу тележка свернула на дорогу вдоль реки и здесь смогла остановиться. В это время начала спуск вторая тележка, затем тронулась третья...

На мосту позади тележек с бревнами скопилось целая вереница машин, которые оглушительно сигналили, требуя освободить дорогу. С шумом хлопнула дверь лимузина, и из машины вылез мрачный француз. Он что-то кричал по-французски, жестами жестикулируя. Полицейский вьетнамец угодливо поднял дубинку и закричал на возчиков: «Да скорее же, сукинны дети!»

Очередная тележка покатила вниз. Ее везла женщина, видимо кормящая мать, ее нагрудная повязка намочла от молока. Она напряженно вглядывалась в дорогу, которая мелькала у нее под ногами. Эту дорогу она знала хорошо, и все же каждый раз, проезжая по ней, она ждала какого-нибудь подвоха. Ведь стоило ей огупиться, упасть — и огромное бревно раздавит ее.

Поправив на плече постромки и перехватив покрепче ручки тележки, она уперлась ногами и осторожно начала спуск. Ей казалось, что какая-то страшная сила то стремится подбросить ее вверх, то придавливает к земле. Ее мотало и раскачивало из стороны в сторону между двумя ручками, в которые она вцепилась, до боли стиснув зубы, стараясь удержаться на ногах. Позади помощники, откинувшись назад, держали тележку за веревки, стараясь замедлить ее бег. Но, несмотря на их усилия, тележка катилась вниз все быстрее и быстрее. Бежала все быстрее и женщина. У нее уже подкашивались ноги! Скорее бы кончился этот ужасный спуск. Женщина бежала, уже ничего не сознавая, ничего не видя вокруг. И вдруг в груди у нее словно что-то оборвалось, ноги перестали чувствовать землю, глаза заслала черная пелена. Кто мог сказать, почему это произошло? Может быть, в этот день ей не хватило чашки риса, может, слишком сильно наклонило солнце и у нее закружилась голова, а может быть, малыш вместе с молоком высосал из матери силы.

Ее бросило ничком на землю между оглоблями, поволокло за повозкой. Оглобли тележки заскользили по земле, подпрыгивая на неровностях дороги. Сзади двое рабочих делали отчаянные усилия, стараясь за веревки удержать выбежавшую тележку, но та безжалостно тащила их вниз. И стояло в этот момент одному из них вынуть

веревку, повозка опрокинулась бы и женщину раздавило бы насмерть. Нескромно человек, стоявшие поблизости, бросались за тележкой, пытались ухватиться за нее, чтобы остановить ее бег, но им это не удалось, тележка с грохотом прокатилась до самого низа. Женщина осталась лежать на дороге, разметав руки. Все это произошло в один миг. Люди бросались к несчастной. Ей приносили голову. Глаза женщины были закрыты, волосы рассыпались по плечам, осадины на лице кровоточили. Какая-то женщина приняла ухом к ее груди. «Дышит, дышит!» У пострадавшей дрогнули веки, и, морщась от боли, она попыталась приподняться. «Слава богу, ожила. Посмотри, все ли у нее цело?» — сказал кто-то. У женщины осторожно оцупали руки, ноги, грудь. Откатили в сторону тележку.

— Тетуника Хай, как вы себя чувствуете?

— Кажется, отделалась ушибами да сильно перепугалась. Никогда не придет в себя.

— А ну, разойдись! Чего стоишь! Оттащите ее с дороги! — К месту происшествия подбежал полицейский и стал расталкивать толпу.

Хой стоял в толпе и все видел.

— Вы что, не понимаете, что случилось? — сказал он полицейскому. — Надо подождать, пока она придет в сознание.

Наконец женщина пришла в себя. Она поднялась и, поддерживаемая с двух сторон, отошла на обочину.

Когда последняя тележка с бревнами спустилась вниз, тронулась машина. Обгоняя всех, вперед вырвалась легковая машина, в которой сидел француз.

Хой шел по обочине, уставившись в землю. Странная картина все еще стояла перед глазами. Ему хотелось кричать...

Х

Казалось, история с листовками уже забылась, но брожение среди хаоюйских учеников продолжалось.

Как то в кинотеатре на набережной демонстрировался американский фильм. Билеты на дневной сеанс стоили дешевле, и поэтому днем здесь бывали главным образом учащиеся. Незадолго до начала сеанса возле храма

Клону между вьетнамскими и французскими школьниками произошла драка. Дело было так. Несколько учеников из французского лицея Саро, привыкшие чувствовать себя в Ханое хозяевами, стали приставать к двум вьетнамским школьницам. Девушки со слезами на глазах пытались вырваться, но это было не так то просто. Прохожие видели, что французы перешли границы приличий, но не решались вмешаться. Тогда один из вьетнамских школьников бросился к одному из обидчиков, схватил его за ворот, и не успел тот опомниться, как на него обрушился град шишечки. Лиценсты бросились на выручку. Началась потасовка. Французы пустили в ход кастеты. Вьетнамского паренька отнесли к фонарному столбу и стали избивать.

Кто-то крикнул:

— Ребята, французы нашего Кима бьют!

Из киноштрапа выбежала целая ватага вьетнамских школьников, но появились полиция и драку прервали. Французы поняли, что им лучше ретироваться. Кима отнесли в ближайший дом, перевязали раны, и, когда прозвенел звонок, все отправились в зал.

Но вдруг во время сеанса в конце зала послышались воюнь, ругань и крики: «Бей французов!» Все повскакало с мест. Включили свет, но драка стала еще яростней. Служащие пытались вмешаться, но ученики закрыли дверь. Когда прибежали полицейские, в зале среди опрокинутых кресел осталось лишь десятка два избитых французов.

На следующий день после уроков на улице снова произошла стычка вьетнамских школьников с французскими лиценстами. На этот раз в драке участвовали старшеклассники из частных ханойских школ. Они решили как следует проучить лиценстов. С этого дня драки происходили чуть ли не каждый день.

Комнаты частного общежития, где жил Хой, были похожи на растревоженный улей. Здесь все время шли какие то совещания. Ким еще ходил с забинтованной головой. Толстогубий Баи раздобыл кастет и теперь постоянно носил его при себе. Этот отчаянный мальчишка каждый день вызывался в какую нибудь драку.

Однажды Хой заметил возле своего дома двух учениц в белых платьях. Увидев Хой, они смущенно покраснели, но одна из них набралась храбрости и спросила:

— Скажите, не здесь ли живет Ким из школы «Быой»?

— Здесь, но он приходит домой не раньше семи. А что вам нужно?

Девушки переглянулись.

— Вы не знаете, ему сейчас лучше?

— Да, лучше...

Видно, это те девушки, за которых Ким заступился. Уж не встретил ли он свою Кимеу¹?

— Если хотите, я передам ему все, что нужно.

Одна из девушек кокетливо улыбнулась.

— Передайте ему, что приходила Ханг, чтобы поблагодарить его и пожелать ему скорее поправиться, — сказала она.

Ханг залилась румянцем и незаметно толкнула в бок вероломную подругу. Девушки попрощались и ушли. Хой улыбкой провидил взглядом две тоненькие фигурки.

Вечером, когда Ким вернулся домой, Хой отозвал его в сторону.

— К тебе приходили сегодня две хорошенькие девушки, — сказал он.

Ким удивленно поднял брови.

— Может, скажешь, что ты даже не знаешь, как их зовут?!

По детски округлое лицо Кима вспыхнуло румянцем. Хой шутливо взял его за ухо.

— Ну что, будешь отрицаться? Они приходили поблагодарить тебя и пожелать тебе скорее поправиться.

Лицо Кима расплылось в довольной улыбке.

— Признавайся, когда познакомился с ними?

— А я не знакомился...

— Опять?!

— Правда, я их не знаю. Просто увидел, что французы пристают к девушкам, ну и вступился за них. Потом только узнал, кто эти девушки.

В общегитин стали появляться какие-то незнакомые люди. Однажды вечером раздался стук в дверь. Потом кто-то повернул дверную ручку и в щель просунулась голова. Это был мужчина в очках, с огромной лохматой шевелюрой и трубкой в зубах.

¹ Героиня одноименного романа классика вьетнамской литературы Нгуен Зу (1765—1820).

— Бан дома? — тихо спросил он.

Страшному гостю на вид было лет тридцать, но он был такой щуплый, что широкий европейский костюм болтался на нем как на вешалке. Из-за тонкой шеи с острым кадыком вздохмаченная голова казалась еще больше. В руках он держал палку, зажав под мышкой несколько толстых книг.

Бан в это время мылся. Незнакомец вошел в комнату и уселся на табурет. Его глаза из-за очков обвели присутствующих подозрительным взглядом, потом он раскурил трубку и углубился в книгу.

Когда Бан вошел в комнату, незнакомец поднялся, едва слышно поздоровался с ним, и оба тут же ушли.

Бан вернулся поздно, а когда спросили: «Кто это к тебе приходил?» — ответил неопределенно:

— Так, один знакомый журналист...

— Он не из еженедельника «За новую жизнь»? — поинтересовался Ким. — Я часто встречаю его на Ханг Ди-еу, около их редакции.

Хой издрогнул. Да, это же тот самый сторонник Четвертого Интернационала, Та. А газета «За новую жизнь» — орган троцкистской северовьетнамской группы, о которой в свое время немало рассказывал ему Тхьет... Что нужно было здесь этому типу?

Та зачастую к Бану. Каждый раз он надолго уводил его с собой, и возвращался тот с каким-то таинственным видом. Как-то утром, собирая портфель перед тем, как идти на занятия, Бан, кроме кастета, сунул туда еще увесистый молоток. Ким подошел и отобрал молоток.

— Слушай, Бан, ты что, убийцей хочешь стать? Молоток! Ты понимаешь, чем это может кончиться?

Бан хотел было вырвать молоток, но Ким спрятал его за спину.

— Ты, кажется, и впрямь с ума сошел? Хочешь драться — дерись кулаками. А эту штуку и кастет выбрось, пока не поздно.

Ким расстегнул портфель Бана, вытащил оттуда кастет и швырнул его и молоток в угол комнаты. Бан побагровел.

— Трусь! — крикнул он. — А еще патриота из себя строишь! Тебе только за подол своей Ханг держаться...

— Что ты сказал?..

Ребята кинулись разнимать их. Когда на шум из

своей комнаты вышел Хой, он увидел, что закадычные друзья стоят друг против друга со свирепым видом и того и гляди пустят в ход кулаки...

Бан, нахмурившись, вышел из дому. Хой подзваниз себе Кима.

— Сегодня же вечером помирись с Баном, — сказал он. — Если хочешь, чтобы он тебя слушал, нужно говорить с ним другим тоном.

— С ним происходит что-то непонятное. Он стал скрывать от меня, куда ходит, что делает. Кажется, он что-то затевает...

Но и с Кимом происходило тоже что-то непонятное. То он зачитывался до глубокой ночи, то, наоборот, ложился раньше всех, но ночью, когда все спали, вставал и просиживал за книгой до утра. Ребята не обращали на это внимания, но Хой подозревал, в чем дело, он сам когда-то по ночам читал запретную литературу. Видно, кто-то снабжает Кима запрещенными книгами, но юноша решил не открываться Хою. Вот и Ким, кажется, нашел свою дорогу, а он, Хой, все еще топчется на перепутье...

Вечером Ким сказал Бану:

— Слушай, давай поговорим...

Они вышли во двор. Хой сидел у раскрытого окна и слышал весь их разговор.

— Будь осторожен, — начал Ким. — Мне кажется, тебя втянули в какую-то скверную историю. Драться с французскими сынками — это не выход...

— Но ведь ты сам дрался с ними!

— То была случайная стычка, а вы организуете настоящие побоища, это разные вещи.

— Разницы не вижу. Все это — слова. Пришло время действовать, а ты прячешься в кусты. Нечего зря трепаться. Нужно действовать, пора от слов переходить к делу.

— Твои действия стихийные и вредные к тому же!

— Выходит, ты один у нас зрячий, остальные слепые. Нет, Ким, видно, наши дороги разошлись. Не хочешь идти вместе, оставайся один, но не вдумай мешать мне! Иначе увидишь, что будет!

В голосе Бана слышалось презрение и ненависть, удивившие Хоя. Бан поднялся и вышел.

— Слушай, Бан, я... — пытался удержать его Ким.

Но тот даже не обернулся, и Ким остался сидеть один на лавке.

Хой недоумевал: что встало между вчерашними друзьями? Откуда эта враждебность? Хой чувствовал, что за спинами японцев стоят две разные силы. «Стихийный», «провокация»... — эти слова он часто слышал от Таиета и Кхака. А речи Бана? Чьи они? Перед глазами возникла лохматая шведжюра, и Хой, точно наяву, услышал тихий голосок Тэ... И хотя Хой ни разу не разговаривал с самим Тэ, ошибиться было невозможно. «Нужно действовать, пора переходить от слов к делу». Нет, этот Тэ появился здесь неслучайно!

Как-то вечером в общежитие прибежали встревоженные ребята: арестован Бан! А случилось вот что.

Человек сорок самых отчаянных ребят выправились в парк на встречу с лицами-Саро, которые вызвали их на драку. Однако лица-Саро, по-видимому, предупредили полицию, и, когда ребята прибыли на место, их встретили полицейские. Всем надели наручники и увезли в полицию.

Какой-то внутренний голос подсказал Хою, что надо принять меры предосторожности.

— Если у тебя есть книги, которые нельзя хранить при себе, отправь их немедленно куда-нибудь! — сказал он Киму. Хой вспомнил, каким настороженным, ворочатым взглядом Тэ обычно окидывал их комнату.

На следующий день ничего не случилось, и Хой успокоился. Но в понедельник Кима забрали прямо возле школы. Два полицейских, француз и вьетнамец, привели его для обыска домой. Неожиданно полицейский-вьетнамец расемейся и сказал Хою:

— Ну и дом! Несколько месяцев назад я приходил сюда, и именно ваша милость, насколько я помню, открывали мне дверь!

Ким держался молодцом, спокойно и непринужденно. Когда ему надели наручники и повели к машине, он обернулся и посмотрел на Хоя так, словно прощался с ним.

Во второй половине дня Хой ушел на занятия. На душе у него было скверно. В общежитии стало теперь так тихо, будто там лежал покойник. Ребята были как

пришибленные, разговаривали шепотом. Вечером, подходи к дому, Хой снова увидел Ханг и ее подружку.

— Скажите, что случилось с Кимом?

— Я еще сам не знаю, — ответил Хой. — Пока они общались с ним не очень сурово. К тому же при обыске у него ничего не нашли. Может быть, все обойдется.

У Ханг покраснели глаза.

— Страшно только, что его будут бить. Я слышала, что в Центральной тюрьме избивают до полусмерти...

Поздно вечером раздался стук, и в двери показалась лохматая шевелюра. Та что то тихо пробормотал, повел очками и скрылся. Хой в это время сидел за столом, у него было желание схватить за шиворот этого подлеца и вышвырнуть вон.

Дня через два из провинции приехала мать Кима. Об аресте сына ее известил Хой. Она плакала и расспрашивала о сыне, потом пошла в тюрьму на свидание. Хозяйка общежития несколько раз под разными предлогами заходила в комнату Хоя и наконец сказала ему:

— Я думаю, вы порядочный человек, потому и согласилась сдать вам комнату. А вы, оказывается, спутались с коммунистами, перевернули мне все здесь вверх дном. Лучше вам позвать себе другую квартиру.

Через несколько дней в общежитии появился Бан. Не отвечая на расспросы, он собрал свои пожитки, погрузил все на рикшу и уехал неизвестно куда. Вскоре общежитие совсем опустело.

Кима выпустили через месяц. Из школы его исключили и под охраной вывели в деревню к родителям. Перед отъездом он в сопровождении полицейского пришел в общежитие. Там никого не оказалось. Тогда он решил найти новую квартиру Хоя и отыскал его в пригороде, в районе Винь-тун. Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами, потом полицейский повез Кима на вокзал.

— Будет время, приезжайте в гости в деревню хоть на денек, — сказал на прощание Ким.

— Ладно, а ты получил весточку от Ханг?

— Приеду домой, напишу обо всем подробно. —

И Ким лукаво подмигнул.

После ухода Кхака тетушка Май стала заметно сдавать. Все последние годы она жила подобно сохнувшему дереву, корни которого были глубоко в земле. Она жила теперь ожиданием того дня, когда вернется сын. Это ожидание, постоянно тлеющее у нее в груди, причиняло ей неистощимую боль, но оно же придавало ей и стойкость. Из года в год она терпеливо переносила все домашние тяготы и молча ожидала сына. Она шла по жизни, будто все время поднимаясь в гору, на вершине которой ее ждал тенистый сад и прохладный ручей. И сознание того, что в конце пути — заслуженный отдых, придавало ей силы. И этот час настал: Кхак вернулся из ссылки. Большие года она видела сына, слышала его голос, его смех. Каждую лишнюю чашку риса она отдавала ему, чтобы скорее поставить его на ноги, вернуть ему здоровье, вернуть жизнь. Господи! Но какой же короткий был этот год!.. Ее итенец полуживой вырвался из ада, добрался до своего гнезда, а теперь, едва залечив раны, снова расправил крылья и улетел неизвестно куда.

Нет, она не сердилась на сына, не упрекала его ни в чем. Напротив, она знала, что так нужно. Кхак поступает так во имя справедливости. Часто, глядя на него, она вспоминала о муже и невольно сравнивала их. Как и у отца, характер у Кхака был независимый и твердый. Однако сын был мягче и не такой упрямый. Отец всегда и во всем гнул свое. Если ему советовали поступить по-другому, он не слушал, если ему мешали — парывался. Когда он презирал кого-нибудь, то не снисходил даже до разговора с ним, он просто не замечал этого человека. Тетушка Май глубоко уважала и немножко даже боялась мужа, хотя было в нем и что-то ребячье. Муж очень любил семью, но никогда не проявлял своих чувств. Считая нежность слабостью, он как бы стыдился ее. Только в исключительных случаях кто-нибудь мог удостоиться его похвалы. Нет, он не был ни сухим, ни жестким или своекорыстным человеком, просто он был очень требователен и к себе и к другим. Он никогда и ничем не хвастался, напротив, когда он был в хорошем настроении, он как бы подемеивался над самим собой. Тетушка Май считала, что же-

на обязана почитать мужа и воспитывать детей. Она любила мужа той любовью, которая соединяла и уважение, и послушание, и почитательность, но все же где-то в глубине души таились скрытая боль и одиночество. Она чувствовала, что тоскует без тепла и ласки. Она никогда не посмела бы упрекнуть, в чем-либо мужа, но порой завидовала другим, к примеру супругам Нуой. По вечерам, вернувшись с работы, они садились перед деревянным подногом с неприхотливым ужином. Жена ухаживала за мужем, он за женой. И не нужны им были ни дорогая утварь, ни изысканные блюда! Все нерастраченное тепло своей души тетушка Май перенесла на детей. Она не просто растила их — она их буквально выхаживала, хотя и не баловала никогда, зная характер мужа. Да и при той бедности, в которой они жили, трудно было их баловать — весь год она вертелась как белка в колесе. Роскоши они не видели. Но в материнской любви и нежности не было недостатка. Когда мужа арестовали и послали на каторгу, у нее остались только дети. Ради них она теперь только и жила.

Кхак и Куен унаследовали отцовскую независимость, упрямство и даже некоторую чудаковатость старого конфуцианца. Однако нежность матери, ее доброта, стремление делать людям добро тоже оставили свой след. Все больше внимания уделяла Май сыну, который был ей как-то ближе дочери.

Когда его арестовали, Кхак был уже женат, но в глазах матери он был все еще ребенком. Несколько лет прошло в разлуке, и, только когда Кхак вернулся из ссылки, до ее сознания стало постепенно доходить, что сын уже совсем взрослый мужчина. В нем по-прежнему чувствовалась гордая отцовская независимость, он по-прежнему был внимателен к матери и сестре, но Май подметила в нем какие-то новые черты, что-то новое. У Кхака появились не только насмешливые отцовские интонации и не только нежность к ней, в его глазах теперь нередко стояло мучительное раздумье, какая-то непроходящая боль. Правда, чаще в них сквозила живая мысль, а еще чаще они были просто веселые, добрые, участливые, словно говорили: «Не бойся, говори откровенно, что тебя тревожит. Все будет хорошо, как бы ни было трудно!» Особенно добрыми они

становились, когда Кхак смеялся. Смеялся он всегда от души, как ребенок. Он был внимательным собеседником, умел слушать, когда она что-либо рассказывала, умел вызывать ее на разговор, когда она сама не решалась его начать.

Кхак улавливал тончайшие ее переживания, он был очень трудолюбив и делал все ловко и быстро. Это последнее особенно удивляло Май, потому что раньше она ничего не умела делать как следует. За год, что он пробыл дома после ссылки, она постепенно рассказывала ему всю свою жизнь, все, что наболело у нее на душе и что она думала унести с собой в могилу. Сын, как никто другой, умел выслушать ее, объяснить, утешить, облегчить ее душу. Как-то она даже подумала, что ее Кхак, подобно Будде, может отпускать людям грехи. Правда, подумав так, она не на шутку испугалась, но все же нет-нет да и возвращалась к этой кощунственной мысли. Она смутно ощущала, что любовь ее сына выходит далеко за пределы семьи. Он дарил ее окружающим, подобно тому как Будда — свою любовь всему сущему в стремлении спасти мир. Когда-то Будда оставил семью, чтобы найти святое древо и молиться у него о спасении человечества. Теперь и ее муж, и сын, и им подобные, чтобы спасти мир, ищут не святое древо, а готовят революцию. Да, Май чувствовала, что рано или поздно Кхак снова покинет ее.

И вот он ушел. «Сынотек мой родной, как я тоскую по тебе! Мне осталось лишь молиться, чтобы беды прошли мимо тебя, чтобы ты вернулся домой к своей дочери. Я стараюсь поддержать ее, но я уже стара стала, мало осталось сил, чуть теплятся они огоньком на ветру, и неизвестно, когда погасит смерть этот огонек». С такими словами мысленно обращалась Май к сыну каждый раз, когда вспоминала его. Сердце сжималось от страха за сына, но надежда все же не покидала ее. И за что только небо карает их семью? За что карает ее честного, доброго сына? Ведь они никому не причинили зла.

Май совсем ослабела, из дому теперь она выходила только с палочкой. Она крепилась, но время брало свое. Десятки лет изнурительного труда и лишений исушили тело, отняли последние силы. Огонек еще мерцал, но светильник почти до самого дна выгорел.

Теперь вся домашняя работа легла на плечи Куен. Она работала целыми днями от зари до зари. По ночам, когда ей не спалось, тетушка Май, опершись на лежанку, тихонько садилась под москитником. Не чувствуя рядом бабушкиного тепла, маленькая Тху звала во сне: «Бабушка, бабушка!..» Май закутывала ее в одеяло, баюкала, а потом долго сидела, уставившись в одну точку, думая свои бесконечные думы. Рядом на топчане ровно дышала Куен, уставшая за день. В саду трепали цикады, под порывами ветра бились, шурша и хлопая, банановые листья. Но вдруг Куен начинала тревожно ворочаться, ровное дыхание ее прерывалось, и, проснувшись, она тревожно прислушивалась, спит ли мать и Тху. «Мама, — спрашивала она шепотом, — ты опять не спишь? Ложись, пожалуйста!» И Май покорно укладывалась на скрипучий топчан. Куен ждала, пока она не затихнет, и тоже засыпала. Бывали, однако, ночи, когда и сама Куен не могла заснуть. Так и лежали они, мать и дочь, болше пошевелившись и прислушиваясь к дыханию друг друга.

Как-то холодным вечером Тху дремала, закутавшись в одеяло. Май только что рассказала ей сказку о святом Таи Виене, и, засыная, девочка видела, как старенький дедушка с белой бородой повел ее за руку на другой берег реки, к голубым горам, что виднелись вдаль...

Куен около светильника склонилась над стеганой курточкой Тху. Рядом стояла маленькая корзинка с нитками. На стене рисовалась тень Куен, большая, бесшумная. Время от времени она двигалась, то вытягиваясь, то изгибаясь куда-то вбок, и снова застывала неподвижно. Куен чинила куртку и удивлялась:

— Мама, посмотри, как она быстро растет! Ведь эту курточку я сшила ей к Новому году, а теперь она ей до живота не достает, рукава чуть ли не до локтей. На будущий год перешивай не перешивай, все равно мала будет.

— Да... — отвечала Май, бросив ласковый взгляд на спящую внучку. — Будет высокой, как отец. Ноги то и сейчас уже вон какие длинные!

— Погода в этом году какая-то непонятная. Скоро декабрь, а солнце все нечет и сухо. Ночью туман, изморось, днем жарко и без конца этот сухой ветер. Пора рис высаживать, а дожди все нет и нет...

— Я гляжу, это надоело затягиваться. К Новому году похолодает. Мне, старой, и в марте придется замерзнуть. Урожай этой весной неважный будет, дочка. Вот замечаю я, с каждым годом становится вроде все холодней и холодней. Помню, когда молодая была, таких холодов мы не знали.

Куен рассмеялась.

— Сважки лучше, что стареешь, вот и кажется тебе, что все холодней становится.

— Ах ты, негодница! Стареешь, стареешь... Подожди, придет время, узнаешь и ты, что такое старость.

— Ну, это еще не скоро! — умикнулась Куен. — Кстати, мама, ты пойдешь на Новый год к бабушке? Я как-то на рынке встретила тетю Бэй, она спрашивала, когда приведем к бабушке правнучку погостить.

— Я то не знаю, а вы сходите с Тху. У меня что то кости разболелись...

— Тетя Бэй очень похудела. Дяди плохо обращается с ней. Месяц назад взял вторую жену, все развезжает по уезду, торгует, почти не бывает дома. А как придет, бьет ее, денег требует. Какие у нее деньги! Тетя встретила меня на рынке и расплакалась. Как она плакала! Зверь какой-то, а не муж. У тети головные боли страшные, а она все терпит!

— А что ей остается? Да, может, все и образуется. Возьмется он за ум.

— Как же, ждите! Опять молодую жену взял, не знаю, какую уж теперь по счету. Нет, лучше тете Бэй уйти от него. Упрекает ее за то, что детей нет! Поменьше самому надо было гулять, были бы и дети! Пятую или шестую жену берет, а детей все нет...

Куен не на шутку рассердилась. Май бросила на нее быстрый взгляд и наконец решила.

— Послунай, дочка, сегодня заходил сборщик налогов Шан...

Куен оставила шитье.

— Он мне признался, что хочет сватать тебя второй женой. У первой нет сыновей, и это его, конечно, огорчает. Старшая жена у него ничего, добрая. К тому же, когда Кхак был дома, Шан помогал нам... Мне трудно самой решить... Шан твердит, что правнучка ты ему и характером и поведением. И Кхак ему правился. Про-

сит тебя во вторые жены, но, говорит, на самом-то деле ты будешь первая. Во всяком случае, жить будешь не хуже первой. Старшая жена согласна. Я ответа не дала, сказала, поговорю с тобой: что ты на это скажешь?

— Ну что ты, мама? Как ты можешь предлагать мне все это?—Куен горько усмехнулась.—Нет уж, лучше в могилу, чем к этому второй женой...

Май молчала, сознавая, что дочь права. И все же печальный вздох все-таки вырвался у нее.

— Ты уже взрослая. Не вечно же тебе сидеть тут со мной! Сколько тебя ни ругали, ты всем отказываешься. Может, у тебя есть кто на примете, так скажи, я помогу устроить твою жизнь. Тогда и умереть можно спокойно.

— Ой-ты, мама, за свое. Когда захочу замуж — сама скажу! — Она взяла свечки и поднялась с топчана.— Иди, мамочка, спать. А я сама поговорю с Шаном. После Нового года отдам ему долг, и пусть оставит нас в покое. В крайнем случае заложу участок у холма. Нам и пяти сао хватит!

— Что значит, заложу? — недовольно заворчала мать. — Вечно что-нибудь выдумываешь. Заложить — значит потерять.

Куен зажгла лучину, вышла во двор проверить курятник, а Май осталась сидеть у тусклого светильника, она вздыхала и бормотала что-то про себя.

XII

Куен, разумеется, уже не раз думала о замужестве. Ей скоро исполнится двадцать пять. Разглядывая себя в зеркале, она видела в глазах тревогу: не постарела ли она, не подурнела ли?.. Иногда по ночам она едва сдерживала рыдания. Ей было тоскливо и одиноко, и ни мать, ни Тху не могли развеять эту тоску. В доме было как то пусто, так, как это обычно бывает в доме незамужней девушки. Однажды она видела во сне мужчину, он жарко обнимал ее. Она проснулась, полная смущения, и долго лежала в темноте, боясь пошевелиться. Сон этот оставил смутное ощущение тревоги.

Конечно, она хотела, чтобы у нее был любимый чело-

век, муж... Но, наблюдая семейную жизнь своих подруг, она испытывала лишь огорчение и страх. Лучше уж на всю жизнь остаться одной, чем жить так, как живет, например, тетя Бай. Да, горька женская доля!

Куен не разбиралась в политике, и однако она нередко задумывалась над тем, что говорил ей брат. Она совсем не хотела, чтобы жизнь ее так и прошла в бессмысленной борьбе с нуждой. Она мечтала о другом, она не хотела такой судьбы, как у тети и матери. Но как этого добиться? Что предпринять? На эти вопросы она пока не могла ответить.

Было время, когда Куен обратила внимание на парня по имени Ти из села Тао. Он служил писарем на железнодорожной станции в Май-кхе. Этот Ти стал писать ей о том, что давно любит ее. Он считал, что Куен может даже остаться жить с матерью и Тху. Это устраивало Куен, и она уже хотела было написать ему, чтобы он приехал поговорить с матерью, но тут произошла скандальная история, которая послужила для Куен уроком. Как-то Туэт, дочь «ученого» Дака, приехала из Хайфона домой на каникулы. Встретив Ти на станции Лай-кхе, она покетничала с молодым писарем, и тот стал настойчиво домогаться хорошенькой и притом богатой девушки. Он забросал ее нагойшими письмами, Туэт показала их подругам, а потом отослала Ти с издевательской припиской. В маленьком уезде, где все знали друг друга, история эта стала притчей на языках, и Ти, чтобы избавиться от насмешек, перевелся на работу в другой уезд. Вспоминая об этой истории, Куен до сих пор испытывала стыд. Образ Ти давно изгладился в ее памяти, но непонятная горечь оставалась, пока одна встреча, внезапная, как порыв ветра, не развеяла окончательно весь этот туман.

В тот день они только что поужинали, и Куен села за кружорушку. Вдруг на пороге появился какой-то незнакомый мужчина. Непонятно было, как он сумел подойти незаметно, даже нес задал только тогда, когда гость был уже во дворе. Увидев незнакомца, Куен вздрогнула, но тут же поняла, что этот человек имеет какое-то отношение к брату: во внешности его, в художаном лице, в быстром, умном взгляде было что-то напоминающее Кхала. На незнакомце был запыленный черный тюрбан, короткая рубашка и брюки из простой

ткани. Под мылкой он держал зонт, а через плечо у него висел коричневый узелок. Он остановился на пороге и вежливо спросил:

— Скажите, это дом тетушки Май?

Май подняла голову.

— Да, заходите, пожалуйста.

Мужчина, оглядевшись по сторонам, вошел в дом и присел на скамью.

— А ты, наверное, Куен?

— Да.

— Тебе письмо...

Куен бросила взгляд на маленький белый конвертик со знакомым почерком, и у нее задрожали руки. Но она сперва налила чаю и предложила гостю.

— Спасибо, не беспокойся, — ответил тот. — Читай письмо, а мы пока поиграем тут. Ты будешь со мною играть? — обратился он к девочке.

Тху, увидев его улыбку, тут же приняла к незнакомому дяде и, осмелев, спросила:

— А вы дадите мне ваш зонтик?

— Тху, как тебе не стыдно! — укоризненно сказала Май.

— Ничего, пусть поиграет. Значит, тебя зовут Тху?

Девочка подняла глаза на гостя, робко кивнула и снова уставилась на зонтик.

— Ну, давай играть. Хочешь, я его раскрою?

Тху радостно завивала. Когда зонт раскрылся, она запрыгала и тотчас же потребовала:

— Теперь дайте его мне...

Куен вышла в другую комнату, открыла конверт и, вывернув фитиль у лампы, с волнением стала читать. Глаза ее невольно наполнились слезами. Даты не было. Буквы были очень маленькие, но четкие.

— «Сестра, — писал Кхак, — наконец мне представляется случай послать тебе письмо. Как твоё здоровье? Как чувствуют себя мама и дочка? У меня все в порядке. Я очень тоскую по дому, беспокоюсь о вас, но, к сожалению, не могу писать часто. Мне пришлось переложить на твой плечи все — и заботу о маме, и воспитание дочери. Прости меня, сестра, но сейчас я не могу тебе ничем помочь. Я знаю, что ради матери и ребенка ты жертвуешь своей молодостью и счастьем. И это то-

же изда меня. Я виноват перед тобой, но, надеюсь, ты простишь...»

На письмо упала слеза... Да разве погмст она когда-нибудь упрекнуть его! О какой вине он пишет? Ведь она знает, какие лишения ему приходится переносить! И он еще тревожится о ней!.. Куен смахнула слезы и продолжала читать:

«...Нанини мне, как вы живете. Свое письмо передай тому же человеку. И еще одно. В саду под деревом, что растёт позади кухни, откопай сверток с книгами. Несколько романов на французском языке в мягкой обложке и одну книгу в черном кожаном переплете передай при случае учителю (нашему знакомому, ты его помнишь). А те, что в синих переплетах, отдай тому, кто принес это письмо. Он перешлет их мне. Тетради мои, которые найдешь вместе с книгами, спрячь в другом месте. Ну, вот и все. Скажи маме, пусть не беспокоится, у меня все в порядке. Поплачь за меня дочку. Не скучай! А главное — береги себя.

Твой брат»

Куен спрятала письмо и вышла к гостю. Щеки ее порозовели от волнения, глаза, еще влажные от слез, радостно блестели из под длинных ресниц. Гость удивился чудесному превращению. Несколько минут назад эта девушка казалась ему ничем не примечательной, мало того, она была, пожалуй, даже невыразной и вдруг преобразилась — просто не умиать, словно приоткрылась завеса, скрывающая какую-то ее внутреннюю красоту. Но Куен, поглощенная собственными мыслями, не заметила удивления гостя.

— Вы, наверное, издалека, — обратилась она к нему, — проголодались? Я сейчас приготовлю вам что-нибудь поесть.

— Спасибо, ничего не нужно. Не беспокойся. Да к тому же и соседи могут обратить внимание.

— Не волнуйтесь, наш дом стоит на отшибе и окружен садом. Какое там беспокойство? Вы для меня сейчас все равно что брат.

— Ты прочла письмо?

— Прочла. Брат просит прислать несколько книг. Мне надо еще найти их. Может быть, вы порекомендуете у нас, отдохните, а я пока разыщу книги и нанину от-

вет. Ночи сейчас холодные, да и как вы пойдете в такую темень — мы будем волноваться.

— Ладно. Только завтра я должен уйти очень рано...

Куен взяла лампу и направилась в комнату Кхака. С тех пор как он ушел, тут никто не жил, и сейчас в комнате было холодно и неуютно. Куен вытерла пыль, накрыла топчан новой циновкой, достала одеяло, застелила постель и опустила москитник. Она готовила постель для гостя с каким-то теплым, радостным чувством. Закончив, она поставила лампу на стол и вышла в гостиную.

— Идите отдыхайте. И пожалуйста, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома.

В маленькой дымной кухне Куен поставила на огонь котел с водой, зарезала курицу и стала готовить ужин. Она видела, как гость пошел к водоему, умылся и снова вернулся в дом. Когда она принесла ему ужин, он уже спал, но как только Куен приблизилась к его топчану, мужчина тут же вскочил.

— Надо же, заснул... — сказал он виновато.

Тху уложили спать. Май еще не дожидалась, терпеливо ждала, когда гость поужинает, она догадывалась, что это друг ее сына.

Гость ел с аппетитом. Ему, видно, было даже неловко за свой аппетит. А Май все подкладывала ему в чашку.

— Вам не приходилось встречаться с моим сыном? — решила наконец спросить она.

— Нет, знаете ли, не приходилось, — ответил мужчина.

На лице у старушки отразилось разочарование. С самого прихода гостя она лелеяла надежду подробно расспросить его о Кхаке, и вот... Гость сразу догадался, что происходит в душе матери. Он уже придумывал, что бы такое сказать ей, чтобы как-то утешить старушку, но он действительно ничего не знал о ее сыне.

— Знаете, — сказал он, — я слышал, сын ваш чувствует себя хорошо. Вы за него не волнуйтесь.

А Куен тем временем отправилась в сад и принялась откапывать тайник, нес вертелов под ногами и обнюхивал каждый ком земли. Вот он кинулся к яме и стал лихорадочно рыть землю ланами. Куен осторожно

разгребла землю руками и нащупала сверток. Верхние слои бумаги почти истлели. Пес скулил, вертел хвостом и все пытался лизнуть ее в лицо. Куен засыпала яму и со свертком направилась в дом. Там она развернула сверток — книги были в полной сохранности, только бумага чуть-чуть отсырела.

Гость поужинал. Куен убрала со стола посуду, проводила мать в спальню, потом закрыла дверь и положила на стол стопку книг. Мужчина раскрыл одну из них. На титуле было написано по-французски: Ленин. «Государство и революция». Он открыл вторую: Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он открывал книги одну за другой... Энгельс. «Анти Дюринг». Маркс и Энгельс. «Манифест Коммунистической партии». Сталин. «Основы ленинизма». Маркс. «Капитал». Том первый... Его пальцы быстро листали пожелтевшие влажные страницы.

На оклеенных темно-синей тканью обложках не стояло никаких названий. Мужчина поднял на Куен большие добрые глаза. Как очутился здесь все эти драгоценные книги? Ведь это же такое сокровище! Как помогут они им в борьбе за новую жизнь!..

Куен отложила отдельно несколько тетрадей и книг в мягких переплетах. Но где же та черная тетрадь, о которой писал брат? Кажется, эта! В тусклом свете лампы трудно было отличить черную обложку от темно-синих переплетов.

— Скажите, пожалуйста, это роман?

Гость открыл книгу: М. Горький. «Мать». Из-под толстых бровей на Куен снова глянули внимательные, добрые глаза.

— Да, — ответил он как-то смущенно и рассмеялся. — Извини... Видишь ли, я не такой пожилой, чтобы обращаться ко мне на «вы». Мне это как-то непривычно. Зови меня лучше на «ты» и по имени. Меня зовут... Кань. Это имя дали мне друзья.

— Хорошо... — Куен слегка покраснела.

— Ты хочешь переслать все это?

— Брат просил романы оставить... Посмотри, это ведь романы?

Кань перебрал все книги. «Огонь», «Война и мир», «Железная нить», «Как закалялась сталь»... Поэма «Киев»! Ее-то зачем прятать? Однако, раскрыв книгу, он

увидел, что пробелы между строк сплошь исписаны мелким почерком.

— Это сиречь, вместе с тетрадами, — сказал Кань и отобрал те книги, которые должен был взять с собой.

Вскоре Кань погасил свет, но-видимому, лег спать, а Куен села писать письмо. Она магнула перо в чернильницу и принялась старательно выводить слова, время от времени вздыхая и недовольно хмурилась, когда буквы выходили неровные.

«Брат,— писала она,— прежде всего спешу приветствовать тебя, пожелать здоровья и благополучия.

Получила твое письмо, и мама и я очень обрадовались. Мама стала уже совсем старенькая, но, слава богу, еще держится. Дочка растет послушной. Прошлый месяц она немного поболела — поднималась температура, но, слава богу, быстро поправилась и сейчас бегает по-прежнему. Я все сделала так, как ты писал. Пошлю тебе пятнадцать донгов. Не беспокойся, дома все в порядке. Да! Недавно я встретила тетю Бэй, она шлет тебе привет. В этом году стоит очень сухая погода, но я уже заняла наш участок, раскоды у нас тоже хватает. Грейнфруты в этом году прямо усыпаны цветами. Но я хочу подкупить еще и попробовать выгнать бутылочек двадцать цветочного пасты. В Хай-зыонге в кондитерских лавках его берут по донгу за бутылку. А вот от шелкокрытых червей сейчас один убыток. На тех грядках, что ты закончил в прошлом году, я посадила канусту... Она удалась. Бананы твои тоже совсем большие. А на дереве, что ты посадил за свиарником, уже большие грозды. Урожай в этом году был хороший, но у всех рис уже кончается. В огороде было немного свободной земли, так я засадила все маньшюкэй. После Нового года поведу Тху учиться. За нее не волнуйся, береги себя, будь осторожен, пиши почаще. Нам приятно будет узнать, что у тебя все хорошо. А дома все в порядке.

Твоя сестра Куен».

Дописав последние строчки, она издохнула и перечитала написанное. Ей столько хотелось сказать брату, но разве уместить все в одном письме! Куен издохнула еще раз, свернула конверт, вложила туда письмо и

деньги. Дома и было-то всего двадцать донгов, но Куен решила, что если сейчас не послать, то не известно, когда еще представится такой случай. А они как ни будь перебыются.

Куен делала, но еще долго вертелась на своей лежанке, прежде чем сон смежил глаза. Едва занесли первые петухи, как чуть слышно скрипнула дверь. Она тут же вскочила. Засветила лампу. Кань уже стоял с сумкой через плечо, готовый в путь.

— Я должен сейчас уйти. Где письмо? Больше ничего не будешь послать? Передай от меня привет маме. Лучше тебе не выходить за ворота, и оставь здесь лампу.

Куен прикрутила фитиль, открыла дверь и вместе с Канем вышла во двор.

— Ну, до свидания!

— Всего хорошего!

Незнакомец словно растворился в темноте. Туманная мгла была напоена ароматом цветущих грейпфрутов.

XIII

С начала декабря в воздухе повисла изморозь. Крестьяне целыми днями работали на полях. Одни боронили, другие высаживали рассаду. Последнее время поля лежали сухие, серые, голые. Теперь они зеленеют легкой рассадой, а с началом дождей рисовые стебельки глинисто заблестели. За дождями пошел северный ветер, потянулись пасмурные, холодные дни.

В деревнях началась пора свадеб. Сборщик налогов послал свяху к тетушке Май узнать, когда он может засылать сватов. Зная, как бедна эта семья, Шан обещал после свадьбы подарить лично тетушке Май, матери невесты, два мау земли, построить для своей новой жены отдельный дом в пять пролетов, чтобы она могла жить отдельно от старшей жены. Что касается свадьбы, то он обещал отпраздновать ее, соблюдая все обычаи и не пропуская ни одного обряда: и смотрины, и свадебный визит невесты в пользу деревни, в общем, все будет как положено, пусть люди знают, что хоть он и вторую жену берет, а почет ей — как первой.

— Все у нас будет не хуже чем у людей, — заливалась соловьем сваха, — Шан на все идет, лишь бы детей иметь. Первую-то жену, как на грех, судьба обделила. Правится ему еще, что Куен вана — хозяйка хорошая и почтительна. Откровенно скажу: согласится Куен выйти за него — на руках ее носить будет. У нас алые языки чего только не болтают! Вы, мол, семья коммунистов! А сборщик словно и не слышит ничего! Нет чтобы из порядочной семьи взить... — Сваха многозначительно помолчала. — Не всякий на это пойдет. Да, Шан, видно, разбирается в людях. При его-то положении любой был бы рад-радешенек выдать за него свою дочь. Разве мало у нас девушек, и двадцатилетних, и восемнадцатилетних, свеженьких, молоденьких! Люди понимают, что, если у новой жены родится сын, она будет старшей в семье. Ну а Шан задумал одно: хочу в жены только Куен. А все почему? В марте ездил он в Ханой к предсказателю узнать, что ожидает его в жизни. И вот этот китаец выложил ему все как есть. И надо же! Сначала рассказывал как по писаному всю его прошлую жизнь, а потом — судьбу. Выходит по всему, что судьба у Шана сложилась неудачно. Потому и не везет с детьми. Надо вам, говорит, взять вторую жену с такой же неудачной судьбой, к тому же сироту. Тогда и дети пойдут, и богатство, и счастье. Я уж не помню всего, что этот китаец ему напроорочил. Вот и решил Шан, что Куен — это его судьба. Сколько он ни прикидывал, а, кроме вана Куен, нет никого более подходящего.

Сваха просидела у Май весь вечер и, не переставая жевать бетель, все сыпала и сыпала словами, стараясь выведать у Май, как она смотрит на предложение сборщика. Тетушка молча слушала ее речи, то льстивые, то обидные, и чем больше слушала, тем печальнее становилось у нее на душе.

Стать второй женой человека, который старше на два десятка лет, — что уж говорить, счастье невеликое! Ей самой никакого добра не надо, тем более и жить то осталось не так уж много, но прочную опору в жизни для Куен было бы неплохо иметь. Но до чего же горько, что из-за бедности приходится на голом расчете строить судьбу дочери. И горько и обидно. Но когда сваха заговорила о судьбе, Май даже вадрогнула. Она

— помнила, что, когда Куен была еще совсем маленькой, муж решил погадать на нее и после все говорил, что дочь их достигнет высокого положения, но выйдет замуж поздно и за человека женатого. Может, ей и вправду так предопределено судьбой? За что же тогда посылает ей господь такую злую долю? Май была врас- терянности, не знала, как ей поступить.

А сваха допытывалась:

— Ну, так как же? Что мне ответить Шану?

— Ума, право, не приложу, как быть. Был бы сын, мне было бы легче, а одна я решить не могу. Пусть дочь сама думает. Я уж говорила с ней как-то об этом, но она не соглашалась. Я тогда Шану так и сказала. По видно, и впрямь он любит мою дочку. Попробую еще разок поговорить с Куен.

— Конечно, поговорите. Но разговор разговором, а судьбу детей решают родители. Так учит религия. Куен почитает вас, и, я уверена, если вы поговорите с ней решительно, она послушается.

— А вы скажите Шану, пусть не очень нас торопит. Ведь о судьбе дочери идет речь, тут спешить нельзя.

— Конечно, конечно!.. Итак, дело за вами. Будьте понастойчивей, тетунка Май, и все решится как надо. Ведь, откровенно сказать, в ее-то годы лучшего и не найти. Вы как мать сами должны позаботиться о ее судьбе. Закон велит детям слушаться родителей. Откуда им, молодым да неразумным, знать, что хорошо, что плохо? Что они понимают в жизни! Бывает, конечно, умираются, а выйдут замуж — смотришь, и сыты, и в тепле, и дети пошли... Вот и выходит, что мать с отцом были правы.

Сваха захихикала.

— Ну ладно, пойду. Так что, тетунка Май, подумай-те, я плохого не посоветую.

О визите свахи к тетунке Май узнала тотчас же вся деревня. Говорили разное. Одни — что жениху, мол, в дедушки пора, а он все за игрушками тинется, другие втайне завидовали Куен: нищая, а такой муж попался. Никто не сомневался, что дело это уже решенное. Шан, поистине, способствовал таким разгово-рам, а Куен с ужасом чувствовала, как ее опутывает

невидимая сеть, из которой все труднее вырваться. Это выводило ее из себя, но ведь людям рта не заткнешь. Иногда все эти переживания настолько надоедали ей, что она уже начинала колебаться. Особенно когда мать заводила разговор о том, что отец узнал про ее судьбу, когда она была еще совсем маленькой. Куен возмущалась. Какая там судьба! Коль не захочу, никакая судьба не заставит меня выйти! Однако суеверия, внушенные с малюком матери, делали свое дело. Думай себе как хочешь, а никто еще не миновал своей судьбы!

Если бы сборщик налогов прислал сватов в тот момент, когда Куен переживала историю с писарем со станции Лак-кхе, возможно, она от отчаяния и согласилась бы. Но сейчас она хотела разорвать нуты, которые с детских лет довели над ней, а недавно вешних-нувиции слабый луч надежды вдохновлял ее. Куен запомнилась мимолетная встреча с Ночным Гостем, доставшим письмо от брата. Она надежно спрятала драгоценное письмо и так часто перечитывала его, что выучила почти наизусть. Никакого отношения к замужеству Куен письмо не имело, но каждый раз, перечитывая его, она словно ощущала рядом с собой брата. О, если бы он был сейчас здесь, все сразу стало бы ясно. Но странно, чем больше думала Куен о брате, тем чаще в его образ вылетались черты незнакомого гостя — тонкие брови, большие добрые глаза и маленький, почти детский рот. Он, как и Кхак, конечно, был революционером, и даже его манера держаться напоминала брата. Нередко у Куен мелькала безотчетная мысль: вот за кого она вышла бы! И виделась то они всего один раз, но, сравнивая его с теми, с кем до сих пор приходилось ей встречаться, она невольно снова и снова мысленно возиращалась к этому человеку. Кто знает, появится ли он здесь когда-нибудь еще? Куен становилось грустно и одиноко. Этот мужчина понравился ей, но куда исчез он в то раннее утро, где он теперь? Видно, и иримь она несчастливая... Бывали, однако, минуты, когда надежда оживала снова. Не может быть, чтобы она больше никогда не встретила его. Они непременно увидятся... И Куен мечтала, что однажды он снова появится в их доме и принесет письмо от брата...

Куен изменилась. Она часто грустила, стала раздражительной, неразговорчивой. Май внимательно при-

спидывалась к ней, понимая, что дочь что-то скрывает от нее. Раньше, бывало, случись что, Куен сразу шла к матери, а теперь молчит, слова от нее не добьешься. Но чем молчаливее становилась Куен, тем настойчивее возникали у нее смутные желания, путавшие ее.

Жизнь в старенькой хижине текла однообразно, черед с собой горести и радости, волнения и тревоги. Куен с помощью Дой легко управлялась со своими шестью сно, понадобилось всего два дня, чтобы засадить небольшой участок. А тут, кетати, пошли дожди, и забота о воде отпала. Полевые работы в основном были закончены, и Куен могла заняться другими делами — надо было пнать цветочный настой, готовить конфеты на продажу: приближался Новый год, да и пора было начинать копить деньги для уплаты долга Шану. По вечерам Дой частенько заходила к Куен помочь ей по хозяйству, да заодно и поучиться у нее делать конфеты. Присутствие вдовы оживляло дом. Куен сложила на кухне две глиняные пестушки, одну, побольше, для цветочного настоя, другую, поменьше, для патоки. Водворе целый день стоял густой аромат тропических цветов, смешанный с теплыми, душистыми запахами трав, поднимавшимися от котлов, в которых тихонько булькала темная жидкость. Как только Куен начала делать конфеты, Тху стала вертеться возле нее, не отходя ни на шаг. В одну из свай дома возле порога Куен вбила большой гвоздь. Дой вынесла из кухни таз с загустевшей патокой и вылила ее на большой круглый поднос. Куен засучила рукава, натерла жиром руки и, подождав, пока густая масса немного остынет, скатала толстый жгут, зацепила его за гвоздь, стала растягивать, чтобы он стал тоньше. Мадони Куен покраснели так, точно она держала их над огнем. Зачерпнув ладонью немного сала, она быстро натерла им руки и снова стала растягивать тяжелый жгут. Жгут становился все эластичней, светлей и вытянулся уже метра на три. Теперь, чтобы растягивать его, Куен приходилось откидываться назад и приседать. Жгут тянулся и тянулся без конца. Лицо Куен покрылось испариной. Дой, внимательно наблюдавшая за ней, не могла удержаться от восхищения — ну и молодец!

Темная патока стала совсем белой, и тогда ловкими, точными движениями Куен уложила жгут на поднос. Оставалось теперь лишь разрезать его на кусочки, и конфеты готовы.

В тот же день к Куен пришла старая мать Куэс вичукой за ссипной. Она договорилась с Куен, что будет брать конфеты на продажу. Жадею несчастную старушку, Куен давала ей конфеты в долг, и та расплачивалась за очередную порцию после того, как продавала предыдущую. Приходи за конфетами, старушка каждый раз говорила овиучке, вспоминала Кои. Он работал теперь на плантациях Мати и нет-нет да и присылал ей пару хао. Однажды прислал даже платье девочке.

По вечерам, сидя у котлов с цветочным настоем и болтушкой для свиней, Дон многоголосо рассказывала Куен разные истории из жизни их села. Вдовой Дон стала несколько лет назад. Был у нее сын, но вскоре после смерти мужа он заболел, и не успела она опомниться от первого удара, как пришлось хоронить и сына. В деревне говорили, что, видно, отец сильно любил сына, потому и забрал его к себе. При воспоминании о сыне Дон всякий раз не могла удержаться от слез. Но слава богу, у нее были еще сильные руки, которые ни минуты не бывали без дела: она все время работала по найму не в одной, так в другой семье. Этим они с матерью и жили.

Вообще-то Дон была молчалива, хоть и знала немало разных историй. Бывало, работает целый день и слова не проронит, пока ее не спросят о чем-нибудь. Да и отпечатать начнет — вся краской зальется. Многие считали Дон придурковатой, однако, слушая ее, Куен убеждалась, что эта женщина была совсем не глупа. К тому же она много повидала на своем веку. Дон рассказывала Куен, что Нгуэт, дочь депутата Кхана, неизвестно почему прервала вдруг учение и вернулась домой. Как то Дон видела ее во дворе: лицо зеленое, вся какая-то отекая, словно после родов. Соан теперь целыми днями ухаживает за ней. Дао тоже теперь к ней приставлена. А перед этим они с хозяйкой ездили в Ханой — забрать Нгуэт из французской больницы, где она пролежала полмесяца. Сейчас Нгуэт целыми днями лежит в постели и плачет. Мать то и дело заходит к ней в комнату. Закроются вдвоем и все говорят, говорят о чем-то. А как-то раз сам депутат к ней пришел, да как начал орать.

Ладн было сунулись туда, так он их чуть с лестницы не сдустил. Соан шепнула по секрету Дон, что Инует, кажется, пагуляла себе живот в Ханое. Родители заплатили доктору и сделали аборт. А узнали все от той же дошанной Дао. Когда приехали в больницу, она успела расспросить нянечку, что с Инует. Та и говорит: «Греха они не боятся. Не дали ребенку жить, вот он им отомстит. Сколько потом ни будет зачинать, младенцы будут мертвыми рождаться».

Иногда к ним по вечерам приходил посьдеть Кунг, известный в округе пахарь. Он жил бобылем в семье двоюродного брата, и хоть жил вроде у своих, а работал на них на совесть, не хуже племянного работника. Брат обещал выделить Кунгу немного земли, когда тот обзаведется семьей. Но Кунг все не женился, и брат держал его у себя: все, мол, веселее. Кунг зашел однажды ночью Куен слепить глиняную пещурку, а потом зачастил. Придет на кухню, сидит в углу, плетет корзиночки да слушает рассказы Дон. С Дон они и парой слов не перекинутся, но оба засиживались до полуночи. У Куен уже глаза слипаются, а они все сидят. Однажды посмотрела на них Куен и рассмеялась.

— Чего вы ждете, взяли бы да и поженились! Давайте я буду свахой.

Дон покраснела до корней волос, вскочила и убежала. А Куен спросила Кунга:

— Ну, а ты как, согласен жениться на Дон?

Пахарь смутился.

— Да разве она пойдет...

— Еще как! Ладно, предоставь это дело мне.

На следующий день Куен зашла к Дон. Увидев, что Куен смеется, та шлепнула ее по спине.

— Ты что зубы скалывишь?

— Да как же не свалить! Ты мне честно признайся, согласна пойти за него?

Дон сделалась совсем пунцовой, а Куен залилась смехом. Потом обе уехали на пристуике.

— Шутки шутками, — сказала Куен, — но я думаю, тебе надо выйти за него. Человек он добрый, мухи не обидит. Правда, бедные вы оба, ну да не беда. И ты, и он от работы не бегаете, не успеете оглянуться, как все, что нужно, у вас будет.

Дон слушала, не поднимая глаз.

— Да я ничего. Я ведь не девушка, мне нечего бояться. Когда второй раз выходишь, главное, чтобы человек стоящий был. Потому как в третий раз выходить не годится. Одно меня смущает, где жить будем, не укивусь я у его брата. Ну, да ладно, поговорю с матерью, что она скажет.

Куен посоветовала Кунгу самому поговорить с матерью Дон. Тот собрался с духом и пошел.

Я не буду перечить, — ответила ему мать, — но ты должен купить ей юбку, длинное платье и шелковый пояс-кошелек. А что до свадьбы, то пусть будет попроще. Приготовь только четыре подноса разных блюд на поминовение предков и пригласи родственников. Потом две сотни арахисовых плодов и бетеля, сколько нужно, поднеси в подарок зятям. Невесту лучше встречай у брата, а то, если у нас, пойдут, пожалуй, разговоры.

Куен сауизала и думалась. С ума, что ли, сошла старуха! Невеста-то вдова, а она о настоящей свадьбе толкует. Пока растерявшийся Кунг собирался с ответом, Куен поспешила прийти ему на помощь.

— Все это, конечно, правильно, матушка, но вы подумали сейчас только о дочери. А надо думать о них обоих. Одежду они себе успеют справиться, не один год им жить вместе. Будут деньги — все купят. А если жених сейчас залезет в долги, им потом всю жизнь придется горько гнуть, чтобы расплатиться с ними. Ты, Кунг, дай матушке немного денег, пусть она купит себе поросячка или истратит их по своему усмотрению. Свадьбу Дон один раз уже справляли, были и гости и поминовение предков, все как полагается, а на этот раз можно отпраздновать и в нашем доме. Не стоит Кунгу разводить эту канитель у брата.

Старуха еще долго что то недовольно бормотала, но, когда Кунг протянул ей десять дойгов, она наконец согласилась.

Свадебный обед накрыли в доме невесты. Жених достал угрей, купил на рынке вермишели из рисовой муки, соевого пудинга и бутылку водки. Куен принесла им курицу. Сварили лапшу с куриными потрохами, на закуску мелко нарубил курятины, к соевому пудингу подали соевый соус из креветок. Приготовили угрей и два полных блюда вареного риса. Получилось два больших подноса, уставленных угощением. От жениха были толь-

ка брат с женою. От невесты гостей было больше: тетушка Муй, лекарь Зю с Тхао, тетушка Май и Куен. Дон ходила к самому Кханю просить, чтобы отпустили на свадьбу Соан, но Кхань и слушать не захотел.

Свадьба получилась скромная и не очень веселая. Брат Кунга и его жена были явно недовольны, что у них появилась новая родственница. Теперь придется отрезать Кунгу целое шао земли.

XIV

Ночь была холодной. Тускло светила луна. Здесь, за городом, Кыа текла среди тростниковых зарослей, тянувшихся вдоль берега несколько километров. Вдали, над Хайфоном, стояло багровое зарево. Электрический свет города словно отодвинул тьму, и в эту сияющую пустоту выбрасывая свой белый дым цементный завод. Ветер подхватывал дым, уносил в сторону, и он стался по земле.

С моря дул соленый ветер, он проносился над тростником и дальше, над всей безлюдной равниной. Казалось, только в бескрайних просторах холодной ночи гуляет один лишь ветер. Но вот на берегу появилась небольшая группа людей. Они, словно тени, быстро скользили по тростнику. Их силуэты на мгновение мелькнули на фоне неба и тут же исчезли среди зарослей тростника. Вскоре показалась новая группа. Люди шли из окрестных сел, из рабочих поселков, из бедных пригородов Хайфона. Шли разрозненными группами, не зная друг друга, даже не различая в темноте лиц, но все они шли на митинг. Митинг! Вряд ли среди них нашелся бы хоть один, который знал, откуда появилось это незнакомое слово и что оно означает. Но в памяти у всех было живо воспоминание о том, как совсем недавно при слове «митинг» толпы людей заполняли улицы, и каждый чувствовал себя во сто крат сильнее.

Но этот митинг проходил ночью, тайно, в глухих зарослях тростника. Люди подходили и группами рассаживались вокруг дерева. Их было уже более полусотни. С того края, где мелькали косынки, послышался сдержанный женский смех, но он тут же стих. Холодный ветер то раздувал тонкие рубашки, то прижимал их к телу. Лю-

ди ежились и покрихтывали. Даже те, кто был одет в вьетнамские штаны, сидели, поджав воротники и втиснув голову в плечи... «Э хе-хе!.. Ну и холодище!..» Кто-то от холода стучал зубами. В толпе то тут, то там возникал приглушенный разговор, слышался сдержанный смех. Люди старались уловить потеченье, чтобы хоть немного согреться.

Но вот к дереву подошел какой-то мужчина. Лицо его невозможно было различить в темноте.

— Соотечественники! Товарищи!.. — Разговоры тотчас смолкли. Эти два слова, такие непривычные, заставили всех насторожиться, люди затаили дыхание и с волнением ждали, что скажет незнакомый оратор. — К нам пришел представитель Коммунистической партии Индокитая рассказать о положении в стране.

Говоривший отошел и сел, смешавшись с толпой. Кхак подошел к дереву.

— Небось от доклада в такую погоду не очень-то согреешься.

Неожиданная шутка вызвала оживление. Кто-то из задних рядов громко ответил:

— Ничего, товарищ, говори! Знали, куда шли, потерним...

Кхак не видел лиц сидящих в темноте людей, но он чувствовал, что они с нетерпением ждут, что он скажет.

— Прошло около пяти месяцев с тех пор, как началась война империалистов Франции и Англии с итапо-германскими фашистами. Давайте посмотрим, что же принесла нам она, эта война между капиталистами?

Кхак начал с того, что рассказал, как подскочили налоги: только в Северном Вьетнаме общая сумма налогов за год превысила прошлогоднюю более чем на миллион донгов, причем особенно возросли так называемые налоги оборонного значения. Но почему, собственно, оборонного? На чью оборону идут эти деньги? Власти продолжают облагать народ новыми, совсем уже бессмысленными налогами: за переезд на новое место жительства, за пользование электричеством, водой. С помощью своих прихвостней французы создали «Общество франко-вьетнамского братства», повсюду устраиваются благотворительные ярмарки, киносеансы, футбольные матчи, вечера с «добровольными пожертвованиями», и все это для того, чтобы выкачать из народа побольше денег...

Кхак сделал минутную паузу. Все молчали. Когда он произнес: «Общество франко-вьетнамского братства», кто-то из женщины презрительно фыркнул. Кхак чувствовал молчаливую поддержку слушателей. Он заговорил горячо, всё больше и больше увлекаясь.

— Мало того, они усилили и прямую эксплуатацию трудящихся. В стране голод нищета и бесправие. Французы хищат всех, кто выступает в защиту интересов народа. Они распустили товарищества рабочих, намереваясь отвоевать и те мизерные уступки, на которые вынуждены были пойти под нажимом трудящихся. Хозяева вновь увеличили рабочую неделю до шестидесяти двух часов. Служащие должны теперь поочередно работать по воскресеньям и праздникам. Всюду, и особенно там, где рабочее движение ослаблено, где рабочие разрознены, хозяева чинят произвол, увеличивают рабочий день, сокращают число рабочих. Так, швейную фабрику они хотят перевести с трехсменного режима работы на двухсменный по двенадцать часов в смену, и уволить таким образом более тысячи человек.

— Верно! — громко крикнул кто-то из толпы.

Люди зашумели, и слушатели и оратор давно забыли про холод.

— И все это делается под предлогом оказания денежной помощи метрополии, «матери Франции». Но это их, а не наша родина! Капиталисты, отравившие себе брюхо на грабеже трудового люда, продолжают обогащаться. В Уонг-би они урезали зарплату рабочим. Десятки тысяч трудящихся ждут безработица, голод, нищета, бесправие!..

Голос Кхака дрожал от напряжения. Вокруг стояла мертвая тишина.

— И наконец, посмотрите, что делается в наших семьях. За каких-нибудь несколько месяцев только из Северного Вьетнама было отправлено во Францию более семидесяти тысяч вьетнамцев. Это значит, что в семидесяти тысячах семей у жен отняли мужей, у родителей — сыновей и бросили их в мясорубку войны. Они отбирают под свои аэродромы нашу землю, сносят наши дома. В районах Сав-бо они сражались с землей целые деревни, захватили сотни мау крестьянской земли. Нет ни одной провинции, из которой бы не забирали людей на принудительные работы. Десятки тысяч рабочих загнаны за

колеблющую проволоку, где они живут под открытым небом, как в горючих камерах. Но война продолжается. Жизнь станет еще тяжелее. Скоро они начнут отбирать у нас рис! У журавля та же судьба, что и у всех птиц, у крестьянина та же беспросветная жизнь, что и у рабочего! Братья! Мы стоим у последней черты, за которой — смерть!

Людам, сидящим на земле, казалось, что не этот незнакомый человек говорит им, а они сами высказывают свои сокровенные мысли. Казалось, его сердце бьется в одном ритме с их сердцами и мучают его те же тревоги, что и сотни тысяч бедняков, их братьев.

Война делает только первые шаги. С каждым днем она становится все более жестокой, принимает все более варварские формы. Японцы стоят на границах нашей страны. Они требуют от французов прекратить переброску чайнайши-там грузовиков, бензина и других военных грузов, в противном случае грозят вооруженным вмешательством. Французы пока пропускают эти угрозы мимо ушей. Но японцы внимательно следят за тем, что происходит в нашей стране. Их давно привлекает этот лакомый кусочек. Французы не желают опереться на народ, чтобы отстоять Индокитай. У них одна забота — нагнать побольше добра, набить карманы, и они не выстоят против кровожадных хищников японских фашистов. Рано или поздно японцы оккупируют нашу страну и принесут с собой разрушение и смерть. Наш народ ждет неслыханные испытания! Мы не можем сидеть сложа руки, дожидаясь, пока беда придет в наш дом. Отсутствие единства и сплоченности смерти подобно! Страх и уныние — это путы, которые сковывают наши действия. Перед лицом смерти нельзя опускать руки!

Как говорил со страстью, он словно бросал в эту толпу свои мысли, свою веру.

— Бездействие — это смерть! Только в борьбе сможем мы обрести жизнь. А для борьбы нужно единство, нужна организованность. У всех у нас одна судьба, одна доля, и, если кто-то начал борьбу, другой должен без колебаний встать рядом, если выступило одно предприятие, остальные должны его поддерживать, если поднялось одно село, соседнее не должно молчать. Идите за нашей партией, идите за коммунистами! Боритесь против увольнений и увеличения рабочего дня, против угона во Фран-

царю ваших мужей и сыновей, против трудовых повинностей и захвата земель. Боритесь, используя всевозможные формы: от переговоров с хозяевами до забастовок и демонстраций. Не давайте французам обманывать себя, затуманивать мозги ложной белтовней! Не отдавайте им ни одного су! Боритесь за то, чтобы ни один вьетнамец не был взят в их армию! Придет час, и жарод нани войстанет, образит ихземное иго, освободит родную землю и возьмет власть в свои руки. Он придет, этот час! Он уже не за горами! Наша совместная борьба приближает его!

Кхак остановился. Он задышался, словно преодолел крутой подъем. С минуту все молчали, потом раздались отдельные всхлибы, и вдруг, точно по команде, все взволнованно заговорили.

— А теперь разрешите мне зачитать обращение хайфонского горкома Коммунистической партии Индокитая.

Кхак вынул из кармана сложенную вчетверо листовку и, осветив ее электрическим фонариком, затмевшим куском синей ткани, начал читать: «Обращение к согражданам. Соотечественники! Братья и сестры! Трудовой народ! Юноши и девушки, представители интеллигенции, солдаты...»

В горком Кхак возвращался за полночь. Тропинки и дороги были безлюдны. Он шел вдоль зарослей тростника, потом свернул по еле заметной тропинке в банановую рощу, где стоял небольшой бамбуковый домик. Кхак обогнул дом, отодвинул в сторону коню сена, скрывавшую лаз, и, пригнувшись, пролез в крохотную камеру. В темноте послышался голос Лапа:

— Это ты, Зёнг?

— Да, я.

Кхак засветил лампу с законченным стеклом. Тусклый свет упал на голые доски топчана, служившего и столом и кроватью. Камерку трудно было даже назвать комнатой: здесь едва уместился топчан. На топчане лежало несколько стопок белой бумаги, литографский камень, вазик и выцвётленная чашка с лимонами. В углу на оханке сена, сжавшись в комочек, спали Лап и мальчик лет двенадцати.

— Тебе тут принесли два письма и пачку книг.

— Значит, связной вернулся?

— Да.

Лап сел. Глаза у него совсем слипались, и он принялся резкими движениями растирать грудь и плечи.

— Ну и холодина!

Кхак снял куртку и кинул ее Ману. Куртка была старая, но куртка, а ветонь.

— Спи, а я еще немного посижу.

Лап снова улегся, стараясь укрыть курткой и малячика.

Книги были от Куен. Письмо, свернутое в небольшую трубочку, похожую на кокон, было от Ле, а на маленьком конвертике не было никакой надписи.

Кхак стал читать письмо Ле.

«К., — писал он, — посылаю тебе книги и письмо из дому. Несколько книг я оставил для ПКСВ¹, некоторые послал в ЦК, пришли их позже. А ты, как только тебе будут не нужны те, что я прислал, отшли они опять мне. Займись переводом или переложением «Основ ленинизма». Эта работа необходима нам для подготовки кадров. Если не удастся напечатать, пришли в ЦК, напечатаем на месте. Получил от тебя «Искру». Молодцы! Слышал, у нас отянувший литограф, не могли бы вы перебросить его на время к нам? Скоро будем отмечать юбилей «Трех Л»². Что думаете делать в связи с этим? Как там дела у солдат из рабочих батальонов и на строительстве аэродрома? Двенадцатого по лунному календарю придет наш человек, передай ему все дела и приезжай ко мне, как условились. В случае чего ищи меня в пагоде У. Будь осторожен, предельно осторожен! Л.»

Кхак перечитал крохотный листок, исписанный бисерными буквами. Потом вскрыл конверт без надписи. При первом же взгляде на письмо лицо его просветлело, губы сами собой растянулись в улыбке: письмо было от Куен. Кхак не спеша, внимательно читал строчку за строчкой, читал и улыбался -- он словно видел перед собой Куен: вот она сидит и пишет письмо, пересказывая ему все домашние новости, стараясь не пропустить ничего. Погода сухая, но рассады хватает. Овощи удались, бананы уже большие. Собирается гнать цветочную настой

¹ Партийный комитет Северного Вьетнама

² Ленин, Либкнехт, Люксембург.

ку из грейнфругов. «Грейнфруты в этом году прямо усыпаны цветами...» Кхак живо представил себе их садик и будто ощутил знакомый аромат грейнфругов, который доносился из почного сада, когда он засиживался над переводами старинных книг. А эти пятнадцать донгов... Видно, последние... Но как они кстати! Лан требует бумаги, красок, а ведь еще нужен и шрифт...

Кхак долго сидел и улыбался, весь во власти мыслей о доме. Наконец он поднялся, сжег оба письма и улегся спать. Однако он долго не мог заснуть — мысли о доме и прошедшем митинге не давали покоя. Митинг, кажется, прошел неплохо... Жаль, что никак не удается установить связь с солдатами из рабочих батальонов. Все их выступления разрозненны и неорганизованны. Это еще не настоящая борьба... Рабочие бегут со строительства аэродрома... Ле напомнил, что близится годовщина Ленина, Люксембург и Либкнехта... По европейскому календарю уже начался Новый год. Через месяц с небольшим наступит Новый год и у нас. Что-то он принесет.

XV

Кхак жил и работал в домике, где разместилась типография. За тот месяц, который он прожил в Хайфоне, ему удалось привлечь к работе наборщика Лана. Затем Гай переселила их в дом к своей бабушке, где решили разместить и горком партии. Бабушка жила в селе, недалеко от уездного центра, и, опасаясь, что здесь их легко может обнаружить полиция, Кхак перешел на новое место, рассредоточив типографию и группу связи. Теперь даже Гай, основной их связной, не знала, где находится типография. Место для типографии Кхак подыскал случайно. Обычно, навещаясь в город, Кхак переправлялся через речку на пароме. Рядом с переправой стояло несколько крохотных лавчонок. Там он и повстречал Кеия, уличного парикмахера. Кхак обратил внимание на этого парня, приметив, что на внутренней стороне ящика его походной цирюльки была приклеена небольшая карта мира, в территория СССР была закрашена красным карандашом. Кхак спросил его с простодушным видом:

— Это что за страна?

-- Россия.

— Это там, где коммунисты у власти? Там, кажется, народу несладко живется.

— Не знаю. Только там, говорят, нет ни бедных, ни богатых, ни королей, ни мандаринов.

Так они познакомились, а вскоре стали друзьями. Однажды Кень пригласил Кхака к себе. Он жил вдвоем с матерью. Хотя ей было за шестьдесят, это была еще довольно крепкая женщина. С тех пор Кхак часто бывал у них, и мать Кени относилась к нему как к родному. Узнав, чем занимается Кхак, они еще больше полюбили его. Теперь Кхак приходил к ним в дом как свой человек. Когда же он спросил, не могли бы они с товарищем поселиться у них в доме, мать Кени сказала только: «Здесь у нас тихо, дом на отшибе, но сами видите, какая у нас бедность. Устроит ли вас это?» Вначале Кхак и Лан поселились в маленькой комнате в глубине дома. Целый день они были одни: мать Кени с утра уходила жать траву, собирать навоз и возвращалась поздно вечером. Кень искалечил чуть свет и, подхватив свой ящик, шепнул к парому. Домой он возвращался, когда уже темно. Односельчане знали, как трудно живут мать с сыном, и редко кто заходил в этот крытый камышом домик на самой окраине деревни.

Кхак и Лан целыми днями работали в комнатке, не высовывая носа из дому, и даже парашу поставили в своей комнате — точь в-точь как в тюремной камере. Только когда совсем темно, они выходили подышать свежим воздухом и немного размяться. Но и тогда разговаривали только шепотом. Если Кхаку нужно было уйти по делам, он обычно дожидался темноты. Он знал тропку, которая через камыши вела в поле. Возвращался он всегда около полуночи или под утро, как только забрезжит рассвет.

Однажды к дому Кени примчалась целая ватага мальчишек. Обитатели задней комнатки сидели не дыша, боясь, как бы какой-нибудь озорник не вздумал заглянуть в дом, пока нет хозяев. Но ребята ограничились тем, что побегали по двору и по саду, и вскоре ушли. Кхак и Лан перевели дух.

После этого случая с согласия Кени они перестроили часть дома, где находилась их комнатка: замуровали дверь, а чтобы можно было проникнуть в каморку, сде-

зали лаз с задней стороны дома. Лаз прикрыли старенькой плетенкой и замаскировали кошкой сена. Теперь если бы кто и вздумал обойти весь дом, то и тогда не обнаружил бы их комнатушку.

Целыми днями они работали при слабом свете, проникавшем в каморку сквозь щели в соломенной крыше. Особенно тяжело было Лану, который вообще почти не выходил из комнаты. Лишь иногда, в солнечные дни, мать Кеня, убедившись, что крутом ни души, тихонько звала его: «Лан, выходи, сынок, погрейся!» Лан ненадолго вылезал из своей норы в сад и сидел на солнышке. Отвыкшие от яркого света глаза его постоянно щурились, лицо стало серым, отечным, а руки до того исхудали, что суставы выпирали узлами.

Работы у типографии прибавлялось с каждым днем. Тогда-то Кхак и пригласил Ланга, старшего сынишку сестры Лана, — мальчик работал чистильщиком обуви. Ланг стал помогать Лану, а кроме того, он держал связь с Гай, доставлял ей листовки, приносил от нее почту. Вначале литографским камнем им служила обожженная глиняная плита, а краску заменяли обыкновенные фео-летовые чернила. Потом Кхак решил печатать с восковки. Однако достать восковку было сложно. Агенты тайной полиции уже приняли меры — восковку продавали только в двух французских магазинах, причем покупатели обязаны были предъявлять документы и за ними тут же устанавливали слежку. Но Лан, печатник-профессионал, никак не мог смириться с кустарными методами работы; однажды он выпросил у Кхака несколько донгов, поехал в Хайфон. В городе он разыскал друзей из типографии газеты «Курьер» и вернулся с настоящим литографским камнем, двумя валиками и несколькими пачками краски. Помимо этого, он привез целую мяску типографского шрифта. Лану не терпелось печатать настоящим шрифтом, но буквы были французские, без тональных значков. Кроме того, шрифт, как обнаружил Кхак, был настолько необычный, что первые же листовки, напечатанные этим шрифтом, привели бы полицию в типографию «Курьер». Так что от шрифта пока пришлось отказаться. Кхак считал, что даже рукописные листовки, размноженные в их типографии, были огромным успехом. Но Лан не оставлял мысли раздобыть вьетнамский шрифт.

Типография работала теперь бесперебойно. Кхак писал небольшие брошюры простым, понятным для всех языком и вынуждал таким форматом, что их легко можно было спрятать в кармане. Они распространялись их везде, где только было можно. Потребность в брошюрах росла. В темной камере было отмечено «Обращение к согражданам», подписанное Хайфонским городским комитетом. В одну ночь оно было расклеено по улицам, и все в городе узнали, что коммунистическая партия существует, что она призывает всех бороться против империалистической войны. Дважды в месяц стала выходить газета «Нескра», на двух страницах, тиражом двести экземпляров. Кхак едва успевал справляться с работой, ему приходилось часто бывать на собраниях, вести организационную работу. К тому же он сам писал все материалы в газету, вплоть до стихов.

Несметно на репрессии, семена, посеянные той темной ветреной ночью, начали давать всходы. Рабочее движение пробивало себе дорогу. Так молодые посеянные побеги пробиваются вначале среди голого галечника, а там, смотришь, все вокруг покрывается зеленой порослью. Кхак чувствовал, что в памяти народа еще свежи бурные события недавних лет, когда действовал Демократический фронт. Сейчас люди вынуждены были молчать, но разве вытравить из памяти волнующие картины демонстраций и забастовок, приводивших в трепет врагов! Вот почему, стоило людям услышать клич, зовущий на борьбу, увидеть на стенах домов знакомые листовки, узнать, что партия жива, что она действует, все пришло в движение. Несколько партийных ячеек, которые удалось восстановить на цементном и фосфатном заводах, на шелковичной фабрике и в поселке Лак-виен, были первыми ласточками...

Число партийных организаций росло. В коммунистическую партию стали вступать учащиеся, мелкие торговцы и служащие. Кхаку удалось создать партийные организации в нескольких пригородных уездах. Он решил укрепить не только городские организации, но и создать прочную сеть организаций в пригородах, окружить город настоящим революционным кольцом и тогда начать планомерное наступление на врага, главные силы которого были сосредоточены в Хайфоне. Однако в уезде Тхюнг-хуен, где располагался горком, надо было действовать

крайне осторожно, чтобы не привлечь внимания тайной полиции. Но чем шире разбуртывалось движение, тем острее ощущалась нехватка руководящих партийных кадров. Лап был прикован к типографии, на Гай лежала вся связь, а сам Кхак был постоянно занят работой в первичных организациях, подготовкой кадров, проведением собраний в селах, встречами с прогрессивными общественными деятелями и интеллигентами, искавшими связи с революционным движением.

Не хватало и денег. Они нужны были не только для того, чтобы обеспечить работников горкома, но и чтобы покупать материалы для типографии.

Кхак направил все внимание на подготовку кадров, в первую очередь надо было подготовить Лапа и Гай. Гай была смелой, умной девушкой, хорошо знала Хайфон и его пригороды. С одиннадцати лет начала работать на каменных карьерах и в угольных шахтах, а потом и в самом Хайфоне. Так что от каменоломен Чанг-кеня до причалов Бинь на реке Там-бак у нее повсюду были друзья. Кхак обучал Гай грамоте и арифметике. По вечерам, когда она возвращалась с задания, Кхак беседовал с ней и о политике. Обычно они шли в сад или в поле и, устроившись где-нибудь на холме, беседовали. Кхак рассказывал Гай о коммунистическом движении, о Марксе и Ленине, объяснял основы материалистического мировоззрения, теорию прибавочной стоимости, идейные и организационные принципы партии, говорил о пропагандистской и агитационной работе, о борьбе народных масс. Однажды Кхак рассказал Гай о Советском Союзе. В тот вечер они оба дали волю воображению и мысленно перенеслись в страну, о которой знали только понаслышке. Такая далекая и такая близкая! Кхак подумывал уже, что через два-три месяца нужно будет подыскать другого связного, а Гай поручить несколько пригородных уездов и ввести ее в состав горкома. Лапа же он решил проверить еще немного на работе и рекомендовать в партию.

Однажды вечером Кхак пришел в группу связи поговорить с Гай о встрече с представителем партийного комитета Северного Вьетнама. Они сидели в кухне — здесь было не так холодно.

— Сегодня семнадцатое? — спросил Кхак.

— Нет, уже восемнадцатое!

— Тогда, значит, послезавтра к нам придет гость из центра.

— Куда его отвести?

— Пока в Ват-кать, где мы обычно встречаемся с партийными работниками. Завтра я буду в Хайфоне, а послезавтра на обратном пути заеду туда.

— Хорошо, я встречу его и провожу прямо в Ват-кать. Там мы будем ждать тебя.

— Ты не забыла, завтра надо еще сходить за бумагой?

— Нет, не забыла.

Кхак задумался. На центра ему на смену присылают Тхиста. На последней встрече Ле сообщил, что Тхисту поручено руководить работой в зоне Б и одновременно исполнять обязанности секретари хайфонского горкома. Отлично! Кхак вспоминал тот вечер, когда Хой вернулся из Ханоя и рассказал об аресте жены Тхиста. Самому Тхисту тогда удалось скрыться. Кхак не ожидал, что ему придется с ним встретиться здесь. Правда, Ле при первой же встрече дал понять, что после восстановления организации в Хайфоне центр собирается поручить Кхаку другую работу — какую именно, будет ясно после того, как он передаст дела Тхисту и вернется к Ле. Работа, конечно, везде найдется, но сейчас Кхаку никуда не хотелось уезжать. Он уже обосновался здесь, нашел необходимые формы работы... А может, все дело в Ан? Кхак отрицательно покачал головой. Нет! Хотя это, безусловно, имеет значение...

— Тебе знаком человек по имени Конг? Он работал на шелковой фабрике, — спросил Кхак.

— Как он выглядит?

— Лицо бледное, золотой зуб.

— А-а! Он, кажется, работал секретарем в каком-то учреждении, а в тридцать восьмом, во время забастовки, был арестован и несколько месяцев просидел в тюрьме.

— А потом что делал?

— Точно не знаю. После освобождения он вроде открыл часовую мастерскую где-то в Мак-вине. Да, да, это он. Такой пенисовый, с золотым зубом.

Несколько дней назад Мок, довер с причалов Сау Кхо, который жил в поселке Мак-винь, передал Кхаку, что Конг хочет встретиться с кем-нибудь из партийного руководства. Конг сказал Моку, что сотрудничал с товари-

ицем Льюисом в прежнем торконе, что они знали друг друга с тех пор, когда работали на шетковой фабрике. После того как Льюиса арестовали, Конг потерял связь с партией, но продолжал самостоятельно вести работу среди сочувствующих. И вот, увидев на улицах листовки, решил восстановить связь с партийной организацией.

Помнявшись немного, Гай спросил Кхака:

— Скажи, Зен, ты не сумеешь заглянуть к Ан, когда будешь в Хайфоне?

— Конечно. Если тебе нужно что-нибудь передать, я сделаю это. Завтра буду у нее и послезавтра прямо оттуда пойду в Ват-кать.

— Ан очень ждет тебя... — Гай пристально посмотрела на Кхака. — Слушай, почему ты стал избегать ее? Ведь она тебя любит!

Кхак покраснел.

— Ну а что я могу сделать? Ты же знаешь, что у меня за жизнь. Моя любовь ничего, кроме страдания, другому человеку не может дать.

— Ни черта ты не понимаешь! Вот так ты скорее можешь принести страдания тем, кто тебя любит. Ведь Ан, бедняжка, такая искренняя и такая застенчивая, она ни за что не станет никому навязывать себя.

Кхак стал совсем пунцовым и только растерянно улыбался.

— Ладно, не будем больше об этом... Давай лучше заниматься!

Гай подбросила колесо в очаг. Сегодня Кхак рассказывал ей об особенностях положения крестьян в колониальных странах, испытывающих двойной гнет: и своих помещиков и чужеземных эксплуататоров.

Гай слушала его не отрываясь. Когда он кончил говорить, она разгребла золу и выгнала несколько клубней батата.

— Теперь поешь, — сказала она.

Кхак взял горячий клубень и, подув на него, стал снимать кожуру.

— Может, я не права, — заговорила Гай, — но мне кажется, что в деревне работать куда легче, чем в городе. Здесь простор, и мы тут как вольные птицы, попробуй найди-ка нас. Так почему же мы не ведем работу в селах? К примеру, в этом селе. Если бы нам удалось тут привлечь на нашу сторону хотя бы несколько семей, мы

бы почувствовали себя спокойнее. И что бы ни случилось, здесь у нас всегда была бы надежная база. А если восстание? Народ в два счета захватил бы в селе власть. Ведь здесь всего-навсего один староста, сборщик налогов да начальник сельской стражи!

Кхак внимательно слушал Гай. Его ученица явно делала успехи. Гай заставила Кхака задуматься. Действительно, почему бы не сделать деревню плацдармом, а не только убежищем на случай репрессий? Почему бы не захватить власть в деревнях еще до того, как удастся захватить ее в городе? Опыт советов в провинции Нге-ан, возникших в тридцатом году, доказал, что крестьяне способны сами взять власть в свои руки, что деревня может стать опорной базой революционного движения. А ведь советы в Нге-ан возникли еще тогда, когда силы империалистов были велики. Если же французы переделаются с японцами, нужно использовать момент и начать действовать в провинциях прибрежной полосы. Нужно создать опорные базы во всех приморских уездах. Что ж, это вполне реальная вещь! Здесь и просторно и местность пересеченная. Реки, горы. В Бать-данге, например, в Фа-лае, в Иен-ты или в Донг-соне. Недаром мудрый Нгуен Чай сказал когда-то, что «в этих местах двое выстоят против сотни». Голос Гай вывел его из задумчивости.

— Ты что же не спишь? О чем размышляешь?

XVI

С тех пор как через Северный Вьетнам пошли военные грузы в Китай, Хайфон стал лакомым кусочком для дельцов. словно стая стервятников, слетелись сюда всевозможные коммерсанты, каждый старался отхватить себе ломоть пожирнее, тем более что это не стоило им больших усилий. Вместе с толпой подрядчиков, коммерсантов, капиталистов и чиновников, которые попадали сюда из Шанхая, Нанкина и Кантона, в Хайфон слетелись проститутки, рестораторы, адвокаты, посредники, прорицатели всякого рода, специалисты по венерическим болезням, содержатели игорных домов и опиумокурильщи... И вся эта публика металась по учреждениям, спекулировала, играла в карты, проводила ночи в опиумокурильных или

в ресторанах, под стук игральных костей, под лихорадочные ритмы модных танцев, под визгливый хохот проституток. Портной город, который обычно жил тяжелой трудовой жизнью, сейчас вдруг стал городом роскошных машин, отелей, ресторанов, дансингов и публичных домов. На центральных улицах можно было увидеть самые разнообразные наряды, строгие и крикливые, дорогие и дешевые. Хайфон перешеголял, пожалуй, Сайгон и даже столицу. Но лакомый кусок постепенно загнивал, издавая зловоние, привлекая мух, закопшились черви... Чем быстрее приближалась война, собиравшая тучи на горизонте, чем громче раздавался у границ Вьетнама марш японских дивизий, тем лихорадочнее суетился весь этот темный мир дельцов, скупающих побольше урвать, пока хищник, раскинувший свои черные крылья, не опустился на добычу.

Но рядом с дельцами всех мастей и оттенков, рядом с прожигателями жизни здесь жил трудовой люд, положение которого становилось с каждым днем все более невыносимым. По улицам бродили толпы безработных, готовых ваяться за любую работу. В пригородах строились лагеря для рабочих батальонов, ожидающих отправки во Францию, и для чернорабочих, согнанных на принудительные работы. Лагеря были обнесены колючей проволокой и сторожевыми вышками. К проволочным заграждениям лепились дешевые харчевни, чайные, лавочки. По потокам сюда стекались уличные проститутки. Однако, когда наступал конец дневной смены, Хайфон становился неузнаваемым. Отовсюду: с причалов порта, с бензоскладов, с цементного завода, из кварталов Ха-ли, с шелковой фабрики, с вокзала — в предвечерних сумерках неслись фабричные и заводские гудки. Сливаясь друг с другом, густые и тонкие, слабые и мощные, далекие и близкие, они точно лились с неба, заполняя все вокруг вибрирующим гулом. И серые людские потоки затонали на улицах, на которых уже начинали зажигаться фонари. Целый час не смолкал на улице стук деревянных подошв, шарканье туфель, плескание деревянных сапгалей и босых ног. Шли носильщики угля в черных шароварах и пропотевших коричневых рубашках, в носках, с черными косынками на шее. Рабочие механических мастерских в потертых кеках шли, засунув руки в карманы грязных золотанных брюк. Шли бледные машинистки

и продавицы — служащие французских фирм. Поточницы возвращались в пригородные поселки, неся на коромыслах свой товар. Разноцветные огни реклам и фонарей скользили по усталым, потемневшим лицам. Из дверей магазинов и открытых окон французских villas праздная публика с невольной робостью смотрела на серую людскую реку. В этот час Хайфон явно принадлежала не им. Она принадлежала людям в черных шароварах, засаженных куртках, пропотевших рубашках.

Кхак старался попасть в Хайфон именно в этот час — так легче затеряться в толпе. К тому же в этом людском потоке он испытывал какой-то особый, необъяснимый прилив сил.

Как только паром пристал к причалу, Кхак вышел на берег, с трудом протиснувшись сквозь толпу рыночных торговцев, возвращавшихся из города. На пароме вместе с Кхакон ехал слепой уличный невест. Уж не тот ли, что повстречался ему несколько месяцев назад? Как быстро промелькнули эти месяцы! Кхак вспомнил вечер, когда он впервые вступил на набережную незнакомого города, таившего столько угроз.

Теперь то он знал Хайфон! Немало улиц и закоулков он исколесил. Теперь в этом городе Кхак окружало сплоченные ряды борцов, целая армия, пусть пока небольшая, но она растет с каждым днем, с каждым часом.

Кхак зашагал в толпе рабочих мимо огромных сияющих витрин, где красовались шелка и бархат, мимо сверкающих огнями реклам. Мимо них проносились блестящие манишны, проходили парадные женщины, дефилировали полицейские. В окнах шумных ресторанов они видели сытые, самодовольные лица, подари щекотал запах жареного мяса и пряностей. Губы Кхак тронула насмешливая улыбка. Погодите, придет день, когда в эти рестораны войдут рабочие, снимут свои кенки и по-хозяйски рассядутся за столиками.

Кхак пришел в парк за полчаса до назначенного срока. Это был парк в типично «колонизальном» стиле: всевозможные виды пальм, рощицы стройного бамбука и густые заросли тростника. Трава специально не подстригалась и разрослась, доходя до колен. Несколько электрических фонарей было недостаточно для такого парка, и поэтому в извилистых аллеях царил полумрак. Ед-

на Кхак свернул на одну из тропинок, как от темного куста отделилась фигурка девушки в белом платье и двинулась ему навстречу. Она была совсем еще юной, груди едва обозначились под платьем, но ярко накрашенные губы выдавали ее ремесло. «Пойдем, пройдемся», — тихо сказала она. Кхак ускорил шаг, но шепот преследовал его: «Слушай, всего два хао, пойдем!» Кхак пошел еще быстрее. Пройдя несколько метров, он обернулся. Белое платье снова скрылось в кустах. Кхаку было горько и стыдно.

Проституция в Хайфоне росла неукротимо. Как только темнело, во всех парках, скверах, переулках появлялись женщины в белых платьях, которые как привидения преследовали проходящих мужчин. Чтобы не умереть с голоду, эти несчастные продавали свое тело за несколько хао, иногда даже за несколько су. Проклятье!..

Кхак зашел за куст и встал так, чтобы видеть площадку с каменными скамьями в центре парка.

Через некоторое время, ведя велосипед, на дорожке появился Конг. Кхак не торопился выходить на свет, желая убедиться, что Конг не привел никого за собой. Конг прислонил велосипед к дереву и опустился на скамью. Вглянувшись на часы, он закурил. Кхак продолжал стоять в тени. Докурив сигарету, Конг огляделся и зажег вторую. Время от времени мимо него проходили люди, но ни один не обратил на него внимания. Какая-то девочка остановилась недалеко от скамейки, потом прошлась разок-другой и подошла к Конгу. Они о чем-то поговорили, Конг предложил ей сигарету, она закурила и пошла дальше. Наконец, убедившись, что вокруг ничего подозрительного нет, Кхак подошел к Конгу.

— Давно ждешь меня? Я немного задержался.

На лице Конга мелькнула мгновенная растерянность. Он раскрыл было рот, чтобы ответить что-то, но Кхак опередил его, произнес пароль. В свете фонаря Кхак заметил, как во рту у Конга блеснул золотой зуб. Кхак предложил пройтись, и они пошли из сквера в сторону перекрестка Нга Сау. Конг время от времени с любопытством поглядывал на своего спутника.

— С тех пор как арестовали Лыонга. — заговорил Конг, — оборвались все связи и я чувствовал себя совсем потерянным. А сейчас будто снова нашел родных... Эти месяцы я не сидел сложа руки. Недавно мне удалось

связаться с группой матросов с военного корабля «Меконг», они просили дать им литературу и свести с кем-нибудь из партийного руководства.

— Сколько их?

— Со мной держали связь двое, но они говорят, что их целая группа. Настроения еще не ясны. К ним якобы приходил представитель от партии «Возрождение», уверяя, что японцы хотят посадить на престол принца Кыонг Де и помочь выгнать французов. Матросы в растерянности, не знают, как им быть. Хотят поговорить с представителем нашей партии.

— Почему ты раньше ничего не сказал об этом Моку?

Конг наклонился к Кхаку.

— Откровенно скажу, Мок парень хороший, но в таком деле я ему не доверился. Во первых, он не умеет выступать и вряд ли сумеет бы убедить матросов. А во-вторых. — Конг понизил голос, — его дядя тайный агент.

— Это точно?

— Да. Но это известно только мне, так как мы с ним из одной деревни. Я хотел сообщить об этом в парторганизацию, но до сих пор мне не удавалось ни с кем связаться. Не ему же самому говорить об этом. Вот почему я ничего не сказал ему о том, что привлек группу сочувствующих.

— Чем же вы занимались?

— Читали партийную литературу, вели пропаганду, создали подпольные тройки по всем правилам конспирации.

Кхак вел Конга по безлюдным улицам, потом свернул в переулок, в другой и так, занутивая след, снова вернулся на ту же улицу.

— Проверяешь, нет ли кого за нами? — улыбнулся Конг. — Осторожность никогда не помешает. Наше новое руководство неплохо работает, уже добилось кое-чего. Прежде я работал с Льюнгом. Он, конечно, смелый товарищ, но часто зря шел на риск. Сколько ни говорил ему об этом, не слушался он меня. А теперь я и сам ученый, руки мне обработали так, что на всю жизнь остался калекой.

Он протянул Кхаку левую руку — на ней торчал лишь указательный палец и один сустав большого.

— За эти два они меня подвешивали, а остальные сжимали в тиски, вот я их и лишился. Хорошо, что вовремя успели отнять, а то бы без руки мог остаться.

Конг выругался. У Кхака зацемило сердце от жалости.

— Пытал меня сам «шеф». Вот был зверь!

Кхак уже слышал об этом жандарме, которого заключенные прозвали «шефом». Он когда-то специализировался на спекулянтах и боссяках. Прозвище, которое те дали жандарму, пришлось ему самому. За жестокость на допросах его повысили в должности — сделали агентом политической полиции. Недавно он, кажется, был переведен в Ханой.

Кхак решил узнать подробнее о матросах с «Меконга».

Как зовут того матроса, который связан с тобой?

— Хай...

— Хорошо. Сделаем так. Связь держать будем через Мока. Я приниму тебе немного литературы. А ты сообщи мне, когда вернется из плавания «Меконг». Тогда и обдумаем, как нам встретиться с матросами.

— Ладно.

Кхак расспросил еще Конга о сочувствующих, и они расстались. Подождав, пока Конг уехал на своем велосипеде, Кхак отправился к себе. Он шел по узким переулкам, шел быстро, снова петляя и то и дело оглядываясь назад. И только когда окончательно уверился, что «хвоста» нет, замедлил шаг. Многое из того, что говорил Конг, он и сам знал. Так, Кхаку давно было известно, что дядя Мок служит тайным осведомителем. Об этом ему рассказал сам Мок. Но было в Конге какое-то едва уловимое лукавство, которое настораживало Кхака. После того как тот показал свою изуродованную руку, недоверие Кхака уменьшилось, но не исчезло совсем. Нужно было обязательно выяснить, при каких обстоятельствах был арестован весь горком вместе с Лыонгом. Разумеется, здесь не обошлось без предательства. Но как узнать, кто провокатор?.. Что бы там ни было, а наладить связь с матросами сейчас очень важно. Еще во время беседы с Конгом Кхак начал обдумывать, каким образом можно было бы связаться с ними и выяснить обстановку на корабле. А в дальнейшем нужно под каким-нибудь благовидным предлогом изолировать от них Конга. Что же по

самого Конга, то надо хорошенько проверить его, испытать в деле, а уж потом решить, достоин ли он доверия.

У знакомой калитки Кхак внимательно огляделся, проскользнул в небольшой дворик и, подойдя на цыпочках к окну, заглянул в щель между ставнями. В комнате было тихо. Тускло горел светильник. Сон готовил за столом уроки, Ан шила, склонившись над ворохом солдатской одежды, которой была завалена деревянная кровать. При виде этой склоненной головы и темных волос Кхак ощутил в груди волнение. Ему очень хотелось, чтобы Ан подняла сейчас на него свои черные глаза, но она так углубилась в работу, что ничего вокруг не замечала.

— Сон, открой мне, — тихо, почти шепотом сказал Кхак.

От этого шепота и Сон и Ан вздрогнули. Сон подбежал к окну и, убедившись, что это действительно Кхак, бросился открывать дверь. Ан вскочила, отодвинув в сторону одежду.

— Давно я у вас не был, — сказал с улыбкой Кхак, переступая порог. — Как твоё здоровье, Ан? Как у Сона с учебой?

Сон не отпускал его руку и не мог прийти в себя от радости. А черные глаза Ан, часто моргая, глядели на Кхака с радостью и укором: «Неужели после такой долгой разлуки тебе нечего больше сказать мне?» Она растерянно стояла посреди комнаты, пока не заметила, что ставни остались открытыми.

— Сон, прикрой окно. — И потом с улыбкой обернулась к Кхаку: — Проходи, что же ты стоишь у порога?..

Ан быстро убрала с кровати одежду, а Сон потянул Кхака за собой, приглашая сесть.

— Моя же комната там, — улыбнулся Кхак.

Сон затряс головой.

— Там теперь полно мышей!

Ан вспыхнула.

— Побудь здесь с Соном, я сейчас там приберу.

— Зачем? Я сам.

Но Сон вцепился ему в руку и усадил на кровать.

— Нет, нет, посиди здесь, мне нужно поговорить с тобой. Сколько дней ты пробудешь у нас? — спросил он.

— Завтра утром должен уйти.

— Почему так быстро?..

Ан приготовила ужин, и, пока Кхак ел, Сон задала его вопросами. Ан сидела рядом, слушала их разговор и смущенно смотрела на Кхака. Они не сказали друг другу ни слова, но зато глаза их говорили лучше слов. «Я очень счастлива снова видеть тебя! — говорили глаза Ан. — Я так тебя ждала!..»

Над топчаном в его комнате висел свежестырированный москитник, на топчане лежали подушка и одеяло, у изголовья на небольшой фарфоровой подставке — лампа и чайник с чашкой. У лежанки стояла пара новых сандалий на деревянной подошве.

Кхак сел на топчан и огляделся. Да, здесь все было приготовлено руками Ан специально для него.

С тех пор как он покинул свой родной дом, он впервые почувствовал себя по-настоящему в домашней обстановке. Почувствовал теплоту любящих, заботливых рук. Раньше Кхак ни минуты не думал бы: такую девушку, как Ан, нелегко найти. Но сейчас он не имел права даже помышлять о каких-то чувствах, а главное, он по-прежнему был твердо убежден: он не имеет права делать несчастным другого человека. Перед этой встречей его тревожило только одно: сумеет ли он говорить с Ан свободно, непринужденно, как прежде? Но Ан сама повела себя так, что он не испытывал никакого смущения. Теперь, если понадобится, он сможет откровенно ей все объяснить. Она должна понять, хотя, пожалуй, лучше было бы вообще избежать этого объяснения. Через некоторое время его переведут в другое место, и вряд ли они встретятся еще. Пройдет время, и она забудет его. От этих мыслей ему вдруг почему-то стало грустно. «Кажется, и я люблю ее...» Впервые Кхак открыто признался себе в этом, и ему стало как-то спокойнее...

Он лег, закрыл глаза. Ни о чем сейчас не надо думать...

XVII

Дом погрузился в сон. Одна Ан не спала. Она уже давно закончила партию одежды, выданную подрядчиком, и могла бы тоже лечь, но сегодня ей было не до сна: она торопилась довязать к утру свитер Кхаку. Быстро мелькая спицы, разматываясь в клубок шерсти, лихора-

дочно металась мысль. Завтра утром он уйдет, надо бы что бы то ни стало успеть. Впрочем, осталось не так много — воротник да рукав. Свитер получится теплый, он будет согревать Руха в холодные дни. Шерсть она купила на те деньги, которые отложила на новую одежду для Сона к Новому году. Но Сон как-нибудь обойдется, его старая одежда еще довольно крепкая, а у Зёнга нет ни одной теплой вещи. В этом году холода держатся долго, и в такой легкой одежонке, как у него, недолго и простудиться. Интересно все таки, догадывался он о ее чувствах? И что странно, ведь она почти ничего не знает о Зёнге. Даже имя это, Зёнг, наверное, не настоящее. Но вот стоит ей взглянуть на него, и она готова сделать для него все. О, она уже отлично поняла, что это за человек. Он мало говорит, но все видит и все прекрасно понимает... Ан вздохнула. И почему на ее долю выпала такая любовь, почему в жизни все так сложно? Что ждет?... Сестра передала ей весь разговор с Зёнгом. Но ведь она, Ан, знает, что для него сейчас главное — революция, и она совсем не хочет связывать его своей любовью, семьей, детьми. Нет, она не свяжет его! Она будет ждать. Он, конечно, не поверит ей, если она скажет ему об этом. А она умеет ждать. С малых лет она воспитывала брата и ждала, когда он вырастет. Теперь она будет ждать Зёнга. Но дождется ли она своего дня? Как мало она просит у судьбы — быть вместе с ним, видеть его каждый день, как тысячи других женщины видят своих любимых. Оказывается, это невозможно! Она понимает, его жизнь ему не принадлежит! Но все равно она будет ждать! Раз нельзя видеться часто — пусть хоть изредка! Это все же лучше, чем совсем не встречаться. С нее достаточно даже весточек! Просто знать, что он не забыл ее. Глаза Ан затуманились, слезы задрожали в руках, по щеке скатилась слеза...

Жизнь его полна опасностей. Ему все время приходится скрываться. Как-то на аэродроме неизвестно за что арестовали несколько десятков рабочих. Ан не находила себе места: а вдруг и он среди них! Однажды ей сказали, что над воротами рынка кто-то вывесил красный флаг. Она сама бегала посмотреть и, увидев флаг, успокоилась: Зёнг на свободе, это он действует. И действительно, через несколько дней он заскочил к ней поздно вечером. Увидев его невероятным, она чуть не расплака-

тась от радости, а, когда он ушел, в доме сразу стало пусто. И тогда Ан поняла, что любит Зэнга. Потом кто-то разбросал в городе листовки. На предприятии, где работала Ан, кое-кому из работников удалось подобрать листовки. Она внимательно прислушивалась к разговорам, испытывая одновременно и тревогу и радость. Когда на работе ее подруги восхищались смелостью революционеров, Ан чувствовала такую гордость, словно и она в какой-то степени была причастна к их работе. Если люди восхищались революционерами, значит, они восхищались и ее Зэнгом! Если же кто-то ругал их, Ан воспринимала это как личное оскорбление...

Быстро мелькали спицы, кончался последний моток шерсти. Ан закрепила петлю, расстелила свитер. Он был серого цвета, легкий, мягкий и не маркий. Когда она гладила свитер, ей казалось, что она гладит плечи любимого. Ах, если бы он сейчас не спал! До утра еще так далеко. Она решила примерить свитер хотя бы по старой рубашке, не узок ли в плечах.

Ан на цыпочках вошла в комнату, прислушиваясь к ровному дыханию Кхака, осторожно взяла со скамейки рубашку и вышла. От волнения у нее стучало в висках. Сейчас, когда она держала в руках его рубашку, ей казалось, что он близок ей, как никогда. Она разглядывала рубашку — потертый воротник, манжеты, карманы с оторванными пуговицами, — ощущала двойные запяты на плечах и спине. И как только он, бедный, терпит холода в такой одежке! Ан расстелила рубашку на кровати и приложила к ней свитер. Но что это с ней? Почему слезы так и бегут из глаз?..

Кхак проснулся внезапно, в соседней комнате горел свет. Сквозь сон он будто слышал, что к его кровати кто-то подходил. Он попытался открыть глаза, но не мог — какая-то тяжесть навалилась на него и сковала все тело. Задыхаясь, он пытался стряхнуть с себя сонное оцепенение. Рука, лежащая на груди, соскользнула на кровать, и он наконец открыл глаза.

В доме было тихо, но со двора слышались приглушенные рыдания. Кхак тихонько встал. В соседней комнате никого не было. Врох солдатской одежды на кровати был сдвинут в сторону, а на его месте он увидел свою рубашку и серый пушистый свитер, тут же лежали

спицы. Кхак понял все и в нерешительности остановился посреди комнаты, не зная, что предпринять: то ли выйти во двор и утешить Ан, то ли вернуться и лечь в постель, сделав вид, будто ничего не заметил. Он вышел во двор. Не мог он оставить ее одну в слезах, да еще в такой холод. И потом, рано или поздно все равно нужно объясниться.

Ан стояла, прислонясь к стволу банана, плечи ее вздрагивали. Увидев Кхака, она сделала над собой усилие. Оба были растеряны.

— Послушай, Ан...

Ан вдруг отвернулась и снова разразилась рыданиями. Все приготовленные слова моментально улетучились из головы Кхака. Сейчас он испытывал только одно чувство — жалость. Но что он мог поделать? Однако к горечи и безысходности примешивалась и нежность. Он и не предполагал, что она так сильно завладеет его чувствами.

Ан вытерла слезы, подняла глаза и едва слышно сказала:

— Зёнг...

У Кхака перехватило дыхание. Они молча стояли друг подле друга. На землю опустился густой, холодный туман. Кхак закашлялся.

— Ты с ума сошел! — воскликнула Ан. — Зачем ты вышел раздетый?

Они вернулись не в дом, а пошли на кухню. Ан быстро разгребла тлеющие угли, головешки всыхнули, огонь разгорелся, стало немного теплее. К Кхаку вернулось спокойствие.

— Пойми, Ан, — сказал он ласково, — я не могу причинять тебе страдания. К тому же меня скоро перебросят на работу в другой район.

Она молчала, только смотрела на него, не сводя глаз. Разве сможет он когда-нибудь забыть эти глаза! А говорил другое:

— Ты сама понимаешь, в моем положении нельзя даже мечтать о любви. Разве смогу я бросить революционную работу ради личного счастья? Ты же первая будешь презирать меня... Ты должна забыть меня...

— Я все понимаю... Но я люблю тебя...

Ан закусил губы. Кхак хотел еще что-то сказать, но вдруг понял, что это бесполезно, он и сам уже больше не мог противиться своему чувству...

Когда они вернулись в дом, Ан протянула ему свитер. Свитер оказался вору. Девушка довольно улыбнулась.

— Я нарочно связала высокий ворот, чтобы тебе было теплее. А этим кашне в холодные дни будешь закрывать голову. Ты часто ходишь по почтам, тебе оно пригодится. А свое старое оставь здесь. Завтра захвати с собой и москитник. Посмотри, как тебя разукрасили москиты.

Как проснулся еще затемно, но Ан уже была на ногах, готовила ему завтрак. Пока он торопливо разделывался с едой, она аккуратно завернула в кусок коричневой ткани москитник и небольшое ватное одеяло.

XVIII

Блестящий черный шевроле бесшумно подкатил к воротам розовой виллы, утопающей в цветущих антипинах. Громкий звук клаксона прокатился по улице, тремлющей в полуденной духоте. На машине вылез шофер. На медной табличке рядом с воротами была надпись: «Вилла Куанг Лой».

— Да, господин, эта та самая вилла, — сказал шофер человеку, сидевшему в машине.

— Позвони, — приказал депутат Кхань и вышел из машины.

К воротам торопливо бежал старый привратник. Он распахнул решетчатые ворота и повел Кханя к дому. Кхань важно шагал за семеневшим стариком, внимательно оглядывая сад. Недурно! В углу сада небольшой изящный бассейн, украшенный белыми колоннами, рядом изящная беседка, увитая цветами.

Привратник провел Кханя в гостиную: Куанг Лой жил на европейский манер. Застекленные окна гостиной выходили на рисовые поля, раскинувшиеся позади дома. Вдали виднелись излучины Лать-чай.

— Рад приветствовать вас, господин депутат! Для нас большая честь, что вы взяли на себя труд заглянуть к нам. — В приемную вошел хозяин виллы, на ходу протягивая гостю пухлые белые руки. Кхань протянул ему свою, тот почтительно схватил ее и затряс с радостной улыбкой.

— Садитесь, пожалуйста! — суетился хозяин вокруг гостя. — Лау, к нам пожаловал господин депутат! — крикнул он жене.

Кхань взял со стола спару и еще раз окинул взглядом гостиную.

— Во сколько вам обошлась эта вилла?

— Хм... — широко улыбнулся Куанг Лой. — Шестидесят. Вместе с обстановкой и землей.

Шестидесят тысяч донгов... Слово «тысячи» деловые люди не произносили.

— И то, знаете, по случаю. Эта вилла принадлежала таможенному инспектору. Он возвращался во Францию, вот и решил продать ее. Думаю, что по темеретиним ценам это не так дорого. Ведь цены на дома растут. Впрочем, даже по этой цене купить ее было не так просто. Чтобы расплатиться, мне пришлось отдать все деньги, вырученные за несколько рейсов моих пароходов в Китай. «Боже мой, за какие грехи я должен всю жизнь мучиться в старых домах!» — подумал я и решил купить эту виллу. В конце концов, это тот же капитал! Ну и же не хотелось сделать приятное... Если что-нибудь женщине понравится, она не успокоится, пока не добьется своего.

Жирные щеки Куанг Лоя задрожали от смеха. Советник тоже улыбнулся, поглаживая усы.

— А старшая жена не возражала?

— Вы, наверное, и сами догадываетесь. — Куанг Лой лукаво сощурил глазки. — Не раз уже приезжала из Хай-зыонга, ругалась на чем свет стоит. Но я каждой из жен определил свои владения. Откровенно говоря, старшая у меня очень простая женщина и в делах мне не помощница. Она должна быть вполне довольна и тем, что я выделил ей фирму по перепродаже вин в Хай-зыонге. Не скрою, на покупку этой виллы мне пришлось признать. Жена, видите ли, как раз сейчас открывает контору по покупке и продаже металлолома, так что у нас туговато с деньгами. А тут еще японцы стали бомбить автоколонны на дорогах в Луичжоу, и доходов от перевозки грузов никаких.

Лицо Куанг Лоя помрачнело.

«Все понятно, — подумал про себя Кхань. — Куанг Лой из тех, кто живет не по средствам. Еще не нашел как следует капитала, а туда же — задумал порочать

тогами! Так, дорогой мой, не успеешь оглянуться, как пропустишь последнее! Куань уже слышал о том, что японцы перекрыли пути сообщения с Китаем. В течение нескольких недель они бомбили участок французской железной дороги в китайской провинции Юньнань и разрушили все мосты. Теперь поезд ходил только до Лао-кай.

Но вот нахлуло духами, бархатная штора раздвинулась, и на пороге показалась молодая жена Куанг Лоя. Это была женщина в самом расцвете красоты, лет тридцати с небольшим. Шерстяное ярко желтого цвета платье оттеняло стройную фигуру. Кхак мысленно оценил вкус Куанг Лоя: «Губа не дура, славенькую девочку отхватила!»

— Я говорил нашему гостю о твоей конторе, — сказал Куанг Лой.

— О, это пустяки! — Женщина улыбнулась и села в кресло. Ее блестящие глаза смотрели на Куаня и упор. Куань смущенно отвел взгляд, но через минуту вновь поглядывал на привлекательную хозяйку дома.

— Пожалуйста, попробуйте коктейль! — сказала она и, подойдя к бару, взяла несколько бокалов и бутылок причудливой формы. Она поставила все на сервировочный столик и подхватила его к мужчинам. Быстро приготовив коктейль, она подала бокал Кханю.

— Попробуйте, может быть, вам понравится.

На Кханя снова повеяло духами. Он пригубил бокал, а затем быстро осушил его до дна.

— Благодарю вас! Удивительно вкусно!

Куанг Лой довольно улыбнулся.

— Ты приготовь нашему гостю коктейль с тем шотландским виски.

— Нет-нет, благодарю, я ведь очень мало пью.

— Вы только попробуйте, это совсем не пьянит.

Улыбка хорошенькой хозяйки и ее вежливая настойчивость вынудили Кханя согласиться.

— Я, господин Кхань, хотел обсудить с вами одно интересное дело, — начал Куанг Лой, помахивая сигарой. — Я только что вышел в компанию с инспектором тайной полиции Май Сином, вы его хорошо знаете. Он строит где-то на севере — не то в Лаи-сонге, не то в Бак-сонге — печь по выплавке стали. Дело это обещает принести значительные доходы, но вначале потребуются со-

лидные капиталовложения. Так вот, не хотите ли вы войти в пай?

Кхань поставил стакан на столик и улыбнулся.

— Вы знаете, я просто восхищен вами! Начать сразу столько крупных дел! А мы, провинциалы, привыкли все мерить на корзинки риса! Расскажите поподробней, что это за предприятие.

— Принеси-ка мне рюмочку рома, — обратился Куанг Лой к жене и, повернувшись к гостю, сказал: — Не скрою, господин Кхань, что поставки грузов в Китай — дело конченное. Провоз крайне затруднен, а скоро желтые господа перекроют дороги окончательно. Перевозки привлекали большое количество предпринимателей, и французские фирмы, заметив, что объем поставок пошел на убыль, стараются сузить круг участников в этом деле, оттеснить местных дельцов. Вот почему я приветствую приобретение женой конторы по продаже металлолома. Война наверняка поднимет цену на железо, и капитал, который она вложила в это дело, принесет немалый доход. Но железа пока поступает не так уж много. Недавно Май Синь предложил мне приобрести часть акций своей сталелитейной печи. Она уже работает, руководит работой специально выписанный из Франции инженер. Сейчас Май Синь решил расширить дело. У нас этим до сих пор еще никто не занимался. Добиться разрешения генерал-губернатора Май Синю удалось только благодаря его связям. Я сейчас на мели, но было бы жаль упустить такой случай. Вот я и подумал о вас. Капитал, вложенный в это дело, очень скоро окупится, а потом пойдет и чистая прибыль.

— Вам я всегда рад помочь. — Кхань дружески улыбнулся Куанг Лою. — Но, откровенно говоря, сейчас у меня нет свободных денег. И потом, как вы себе представляете все это? Не думаю, чтобы французы позволили беспрепятственно заняться нам таким крупным промышленным производством. Вложишь капитал, а потом хлопот не оберешься. И никуда с этой печью потом не денешься. Это ведь не какой-нибудь товар, который всегда можно сбыть.

Куанг Лой улыбнулся.

— Ну, не е-ет... С Май Синем этого можно не бояться. Он же инспектор тайной полиции, это не просто какой-нибудь рядовой коммерсант.

— Возможно, возможно...

Губы Кханя сложились в одобрительную улыбку. Куанг Лой тоже продолжал улыбаться, но на его лице всегда чуть заметная тень неудовольствия.

— Я тщательно взвесил все за и против и решил войти в это дело. Очень сожалею, что вы не хотите воспользоваться моим предложением. Придется пригласить кого-нибудь другого.

— Какой ты странный! — вменялась в разговор хозяйка. — Может быть, господин Кхань хочет обсудить это дело поподробнее, а ты так сразу...

— Вот если бы мне предложили войти в дело с вами, я бы ни минуты не колебался. — игриво ответила Кхань.

Супруги переглянулись.

— Что ж, это, пожалуй, можно. Давайте на равных долях вести мою контору, — тотчас же предложила хозяйка. — Нам сейчас предлагают купить на лом несколько старых барж по очень сходной цене.

Кхань понял, что попался на удочку.

— Извините, я пошутил... Мне никогда в жизни не приходилось заниматься предпринимательством. Да и дома сейчас хватает дел. Но раз уж вы обратились ко мне, я постараюсь вам помочь. Может быть, сделаем так: я продам часть риса, чтобы дать вам в долг тысяч двадцать — тридцать сроком на год. Учтите, что для меня и это сейчас не так-то просто. Но и вы, надеюсь, меня не обидите, дадите заработать немного, ну, скажем, процентов шесть. Все это оформим как полагается, хоть под ту же контору, она, кажется, столько и стоит. Однако прошу иметь в виду, что в случае неуплаты в срок контора переходит ко мне и лом, естественно, пойдет по цене, которую он имел во время составления контракта.

Пока Кхань говорил, Куанг Лой только восклицал что-то нечленораздельное, но было очевидно, что он раздосадован и обозлен. Шесть процентов! Выходит, ежемесячно они должны будут выплачивать Кханю по тысяче восемьсот донгов! Эх, было бы у него сейчас тысяч сто, он бы разгориул дело! Но разве сразу достанешь такую сумму? Куанг Лой стал что-то прикидывать в уме.

— Что ты на это скажешь? — обратился он к жене.

— Вы уж сами решайте между собой денежные воп-

росы. Я ведь в делах ничего не смыслю! Что же вы, господин Кхань, не доплати свой бокал?

Кхань, прищурясь, посмотрел на женщину.

«Не смыслишь? А у самой на уме одна коммерция. И туда же — притворяться!.. Да если бы не была ты такая... меньше чем на восемь процентов, дорогая, я бы не согласился. Ну, да бог с ними, с двумя процентами, ради таких глаз потерять их не жалко».

Куанг Лой вдруг повеселел.

— Я могу вам сейчас показать контору. Впрочем, дорогая, проводи сама господина Кханя, а мне нужно заглянуть в коммерческое бюро.

Кхань откинулся на спинку кресла.

— Благодарю вас, но сегодня не могу, дела. Завтра утром, если угодно, я приеду прямо в контору.

— Вы, наверно, пробудете некоторое время в Кьен-ане?

Куанг Лой подмигнул советнику. В Кьен-ане жила любовница Кханя, которую Куанг Лой считал депутатом еще в первый его приезд в Хайфон. В ответ Кхань улыбнулся и мысленно сравнил свою любовницу с женой Куанг Лоя, сидевшей напротив; этому толстяку Лою чертовски повезло! Нет, Кхань, тоже подыщет себе такую же молодую, изысканную и с коммерческой жилкой..

— Скажите, господин Кхань, как у вас там в провинции? В Хайфоне *они* совсем обнищали. Разбрасывают листовки, недавно повесили флаг над воротами рынка.

— У меня, слава богу, еще ни один не поднял голоса.

— Май Синь сообщил мне, что какой-то Кхак из вашей деревни орудует сейчас в Хайфоне.

Депутат обиженно векинул голову.

— Он не из моей деревни, он из Тим.

— И представьте, он оказался здесь коммунистическим главарем. Но за ним уже установлено наблюдение. От нашей полиции не уйдешь!

— Хм... Я думал, он просто сбежал, а он, оказывается, тут верховодит! Отчаянная голова!

— В этом месяце они отмечают годовщину смерти своего патриарха — какого-то русского... И наша тайная полиция хочет их накрыть всех разом!

Кхань поднялся и стал откланиваться. Хозяева про-

велили его до машины. Прощаясь, жена Лоя кокетливо улыбнулась.

— Так я жду вас завтра в конторе.

— Да-да...

Машина тронулась. Кхань оглянулся. «Ну что ж, господин Куанг Лой, на новом деле ты сломаешь себе шею! Рано или поздно печь Май Синя потасует. Уж слишком много это дело требует денег! А откуда они у вас? Так что контора по скупке и продаже металлолома через год будет у меня в руках. И вполне возможно, вместе с хозяйкой!..» Кхань потер свои мягкие руки и покрутил ус.

— Шофер! На улицу Поля Бера! В ателье! Может быть, удастся подыскать что-нибудь подходящее госпоже...

Машина резко затормозила, развернулась и покатилась обратно в Хайфон.

XIX

По поручению Партийного комитета Северного Вьетнама Тхиет и Кхак провели в Куанг-ием конференцию представителей трех провинций, входивших в зону Б. Конференция обсудила вопросы создания новых партийных организаций и организаций антиимпериалистического фронта в сельских и особенно горных районах, так как эти труднодоступные места могут в дальнейшем стать опорной базой всего приморья. Конференция приняла резолюцию об укреплении рабочего движения в Хайфоне, о создании партийных организаций среди солдат, матросов и в рабочих батальонах, предназначенных для отправки во Францию, об усилении антивоенной пропаганды в армии. По решению конференции газета «Искра» становилась органом краевого комитета и должна была распространяться во всех трех провинциях.

После конференции Тхиет остался в Куанг-иеме помочь местному партийному комитету в организационных вопросах, а Кхак отправился в Хайфон. Приближались годовщины смерти Ленина, Либкнехта и Люксембург, нужно было подготовиться.

К концу января тайная полиция сбилась с ног, каждый день она устраивала облавы, обыски, повсюду рас-

ставляла свои невидимые сети. «Типография» Лана работала круглосуточно. Был выпущен специальный номер «Искры» — теперь уже «органа Коммунистической партии Индокитай приморского края» — на четырех страницах, тиражом семьсот экземпляров. Лан потратил целый вечер, срисовывая с фотографии портрет Ленина для этого номера. Кхак подготовил статью, в которой кратко изложил основные тезисы теории ленинизма. Лан отпечатал статью и несколько тысяч листовок и плакатов. Все это тут же отправлялось на места. Каждый день, едва смеркалось, к переправе Бинь являлся слепой певец. Он уже примелькался агентам и не вызывал подозрений. Из Хайфона он возвращался обычно часам к десяти вечера. В последнее время у него появилась миловидная «жена», которая шла впереди и несла под мышкой футляр с каким-то музыкальным инструментом, в руке у нее была палка, за другой конец которой держался слепец. Ну как тут агентам было догадаться, что «жена» слепого певца — работница Гай, недавно уволившаяся с цементного завода, а футляр набит революционной литературой.

Наконец наступил день двадцать первого января — годовщина смерти Ленина. День этот прошел спокойно, на улицах было тихо. Чтобы ввести в заблуждение тайную полицию, горьком принял решение все мероприятия, связанные с годовщиной, перенести на двадцать пятое.

Накануне Кхак прибыл в Хайфон. В последний раз он встретился и переговорил с каждым из ответственных за мероприятие, тщательно проверил и уточнил план распространения листовок, вывешивания плакатов, лозунгов и флагов в различных районах города. Кхак связался также с Хаем, матросом с «Меконга», который с нетерпением ждал листовок и газет. Хай представил Кхаку своего друга, солдата из лагеря Бие. Они условились снова встретиться вечером следующего дня в нагоде, что стоит на дороге в Тхиен-лай.

Было уже темно, когда, покончив с делами, Кхак пришел к Ан. Они немного поговорили, потом Кхак прилег отдохнуть. Он велел разбудить его в полночь, но ни в коем случае не зажигать огня.

В эту ночь Кхак решил посмотреть, как проявит себя в деле Мок. Он предполагал перевести Мока на легальное положение, чтобы целиком использовать на

партийной работе. К бригаде Мока был прикреплен Конг. Этот Конг вызывал у него какую-то смутную тревогу. Не давала покоя мысль: как проверить этого человека? Но усталость взяла свое и скоро он заснул крепким сном.

Едва Ан коснулась руки Кхака, он тут же открыл глаза. В доме было темно. Ан молча взяла его за руку и повела к двери. Он почувствовал, что рука девушки дрожит. Он осторожно вывободил свою руку и ласково похлопал Ан по плечу.

— Будь осторожен... — едва слышно прошептала она.

Кхак бесшумно выскользнул из дома, повесил на плечо плетенку и быстро зашагал по улице. Когда он дошел до французского кладбища, расположенного за центральным госпиталем, навстречу ему от дерева отделился человек с велосипедом.

— Как дела, Мок?

— Закончили. Все в порядке.

Мок улыбнулся в темноте широкой, счастливой улыбкой. Кхак сел на раму, и Мок быстро завертел педалями. Чувствовалось, что он еще не остыл от возбуждения. Работая ногами, он рассказывал:

— Разбросали листовки меньше чем за полчаса. Все ребята уже вернулись по домам. А Конг этот — отличный парень, товарищ Зэн! Повесил лозунг в переулке Кам и приклеил здоровенный плакат прямо на здании тайной полиции. Завтра агенты допнут от злости. Прямо у них на стене — «Да здравствует ленинизм!».

— Ты подготовил проход в проволочном ограждении?

— Все в порядке... еще вчера вечером, когда шел на работу в порт. Успел до того, как выставили караульных.

Стал накрапывать дождь. Подул холодный северный ветер. Они выехали на темную улицу, которая шла между прудом и пустырем.

— Здесь.

Мок спрятал велосипед в траву и повел Кхака по тропинке мимо свалки.

— Вот оно, это место.

Перед ними был заросший травой луг. Мок толкнул Кхака, и оба поспешно опустились на землю, укрывшись за стволом дерева. Справа от пруда проходило шоссе. Оно шло вдоль реки до самых причалов Сау Кхо. На этом участке дороги торчала сторожевая вышка. От нее

до высокой стены здания под железной крышей тянулась колючая проволока. На луг здание выходило своей глухой стороной. Перед вышкой прохаживался караульный француз с винтовкой на плече.

— Я перерезал проволоку вон там, — зашептал Мок. — Давай сначала я отыщу это место, а тогда пополезней и ты.

Мок исчез в темной траве. Кхак из-за дерева с волнением стал следить за ним. Часовой продолжал прохаживаться около вышки. Прошло минут пять, еще пять... Вокруг по-прежнему стояла тишина. Вдруг часовой зажег электрический фонарик. Светлое пятно медленно передвигалось по траве. Но вот фонарь погас, часовой неторопясь перешел на другую сторону дороги и стал наблюдать за рекой.

Наконец у проволочного заграждения мелькнул белый платок. Кхак тотчас же пополз вперед, не спуская глаз с часового. Платок мелькнул еще раз. Кхак старался ползти как можно быстрее, опираясь на локти и изо всех сил отталкиваясь ногами. Грязная, мокрая трава била по лицу, мешая наблюдать за часовым. Чтобы не сбиться с пути, Кхак то и дело поднимал голову. Он прополз уже метров тридцать, когда заметил, что дышит чересчур шумно, а подняв голову, чтобы осмотреться, заметил, что часовой смотрит в его сторону. Кхак припал к земле и лежал, боясь шелохнуться. Наверняка часовой увидел его! Кхак выждал минуту-другую и наконец решился вновь поднять голову. Солдат по-прежнему стоял у вышки и смотрел на поле. Кхак досадовал на себя за то, что не сообразил надеть коричневую рубашку вместо белой. Правда, она уже давно не была белой, но сейчас, наверное, светлым пятном выделялась на фоне травы. Не хватало еще, чтобы из-за рубахи его схватала полиция!

Часовой не спеша пошел вдоль дороги. Значит, он все таки не заметил его. Тогда Кхак скинул с себя рубашку и пополз дальше. Однако он потерял направление и, когда перед ним возникла колючая проволока, он растерялся, не зная, в какую сторону ползти.

— Сюда, сюда! — услышал он вдруг шепот Мока и двинулся на голос. Через несколько метров Кхак увидел Мока. Тот был уже по ту сторону проволочного заграждения.

— Ложись на спину и пролезай сюда.

Кхак разглядел проход, перевернулся на спину, отогнула подальше концы колючей проволоки и осторожно преодолел первый, а затем и второй ряд.

Мок взял у него илетенку, и они поползли дальше. Так двигались они до тех пор, пока не миновали дуг, и только за зданием наконец поднялись на ноги.

Видотную прижимаясь к стене, Кхак шел за Мокком, который уверенно вел его по территории порта — здесь ему была знакома каждая дорожка. У большого склада Мок остановился, быстро огляделся и прошептал:

— Все правильно.

Пройдя склад, они вышли на главную дорогу. Пристань была погружена в сон. Над пирсами тоже царило безмолвие. Подъемные краны застыли, растянув лань, как гигантские чудовища, которых внезапно постигла смерть. В тусклом свете фонарей было видно, как сыпалась дождевая пыль. На мачтах какого-то судна горели красные огни. Мок протянул вперед руку: «Вот она!» Он указал на высокую сигнальную мачту, днем на нее поднимали разноцветные шары и флаги, извещавшие о приближении кораблей.

Они отошли туда, где было потемнее. Кхак вынул из илетенки свернутый кусок ткани.

— Держи...

— Никуда не уходи, жди меня здесь. Нам еще листовки надо разбросать.

— Постой!.. Кто-то едет...

Со стороны причала Нты послышался звук мотора, и из темноты сверкнул свет фары. Едва они успели отскочить и прижаться к стене, как мимо них проехал мотоцикл с коляской, он направлялся к сторожевой вышке.

— Надо подождать, пока они вернутся, — шепнул Кхак Мокку.

Они стояли, сгорая от нетерпения. У вышки шум мотора затих.

— Пора! — не выдержал Мок. — Они там бог знает сколько еще пробудут...

Но едва он это сказал, как мотор затарахтел опять, и мотоцикл проехал в сторону французских военных кораблей.

Мок мгновенно пересек освещенное пространство и подбежал к мачте. Затем стал быстро взбираться на-

верх — на площадку, с которой поднимали обычно сигнальные шары. Кхак не отрываясь смотрел на тонкий шнур, едва различимый в ночной мгле. Мок ловко карабкался вверх. Вот он уже на площадке. В свете фонаря, прикрепленного к мачте, видно было, как он поднимается еще выше. Вот он уже выше фонаря... исчез, не видно... Кхак затаил дыхание. Как долго тянутся эти проклятые минуты. Ведь каждое мгновение Мок подвергается смертельной опасности. Достаточно одного неверного движения, и от него не останется мокрого места. Сколько ни напрягал Кхак зрение, он ничего не видел. Кромешная тьма. Вершина мачты совсем не видна. Но вдруг в свете фонаря, уже где-то на середине мачты, мелькнула фигура человека, стремительно спускавшегося вниз. «Осторожней, осторожней, сумасшедший!..» — мысленно кричал Кхак. Фигура продолжала быстро скользить вниз. Вот Мок уже на площадке, вот он остановился, что-то делает у крепления сигнальных тросов — и снова головокружительный спуск. Через минуту Мок был уже на земле, промелькнул через освещенную площадку и очутился рядом с Кхаком.

— Ну как? — невольно вырвалось у Кхака, хотя он и сам все отлично видел.

Мок улыбнулся, с трудом переводя дыхание.

— Повесил... Прикрепил его почти над самым фонарем. Полотнище большое, за несколько километров вид но будет.

— Хорошо. Теперь пойдем поскорее закончим с листовками.

Мок вывел Кхака на дорогу. Они торопливо перебежали от склада к складу, Кхак клеил листовки, Мок стоял на страже. Листовки расклеивали всюду: на стенах, на дверях, даже на тротуарах. Последнюю пачку разбросали по пирсу.

Прежде чем свернуть на тропинку, по которой они пробрались сюда, Кхак еще раз обернулся. Ему казалось, что даже в этой кромешной тьме он видит, как на самом верху мачты трепещет на ветру красное полотнище с серпом и молотом.

Дождь пошел сильнее. Кхак надел сорочку. Мок глубоко вздохнул и рассмеялся.

— Пусть теперь догоняют!

Калитка была приоткрыта, видно. Ан дожидалась его. Едва Кхак проскользнул во двор, как перед ним тут же открылась дверь и в темноте он услышал тихий радостный возглас:

— Вернулся!..

Ан порывисто схватила Кхака за руку, и плечи ее затряслись от сдвинутых рыданий.

— Боже мой, ты же весь мокрый!

Ее рука скользнула по мокрой сорочке, коснулась щеки... Она ввела его в дом. Тускло светила лампа. Ан сделала огонек поярче, подала Кхаку полотенце и одну из солдатских рубашек.

— А где же твой свитер?

Кхак растерянно улыбнулся:

— Не сердись, Ан, я дал его поносить другу...

Этим другом был Лан, у него одежда совсем размокла, и он замерзал в своей «типографии».

— Слушай, Ан, сегодня нам удалось сделать кое-что интересное. Завтра и ты узнаешь об этом.

— Завернись в одеяло, простудишься! Руки у тебя как лед.

Кхак завернулся в одеяло и лег на топчан. Ан ушла в свою комнату. Кхак лежал и улыбался. Здорово!.. Он не знал, что в это время Ан стояла за перегородкой, прислушиваясь к его дыханию, и по ее щекам катились слезы...

Кхак проснулся, когда солнце светило уже повсюду. В доме было тихо. Ан, наверное, ушла на работу, а Сон — в школу. Сквозь щель в ставнях солнце тонкой полоской проникало в комнату. Кхак стал перебирать в памяти события минувшей ночи. Полиция сейчас, наверное, еблалась с ног, проверяют документы, устраивают обыски... Да поздно! Интересно, удалось им собрать листовки до прихода рабочих? На флаг они не сразу обратят внимание, и его с рассветом паверняка увидят на всех пародах. Молодчина Мок! Чем больше узнавал Кхак этого парня, тем больше он ему нравился. У Кхака уже не оставалось сомнений: Мок — отличный работник, пора перевести его в подполье и готовить для работы в горкоме.

Послышался звук отпираемой двери, потом знакомые легкие шаги. Ан вернулась! Кхак вскопчил с топчана, она с сияющим лицом заглянула к нему.

— Ты уже встал?

— А ты разве не пошла на работу?

— Я отпросилась на полдни, сходила на рынок, купила кусочек мяса. Сейчас готовлю завтрак. У меня есть еще кое-что для тебя.

Ан вошла в комнату, глаза ее радостно светились.

— Не заметила ли ты на улицах чегонибудь необычного?

— Как же! Там такое творится!

Ан присела к нему на топчан и стала рассказывать, захлебываясь от радостного возбуждения:

— На улицах повсюду расклеены листовки, даже флаги кое-где висят... Шта с нашей улицы говорила, что в порту перекрыты все входы. Только недавно стали пропускать рабочих. Это небось твой работа?

Кхак молча кивнул.

— Я так беспокоилась вчера ночью. Жду, жду, а тебя все нет.

Их глаза снова встретились, как и тогда, в первый раз... И Ан покраснела и отвернулась... Потом вскопчила, вынула из плетенки небольшой сверток и развернула его. В свертке было недорогое теплое нижнее белье.

— Смотри у меня! Это ты должен носить сам.

Кхак обнял Ан и молча притянул к себе. Черные глаза девушки раскрылись широко широко... Неужели это правда? Неужели это наяву?.. Она прильнула к груди любимого и закрыла глаза...

Они пробыли вместе всего один день. Вечером следующего дня Кхак уже собрался в дорогу. Ан молча стояла рядом...

— Зэйнг...

Он вопросительно вскинул на нее глаза.

— Разреши мне проводить тебя немного.

Он ласково улыбнулся, не решаясь ей отказать.

— Мы пойдем вместе, пока ты сам не скажешь, что дальше нельзя. Ну пожалуйста, разреши! Ведь когда идут двое, это вызывает меньше подозрений. Я еще ни разу не выходила с тобой на улицу...

— Ну хорошо, одевайся.

Ан бросилась в свою комнату и через минуту появилась в длинном коричневом платье и в шапке. Дождик кончился, но небо медленно плыли облака, от этого оно казалось каким-то праздничным. Они пошли по дороге в Куан Пай. Воздух был удивительно чистый и ласковый. Рисовые поля сверкали яркой зеленью. Вдоль дороги гнулись сады, нестремные то огненно-красными розами, то белоснежными лилиями.

Они шли рядом. Кхак был на полголовы выше. Каждый раз поворачиваясь к идущей бок о бок с ним Ан, он испытывал какое-то странное ощущение. А Ан, встречаясь с ним взглядом, как бы говорила: «Ты же видишь, что мы созданы друг для друга. Мы должны всегда быть вместе!» Там, где дорога делала поворот, оглябая камыши, Кхак останавливался.

— Ну все, родная, возвращайся домой.

Ан печально посмотрела на него, повернулась и молча пошла обратно. Как ей хотелось броситься вслед за ним и больше не отпускать его одного! Она оглянулась.

На дороге уже никого не было...

Через несколько дней на работе к Ан подошла подружка.

— Выйди к воротам, там к тебе кто-то из родных пришел, — сказала она.

Ан вздрогнула. Из родных у нее здесь был только Сон. Она затормозилась к воротам. Там стояла Гай. С большим трудом удалось ей уговорить сторожа на минутку открыть ворота. Они отошли к задней стене здания.

— Зёнг у тебя? — спросила Гай.

— Нет, а что случилось?

— Он куда-то пропал. Куда и когда он ушел от тебя?

Ан похолодела, у нее закружилась голова, и, чтобы не упасть, она прислонилась к стене.

— Что с тобой? Возьми себя в руки, надо еще выяснить, куда он делся.

Ан рассказала сестре, где они расстались.

— Значит, он пошел в сторону Тхен-лай. — Гай старалась успокоить сестру. — Я выясню, в чем дело, inoltre возможно, что он заболел. А ты, когда вернешься домой, посмотри, не оставил ли он чего. Если что-нибудь найдешь, спрячь. Они сейчас хватают всех подряд. Ну лад-

но, иди на работу и не показывай виду, что ты чем-то расстроена, а то и тебя заподозрит. Если что выяснится, я тебе сообщу...

Весь вечер у Ан горел светильник: она ждала сестру. Но та не пришла. Не было ее и на следующий день и еще через день. От бессонных ночей Ан осунулась, глаза у нее запали, но она упорно продолжала ждать. Каждую ночь Ан зажигала лампу и садилась шить. Неужели и сегодня она не услышит негромкий стук и знакомый голос: «Ан, это я!» Под утро, обессиленная, она склоняла голову на ворох одежды и забывалась сном.

Прошла неделя, никто так и не пришел...

XXI

Расстались с Ан. Кхак поспешил на встречу с матросом в условленном месте. Мысли у него были радужные, яркие и веселые, как стая бабочек. Он впервые испытывал такое чувство. Любовь пришла к нему, когда за плечами была уже целая жизнь, оставившая немало ран в сердце, жизнь, заполненная тревогами и раздумьями. И он немного растерялся, словно из темноты внезапно шагнул на свет. Он был опытный революционер, человек во многом искушенный, но перед этим новым чувством он оказался беспомощным, как ребенок. Он всегда считал, что любить — это прекрасно, но если в жизни любви нет, то это не трагедия, тем более что для него любовь была бы помехой революционной работе. Так он привык думать еще с детства, а когда пошел учиться, еще больше укрепился в своем мнении. Но вот Кхак стал коммунистом, и взгляды его во многом изменились. Но о любви он не задумывался. Он попал в тюрьму, потом тяжело болел. Была и еще одна причина — некоторые из его товарищей, казалось бы, стойкие революционеры, выйдя на волю, обзавелись семьей, хозяйством, и через год при встрече смущенно отводили глаза, а при слове «революция» испуганно вздрагивали. И Кхак постоянно твердил себе: берегись, не попади в ту же яму. Нужно быть подальше от всего этого, во всяком случае до лучших времен. Вот когда революция победит, можно подумать и о любви...

При встрече с Ан Кхак сразу почувствовал опасность

и решил вести себя как можно сдержанней. Однако конфликта между революционным долгом и чувством, чего он так опасался, не произошло. Каждый раз, встречаясь с Ан, он убеждался, что это необыкновенная девушка, и чувство ее тоже какое-то особенное. Во многом он разбирался лучше ее, но, видимо, в этом вопросе Ан была умнее. Она без всяких теорий поняла, как им держаться друг с другом, и Кхак доверился ей. В своей любви Ан была самоотверженной, и это придавало ей силу, способную преодолеть любые препятствия. На долю каждого выпадает та любовь, которой он достоин. Недаром говорят: какие дрова — такое и пламя. Кхак боялся, что любовь к Ан размягчит, расслабит его. Он не хотел думать и все же думал об этой девушке. А вместо слабости ощущал прилив новых сил, неведомую ранее радость жизни. Даже мысли его, казалось, стали глубже, значительнее...

И не успел он еще это осмыслить, как любовь прорвала все преграды, перевернула все привычные представления и открыла такие силы, о существовании которых он и не подозревал. Это было похоже на то, как если бы под землей лежало огромное озеро, которое вдруг прорвалось на поверхность бурным потоком. Растекаясь, поток становился все шире, все полноводнее, и уже несея стремительно, неудержимо...

Ан скрылась. На всякий случай Кхак осмотрелся еще раз и, убедившись, что за ним не следят, свернул на дорогу в Тхен-лай. Мощенная камнем, она тянулась по окраине Хайфона, извиваясь вдоль берега реки. Воздух был такой прозрачный, что можно было даже различить метеостанцию на вершине Фу-лиен — белый кубик среди темных сосен. Дальше виднелась гора, похожая на лежащего слона, она так и называлась — Слон. На полях ни души, да и дорога безлюдна.

Пагода стояла среди старых деревьев. Кхак спокойно свернул на тропинку, вышел к пруду и остановился под деревом перед воротами пагоды. Видимо, он явился слишком рано — Хая еще не было. Кхак сделал вид, что пришел полюбоваться памятником старины, и прошел под аркой во внутренний двор. Он стал рассматривать фигурку слона на приступке. Из внутреннего помещения вышел бонза и быстро прошел мимо, взглянув

на него с каким-то испугом. От этого взгляда Кхаку стало не по себе, однако, сохраняя спокойствие, он повернулся и медленно зашагал к выходу.

— Ни с места, стрелять буду! — вдруг раздался за спиной окрик.

«Засада!» — мелькнуло у Кхака в голове, и он бросился бежать. Но со всех сторон наперерез ему бросилось несколько человек. В одно мгновение рухнула тишина. Из пагоды насыпали бомбы. Агенты окружили Кхака. Французский агент в фетровой шляпе подошел вплотную к Кхаку и, размахнувшись, ударил его кулаком в лицо. Удар на мгновение ослепил Кхака, но не успел он прийти в себя, как на него обрушился град новых ударов. Кхак бессильно упал ничком. Его подшили и надели наручники. Вдруг Кхак увидел, как из внутреннего помещения пагоды вышли Хая. Матрос был уже в наручниках, лицо распухло от побоев, на рубашке запеклись пятна крови.

— Ал-ле! — Француз махнул рукой.

Кхаку завязали глаза и вывели на дорогу. Довольные жандармы хохотали. Через несколько минут послышался шум подъезжающей машины. Кхака бросили в машину, под ноги полицейским. Хлопнула дверца, и машина тронулась. «Они выследили Хая, выгнали, тот не выдержал и привел их сюда! — быстро соображал Кхак. — Они еще не знают, кто я. Думают, один из партийных работников, пришел на встречу. Но когда привезут в управление, там, конечно, узнают. Как же им удалось выследить Хая? Проклятие! Мои ребята так и не поймут, что произошло. Какой же я идиот!»

Кхака привезли в тюрьму. Камеры были уже переполнены. Очевидно, в городе шли повальные аресты. Знакомая картина! В нос ударили специфический тюремный запах: тошнотворная смесь пота и давно немытого человеческого тела. Кхак всматривался в квадратные окошечки во дворе, стараясь определить, нет ли за ними кого-нибудь из своих. Вдруг он вздрогнул. Из окошечка на него смотрели глаза Мока. Он остановился, сделав вид, что завязывает шнурок ботинка, и снова взглянул на окошко. Так и есть, Мок тоже схватили! Видимо, тот узнал Кхака, так как глаза часто заморгали — Мок подавал знак.

— Не задерживайся! — Надзиратель цинул Кхака ногой.

Прошли почти весь коридор. В самом конце тюремщик отодвинул тяжелый засов и отворил дверь. Из камеры пахнуло таким смрадом, что надзиратель закашлялся, сиюминутно и с силой втолкнул Кхака в камеру. Тяжелая дверь захлопнулась, прогрохотал засов, и все стихло.

Кхак ничком упал на груду человеческих тел. Пытался подняться, он не попадал руками на чьи-то лица, ноги его скользили по чужим коленям и синякам. Кто-то вскрикнул, кто-то грубо выругался. Кхаку с трудом удалось подняться и прилечь спиной к двери.

— Посторонись немного, ты заслонил окошко!

Кхак отодвинулся к дверному косяку.

— Помолчите болтайте, а так дышать нечем!

Камера затихла. Постепенно из темноты возникла мрачная картина. Камера была набита до отказа. К тому же она была почти герметически закупорена, не считая двух отверстий — одно в двери, другое, забранное стальной решеткой, под самым потолком. В камере, рассчитанной на двоих, было человек двадцать. Кто сидел, кто лежал, а некоторые стояли, прильнув к стене.

Там, на воле, был прохладный зимний вечер, а здесь стояла пестеринная духота. От этой духоты и вони можно было потерять сознание.

Лежащий у дверей мужчина в колодках застонал, зашевелился. Он открыл было глаза, но они тут же закрылись, нижняя челюсть бессильно отвисла.

— Воды... воды...

Какой-то старик протянулся к окну, взял консервную банку с водой и передал для закованного в колодки. Тому влили в рот немного воды.

— В чем там дело?

— Тут один совсем сомлел...

— Поднимите его к окошку, пусть немного отдышится.

Его приподняли. Он принал к отдушине и, закатив глаза, жадно хватал воздух широко открытым ртом.

— Боже мой, боже мой... ы-ы-ы... ы-ы-ы... — рыдал пожилой мужчина, лежащий у ног Кхака.

— Перестань, раз уж попал сюда — терпи! — проворчал кто-то.

Кхак продолжал неподвижно стоять у двери. Ноги у него затекли, он уже совсем их не чувствовал. Начинало мутиться сознание. Вначале он задыхался от смрада, потом постепенно привык к нему. Но сейчас дурнота подкатила к горлу: не хватало воздуха. Он собрал всю свою волю, чтобы не потерять сознание, успеть обдумать все, что произошло сегодня, как ему держаться на допросе. Но голова работала вяло, мысли путались, от усталости подкашивались ноги.

— Не могу больше. Дайте немного посидеть.

Люди зашевелились. В темноте раздались голоса:

— Пора меняться. Вы уже давно сидите!

Несколько человек поднялись с пола, на их место опустились другие. Кхаку тоже уступили место, и он сел рядом с только что рыдавшим мужчиной.

— Вас давно вяли? — спросил его Кхак.

Мужчина не шевелился, по-прежнему сидел, уткнув лицо в ладони.

— За что взяли-то?

Мужчина подозрительно посмотрел на Кхака красными, распухшими глазами, потом резко повернулся к нему спиной.

Кхак закрыл глаза и откинул голову, опершись затылком о дверь. Спина и ноги болели меньше, сознание прояснилось. Кхак стал быстро припоминать события прошедшего дня, стараясь восстановить их последовательность, найти между ними логическую связь. «Видимо, все-таки Хай привел жандармов к пагоде. Но как им удалось арестовать Хая? Повальные аресты... Но что это? Массовые облавы, рассчитанные на случайную удачу, или аресты по доносу? Интересно, кого вяли еще из наших, кроме Мока? Прежде всего нужно будет связаться с Хаем и выяснить, как он попался. Надо, чтобы на допросе он показал, что познакомился со мной случайно. Может, удастся оградить от опасности остальных матросов. Но как попался Мок? Если случайно, то ему тоже нужно все отрицать. Главное — выдержать несколько допросов, ничего не сказать им, ни в чем не признаваться, тогда отпустят. С Моком мы, конечно, не знакомы.

В коридоре слышался топот подкованных французских ботинок. В камере сразу стало тихо. Видно, жандармы решили устроить предварительный осмотр камер. Шаги приближались. Заскрипела дверь соседней каме-

ры, слышался голос надзирателя: «Эй, ты! Выходи!» Дверь захлопнулась. Теперь шаги остановились возле их камеры. Загребел засов. «Кого привезли после полудня — выходи!» — крикнул надзиратель. Кхак вначале думал, что в это время был схвачен он один, однако вместе с ним из камеры вышли еще трое. Оставшиеся бросились к двери, чтобы хоть на секунду глотнуть свежего воздуха.

— А вы что? Тоже арестованы после полудня? Нет? Так какого же вы... к выходу лезете! — и, сунув несколько зуботычин, надзиратель захлопнул дверь.

В коридоре арестованных поставили в длинную очередь. Кхак быстро окинул всех взглядом. Кроме Мока, он узнал в лицо еще троих — встречался на митингах и рабочем поселке цементного завода. Остальные были ему не знакомы. Странно, почему не видно Хая? Или его взяли не сегодня, а раньше?

Кхак незаметно подошел к Моку. Воспользовавшись туалетной в коридоре, они обменялись быстрыми взглядами.

— Я ни в чем не сознался, — прошептал Мок.

— Мы с тобой не знакомы, — сказала Кхак, не глядя на Мока.

— Становись в ряд! — орал надзиратель. — Проходить по одному!

Надзиратель суетился, устанавливая очередь, направляя арестованных по одному в конец коридора, где стояли французы — агенты тайной полиции. Каждого доводили до какой-то закрытой камеры, останавливали на минуту и вели дальше. Время от времени один из жандармов громко кричал:

— Алле?

Какой-то молодой парень хотел было заглянуть в окошко камеры, но тут же получил такой удар, что еле устоял на ногах. Парня отвели в сторону.

Кхак перешел в конец очереди. Скосив глаза, он смотрел на таинственную дверь, не понимая еще, что происходит. И тут руки его невольно сжались в кулаки. Вот оно в чем дело!

В камере находился человек, который внимательно осматривал взглядом каждого, кто проходил мимо. Если он опознавал кого-нибудь, то давал знак жандармам, и те отводили арестованного в сторону. Значит, к ним в ор-

ганизацию действительно проник провокатор! Кхак сжал зубы. Но кто?

Чем ближе подходила очередь Кхака, тем сильнее билось у него сердце. «Спокойно! Ну, чего ты распустился?» — говорил он себе, стараясь подавить волнение. Но тревога не оставляла его. От окошечка его отделил уже только один человек. И тут неожиданно вернулось спокойствие. Надо же в конце концов выяснить, кто там за дверью!

— Следующий! Аде. — Агентзмахиул рукой.

Кхак бесстрашно шагнул вперед и, поравнявшись с дверью камеры, посмотрел прямо в окошко. Кхаку удалось увидеть только глаза. Стоящий за дверью постарался побольше закрыть лицо, нагнув берет на самые брови. На Кхака смотрели глаза, пустые и холодные. Кхак, буквально впился взглядом в эти глаза. На какую-то долю секунды взгляды их скрестились. Глаза в окошке дрогнули, опустились, а затем моргнули, подав знак жандарму. Кхак наморщил лоб — где же он видел эти глаза? Он старался припомнить и не мог. И тут же французский жандарм поманил его.

— Подойди сюда, mon cher ami! ¹

Видимо, глаза сделали свое дело.

По голосу Кхак узнал жандарма, который познал его. Это был Пожье. Он допрашивал его девять лет назад в Нам-дине, после первого ареста. За эти годы агент постарел, но сохранил все ту же приторно вежливую манеру. «Мой дорогой друг...» Сколько людей отправил на тот свет этот «вежливый» палач!

Пожье с сигаретой в зубах вразвалку подошел к Кхаку и оглядел его с ног до головы, не вынимая рук из карманов. Кхак смотрел в знакомое лицо, тонкие бескровные губы жандарма вдруг искривились в радостной улыбке.

— О-о! Старый знакомый! Bonjour, monsieur! ² Кхак. Долго же ты заставлял искать себя, сволочь!

Их обступили жандармы.

— Так это и есть Кхак?

— Собственной персоной.

Один из жандармов ткнул Кхаку в лицо кулаком.

¹ Мой дорогой друг (франц.).

² Добрый день, господин (франц.).

— Ну зачем же так сразу! Предоставь это мне. — И Пожье обратился к Кхаку с вежливой улыбкой:

— Прости подняться в мой кабинет...

Арестованные продолжали один за другим проходить мимо таинственной камеры. Кхак успел заметить, что провокатор опознал и Мока.

XXII

Кабинет Пожье помещался на втором этаже. Жандарм, войдя в комнату, включил лампу и указал Кхаку на плетеное кресло. Вынув из пачки сигарету, он протянул ее Кхаку.

— Кури. Давно в Хайфоне?

— Только что приехал.

Пожье, прохаживаясь по комнате, изредка останавливался перед Кхаком и оглядывал его с ног до головы, будто наслаждаясь этим зрелищем.

— В подножье-то жизнь несладкая? Хочешь, прикажу принести поесть?

— Спасибо, господин Пожье, я сыт.

— Ну, как хочешь. — Пожье пожал плечами. — Тогда перейдем к делу. Ты не новичок в тюрьме и хорошо знаешь меня. Мне бы не хотелось прибегать к насилию. Да при твоём здоровье тебе немного надо... Поэтому советую не зализывать. Понятно? Ты же видишь, что нам все известно, ведь у нас работает наш человек.

«Это мы еще посмотрим! — подумал Кхак. — Но кто же этот ваш человек?»

Пожье закурил новую сигарету и, подойдя к большому креслу, обтянутому коричневой кожей, присел на подлокотник.

— Откровенно говоря, лично мне вся эта возня кажется детской игрой! Ну посуди сам: с тех пор как я приехал в Хайфон, ни один ваш кадровый работник не продержался больше трех месяцев. До тебя я упрятал за решетку Льюнга вместе со всем горкомом. Сначала он тоже отрицался, но после двух допросов рассказал все. Теперь ты. И тот, кто после тебя придет, тоже от нас не уйдет.

Пожье рассмеялся коротким, издевательским смешком. Кхак молчал. Значит, и вправду прежний горком

провалился из-за провокатора. Внезапная догадка мелькнула в голове Кхака: «Так ведь это же Конг! Конечно, Конг!»

— Ну, так как же?

Пожье подошел вплотную к Кхаку и вдруг заорал на него так, что Кхак невольно втянул голову, но Пожье, взглянув на часы, рассмеялся.

— Даю тебе три часа на размышление. Сейчас нить тридцать, я должен быть дома. Но в восемь тридцать я вернусь, и мы продолжим разговор. Сержант! — крикнул Пожье, приоткрыв дверь.

В комнату поснежно вбежал жандарм.

— Отведи его вниз! Скажи надзирателю, что это красный мэр Хайфона и с ним нужно особое обращение. Пусть поместит его в отдельный номер и наденут колодки. Если мой приказ не будет выполнен, я с вами разделаюсь ясно?

— Oui, monsieur! ¹

Пожье повернулся к Кхаку:

— Allons, mon cher ami ², помни, в восемь тридцать!

Начало темнеть. В коридоре зажглись тусклые желтые лампочки. Надзиратель грубо выругался и приказал Кхаку следовать за ним. Он пошел впереди, гремя ключами. Кхак двинулся за надзирателем, надеясь, что ему удастся переброситься хоть словечком с Моком. Но надзиратель повел его в другой конец коридора.

На ноги Кхаку надели колодки, и дверь с глухим стуком захлопнулась. Кхак остался лежать на полу. Узкая одиночка с черными стенами удивительно напоминала гроб. Сквозь крошечное отверстие в двери из коридора проникал слабый отраженный свет. Не прошло и нескольких минут, как на Кхака набросились клоны. Давненько, однако, не встречался он с тюремными друзьями!

Скоро Кхак начал дрожать от холода. Да, видно, на этот раз ему уже не выкарабкаться!..

Девять лет назад Кхак испробовал на себе руку Пожье. Сколько раз он был на грани смерти! Однако все-таки выжил. Правда, тогда ему было только двадцать

¹ Да, господин (*франц.*).

² Ну, дорогой друг (*франц.*).

два. Теперь же, после стольких лет тюрьмы и болезни... «Тебе немного надо...» Это была не пустая угроза. Кхак и сам знал, что на этот раз пыток он не переживет...

Но черт возьми, до чего же бессмысленно умереть в этой дыре! Кхак продолжала мысленно говорить сам с собой, чтобы не думать о проклятом холоде. В груди у него от холода будто образовалась пустота, которая вызывала тошноту.

Как все быстро произошло! Трудно даже представить, что еще сегодня они вместе с Ан шли по тихой, безлюдной дорожке вдоль пруда. Кхаку казалось, что это было так давно... Бедная Ан! Она и не догадывается, что с ним произошло!

Да и ребята наверняка еще ничего не знают. Но рано или поздно узнают! На этот раз горком удалось сохранить. То, что он решил располжеть его в селе, было правильно. Сегодня же вечером Лан поднимет тревогу. А завтра должен приехать Тхьет. Придется им снова менять адрес, устанавливать новые связи. Интересно, знает ли кто-нибудь из арестованных о горкоме? Кхак еще раз тщательно перебрал в уме всех, кого он здесь увидел. Ни Хай, ни Мок не были связаны с горкомом, а Хай вообще не знал о нем. Только рабочие с цементного знают, да еще Гай. Не проговорила ли она? Сейчас он думал только об этих ребятах с цементного. Надо будет сделать все, чтобы они не дали духом и правильно держались на допросах. И обязательно связаться со своими на свободе. Если завтра-послезавтра они не возьмут Гай, значит, у них все в порядке — горком успел сменить место. Девяносто из ста за то, что Конг — АБ¹ (так они называли провокаторов). Ведь все взятые сегодня в той или иной степени были связаны с Конгом, а его самого почему-то здесь нет. Мок, Хай, ребята из района Лаквиен, с шелковой фабрики. Похоже на то, что почти никому из тех, кого знал Конг, не удалось ускользнуть. Но почему тогда среди арестованных были рабочие с цементного, которые не общались с ним? Может быть, к ним тоже пробрался провокатор? Во всяком случае, никто не знал, что Кхак член горкома и что вообще существует горком. Из арестованных об этом знал только Мок. Во

¹ Антибольшевик.

что бы то ни стало надо поговорить с Моком, узнать, как его взяли, тогда можно будет составить окончательное представление о Конге. Надо же! Ведь он подозревал Конга и все-таки попался в его ловушку! Сейчас, когда он перебирал в памяти факты, картина постепенно проявлялась. В тридцать восьмом Конг несколько месяцев просидел в тюрьме, а по выходе у него оказалось достаточно средств, чтобы открыть часовую лавку... Ясно, он продавался еще тогда! Он пользовался изуродованной рукой как приманкой, на которую клевали легковірные. Ключнул на нее и Кхак. Теперь главное — предупредить своих на воле, иначе провалам не будет конца.

Здесь ему предстоит еще немало дел. Прежде всего надо выяснить обстановку, подбодрить товарищей, подсказать, как им держаться на допросах, что отвечать, чтобы не провалить остальных, тех, что на свободе. И как можно скорее узнать, существует ли в тюрьме партийная организация, есть ли здесь кто из бывших членов горкома или они уже все отравлены на каторгу.

Кхак лежал, закинув руки за голову, с тяжелыми колодками на ногах и обдумывал план действий на ближайшие дни.

В камере вдруг стало совсем темно, исчез даже тот тусклый свет, который проникал сквозь крохотное окошечко в двери, и что-то мягкое шлепнулось ему на живот. Кхак попарил руками по полу и нащупал небольшой теплый сверток, завернутый в бумагу. В свертке оказалось немного вареного риса, несколько ломтей ренчи и кусок тростникового сахара. У Кхака потеплело на душе. Нет, он не одинок! Здесь наверняка есть партийная ячейка. Товарищи узнали о нем и разыскивали его.

Кхак с трудом проглотил клейкий рис, который без воды не лез в горло. Облизав пальцы, он принялся за сахар. Кхак стал было согреваться, но тут стали падать ноги.

В городе начиналось вечернее оживление. Кхак прислушался. Надали доносился шум города: автомобильные гудки, лязганье портовых кранов. Все эти звуки с трудом проникали в камеру, которая была погружена в свою особую, тюремную тишину. Иногда в какой-нибудь камере кто-то начинал кашлять, канель подхватывали в другой камере, в третьей, пока не раздавался окрик надзирателя.

Кхак лежал в каком-то забытии. Иногда он приходил в себя, не понимая, спал ли он или грезил.

— Надзиратель, отведи в уборную!

— Онять?! Ничего, потерпишь!..

Кхак прислушался к ударам в дверь, доносившимся из соседней камеры.

— Надзиратель, в уборную!

Гремя ключами, мимо камеры прошел надзиратель. Послышалась брань, потом звук удара.

— Выходи!

Кхак стал усиленно растирать онемевшие ноги. Он вспомнил, как обычно в тюрьме заключенные, отиротившись одновременно в уборную, успевали перекинуться там несколькими словами. Как бы дать знать Мокку?

Где-то часы пробили семь ударов. Уже семь! У него есть еще полтора часа. Сердце начало тревожно биться. Вдруг у двери камеры раздалось брядающее ключей. Дверь отворилась, и в лицо Кхаку уперся луч электрического фонарика. Затем дверь снова захлопнулась. Это, верно, сменились надзиратели. И снова тяжелая, давящая тишина.

— Надзиратель, в уборную! — крик и удары кулаком в дверь в соседней камере.

— Чего стучишь?

Новый надзиратель открыл камеру. Кхак поднялся к своей двери и, поднявшись, заглянул в окошечко. Арестованный, которого сопровождал надзиратель, очень походил на Хая. Кхак застучал в дверь.

— Надзиратель!

У окошка появилась голова.

— В чем дело?

— Сними колодки, мне нужно в уборную.

Надзиратель молча вошел в камеру и стал отпирать замок.

— Давай поскорее...

Кхак вскочил, но онемевшие ноги не держали его, и он упал. Он стал их растирать, с трудом поднялся и пошел за надзирателем.

В уборной две кабины. Одна была занята. Оглянувшись, Кхак тихо спросил:

— Хай, это ты?

— Я. — Из за перегородки показалась голова Хая.

Кхак вплотную подошел к двери кабины.

— Где и когда тебя взяли?

— Вчера утром на корабле. Под койкой у меня напихали газеты, отпираться было бесполезно. Били весь день...

— Зачем же ты сказал им про меня?

— Они сразу стали про тебя расспрашивать. Они уже знали все.

— Ты говорил о чем-нибудь с Конгом?

— А-а...

Хай на минуту умолк.

— Тогда все ясно!.. После того как ты дал мне газеты, он приходил на корабль. Я ему сказал, что договорился встретиться с тобой.

Сомнений не оставалось. Конг — провокатор!

— Тебя здорово били? — спросил Хай.

— Еще нет. Через час начнут. Могут устроить очную ставку с тобой.

— Да?

— Ты на допросах говорил еще о ком-нибудь?

— Нет.

— Хорошо. Помни, не говори больше ни о ком. Выдержи еще один-два допроса, они увидят, что ты ничего не знаешь, и прекратят. А будешь вылавывать понемногу на каждом допросе, будут пытать, пока не добьются. Понял? Так что держись!

— Ла-адно... — Хай тяжело вздохнул.

— Скажи, что в конце прошлого месяца ходил покупать книжки, — торопливо продолжая Кхак, — встретил меня в магазине на Ла-ком. Я пообещал дать китайские романы. Так и познакомился. А недавно я дал тебе газеты, и ты еще не успел посмотреть их, как тебя арестовали. Говори только это. Больше ничего не знаешь. Спросят о Конге — скажи, когда гулял со мной, встретились с ним и я вас познакомил. Будешь стоять на этом — могут и выпустить. Главное, не падай духом. Держись!

— Что так долго? — Это подошел надзиратель.

— Иду... — Хай вышел. Он с трудом волочил изуродованные ноги.

— И ты поторапливайся! Слышишь?!

Надзиратель пошел провожать Хая.

Снова ноги в колодках. Кхак лежит на полу и ломает голову над тем, как выгородить Хая и Мока. Сделать

это непросто, так как Конг, вероятно, рассказал уже обо всем. А что, если подготовить побег? Он мог бы, например, сказать, что горком находится где-нибудь в глухой провинции. Тогда его наверняка заставят указать место, а по дороге его смогли бы отбить свои. Нужно только поскорее связаться с ними!

Часы начали бить восемь! У Кхака сжалось сердце. Нет, это был не страх, скорее волнение перед новым испытанием. Выдержит ли он на этот раз? Перед ним, как в кинематографе, замелькали кадры — картины прошлого. Далекое детство! Красная глинистая дорога бежит через сады вдоль Лионга, река то покажется, то исчезнет за густыми кустами. Мальчик с портфелем и маленькая девочка шагают по дороге, размахивая руками. Это Кхак с сестрой идут в школу в село Тно. А вот поздний зимний вечер. В воздухе висит дождевая пыль. Темно. Кхак стоит на дамбе, что у Красной реки, подальше от гонимой печи, стоит и, дрожа от холода, внимательно слушает тихий голос невидимого в темноте человека: «Отлично, товарищ, ты являешься членом Коммунистической партии Индокитая...» До сих пор Кхак так и не знает, кто был тот человек. Потом годы каторги, долгие мучительные годы на Пуло-Кондор... «Футбольное поле», окруженное терминалиями... В первый день по прибытии на остров арестованных обычно сажали на это «футбольное поле» и били палками по головам... Колодцы, похожие на могильные ямы, полны гнилой воды. Умозвесье — и на завтра гноятся глаза. А нелегальную литературу они все-таки доставали! Они и на каторге не сдавались, протестовали против побоев. А били их часто. Многие не выдерживали... Знакомые лица мелькали, как на экране. Сколько их, живых и мертвых! Он помнил всех, и Головастого Кхуата, здоровенного парня, занимавшегося в тюрьме очисткой риса, и Топга, снабжавшего друзей всем необходимым, от игловок и ниток до бумаги, карандашей и даже табака. И откуда только он все это доставал? И серьезного, добродушного Ты, человека беспримечательного мужества, который и каторгу превратил в школу по подготовке партийных кадров. И маленького Де, доброго и застенчивого, как девушка, постоянно попадавшего в строгий карцер за свою открытую ненависть к тюремщикам. В конце концов он чуть не ослеп... Все эти люди словно вошли сейчас в его камеру и вста-

ли рядом. Все они, в том числе и Кхак, были обыкновенными людьми, но революционная борьба выковала из них борцов, людей нестигаемой воли. В последнее время Кхака окружали близкие, дорогие ему люди: Гай, Лан, Мок, Кен с матерью... Кхак словно видел черные глаза Ан. Глубокие, полные нетерпеливого ожидания... Он будто слышит тихий голос Не, который поручает ему, Кхаку, восстановить руководство революционным движением в Хайфоне... Нет, враги могут забить его до смерти, им не сломить его!

Кажется, приехали! Кхак спокойно слушал, как гремел железный засов на воротах. Потом отворилась дверь камеры и вошел надзиратель. Снимая колодки, он искоса бросил взгляд на Кхака:

— Собирайся! К главному инспектору!

XXIII

В комнате, куда его привели на допрос, были совершенно голые стены. Пол в черно-белых кафельных плитках напоминал шахматную доску. На длинном столе стояло большое магнето, на другом конце стола лежали резиновые дубинки, плети из буйволиной кожи и клещи разных размеров. Под столом стояли ведра с водой. С потолка свешивались два стальных троса на блоках.

Кхак переступил порог комнаты. Пожье сидел в большом кресле и что-то рассказывал окружающим его жан-дармам, те громко хохотали. Увидев Кхака, Пожье обратился к высокому французу с бычьей носей:

— Познакомься, Робер. Это персона, с которой не так-то просто разговаривать.

— Посмотрим!

Пожье выпрямился.

— Итак, мой друг, начнем?

Кхак невольно вздрогнул. Как знакома ему эта фраза! Так обычно Пожье начинал допрос. Этот Пожье мог просидеть вот так, до самого утра, спокойно созерцая страдания и муки своей жертвы. В отличие от других палачей он почти никогда не выходил из себя. На его глазах могли забить человека до смерти, а он как ни в чем не бывало продолжал дымить своей сигаретой. Кхак

стоял перед ними с бесстрастным лицом, стараясь не выдать своих чувств.

— Ну как, хватило тебе три часа? Успел все обдумать? — тихо спросил Пожье.

Кхак не отвечал.

— Значит, будешь молчать?

— Вам же и так все известно...

— Хорошо. Тогда отвечай на вопросы. Где находитесь горком? Где ты печатал газету?

— Я приехал в Хайфон недавно. Здесь вы уже всех арестовали. Мне даже негде было остановиться. Приходилось ночевать в камышах, под мостами, на рынках...

От удара сзади Кхак едва не потерял сознание. Его ударили снова, и он отлетел в сторону, угодив под ноги другому жандарму. Тот ударил его ногой прямо в грудь. Кхак упал навзничь. Жандармы расхохотались, словно перед ними разыгрывался веселый спектакль. Кхак попытался подняться, но на него посыпался град ударов, били резиновыми дубинками... Били по всему телу, таким ударом можно содрать мясо с костей... Кхак сикался в комок, стараясь руками заслонить голову.

— Ах ты стерва, — рычал Робер в иступлении, — я тебе покажу!

Кхак весь обмяк и распластался на черно-белых квадратах, его продолжали бить по ребрам, в лицо. Он едва сдерживал рвущийся из груди крик.

— Где горком? Где ты печатал газету?

Пальцы придавив тяжелый кожаный башмак. От боли у Кхака словно что-то оборвалось внутри. Казалось, ему разможили все пальцы. Почти теряя сознание, он издал какой-то нечеловеческий вопль. Боль прекратилась...

— Ну как? Будешь говорить?

Кхак приподнялся и сел на пол. Дыхание вырывалось со свистом. Слова нечеловеческая боль. Неужели он что-нибудь сказал? В глазах расплылись желтые пятна света. По лицу катились слезы. Во рту он ощущал солоноватый вкус крови. Он машинально поднял руку, чтобы вытереть лицо. Снова перед ним появились свиные глаза Пожье.

— Где твой горком?

Кхак провел руками по лицу и увидел, что рукав в крови. «Нет, я ничего не сказал...» Сознание окончательно вернулось к нему.

— Я не был связан с горкомом.

Дубинка Робера снова обрушилась на него. Кхак поднял было руки, чтобы защитить голову, но француз сгреб его за грудь, рывком поднял с пола и свободной рукой нанес еще удар.

Голова стала пустой, словно нечаянно куда-то сразу все мысли. А дубинка продолжала глухо колотить...

— Ах, ты решил молчать! Давайте ток!

Двое агентов навалили Кхака на спину, сорвали одежду и подключили провода.

Пожье придвинул кресло ближе к Кхаку и сел на него верхом. В зубах у него по-прежнему торчала сигарета.

— Аллоня! Ты должен понять, чем все это для тебя может кончиться. Говори, где горком и где ты печатал газету?

Не успел Кхак раскрыть рот, как тело произила дикая боль. Ему казалось, что его всего выворачивают наизнанку. В ушах стоял оглушительный гул. В глазах потемнело. Все мышцы свело судорогой боли. Но вот рукоятка магнето перестала вращаться, однако Кхак продолжал биться в конвульсиях. Жандармы хохотали.

Кхак попытался подняться, но ни руки, ни ноги не слушались.

— Вудеешь говорить?

Наконец, опершись руками о пол, он сел. Все кружилось и плыло перед глазами...

— Я же сказал, я был один...

— Cochon! ¹

Снова завертелась рукоятка. Кхак упал на спину, все тело корчилось, словно в предсмертных судорогах.

— А-а-а-а!..

Кхак выла, как смертельно раненный зверь. На грудь навалилась чудовищная тяжесть. Он судорожно раскрывал рот, вытягивал шею, хватая воздух. Потом глаза закатились, откуда-то изнутри вырвались последние слабые хрипы. И только когда Кхак совсем затих, Робер перестал вертеть рукоятку магнето. Прошла минута, вторая. Кхак по-прежнему лежал бездыханный. Полураскрытый рот был в розовой пене. Пожье встал и наклонился над Кхаком.

— Пока хватит,— сказал он.

¹ Свинья (франц.).

Кхак застонал, но в сознание не приходил. Пожье отвернулся и сплюнул.

— Обмойте его!

Жандармы вышли в другую комнату вымыть чашку кофе. Один из агентов вызвал заключенных, приказал им вытащить Кхака во двор, обмыть и принести обратно.

Полчаса спустя Кхак снова сидел на полу перед жандармами. Он был голый и дрожал от холода, губы стали совсем липовыми, зубы стучали. Пожье опять оседлал свое кресло.

— Ты хочешь жить или хочешь умереть?

— Хочу жить...

— Тогда говори правду. И не будем терять зря время. Где ты печатаешь газету?

— Я уже сказал, что недавно приехал в Хайфон. Мне еще было даже оставаться. Какая уж тут типография!

— А откуда взялись газеты, которые ты дал Хаю?

Тут Кхак вспомнил о своем плане побега. Но Пожье торопил, не давал ему задумываться:

— Что молчишь? Говори, кто дал тебе газеты?

— Один человек...

— Что за человек?

— Из центра...

— Из Партийного комитета Севера?

Кхак сделал вид, что вынужден признать явные факты, которые бессмысленно отрицать.

— Оттуда.

Жандармы переглянулись.

— Как ты поддерживал связь с центром?

Зубы Кхака продолжали выбивать дробь.

— Подайте ему одежду. Говори, через кого ты поддерживал связь с комитетом?

Кхак надевал белье, которое ему подарила Ан... От внезапной ярости кровь бросилась ему в голову, захотелось вскочить и крикнуть им в лицо, что они палачи и звери. Но Кхак сдержался.

— Через человека по имени Хуан, — сказал он спокойно. — Высокого роста, ходит в европейском костюме и в черной фетровой шляпе. Он разыскал меня однажды на рынке. Встречались обычно где-нибудь в заброшенных кумирнях или в поле. Последний раз виделись пятнадцатого.

— Значит, в следующем месяце опять должны были встретиться?

— Да, если он не умирает, что я арестован.

— Где вы назначили свидание?

— Также в кумирне... В одной деревне, названия не знаю, но дорогу найду. Это недалеко от каменных карьеров Чанг-кеня.

Каменные карьеры, безлюдная переправа через речку, берега которой заросли камышом...

Пожье встал и в раздумье заходил по комнате. Робер подошел к Кхаку.

— Ну смотри, если соврал! Живым не вынушу! Кого ты успел привлечь в свою организацию в Хайфоне? Говори, а то заставлю «танцевать» и проведу на «подводной лодке»!

Пожье подошел к ним.

— Да! Кого тебе удалось привлечь здесь? Товарища Хая, товарища Мока, товарища Ляма, товарища Конга? Верно?

Кхак услышал только одно имя: Конг! Значит, они знают о нем. Почему же тогда его не арестовали?

— Я познакомился с Хаем, когда тот покупал книги. Дал ему несколько газет. Он боялся, не хотел брать. Я сказал, что, если не понравится, может ежечь их. Больше я никого не знаю.

Пожье вразвалку подошел к креслу, усеялся на него верхом и улыбнулся.

— Ну вот что, дорогой друг, ты все нам наврал! Все, от начала до конца. Будешь ты наконец говорить правду? Где находитесь горком? Где вы печатали газету? Где Партийный комитет Севера? А ну, подвесить его!

С Кхака снова сорвали одежду и подвесили на тресе за пальцы рук так, что ноги едва касались пола. Потом приставили концы проводов к груди и ногам, и начались «танцы».

Никто из жандармов не хотел лишиться удовольствия покрутить рукоятку магнето. Когда ноги Кхака конвульсивно сжимались, он повисал на больших пальцах рук, и тогда ему казалось, что они вот вот не выдержат и оторвутся. Из горла Кхака вырывался уже хрип, так хрипит животное в предсмертных судорогах. Глаза стали закатываться, крик постепенно стих, голова свесилась на грудь...

Пытку прекратили. Наконец Кхак пришел в сознание.

— Будешь говорить?

— Я все сказал...

— Где горком?

— Я ничего не знаю.

И снова вертелась ручка магнето, снова держались в диком «танце» ноги Кхака. Наконец на губах у него выступила пена. Глаза потускнели. Робер в бешенстве схватил его за горло.

— Говори, говори!.. — истушенно воил он.

Но Кхак уже ничего не видел, лишь губы беззвучно шевелились...

— Кого ты привлек в организацию?

— Никого... — с трудом выдавил из себя Кхак.

Робер подскочил к нему и нанес страшный удар в лицо, потом стал как безумный вертеть рукоятку магнето. Никто из жандармов уже не улыбался. Француз злобно выругался и, распахнув дверь, выскочил из комнаты. Позже швырнул окурок и тоже ушел. Как бы тогда Кхак не умер на первом же допросе. Позже догнал Робера и успокаивающе похлопал его по плечу.

— Оставим его пока.

Робер вернулся. Тяжело дыша, он уселся за стол, отодвинув магнето в сторону. Кхак качался посреди комнаты, голова его безжизненно упала на грудь.

Он, точно сквозь сон, слышал, как в комнату вошли кого-то, и до него, словно из другого мира, донеслись голоса:

— Смотри на него. Хочешь, чтобы и тебе подвесили?

— О, господин, на него страшно смотреть!..

— Тогда говори правду.

— Хорошо, господин.

— Когда ты встретил Кхака? Когда он завербовал тебя в свою организацию?

Кхак с трудом приоткрыл один глаз и увидел Мок, стоявшего перед Позье с почтительно сложенными на груди руками. Трудно было узнать в этом человеке смелого и ловкого парня, не побоявшегося водрузить флаг в порту. Мок стоял, склонив голову и с легка подогнув колени, жалкий, сжавшийся в комок.

— Господин, я не знаю никакого Кхака...

Позье векошил. Казалось, его глаза вот-вот выскочат из обрета.

— Тебе что, смерти захотелось? Хотя его звали Зенгом. А товарища Зёнга тоже не знаешь?

Теперь Кхак окончательно пришел в себя. Он пристально смотрел на Мока и с волнением ждал, что тот ответит. Мок по-прежнему стоял, прижав руки к груди, и, казалось, еще больше съехивая от страха.

— Господин, я не знаю никакого Зёнга.

Пожье схватил Мока за ворот и подтащил его к Кхаку.

— Ну а это кто, знаешь? — заорал он на всю комнату.

Кхак смог открыть только один глаз, второй совсем закрылся и не открывался. Глаз смотрел на Мока внимательно, спокойно, изредка помаргивая. При виде Кхака Мок испуганно попятился, в глазах застыл ужас и страдание. Кхака трудно было унять. Все его лицо было в отеках, в лилово-черных пятнах. Одно веко было разорвано и покрыто ступками крови.

Мок продолжал с ужасом смотреть на это лицо. В своей поношенной и вылинявшей рубашке он казался неуловимым деревенским парнем, навеки затаившим в душе страх, который передавался из поколения в поколение. Кхак ждал ответа. Почтительно согнувшись, Мок сказал, глядя прямо в глаза Пожье:

— Господин, я не знаю этого человека...

— Ах ты сволочь!

Пожье долго выругав проклятия, потом крикнул одному из жандармов:

— А ну, Динь, покрути-ка ручку!

С Мока сорвали рубашку, повалили на пол и приставили к телу провода. Динь прижал Мока ногой и стал крутить рукоятку.

— У-у-у-ой! Ма-а-а-мочка моя родная!..

Мок завывал на полу и оглушительно орал.

— А ну, Динь, поддай еще!

Рукоятка завертелась с бешеной скоростью. Мок уже не кричал, а издавал какой-то животный вой.

— Ну, стерва, будешь говорить?

Мок задышался и хрипел.

— Будешь говорить?

— О боги, прошу вас, господин...

— Говори!

— Прошу вас, господин, я ничего не знаю...

— Динь, крути еще!

Когда у Мока изо рта показалась иена и он потерял сознание, Пожье подвинул свое кресло к Кхаку.

— Ты упрямый, — спокойно сказал он, раскуривая сигарету, — но я упрямее и буду допрашивать тебя хоть до утра.

— Я сказал все. Сколько бы вы ни били меня, мне нечего больше сказать.

Мок уже пришел в себя и прислушивался к разговору.

— Динь! Принеси чашку кофе покрепче.

Кхак покосился на Мока, неподвижно расластанным на полу, и понял, сколько мужества и хитрости было у этого парня. Отаренный глаз Кхака уставился на Пожье.

— Господин инспектор, — произнес он шепотом, — вам не следует слишком доверять своим осведомителям. Чаще они из мести или из корысти наговаривают на них в чем не повинных людей.

Кхак заметил, как у Мока дрогнули веки.

— Молчать! — заорал Пожье. — Динь, давай машину!

...Часа в три утра два жандарма приволокли и бросили в камеру бесчувственное тело Кхака.

XXIV

Едва приходя в себя, Кхак снова терял сознание, его мучили кошмары. То вокруг него была беспросветная тьма, он будто лежал в могиле, то эта тьма становилась багрово-красной и его окружали какие-то чудища. Иногда ему виделась водная гладь, покрытая рябью, слышался плеск прибрежной волны. Да это же переправа, куда он хотел привести жандармов! Кругом ни души! Вдоль берега густой камыш. Стоит только отбежать на несколько шагов, и его не найти в этом камышовом лесу. В горячем мозгу мелькали фантастические картины. Он хотел что-то сказать, но язык не повиновался ему. Только откуда-то из глубины груди вырвался хриплый стон, и все снова погрузилось в темноту, закружилось, как рукоятка магнето...

Вдруг ему показалось, что в воздухе что-то вспыхнуло и загорелось красным пламенем. Он приоткрыл глаз

и увидел светильник. Вот появились чьи-то глаза, они пристально смотрели на него. «Ан!» — подумал Кхак и хотел пошире открыть свой глаз. Но нет, это не Ан, это какой-то обритый наголо мужчина. Он присел рядом и стал ощупывать ноги Кхака.

— О-о-о!

Острая боль пронизала все тело, и он застонал. Сей час ему хотелось только одного — снова погрузиться в спасительное забытие. Он закрыл глаза, но тут же услышал шепот:

— Кажется, очнулся...

— Скорее! Вернутся французы — хлопот не оберешься.

— Вы не беспокойтесь, ворота на замке. Пока будут открывать, я тут все приведу в порядок.

Бритый, ощупывая раны, наклонился к Кхаку и спросил шепотом:

— Ты слышишь меня?

Кхак слышал, но не ответил. Он не мог понять, что это за люди. Свои или нет? Бритый что-то делал, шумно дул. Кхак приоткрыл глаз. У стены стоял еще человек. А, это тот молодой надзиратель... Бритый вилотную придвинулся к Кхаку.

— Вышей немного.

Он усадил Кхака, поддерживая его за плечи, и, приклонив к стене, стал осторожно поить горячим молоком, вливая его поемному сквозь распухшие, заперкшиеся губы.

— Ну хватит, выходи, я запру камеру. Уже светает, — торопил надзиратель.

Бритый задул светильник и вышел, унося с собой банку с молоком и чашку. Дверь захлопнулась, в камере снова стало тихо.

Кхака непрерывно пытали в течение четырех дней. Казалось, нервы уже атрофировались, но его снова подвешивали за руки, заставляя «танцевать», вливали в него по ведру воды, так что живот неимоверно разбухал, и снова пропускали электрический ток... Не раз он почти умирал, но его снова воскрешали и снова заставляли умирать...

На каждом допросе повторялось одно и то же:

— Где горком?

— Я не знаю никакого горкома.

- Где печатают газету?
- Не знаю.
- Где Партийный комитет Севера?
- Не знаю.
- Кого завербовал здесь?
- Никого не успел...

В результате получалось, что Кхак «выдал» лишь какого-то Хоана, который носит европейское платье и черную фетровую шляпу и с которым он якобы условился встретиться в будущем месяце.

С каждого допроса Кхака уносили без сознания. И каждую ночь, ближе к рассвету, если дежурил молодой надзиратель, в камеру к Кхаку приходил незнакомый бритый арестант и поил его горячим молоком. Однажды он принес даже медвежью желчь. Это трогало Кхака до слез, но все-таки он решил быть осторожным. Кто знает, что это за человек. Может, «подсадная утка». Они чередом так делали — подсаживали к заключенным своих, которые выдавали себя за арестованных, и выпытывали то, что не удавалось узнать на допросах. В самом деле, откуда у этого заключенного молоко и тем более медвежья желчь?

Как-то ночью, воспользовавшись тем, что надзиратель вышел, Кхак решил заговорить с этим человеком.

— Как тебя зовут?

— Мам, — ответил тот тихо, не переставая массировать ноги Кхака.

— Ты давно в тюрьме?

— Почти три месяца.

— За что тебя взяли?

— Мы работали на строительстве аэродрома в Катби. Однажды отказались от еды и потребовали, чтобы подрядчики кормили нас хорошим рисом. Они сбывали в наши лагеря испорченный рис и тухлую рыбу. Арестовали больше двадцати человек и привезли сюда. Несколько раз допрашивали, пытали, а потом отпустили. Только меня и еще одного парня оставили, потому что мы ругались с ними.

Кхак знал эту историю. Все соответствовало истине.

— Им, видно, надоело избивать нас. Сейчас моего дружка отправили к уголовникам, а меня держат еще здесь, в открытой камере. Говорят, скоро отправят в лагерь для заключенных.

— Вряд ли им удастся засудить тебя. Вышлют в лагерь на некоторое время, вот и все.

Мам улыбнулся.

— Слушай, ты не из деревни Тям? Я ведь из Гань.

— Ну?

Разбитые губы Кхака тронула улыбка.

— Я слышал о тебе, когда ты был еще на Пуло-Кондор. Я иногда помогал твоим в поле. Куен знает меня.

Кхак положил свою разбитую руку на руку Мама, как бы желая пожать ее.

— Ребята из уголовного, да и здесь тоже, постоянно спрашивают о тебе. А один, начальник уезда из Лай-тяу, что сидит у нас здесь, прислал медвежий желчи — полечить раны. Ну, сегодня тебе полечит?

Послышались шаги надзирателя, и они замолчали.

Несколько дней Кхака не трогали. Заключенных было много, допрашивали в коридорах тюрьмы, а то и в камерах. Крики, стоны, плач и проклятия не смолкали ни днем, ни ночью. Тюрьма походила на бойню. После допросов Кхак так ослабел, что не держался на ногах. Кожа на больших пальцах рук была сорвана, висты распухли. Комитет взаимопомощи заключенных прислал ему биитов и ваты. На раны наложили повязки. Лицо Кхака было обезображено до неузнаваемости, оно раздулось так, точно его искусили осы.

Даже старый надзиратель, злобный, желчный старик, и тот проникся к Кхаку сочувствием. Иногда днем он на несколько минут приоткрывал дверь в камере Кхака. Прямо против двери в коридоре было большое зарешеченное окно, которое выходило на тюремный двор. Под окном росли два дерева — сливовое и абрикосовое. И вот сейчас, накануне Нового года, в мрачном тюремном дворе на деревьях среди свежее зеленой листвы распустились нежные, ослепительно-белые цветы. Когда в тюрьме не было французов, старик надзиратель на некоторое время освобождал его от колодок. Кхак подползал к двери камеры и, прильнув к окну в коридоре, не отрываясь смотрел на цветущий абрикос.

Во дворе разменивалось два отделения. Одно — для политзаключенных, ожидающих суда или уже осужденных, другое — для уголовников, проституток и спекулянтов...

Заключенные, выходя во двор на прогулку, старались

пройти мимо окна и незаметно подать Кхаку знак, что они о нем знают и восхищаются его мужеством. Однако к окну подошел пожилой мужчина в шерстяном свитере и крикнул:

— Молодчина! Ты настоящий ас!..

Потом Кхак узнал от Мама, что это был тот самый начальник уеада, которого арестовали за контрабандную торговлю опиумом.

Как-то вечером Кхак разговорился с молодым надзирателем. Тот сказал, что состоит в организации бойскаутов. Родные похлбомали за него, дали кому-то взятку, и год назад бойскаута устроили надзирателем в тюрьму. Однако полая работа была ему не по душе. Дело в том, что по уставу бойскаут должен ежедневно сделать доброе дело, что в условиях тюрьмы не так-то просто. Чтобы получше узнать этого человека, Кхак однажды сам попросил у него разрешения выйти на несколько минут в коридор. Парень замаялся и, ничего не ответив, вышел из камеры. Однако в девять вечера он так же молча вошел, сшил у Кхака колодку и разрешил посидеть у раскрытой двери камеры. Кхак сел, опершись спиной о косяк, и с удовольствием вытянул ноги. В ответ на его благодарность надзиратель тихо сказал:

— Удивительный вы народ. Даже в тюрьме не падаете духом!..

— Ну, а для тебя это возможность сделать доброе дело, — пошутил Кхак.

Парень слегка покраснел.

С тех пор каждый раз, дежуря в ночную смену, он выпускал Кхака из камеры минут на пятнадцать, а то и на полчаса. Сам же обычно стоял рядом и задумчиво слушал рассказы Кхака о жизни на Пуло-Кондор. Иногда Кхак пересказывал ему горьковскую «Мать».

— А ты не боишься, — спросил его как-то Кхак, — что тебе влетит за меня?

Молодой тюремщик улыбнулся.

— Узнают — прогонят, конечно. — Он вздохнул. — Рано или поздно я и сам уйду отсюда. Здесь всю совесть растеряешь... Ты вот исподтипки презираешь меня?

— Работу твою, — ответил Кхак как можно мягче, — благородной, конечно, не назовешь. Но многое, скажу я тебе, зависит от самого человека. Помнишь, как в песне поется: «Лотос на болоте растет, но болотом не пахнет».

Если у тебя есть совесть, и здесь добро можно делать. А ведь здесь это куда ценнее...

Парень ничего не ответил.

— Тебя как звать? — помолчал, спросил его Кхак.

— Хочешь знать мое имя? — ответил тот печально: — Меня зовут Кханг.

Он ушел. В эту ночь дверь камеры оставалась открытой очень долго.

Находясь круглые сутки взаперти, Кхак только через Мама узнавал кое-что о своих. Хая пытали еще дважды, но он отвечал только то, чему его научил Кхак. Не добившись ничего, Пожые оставил его в покое. Тем более что показания Хая и Кхака совпадали, Кхак хотел попросить Мама узнать, не соизнался ли в чем Мок, но, подумав, отказался от этой мысли. Все таки он еще не вполне уверен в этом Моме. Ведь они с Моксом утверждали на допросах, что не знают друг друга... Но Мам сам рассказал как-то, что Мока продолжают пытать. Это очень тревожило Кхака. Однажды в полдень Кхак услышал голос Мока, который просился в туалет. Кхак тут же забарабанил кулаком в дверь, громко требуя сводить и его в туалет. К счастью, когда он вошел туда, Мок еще был там. Надзиратель стоял рядом, не сводя своих совиных глаз с Кхака. Подойдя к писсуару, Кхак кашлянул. Мок показался было из кабины, но, увидев надзирателя, тут же скрылся за дверью.

— Потерпите-ка! — подговаривал надзиратель Кхака.

Кхак медлил. Наконец из кабины появился Мок. Лице его было разбито, оно распухло и было черно от кровоподтеков. Одежда висела лохмотьями, вся в пятнах засохшей крови.

Мок шел пошатываясь, опираясь о стены. Быстро взглянув на Кхака и на надзирателя, он бросил со злостью:

— И какая только сволочь наговорила на меня! Запутали допросами. Чуть не до смерти забили, а за что — и сам не знаю!

— Молчать! — подсочил надзиратель. — Сейчас же по камерам! Оба!

Кхак с Моксом переглянулись. Мок пошел за надзирателем, скрестив руки за спиной. И тут Кхак заме-

тил, как ладонь его левой руки медленно сжалась в кулак. Молодец! Теперь Кхак был спокоен: им не удалось сломить Мока.

А вечером Мам с удивлением узнавал, что Кхак, лежа в колодах, что-то тихо напевает.

— И ты еще можешь петь? — удивился Мам.

— Лежишь лежишь целый день, делать нечего, вот и поешь. Да и время так быстрее идет.

Мам присел рядом.

— В тюрьме день действительно долгий. Я здесь часто вспоминаю наши края...

Мам стал выслушивать рассказы Кхаку о родных местах, о семье тетюшки Муй, о Кое, о старике Ты Га-те и о советнике Кхане. Ему очень хотелось рассказать и о Соан, но он почему-то промолчал.

— В тюрьме три месяца — точно три года. Правда, тут я узнал немало нового. Вот с нами, например, встретился. Теперь я знаю, что это за люди — революционеры.

Кхак внимательно прислушивался к тому, что говорил Мам.

— Ну, а чему ты здесь учишься?

Мам провел ладонью по бритой голове.

— Куда мне учиться, я и буква-то как следует не знаю.

— Будешь учиться — все узнаешь! Ведь ты уже вступил на революционный путь. А революционеру нужно много знать. Сначала нужно выучиться читать и писать. Тут тебе помогут ребята. А сегодня ночью, когда придешь ко мне, я расскажу кое-что о революции.

Теперь Мам не пропускал дня, чтобы не зайти к Кхаку хоть на несколько минут.

Мама по-прежнему держали в открытой камере. Он убирал тюремные помещения и, точно слуга, выполнял поручения надзирателей. Его считали гауноватым деревенским парнем, человеком, далеким от политики. С утра до вечера он был вечно чем-нибудь занят. Доходило до того, что старый надзиратель приносил ему для стирки белья всей своей семьи. Но зато Мам мог свободно разгуливать по тюрьме, а иногда даже выходил за ворота, чтобы подмести двор и улицу, убрать камеры предвзятых заключенных. В полдень и поздно вечером, когда жандармы разъезжались по домам, особенно в смену бойскаута, Мам приходил к Кхаку поговорить. Иногда он входил в камеру и садился рядом с Кхаком, иногда

да оставаясь в коридоре и слушал его через окошко в двери. Говорить им удавалось минут пятнадцать, самое большее — полчаса. Кхак старался как можно подробнее рассказать о том, что узнал сам за годы революционной борьбы, тюрем и каторги. Эти своеобразные курсы шли уже большие недели. Как-то ночью, после беседы о том, какое общество хотят построить коммунисты, Мам надолго замолчал, не решаясь что-то спросить у Кхака.

— Ты о чем задумался? — спросил его Кхак. — Не стесняйся, спрашивай...

Мам вскинул на Кхака глаза, но тут же опустил их, так и не проронив ни слова. Однако через минуту он все-таки решился.

— А смог бы и я когда-нибудь стать коммунистом, ну, таким, как вы?

— Почему же нет? — Кхак взял его за руку. — Завтра я расскажу тебе о коммунистической партии. А сейчас иди к себе. Скоро смена. Придет старик, увидит тебя, заподозрит неладное... Да, постарайся достать мне завтра листок бумаги и карандаш.

Мам ушел, а Кхак долго не мог заснуть, лежа на своих холодных досках. Он думал о Маме. Теперь он верил в него. Верил, что скоро незыблемая армия коммунистов примет в свои ряды нового товарища. Никому и никогда не уничтожить ее! Она живет даже здесь, в крепости врагов! Кхаку еще не удалось выяснить, существует ли в тюрьме партийная организация. Она должна быть, и если он свяжется с ней, то сумеет сообщить о себе на волю. В последнее время он обдумывал план побега. Для этого прежде всего нужно было, чтобы кто-нибудь добился свидания с ним. Тогда он сумеет передать товарищам свой план. Можно, впрочем, переслать записку, условиться о дне. В этот день Кхак поведет жандармов к переправе Ка. У этой заброшенной переправы будет легко отбить его. Достаточно добежать до камышей, где его будет ждать лодка, и он на воле! На лодке они мигом доберутся до тор, а там никакая погоня не страшна.

Мысль о записке возникла у Кхака однажды утром, когда сквозь зарешеченное окошечко он увидел, что в коридор, как обычно по утрам во время уборки, вошел заключенный. Это был один из тех, кто уже получил срок и дожидался отправки. Кхак видел его здесь впервые. За-

заключенному было лет за пятьдесят. Волосы у него были уже седые, на одутловатом лице выделялись бескровные губы. Кхак решил поговорить с ним.

— За что вас взяли?

Мужчина вздохнул.

— Это долгая история. Подбросили мне на поле рисовую барду и привели таможенного инспектора. Ну и забрали.

— Откуда вы родом?

— Из уезда Сюси-ха в провинции Тхай-бинь.

Закончив уборку, он немного постоял, поджидая других заключенных, убравших кабинеты в верхнем этаже, потом вместе с остальными отправился за ворота тюрьмы.

С тех пор каждое утро, едва начинался рассвет, он появлялся с вееником в коридоре. Кхак уже поджидал его, чтобы перекинуться несколькими словами. И наконец Кхак решился.

— Вы не смогли бы, когда пойдете в город, передать жене записочку?

— Отчего же нет? Конечно, передам. А вы, значит, женаты? И дети есть?

— Дочка. Меня забрали в дороге, так что дома ничего не знают.

— Вот беда! Ну, давайте записку!

— Я ее еще не написал. Завтра напишу. А вдруг заметят?

— Не заметят. Они мне часто поручают купить что-нибудь в городе.

...Было уже за полночь. Завтра Мам принесет бумагу и карандаш, и он напишет Ан. Это будет обычное письмо, какие мужья пишут своим женам. Даже если перехватят, все равно ничего не поймут. Губы Кхака тронула улыбка. А разве не жена она ему? Бедная! Но ничего, придет день, и они снова будут вместе, тогда уж ничего до самой могилы не разлучит их.

На следующий день, в полдень, Мам принес бумагу и острый карандаш. Но часа в три вдруг загремел железный засов ворот. Мам успел подбежать к двери и крикнуть: «Робер приехал!» Кхак поспешно свернул бумагу и сунул ее под резинку штанов.

Робер приказал открыть камеру Кхака.

— Идти можешь?

— Могу.

— Отлично! Принято распоряжение доставить тебя в Ханой. Мы здесь обходились с тобой слишком вежливо. В Ханое тебе покажут! Твой Партийный комитет Севера накрылся. Теперь не отвертись, все расскажешь!

Лицо у Робера было злое. Кхаку показалось, что он едва сдерживается, чтобы не наброситься на него с кулаками.

— Ну, что стоишь?! — заорал он. — Алле!

Кхак даже не успел оглянуться. Щелкнули наручники, и его вытолкнули из камеры. Записку отправить так и не успел! Но что же произошло с комитетом? Кхак обернулся, отыскивая взглядом Мама. Не удалось рассказать ему о партии... Мам высунулся из двери своей камеры, и, когда Кхак обернулся, тот сделал прощальный жест. Прощай, Мам! Ты теперь и сам найдешь дорогу в партию.

Кхака вывели во двор. Тут Робер не выдержал и из всех сил толкнул его. Кхак повалился в машину.

XXV

Через полмесяца после того, как исчез Зэнг, Ан, вернувшись домой, увидела на полу в прихожей письмо. Видимо, его бросили в дверную щель.

Судя по штемпелю, письмо было из Ханоя. Почерк незнаком. Она вскрыла конверт. Письмо было написано карандашом на листке из ученической тетради.

«Ан, я уже давно не писал домой, и ты, наверно, волнуешься... Боже мой!.. Ан сразу все поняла, из глаз у нее хлынули слезы. Она прикрыла дверь и, сжимая в трясущихся руках письмо, торопливо вошла в комнату.

«С тех пор как мы расстались, я несколько раз собирался написать, но было все некогда. Сегодня наконец удалось выбрать время. В эту поездку мне очень не повезло, и я потерпел большой убыток. Все из-за своей доверчивости. Сходи к Гай и расскажи ей об этом. Скажи, что хозяин часовой лавки на Мак-виен просто обманщик, ему нельзя доверять. Я попросил его продать ручные часы, а он, подлец, присвоил их. Скажи Гай, пусть она не гонится за прибылью и прекратит с ним всякие дела. Не то вообще потеряем все наши сбережения. Да, если она свободна, пусть приедет в Ханой — и столицу посмотрит, и со мной увидится. Если же не

смокет, пусть возвращается в деревню и ждет там до двенадцатого этого месяца. Двенадцатого я привезу дядюшку Тхама к переправе Ка, чтобы он сам посмотрел наш апельсиновый сад. Если ему понравится и если он даст подходящую цену, сразу же составим документы о продаже. Тогда надо собрать всех наших родичей. Нечего больше тянуть, и, если благополучно покончим с этим делом, я останусь в деревне, там встретим Новый год.

Пишу немного, только чтобы ты не волновалась. Все время помню о тебе, помню и люблю, люблю так, что словами не скажешь. Береги себя, скоро будем вместе. Не думай ничего плохого. Бесконечно тоскую по тебе, жена моя любимая. Сейчас, в это трудное время, мысль о тебе придает мне бодрость и силу.

Твой муж».

Слезы все разлились и капались. Ан никак не могла успокоиться. Конечно же, Кхак прав, она действительно его жена! Боже, его схватили и увезли в Ханой! Как же теперь найти Гай? С тех пор как она приходила к ней на работу, от нее не было никаких вестей. Где искать ее? Многое в письме было неясно Ан. Но она догадывалась, что письмо это очень важное. Она читала и перечитывала конец письма. Любимый, я тоже ни на минуту не переставала думать о тебе! Бедный ты мой, как ты там с твоим здоровьем?!

Ан не могла усидеть на месте. Она то и дело вскакивала, ходила по комнате, и плакала, и смеялась, прижимая к груди дорогой листок. Аккуратно сложив его, она спрятала письмо в карман, но тут же достала и снова принялась перечитывать. Только когда вернулся Сон, она вспомнила о домашних делах и бросилась на кухню. Ан рассказала брату о письме, и они стали соображать, как им найти Гай.

Вечером Ан отправилась в рабочий поселок цементного завода, но там никто толком не знал о Гай. Одни говорили, что она ушла с завода и занялась торговлей, другие — что уехала к себе в деревню. Только Маи, старый рабочий, спросил, зачем ей понадобилась Гай. «Она мне очень нужна по личному делу», Маи подумал и сказал, что иногда он видится с Гай и, если завтра встретит ее, передаст просьбу Ан. Домой Ан вернулась несколько обнадеженная.

На следующий день она отпросилась с работы и пошла в Тхюи-гуен повидаться с бабушкой. Та очень обрадовалась внучке.

— Что же ты никогда не зайдешь? Под Новый год обязательно приезжайте с сестрой погостить у меня!

— А что, бабушка, Гай бывает здесь?

Старушка замялась.

— Раньше навещалась, но вот уже с полумесяца не видеть...

Ан сказала, что, если Гай появится, пусть сразу едет в Хайфон, есть письмо от Зёнга.

Дома Ан мучило нетерпение, но она решила подождать дня два. Если Гай не придет, она сама поедет в Хаюй разыскивать Зёнга. Впрочем, чего ждать? Завтра же и поедет! Но где искать его там? Нужно сходить еще раз к Ману, спросить, где держат арестованных и разрешают ли свидания с ними. Ан вздохнула. Скорее в рабочий поселок!

Старый рабочий немало удивился, увидев Ан в столь поздний час. Но не успел он спросить, в чем дело, как Ан сказала:

— Дядюшка, мне очень надо поговорить с вами!..

Они прошли под мост, который находился рядом с цементным заводом.

— Ну, что случилось, чего ты так разволновалась?

— Дядюшка, вы виделись с Гай?

— Нет еще.

— А вы не знаете, где держат арестованных?

— Смотря каких арестованных.

— Ну, таких, скажем, как... мой дядя.

— Политических, значит. Их забирают в жандармское управление.

— А родственников к ним пускают?

— Точно не скажу. Слышал, будто по каким-то дням к ним пускают родных, но это тоже не просто. Надо кое кому дать. А что, у тебя кого-нибудь арестовали, что ли?

— Да... — Ан едва не плакала, но какая-то сила помогла ей сдержаться.

Ман задумался.

— Ты вот что, сходи-ка к жене Лионга. У нее ведь мужа забрали, она должна знать.

«И правда, как это я не догадалась?» — подумала Ан

и тут же распрощалась с Мапом. Она не знала, что прежде, чем вернуться домой, старый рабочий зашел по дороге еще в одно место.

От жены Лыонга Ан узнала о порядке свиданий с политическими заключенными. Оказывается, с тех пор как забрали Лыонга, жене ни разу не разрешили увидеться с ним. Правда, продукты и одежду принимают. И то счастье!

На следующий день к вечеру Ан с кошечкой в руках уже была в Ханое и прохаживалась по тротуару возле Центрального жандармского управления. Время от времени железные ворота раскрывались, пропуская служащих, и тогда в щель этих ворот Ан видела часового с ружьем на плече. Ей хотелось подойти к часовому, расспросить его, но едва она направлялась к воротам, как от страха у нее начинали дрожать колени, и она возвращалась, садилась под дерево, дожидаясь, пока из ворот выйдет кто-нибудь не такой грозный с виду, у кого она смогла бы разузнать, как ей быть. Но как узнать, к кому обратиться! Они ведь все здесь бессердечные звери! Пропуло несколько часов, пока она наконец переняла улицу и робко подошла к часовому. Сердце ее отчаянно колотилось.

— Тебе чего?

— Будьте добры, скажите, могу ли я повидать своего родственника?

— Ничего не знаю. Проходи!

Ан снова принялась бродить взад-вперед по тротуару. Рядом с жандармским управлением находилось несколько лавчонок и закусовых. Ан вошла в закусную, заказала чашку чаю и стала осторожно расспрашивать молодую хозяйку.

— Скажите, пожалуйста, здесь разрешают свидания с родственниками?

— А у вас кто-нибудь арестован?

— Да...

— Разрешают. Тебе повелено: разрешают раз в месяц, и как раз в это воскресенье будут пускать. Вон через те ворота, справа,

— А сегодня нельзя?

— Я же сказала: в воскресенье утром.

— А скажите, там их сильно бьют?

— Что и говорить! Недаром зовется Центральное управление. Им и до смерти забить ничего не стоит.

Ан не выдержала и заплакала. Хозяйка расчувствовалась.

— Ты вот что, приходи в воскресенье, часов в шесть утра. Тут один сержант ходит ко мне завтракать, попробую попросить за тебя. За два донга он тебе расскажет, как и что.

— Попросите, пожалуйста, помогите мне! Я вас отблагодарю.

— Какая там благодарности! Не забудь только захватить денег, без них тут ничего не добьешься, хоть весь лоб расшиби в поклонах.

Ан поплелась на вокзал. Куда теперь ей деваться с этой передачей? Ведь до воскресенья еще целых три дня!

Ан была в полной растерянности. На работе она не раскрывала рта, и только дома, готовя передачу Кхаку, немного оживала. Ей удалось занять у подруг десять донгов, да у нее еще было отложено двадцать, и она купила все необходимое. Прежде всего лекарства. Они, конечно, пытаются его там! Ан купила камфарного масла, флакон медвежьей желчи и, по совету продавщицы, йодной настойки, ваты и бинтов. Из продуктов она взяла банку сгущенного молока, полкилограмма сушеного мяса и апельсины. Ан распоролла свое коричневое платье и сшила из него рубашку и трусы. Она не решилась тратить деньги на новую одежду, боясь, что не хватит на взятки. В эти дни, чтобы заработать побольше, Ан сидела до двух часов ночи.

В пятницу поздно вечером к ней пришел Ман с каким-то неизвестным человеком. Ан сразу поняла, что у них какое-то дело, и отправила брата погулять.

— Ан,— тихо сказал старый рабочий, когда они остались одни,— этому человеку ты можешь сказать все, что ты хотела сказать Гай.

Ан молча посмотрела на незнакомца, потом снова на Мана. Его-то она хорошо знала, но что это за человек с ним...

— Гай теперь трудно найти. Но ты не сомневайся, Тхиет — свой человек,— как бы угадав ее мысли, сказал Ман.

— Не скрою от тебя, — заговорил Тхьет, — Гай нешла на задание и до сих пор не вернулась. Боимся, не случилось ли с ней чего. Ты получила весточку от Зёнга? Он мой друг. Вот смотри, тебе, наверное, знакома эта вещь.

С этими словами Тхьет развернул газету, и Ан увидела свой серый свитер. Свитер здесь, а Зёнга нет, он в тюрьме... На глаза у Ан навернулись слезы. Она не знала, что делать. Отдать этому человеку письмо? Но ведь там написано такое, что Зёнг писал только ей. И все-таки она решилась.

— Да, муж прислал мне письмо. Он пишет о вещах, которые я не могу понять, но, наверное, это очень важно. Тхьет взял письмо и внимательно прочел его.

— Тебе удалось встретиться с ним?

— Я сидела в Хан-эй, но мне сказали, что пускаться будут только в воскресенье.

— Значит, завтра ты снова поедешь?

— Да. Правда, говорят, получить разрешение нелегко.

— Как же сообщить ему? — пробормотал Тхьет. — И ему они, конечно, не допустят. Вот что, сделаем так! Передай ему этот свитер, и он все поймет... Хорошо? Постарайся обязательно переслать свитер. Если добьешься встречи, будь осторожна, они будут за вами следить. А когда вернешься, расскажешь все Ману.

Мужчины ушли. Ан стала опять читать письмо. Что ждет ее завтра? Удастся ли повидать Зёнга?

В воскресенье, едва забрезжил рассвет, Ан уже сидела против железных ворот. Вскоре пришла хозяйка лавочки.

— Ты уже здесь? — удивилась она. — Когда же ты успела?

В половине седьмого явился сержант и сел завтракать.

Хозяйка подошла к нему.

— Господин сержант, помогите мне в одном деле.

— Что за дело?

— Ко мне приехала племянница из деревни. Хочет попасть на свидание к родственнику.

Сержант взглянул на Ан, и его жирные губы расплылись в улыбке.

— Это ты хочешь получить свидание?

— Да, господин, — как можно вежливее ответила Ан.

— С кем?

— С мужем. Его зовут Зёнг.

— Зёнг? Не знаю такого.

Хозяйка взяла у Ан два донга и сунула их в карман жандарму.

— Вы уж узнайте, помогите племяннице. Там две бумажки.

Сержант довольно улыбнулся.

— Ты вот что, милая, бросай-ка своего мужа, пока не поздно, от нас он скоро не выберется. А если и выберется, то только тогда, когда пройдет пора любви...

Жандарм захохотал. Хозяйка улыбнулась.

— А сейчас, сержант, вы ей все-таки помогите. Скоро начнут пускать.

— Пожалуй, помогу, и не только в этом. Она еще кое на что может рассчитывать, — ответил жандарм и снова захохотал.

Покончив с завтраком, он поднялся.

— Пошли!

— Сейчас я приведу тебя к сержанту Куану, — говорил он по дороге. — Понятно? Ты дай ему бумажки три, понятно? Разрешение на свидание можно получить только через него. Муж твой прошел через предвариловку?

Ан не поняла.

— А что это такое?

— Вот деревня! Понимаешь, пока человека допрашивают, его держат в камере, а кончат допрос, переводят в предвариловку. Свидание разрешают только там.

Вместе с сержантом Ан, миновав проходную, вошла во двор жандармского управления. Там они повернули и пошли вдоль высокой стены, утыканной битым бутылочным стеклом, поверх стены была натянута колючая проволока. Под стеной уже сидели бедно одетые женщины, в руках у каждой была конекка. Несколько женщин в городских платьях стояли у внутренних ворот, где прохаживались несколько жандармов. Сержант показал Ан на одного из ппх.

— Вот тот, в тюрбане, и есть Куан.

Наконец железные ворота со скрежетом открылись.

Сержант Куан махнул рукой одной из женщин.

— Подойдите сюда и ждите, — сказал он, — я уже вызвал вашего мужа.

В воротах появился мужчина, босой, в брюках и рубашке европейского покроя. Он протиснулся сквозь узкую щель в воротах и подошел к женщине. Их окружили жандармы. Женщина передала мужу сверток. И все время, пока они разговаривали, мужчина не выпускал руку жены из своей.

— Пять минут прошло. Свидание окончено. Заходи!

К арестованному подошел жандарм и подтолкнул его к воротам. Мужчина скрылся за тяжелыми створками, а женщина еще долго смотрела ему вслед, вытирая платком глаза.

Ан перешитительно приблизилась к Куану.

— Господин сержант...

— В чем дело?

— Прошу вас недействовать мне. — Она сунула ему в руки три донга.

— Имя?

— Зёнг, господин сержант.

— Не знаю такого.

— Его арестовали в Хайфоне и перевезли сюда.

Ан дала еще один донг.

— В Хайфоне, говоришь, арестован? — сержант занес его в список. — Его же Кхаком зовут.

— Дома мы звали его Зёнгом...

— Следствие по его делу еще не закончено, и свидания с ним не разрешены.

— Господин сержант...

— Сказано тебе, следствие не закончено. Через месяц, если закончат, приходи, увидишься.

— Тогда прошу вас, возьмите небольшую передачу.

— Что у тебя там?

Сержант стал копаться в кошелке.

— Лекарство заberi назад. И одежду. Молоко и апельсины оставь, я потом отнесу.

— Прошу вас, разрешите передать лекарство и одежду. Погода сейчас холодная...

— Поговори у меня, вот возьму и выкину все твоё барахло! — Сержант зло посмотрел на Ан. — А вдруг ты ему яду принесла? Иди!

Глаза Ан наполнились слезами. Она отошла от ворот, но уйти совсем она была не в силах.

— Иди сюда.

Какая-то женщина взяла Ан за руку и отаела в сторону.

— Следующий раз никогда не передавай через него! Он только и знает что срать. Вот подожди, придут из комитета взаимопомощи, они возьмут. А этот, что ни передашь, все себе присвоит. У меня уже сколько раз так передачи пропадали.

— Откуда же мне было знать? — Ан расплакалась.

— Твоего давно арестовали?

— Недели три. Даже не знаю, жив ли...

— Ладно, я помогу тебе. Давай мне вещи, я положу к себе. Лекарство не надо, а ты еще придержишься. Сейчас у меня с мужем будет свидание, я попрошу его, он передаст. Твоего Зёнгом вроде зовут?

— Да. Большое спасибо вам! Он у них записан как Кхак. Его арестовали в Хайфоне. Пусть скажет, что от жены Ан, тогда не ошибется.

И Ан, не помня себя от радости, протянула ей сверток.

— Подожди меня на улице, — сказала женщина, — когда свидание кончится, я расскажу, что и как.

Ан ушла. Примерно через час появилась ее новая знакомая.

— Все в порядке! Кругом стояли жандармы, но я ему успела шепнуть.

Ан схватила женщину за руку.

— Какое счастье, что я встретила вас! Где вы живете?

— На Куан-тионг. Спроси Мен, продавщицу пшеники, тебе любой покажет. Жаль, что мы не передали лекарства. Муж сказал, что твоему нужно лекарство от бери-бери. Ты сразу едешь в Хайфон? Может, зайдешь ко мне, посмотрю, где я живу? А от меня до вокзала недалеко.

Ан согласилась, и они пошли вместе, связанные одним горем.

XXVI

Когда ребята из комитета взаимопомощи принесли сверток, Кхак лежал у себя в камере. Он понимал, что восточки ему ждать не от кого, надежды на это почти нет, и все же ждал. Письмо, которое на прошлой неделе

ему удалось послать с одним из уголовников, наверняка не дойдет. А если и дойдет, то вряд ли Ан сумеет дойти свидания! И все-таки где-то в глубине души он надеялся... А вдруг? Сегодня он внимательно прислушивался, кого вызывают на свидание. Он знал, что подслушивать свидания не разрешаются, и все же целенаправленно прислушивался. Но вот время свиданий истекло. Никого!

И вдруг:

— Твою жену зовут Ан? — Кхак даже всколыхнул от неожиданности.

— Что? Жена прислала?

— Передача тебе.

И дверь камеры захлопнулась. Кхак развернул сверток и увидел серый свитер, который он отдал когда-то Анну. Сердце готово было выскочить из груди. Вот это да! Такого он никак не ожидал. После того как он отправил письмо, в тюрьму привели новую партию арестованных, в которой он увидел Гай. У него в глазах потемнело. Когда ее схватили? Где? За что? Кхак знал, что Ан сделает все, чтобы разыскать Гай, и вот теперь это невозможно. С арестом Гай исчезла всякая надежда связаться со своими. Рушился весь его тщательно продуманный план...

И вдруг этот свитер! Значит, Ан сумела связаться с Ланом, значит, его письмо дошло до горкома, до Тхиста! Ну какая же молодчина его Ан! Ему хотелось целовать этот свитер и старенькую рубашку, которую Ан сшила из своего платья. Кхак, растроганный, прижал ткань к лицу. Ему казалось, что он обнимает Ан.

Вечером Кхак уже считал себя почти выздоровевшим. Стиснув зубы и не обращая внимания на боль в распухших ногах, он пробовал ходить по камере. Ему предстоял побег, надо было подготовиться себя. Однако через несколько минут Кхак, обессиленный, опустился на пол. От боли на глазах выступили слезы. Но он снова поднялся и, преодолевая боль, пошел, неуверенно и осторожно, как ребенок, который учится ходить.

Кхак добрался до двери и громко крикнул: «Надзиратель!» Надзиратель открыл камеру и хотел было взять его под руку, чтобы довести до туалета, но Кхак отстранил его: «Я сам...» Он вышел в коридор. С каждым шагом боль поднималась все выше, пронизывая тело.

Медленно, шаг за шагом, Кхак дошел до середины коридора. Он обивался холодным потом, но в глазах светилась торжество. Он присел отдохнуть. Из окна ему были видны тюремные ворота. Сегодня утром тут проходила его Анг... Он не мог отвести взгляд от тяжелых, наглухо закрытых створок.

И вдруг они открылись. Во двор вошел жандарм и заговорил с часовым. Кхак обвел взглядом длинный мрачный коридор, по которому арестованных обычно вели на допросы. В самом конце коридора открылась дверь, и Кхак увидел залитую солнцем улицу. Мелькнул велосипедист, проехала ручная тележка, пришла женщина в длинном платье. Там была свобода! Но вот жандарм ушел, дверь захлопнулась, и все исчезло. Опять перед глазами тяжелые ворота и высокая мрачная стена. С натянутой над ней колючей проволокой...

— Поторапливайся, Кхак!

Голос надзирателя вывел Кхака из задумчивости. Сжав зубы, он поднялся и зашагал по коридору.

Когда в Хайфоне Кхак узнал от Робера, что арестован весь Партийный комитет, он тут же подумал о Ле. Как могло случиться, что и Ле попал в их сети? Всю дорогу Кхака не оставляли тревожные мысли. Арест Ле в такое тяжелое время был очень чувствительным ударом для партии.

В Ханое Кхаку устроили очную ставку с человеком, который выдал его. Им оказался член северного комитета, Танг, с которым Кхак познакомился на одном из заседаний. Этому Тангу после ареста в течение семи дней подвергали непрерывным пыткам. На восьмой день он не выдержал и заговорил. Жандармы принялись за него еще усерднее и окончательно сломали его. Он выкладывал все, что ему было известно. Во время очной ставки на него было жалко смотреть. Он весь сморщился и как-то высох, не смел поднять глаз и, только испуганно вдрагивая, бормотал: «Послушай, признайся, отпираться бесполезно... Я уже все рассказал...»

Танг показывал, что Кхак должен был встретиться с Ле, и, чтобы разыскать Ле, Кхака подвергали усиленным пыткам. Крутилась ручка магнето, его снова подвешивали за руки, пытали водой... Но на всех допросах Кхак

только отрицательно мотая головой, повторяя то, что уже говорил в Хайфоне.

Танг выдал даже тех, через кого северный комитет держал связь с хайфонским горкомом. Так в руки полиции попала и Гай. Она даже не успела уничтожить материалы, которые были при ней.

Как только Гай прибыла в ханойскую тюрьму, Кхак решил во что бы то ни стало связаться с ней. В этой тюрьме действовала подпольная партийная организация. Официально в тюрьме у политзаключенных существовал комитет по поддержанию порядка и комитет взаимопомощи. Исполняя эту легальную связь, партийная организация вела работу среди заключенных, добиваясь, чтобы на допросах они не давали показаний, которые стали бы под удар товарищей, оставшихся на свободе.

Благодаря партийной организации Кхаку удалось связаться с Гай и выяснить, при каких обстоятельствах ее арестовали. Он передал ей, что она должна говорить на допросах. Попытки Гай перенесла с удивительным мужеством. И каждый раз, когда ее спрашивали: «Где Ле?» — делал один и тот же ответ: «Я не знаю никакого Ле».

За судьбу Ле можно было теперь не беспокоиться, но Кхака продолжала тревожить судьба Тхита. Танг определенно знал, что Тхит направлен в Хайфон. Правда, Тхит наверняка уже предупрежден и, конечно, принял меры предосторожности.

Пытки ослабили Кхака. Снова начался кашель, особенно по ночам, когда становилось холодно. От пыток и тюремной пищи у него так распухли ноги, что они еле влезали в колодки, и от этого боль становилась нестерпимой.

После первой разминки Кхак всю ночь не сомкнул глаз: невыносимо болели ноги. Он смотрел в темноту широко раскрытыми глазами, стараясь превозмочь боль. У него было такое ощущение, будто в ноги вонзались острые ножки. Он боялся потерять сознание. Тело покрывалось испариной. Чтобы не спать, он кусал губы...

Однако и на следующий день Кхак заставлял себя ходить. Сделав двадцать — тридцать шагов, он, обессиленный, валялся на пол. И все же Кхак упорно продолжал тренироваться. Он был уверен, как только ноги подсыхнут и спадет отек, все будет в порядке. Когда боль не-

много утихала, он открывал потрепанный томик и с увлечением перечитывал поэму Нгуен Зу «Клеу».

Какой талант! Он читал стихи вслух, и его голос глухо отдавался в тюремной тишине...

Боль в ногах усилилась, и тренировки пришлось прекратить. К тому же однажды утром он закашлялся и выплюнул сгусток крови. Теперь он больше лежал. До двенадцатого оставалось шесть дней. Вряд ли ноги подживут до этого времени. Нужно как-то сообщить своим на волю и перенести день побега. Или пусть вместо него бежит Гай, а он подождет, пока заживут раны. Днем Кхаку, удалось связаться с Гай и передать ей план побега...

В конце дня в камеру пришел следователь Луте.

— Ну, как ты себя чувствуешь? Сегодня вечером я вызову тебя на допрос. На будет тебе известно, ваш Ле ванг в Бак-винге! Теперь вы можете устроить здесь свое заседание.

Он захохотал и, ласково потрепав Кхака ладонью по щеке, ушел.

А вечером они вошли в его камеру вдвоем, инспектор Ланек и следователь Луте. Следом внесли магнито. Ланек уселся и приготовился к допросу.

— Надо отдать тебе справедливость, — сказал он дружелюбно, — ты держался мужественно. Но неужели ты до сих пор не понял, что все это ни к чему? Ты жертвуешь собой ради партии, а ее руководители продают вас. Полиции давно уже все известно, а ты с бессмысленным упорством продолжаешь все отрицать. Это же по меньшей мере неразумно. Ведь ты образованный человек! И должен уметь анализировать факты. Взять, к примеру, Ле. На первом же допросе он сознался во всем. Завтра его привезут сюда, и ты, надеюсь, уже не будешь больше отрицаться. Мы готовы пойти тебе на встречу и освободить тебя, но для этого ты должен дать показания до приезда Ле. В противном случае будет поздно. Расскажи о деятельности северного комитета, о роли Ле и о том, что ты делал после ухода в подполье. Нам уже надоело возиться с тобой. Откровенно говоря, мне бы не хотелось добивать тебя, ведь ты сейчас так слаб, что вряд ли выдержишь очередной сеанс.

Кхака сидел, приложившись спиной к стене. Через открытую дверь из коридора падал свет, освещая только

половину камеры, и из темноты Кхак внимательно разглядывал инспектора. Ишь как состарился, и лицо дергается. Да, работа нелегкая! «Хитрит, конечно, да хитрость-то эта рассчитана на дураков! Но меня он, кажется, добьет», — размышлял Кхак.

Видя, что Кхак задумался, Ланек снова заговорил.

— Мне жаль твоей молодости. К тому же ты неплохой парень, и мне хотелось бы спасти тебя. Ведь гибель твоя совершенно бессмысленна. В конце концов, тебе не обязательно рассказывать обо всем. Скажи, к примеру, где вы условились встретиться с Ле или где находится Партийный комитет. Ведь сейчас, когда взяли Ле, это уже не имеет значения. А тот факт, что ты скажешь правду, даст мне право закрыть следствие и поместить тебя в больницу. Подумай об этом. Ты ведь очень слаб. Хочешь, тебе дадут молока и риса? Стоит тебе только попросить...

Пока Ланек говорил, Лутс прохаживался по коридору, время от времени заглядывая в камеру. Но как только Кхак заговорил, он тут же встал в дверях, заслонив свет. Ослабевший Кхак говорил тихо, но в тишине его слова звучали особенно отчетливо:

— Мне нечего добавить к тому, что я уже сказал. Среди нас, разумеется, иногда попадаются трусы и даже предатели. Но пусть это не обнадёживает вас. Мы, коммунисты, предвидим будущее. Вы исчезнете, страна наша станет независимой, и на нашей земле будет построен коммунизм. Так будет потому, что так хотят миллионы. Вы уничтожаете нас, и что же? Каждая капля крови, падая на землю, рождает десятки новых революционеров. Вы же сами это видите. Поэтому бессмысленны не мои, а ваши усилия. Что бы вы ни делали, в конечном счете победим мы...

Кхак говорил с трудом, тяжело дыша, часто останавливаясь. Наконец долгий, мучительный кашель потряс все его тело. Ланек встал со стула.

— Ну, хватит! Нас бесполезно агитировать. Даю тебе еще пять минут. Ты должен сказать, где вы условились встретиться с Ле. Не скажешь — забью до смерти как собаку!

«Нет, — мелькнуло в голове у Кхака, — им не удалось взять Ле!»

Лутс взялся за магнето.

— Говори! Где ты должен был встретиться с Ле?

У Кхака светились радостью глаза. Да, да, они не нашли Ле!

— Говори!

Кхак молча смотрел на беснующихся жандармов.

— Говори, где Ле, собака!

Луте задыхался от ярости. Он схватил Кхака за горло и одним рывком поставил на ноги. «Где Ле? Где Ле?» — твердил он в исступлении. Но Кхак молчал. Только широко раскрытые глаза его сверкали в полумраке. Тогда Луте швырнул Кхака на пол и ваялся за магнето. Он крутил ручку с таким остервенением, точно хотел разнести этот прибор. Потом он отшвырнул ящик и выбежал из камеры с перекошенным лицом.

Ланек подошел к Кхаку. Тот лежал без движения. Инспектор наклонился и карманным фонариком осветил лицо лежащего. Луч фонарика упал на большую лужу крови. Из рта у Кхака на серый цементный пол медленно вытекала темная струйка.

Кхак был мертв.

На следующий день двое заключенных завернули труп в шинку и отвезли его в машину. Кхака похоронили в пригороде на краю какого-то кладбища для бездомных, близ деревни Зян Бат. Один из заключенных нашел дощечку, сделал на ней надпись и воткнул в холмик вместо надгробия.

Прошло время. Красноватые комья земли на могиле Кхака покрылись зеленью. Шли дожди, налило солнце, дули ветры. Постепенно земляной холмик осел и затерялся среди сотен других, таких же безвестных могил.

XXVII

Приближался Новый год — первый военный Новый год. Все известнее ощущался запах пороховой гари, изда горизонता на голубое небо Вьетнама медленно наплывали черные тучи, которые гасили яркие лучи солнца. Но как и тысячу лет назад, в эти дни расцветали персиковые деревья, в каждой семье готовились к празднику. Днем и улицы и магазины были заполнены возбужденными людьми.

Ан о празднике не могла и думать. Утром она, как

обычно, шла в мастерскую за работой, а день и вечер просиживала над шитьем. Только теперь работа тянулась бесконечно долго и казалась ей совершенно бессмысленной.словно всю свою жизнь просидела она вот так, молча, за работой. Дни были похожи один на другой как две капли воды. И вот однажды в мглистой веренице этих дней неожиданно засветился яркий луч. Пришла любовь и превратила ее жизнь в светлый, радостный сон. Но кто-то жестокий оборвал этот короткий сон, и теперь снова потянулись тягучие, однообразные дни, заполненные мучительной тревогой. Аи будто сразу постарела. Скоро Новый год. Ей будет уже двадцать пять.

Однажды она получила письмо из Ханоя.

«Дорогая Аи!

Муж только что сообщил мне, что под Новый год, тридцатого, будут разрешены свидания. Я, конечно, страшно обрадовалась и спешу сообщить это тебе. Приезжай ко мне двадцать девятого, а тридцатого вместе сходим туда.

Лен.

С того дня Аи стала думать о праздничных покупках для Ххака. Может быть, на этот раз ей повезет увидеть его.

Двадцать девятого Аи с братишкой пришли на вокзал еще до восхода солнца, однако там уже было полно народу. Люди сидели тут еще с вечера — ждали биястов. Они пришли целыми семьями, с детьми, которые спали тут же, вале уалов и корзин. В ярко освещенном здании вокзала было шумно. У кассы перед крохотным окошечком стояла плотная толпа.

— Жди меня здесь, — сказал Сон сестре, а сам, зажав в руке деньги, нырнул в толпу.

Вдруг толпа оживилась, все заволновалось, зашумели, началась давка: открылось окошко кассы. Утомленные ожиданием и духотой, боясь остаться без билета, люди кричали, ругались, не желая уступить друг другу и шага. Каждый старался пробиться к окошечку, нукал в ход локти, плечи и даже кулаки. Дальние напирали на ближних, а те, кому уже повезло получить билет, рвались наружу.

Сон исчез в этой кипящей массе. Аи стояла сама не своя. Разве тут достанешь билет! Какой-то парень в грязной клетчатой рубашке поднял над головой пачку биле-

тов: «Кому надо на Хай-зыонг и Ханой?» Его тут же окружили плотным кольцом. «На Хай-зыонг — донг, на Ханой — донг восемьдесят», — предупредил парень. Билеты продавались втридорога, но их все равно расхватывали мгновенно. Спустя несколько минут тот же парень появился в другом конце зала с новой начкой билетов. А в кассе не торопились. Ан догадывалась, что парень этот действует тут не один.

Прошло часа два, и вот из толпы потный, взъерошенный, растерзанный вынырнул Сон.

— Ан, достал! Только на десятичасовой! И то повезло! — Глаза его возбужденно блеснули. — Идем домой, ни к чему торчать здесь до десяти!

— Ты иди, Сон, а я останусь.

Ан казалось, что на вокзале она будет как-то ближе к Кхаку...

Пассажиров под Новый год было, как всегда, вдвое-втрое больше обычного. Поезд останавливался на всех полустанках. Лишь к двум часам дня он добрался до полустанка у моста через Лыонг и встал, словно упрямый мул.

Ждали встречного поезда из Ханоя. Многие пассажиры вышли на станцию перекусить что-нибудь или просто размяться. Ан по-прежнему сидела на месте: а вдруг поезд тронется и она останется? К поезду из всех пристанционных лавчонок бросились женщины и ребята с фруктами и всякой снедью на подносах. Они сновали вдоль вагонов, предлагая пассажирам свой товар.

— Девушка, купите пудинг! Горячий пудинг!..

Шустрый парнишка протянул Ан плоскую бамбуковую плетенку.

— Хорошо, дай на пять су.

Мальчишка с удивительным проворством шмыгнул в вагон. Ан даже не пришлось вставать со своего места.

— Ка! Ка-а-а!.. — кричала продавщица сока из сахарного тростника.

Мальчишка высунулся в окно:

— Чего тебе?

— Ты все продал? Скорее беги в лавку. Бат тебя ищет.

— Да ведь у меня все еще сколько осталось! Чего надо этой глухой тетере?

— Ах ты паршивец! Ну подожди, вернешься домой — и тебе задам.

У мальчишки озорно блеснули глаза.

— Пожалуйста, прости ко мне в вагон!

Но тут он из удивления разинул рот.

— Смотрите! Сети тянут...

Большой пруд подходил почти к самому железнодорожному полотну. По берегу шли несколько рыбаков, они тянули сеть. С воды другой ее конец заводили на двух паровых лодках. Сеть шла огромной изогнутой дугой. Когда лодки уткнулись в песок, из каждой выскочило по двое рыбаков. Они ухватились за концы сети и стали медленно сходить к тем, кто шел по берегу. Третья лодка, в которой сидел один человек, находилась внутри сети. Вдруг поверхность воды закипела. Огромная, ослепительно белая рыба выпрыгнула из воды и перемахнула через край сети.

— Вот это да! Вот это карпиче!

Маленький продавец пудинга с сожалением прищелкнув языком. Он невольно улыбнулся. Но тут из сети одна за другой выпрыгнули еще несколько рыб. Среди пассажиров, наблюдавших эту сцену, послышались возгласы сожаления. Несколько человек подошли к самой воде. Одна рыба, выпрыгнув из воды, угодила прямо в лодку. Это снова вызвало оживление на берегу. А он не предполагала, что рыбы могут так высоко прыгать из воды.

Но вот показалась сеть. В ней, сверкая на солнце, билась рыба. Рыбаки спешили вытянуть сеть на берег. Неизвестно откуда набежали ребята, полуголые, грязные. Они столпились у берега, с вожделением глядя на рыбу, бьющуюся в верхних ячейках сети. Несколько женщин, связанных клетчатыми косынками, стояли на берегу с большими корзинами. Это, видно, были торговки, которые ждали улова.

Сеть вытаскивали с двух сторон и складывали на берегу. Ее дуга, все более сужаясь, приближалась к берегу. Поверхность воды закипела серебром. Рыба отчаянно билась, то и дело выпрыгивая из воды.

— Сколько же рыбы в этом пруду! — невольно воскликнула Ан.

— Это пруд депутата Кхая, — пояснил маленький продавец пудинга. — За селом Кхук у него есть еще один пруд, с лотосами. Там этой рыбы еще больше.

А вон стоит и управляющий депутата. — Мальчик показал на прыщавого мужчину, стоявшего на берегу.

— Боже мой! Одного такого пруда хватит, чтобы разбогатеть, — с завистью проговорила какая-то пассажирка.

Продавщица сока тоже вступила в разговор:

— Что пруд! Для них это капля. Вы посмотрите на усадьбу депутата, вон там, где большой баньян.

Ан посмотрела в ту сторону. В это время какой-то мальчишка, расхрабравшись, выхватил из сети рыбу и бросился было наутек, но управляющий поймал мальчишку и с размаху ударил его по лицу. Мальчишка свалился у самой воды.

— Прямо зверь какой-то! — восторженно проговорила Ан. — Разве можно так бить ребенка!

Сеть подняли к берегу, теперь это было замкнутое кольцо. И вся рыба была на виду. Сети упругих, блестящих пластинок мелькали в воздухе. Парень в лодке наклонил ее на один борт, словно ковш, и, ухватившись за сеть, стал переваливать рыбу в лодку. Огромные карпы и лини разевали рты, заглатывая воздух, и бешено колотили хвостами о борта лодки.

— Давай, давай! — подбадривали их зрители.

— Выдохлись уже.

— Сколько рыбы!

Лодка, полная рыбы, осторожно подплыла к берегу.

Умеченные необычным зрелищем, пассажиры забыли о поезде, и, когда издали послышался свисток ханойского поезда, все бросилось к вагонам. На станции остались лишь продавцы со своими лотками и корзинами. Засветел паровоз. Поезд медленно покатился дальше.

Поезд прибыл в Ханой только в шесть часов вечера. Ан сошла у моста и, подхватив тяжелую кошелку, направилась к Лен. Начинало смеркаться.

На следующее утро они наняли рикшу и поехали в жандармское управление. Ан приготовила Кхэку тонизирующее лекарство, банку варенья, несколько кусков повогодного пудинга с мясом, свиную колбасу домашнего приготовления. Лен тоже собрала праздничных гостей. Кроме того, она несла мужу цветущую ветку персикового дерева.

В этот день на свидание пришло человек пятьдесят. Все стояли в ожидании перед воротами. Дежурили уже

такимые Ан жандармы. Рядом с ними она увидела двух заключенных.

— Представители комитета взаимопомощи, — шепнула Лен ей на ухо.

Один из заключенных повернулся к ожидающим и громко сказал:

— Граждане! Сегодня разрешили свидание только десятированным заключенным. Остальные поручили нам от их имени передать вам поздравление с наступающим Новым годом. О нас не беспокойтесь. Мы здесь держимся бодро, духом не падаем, помогаем друг другу. Сейчас я прочитаю список тех, кому разрешено свидание. Остальные, кто принес передачи своим близким, могут отдать их нам, все будет передано из рук в руки. — Затем он развернул лист и стал медленно читать фамилии. У Ан забились сердце. Она считала фамилии. Первый, второй, третий, четвертый... — Нгуен Суан Лен! — Лен вдрогнула, схватила руку Ан и, подхватив кончик, быстро пошла к воротам. От волнения у Ан перехватило дыхание. Пятый, шестой, седьмой... Ни Кхака, ни Зэнга не назвали. Восьмой, девятый, десятый. Ан не могла поверить, что это все...

Створки ворот медленно приоткрылись. Из ворот вышли те, кто значился в списке. К ним тут же бросились родственники. Начался торопливый, возбужденный разговор. Представители комитета взаимопомощи отошли в сторону и стали принимать передачи для остальных заключенных.

— Для Туэ? Давайте я приколю записку, чтобы не перепутать. Вы, дедушка, не беспокойтесь, Туэ чувствует себя хорошо.

Конечки, корзиночки, свертки стали складывать на землю.

— Возьмите, пожалуйста, передачу и моему мужу, — сказала Ан.

— Как его зовут?

— Зэнг или еще Кхак...

— Нгуен Кхак? Его арестовали в Хайфоне?

— Да, да.

— Ему уже не нужно передач...

— Почему? Что случилось?

У Ан потемнело в глазах.

Видя, что женщина вот-вот потеряет сознание, представитель комитета поспешил ее успокоить:

— Вашего мужа... выслали... Очень далеко. В Африку...

Ан ничего не соображала. Ноги у нее подкосились, и она упала бы, если бы стоявшая рядом женщина не подхватила ее.

— Успокойся, милая, ну что же теперь поделаешь? Видно, такая судьба, несчастная ты моя! — шептала женщина, усаживая Ан у степи.

Только сейчас из глаз у Ан покатались слезы. Она медленно поднялась и подошла к представителям комитета.

— С моим мужем случилось несчастье, — сказала Ан, — прошу вас, возьмите это... передайте вашим друзьям...

— Спасибо... От имени всех...

Ан нетвердой походкой вышла на улицу. Вскоре появилась и Лен, она не решалась ни о чем расспрашивать Ан.

— Они отправили моего мужа в Африку...

— Я знаю, мне сказали...

Ан ни минуты не хотела оставаться в Ханое, и они сразу отправились на вокзал. Пока поезд не тронулся, Лен не отходила от нее.

— До свидания, Ан! Приезжай к нам, не забывай. А случится что, обязательно пиши, — крикнула она на прощание.

Поезд уже шел среди полей, а Ан все еще сидела не шевелясь, ничего не видя. «Родной мой!.. Где ты теперь? Боже мой, боже мой!..» Ан уткнулась в колени и заплакала.

Она очнулась только тогда, когда поезд остановился у моста через Лыонг, поджидая, как и вчера, встречный из Хайфона. Наступала новогодняя ночь. Небо было сплошь затянуто тучами, моросил дождь. Ан вдруг захотелось разыскать вчерашнего продавца пудинга. Она запомнила его имя — Ка. Но сегодня мальчика не было на станции. Наверно, встречает Новый год с родными.

Издалека, со стороны усадьбы денутата, о котором вчера рассказывал Ка, донесся треск праздничного фейерверка. Поезд тронулся и, тяжело громяхая на стыках, медленно покатиł сквозь пелену дождя. Тут Ан почему-то вспомнила вопрос Лен. «А дети есть у вас?..» Дети... Горячая волна разлилась вдруг по всему ее телу. Ведь уже давно прошли все сроки... Ну, конечно же, у нее будет ребенок!..

Часть третья

У-у-у-у... У-у-у...

В ночи раздался вой сирены.

У-у-у... У-у-у...

Вначале низкий, постепенно нарастая, он поднимался все выше и выше, леденя сердце. В городе погасли все огни, а сирена все звучала, и казалось, конца не будет этому ужасному вою. У-у-у... У-у-у... Точно огромный невидимый змей летал над безлюдными, немими улицами, ширясь и кушаркаясь в воздухе, угрожая людям, притаившимся в ночной тьме. Берегитесь! Берегитесь!.. Смерть нависла над вашими головами! Причньтесь в темноте, заделайте в ямы и щели! Мужчины и женщины, седовласые старики и грустные молодцы! Вы все, шумящие там, на земле, замолчите! Смерть уже распростерла над вами свои крылья. Она обрушит на вас огонь, не пощадит никого!

У-у-у...

Наконец вой стал стихать, а потом и вовсе прекратился, но в ушах у людей еще долго звучала сирена. Холой замер, погруженный в черную, как тушь, ночную тьму.

Окна в баре «Галльский петух» наглухо закрыли железными жалюзи. Стеклопную дверь оклеили черной бумагой, чтобы свет не проникал наружу. В зале горела одна единственная свечья лампочка, освещая лица людей бледным, мертвенным светом, отчего они походили на призраки. Посетители разошлись. Только несколько муляжников складывали свои инструменты да бои сновали взад-вперед, убирая со столов.

Тоан подошел поближе к счету и взглянул на часы. Всего только десятый час. Он отворил дверь и вышел на улицу. Темнота, точно ладонью, прикрыла ему глаза. Ночь стояла теплой, душной, звезды на небе мерцали красноватым светом. Вокруг ни души. Только время от времени торжественно проезжал на белосиней полицейский.

Тоан решил пойти к Нине. Вот уже несколько дней она не выходила на работу. Как обрадовался Тоан, когда услышал о падении Парижа! Раньше он вообще не следил за событиями, страничку международной жизни в

газетах он просто пропускал — настолько все было ему противно. Тоан отнюдь не питал симпатий к Гитлеру, но, узнав, что французов разбили, злобно хмыкнул и с этого дня стал внимательно читать все газеты. Мало того, возвращаясь с работы, он непременно сворачивал к зданию французского информационного агентства, чтобы просмотреть ночной выпуск новостей. И до чего хвастливы эти французы: идут на дно, но продолжают бахвалиться. Поль Рейно заявил: «Французская армия будет сражаться за Париж и на подступах к нему, и в самом городе, и после того, как покинет его!» А Гитлер взял Париж без единого выстрела! По вечерам, играя в баре, Тоан поглядывал на французов. Обычно крикливые, надменные, сейчас они сидели за столиками поникшие, притихшие — ну прямо кастрированные коты. Но Нина после всех этих событий стала какой-то задумчивой. Она сказала только: «Ты не знаешь Парижа и не представляешь, что такое война!» Вечером и днем, когда пришло сообщение о капитуляции правительства Петена, они бродили до полуночи по берегу Красной реки. Во время прогулки Нина вдруг сказала: «Я все думаю, что было бы, если б с моей страной случилось то, что случилось с Францией!» После этого вечера Нина совсем замкнулась. Тоан чувствовал: ее что-то мучает. Она избегала встреч с ним, и ее голубые глаза смотрели на него иногда так странно...

Тоан стоял в темноте улицы, тревожные мысли не давали ему покоя. Они пока ни слова не сказали друг другу о своих чувствах, но Тоан был твердо уверен, что Нина любит его. Она была здесь на чужбине. Но вот что удивительно: она, иностранка, смогла понять его душу лучше и глубже, чем все женщины, говорящие на его родном языке! И все же Тоан с болью сознавал, что никогда не сможет соединить с ней свою судьбу. Нет, не потому, что он сомневался в чувствах Нины или боялся трудностей. Он знал, что, если она выйдет за него замуж, она тут же будет исключена из общества белых. И в баре, где они работали, и на улице Поля Бера, где жили в основном французы, Тоан знал несколько таких пар: вьетнамец и белая. Но большей части это были вьетнамские интеллигенты, которые получили образование во Франции и вернулись на родину с женами француженками. У них был свой круг, и они держались особ-

ником, словно стайка рыб между двумя течениями. Правда, Нина не француженка, она ненавидит французов-колониаторов и избегает их общества. Но ведь те влетали, которые женились во Франции, были либо юристами, либо инженерами, либо врачами. У них были свои машины, виллы. А что мог ей дать он, Тоан, полубезработный музыкант! Нет, он не мог жениться на Нине по самой простой причине: он был беден. Правда, по сравнению со здеиными французами Нина жила далеко не роскошно. И все же ее дом не сравнишь с жалкой лачугой Тоана на самой окраине, чуть ли не за городом. Боже мой, если бы мать Тоана побывала в доме Нины, она умерла бы от страха...

...Одна белоснежная ванна повергла бы ее в смятение. А разве смогла бы Нина жить, питаясь дважды в день только водянистыми супчиками, овощами да травами, и умываться из глиняной бочки! Тоан не мог представить себе, что Нина, скрипачка Нина, пройдет с ведром в руках по их узкому переулку, покрытому грязными лужами, к водопроводной крановке, возле которой всегда толпится очередь. Если бы они поженились, то он, конечно, должен был бы переехать к ней. Он знает, что Нина полюбила бы его мать. И все же в глубине души он не мог согласиться на это. Нет, его жена должна делить с ним все тяготы жизни. Если бы он женился на Нине и переехал к ней, он каждый раз краснел бы, встречаясь с соседями, с теми, кто знал его с детских лет. Отчего все так грустно и несправедливо в этом мире? Почему в нем нет места для их любви? Нина, вероятно, не догадывалась о его терзаниях. Она мучительно ждала от него одного только слова, но именно это слово колом застревало у него в горле, и, казалось, ничто не могло заставить Тоана выговорить его.

В небе вдруг послышался шум мотора. Среди ярких звезд пронесли два огня — красный и синий. Вероятно, патрульный самолет. По тротуару застучали подкованные ботинки. Рядом с Тоаном возникла огромная фигура. Тоан различил фуражку полицейского.

— Qui est là? ¹ — спросил его низкий голос.

— Я, — ответил Тоан по-французски. — Я работаю в этом баре.

¹ Кто тут? (франц.).

— А почему торчишь здесь?

— Просто вышел на минуту.

— В участок захотел понасть? Что ты делаешь на улице во время тревоги? Подаешь сигналы?..

Полкойский-француз что-то еще бормотал, но Тоан уже вошел в бар и закрыл за собой дверь. Кто их разберет, что это такое — учебная тревога или настоящая?

— Сядьте, выйдите со мной!

Француз молчаливо сидевший в углу за столиком, неожиданно взял Тоана за руку. Видя, что Тоан не собирается принять его приглашение, он поднялся и подошел к нему вплотную,дохнул в лицо винным перегаром.

— Не подумайте, что я пьян. Я ведь не из этих, я не сановник, не владелец бара, не капитан легиона. Я интеллигент, и у меня есть голова на плечах. Прену нас, окажите мне честь, присядьте.

Француз усадил Тоана на стул и придвинулся к нему. В мерченно-бледном свете синей лампы он удивительно походил на ожившего мертвеца, который вдруг обрел способность говорить, моргать и... пить рюм. Лицо его было покрыто сетью морщин, а посреди торчал такой большой и дряблый нос, что казалось, он дрожит и качается сам по себе. Глаза француза смотрели сердито. Брови и ресницы были совсем седые. Тоан узнал его. Это был месье Лекуан, журналист из газеты «Будущее Северного Вьетнама», завсегдатай их бара, которого служащие обычно звали Француз Куан. Он не принадлежал к привилегированному сословию французоз, но меньшей мере трижды был женат на местных женщинах и даже любил соеу из криветок. В настоящее время он, кажется, снова был одинок. Каждый вечер он приходил в бар и сидел в углу за столиком наедине с бутылкой рому. Пил он неторопливо, крохотными рюмками, но сидел до тех пор, пока не осушил всю бутылку. К полуночи он поднимался со своего места и, поматываясь, уходил.

— Прену нас, господни музыкант, выйдите. Доктора говорят: для большой печени это сунций яд. Но я считаю это лекарством. И вальсирным. Лекарством забвения... Ха ха! Ну выйдите хотя бы еще одну... Ведь правда приятно... Такое ощущение, словно глотаешь огонь. А потом забвение... Забываешь все на свете.

Вам нужно меньше пить, — осторожно заметил Тоан.

Старческий рот француза тронула улыбка, обнажив ряд неровных зубов.

— Вот и вы заговорили, как все. Я, мой молодой друг, знаю жизнь не хуже вас. — Лекуан округил мутные, белесые глаза и сердито продолжал: — Вы воображаете, будто перед вами старый пьяница. Да? Но ведь я не всегда был таким! Ха-ха. Знаете, я ведь приехал в Индокитай еще до того, как вы появились на свет. Еще тогда, когда на месте, где мы с вами сейчас сидим, была патода, а озеро Возвращенного Меча доходило вот до этого тротуара. Но и теперь я все равно моложе, сильнее и лучше их. Где тогда были все *они*? — Лекуан махнул рукой в сторону пустых столиков. — Где, спрашиваю я вас? Я исколесил весь Индокитай, был в Сайгоне, Хошимине, Луанг-Прабанге, Лай-тау. Лай-сане, я помню времена, когда вам, вдумай вы один выйти за пределы города, сразу сняли бы голову с плеч. Где, спрашиваю я вас, были тогда *они*? Думаете, я не мог тоже заняться грабежом? Сделаться подрывником, посылать кули на каучуковые плантации или застолбить плантацию, как это делали *они*? Только из гордости, из-за своего характера... только потому, что мне были отвратительны некоторые вещи, я остался простым журналистом.

Лицо Лекуана как-то обмякло.

— Да, простым журналистом... Я для них мусэр. И вы, аннамиты, тоже презираете меня. От меня ушла аннамитка, с которой я жил... Да... собачья жизнь...

В бутылке оставалась еще треть. Тоан протянул французу сигареты.

— Благодарю вас, господин музыкант. Я знаю, вы культурный и образованный человек. Мы, интеллигенты, так и должны относиться друг к другу. Я с аннамитами, как видите, очень вежлив. Не то что *они*. Но вот увидите, *они* скоро подожмут хвосты!

Лекуан приниженный, поморгнул и придвинул свой стул еще ближе.

— Вы не слышали: несколько дней назад *они* устроили демонстрацию в Сайгоне, потребовали, чтобы Катру продолжал войну с Германией? Но это же смехотливо! Владельцы каучуковых плантаций вышли на демонстрацию! Хозяева текстиль «Континенталь», «Метро-

наль», «Дения», «Дескур» шагают в колонне по улице!.. Как это Франция, черт ее подери, позволила себе проиграть войну Германии! Колонизаторы вышли на демонстрацию! А какой шум поднялся, когда стало известно, что генерал-губернатор получил вежливое письмо от японского командования с требованием немедленно пропустить в Индокитай японскую контрольную миссию! Если вы патриоты, вы должны отстаивать Индокитай с оружием в руках! Но вот тут-то их и нет. Чего же стоила вся эта их мышиная демонстрация? Известно ли вам, что японские корабли уже курсируют у берегов Тонкинского залива? И только теперь *они* спохватились, стали устраивать воздушные тревоги. Одну за другой. Но будьте уверены, не пройдет и нескольких дней, как контрольная миссия микадо будет в Ханое, и ничего *они* не сделают.

Лекуан опорожнил бутылку и развалился на стуле.

— Ай-я-яй!.. Конеч! Франции пришел конец, нам всем здесь придет конец! Наша страна слишком стара, это факт. Мы слишком привыкли к роскоши, богатству и забыли, что такое борьба...

Тоан вышел из-за столика, а старший Лекуан все еще продолжал сидеть и печально дышать, глядя на пустую бутылку.

Наконец прерывая отбой, Тоан попрощался со своими друзьями музыкантами и вышел на набережную. Пройдя телеграф, он не свернул, как обычно, к агентству. Им овладела какая-то глубокая, тяжелая грусть. Зачем ему информация? Французы проиграли войну, скоро сюда явятся японцы. Ну, а дальше? Изменится ли что-либо в его жизни? Неужели будут бомбить Ханой? Лекуан может по крайней мере сказать: «Нам пришел конец!» Ну, а он, Тоан? Что он приобретет или потеряет оттого, что мир стоит на грани катастрофы? Идет война, странная и бессмысленная. Это ураган, и он, Тоан, песчинка.

— Куда вы направляетесь, господин Тоан?

Тоан поднял голову и пог к носу столкнулся с лихматым мужчиной в тюрбане, с трубкой в зубах. Это был писатель Ву.

— Вот тебе на! А говорили, что ты уехал в Лаос-лай.

— Уехал и приехал,— ответил Ву.

— Что там нового?

— Границу закрыли, но, когда я уезжал, там еще не

было ни тревог, ни этого пестельского бегства, как в нашем древнем Тханг-лонге¹.

Тоан рассмеялся.

— Ну, брат, я перед тобой преклоняюсь! В такое время ты еще можешь шутить.

— А что делать? — с торчью улыбнулся Ву. Ты что, тоже решил отirавить семью куда-нибудь?

— Ну, вся моя семья — я да мать. Да и уезжать нам некуда.

— Если ты еще не надумал бежать, тогда предлагаю схронить на Ига-ты-го. Как ты к этому относишься? Незавно возвратилась «Река Грез» и опять открыла свою музыкальную шкатулку.

«Река Грез» была известная певица Моиг Ха. Она обладала редким голосом и шла в универсальных изварках Ханоя. У нее дома постоянно собиралась пестельная «сидителю музыки» — полудрузья, полудюбовники. Ву тоже был вхож в этот дом. Несколько месяцев назад каной то богатый делец, улизав все долги певицы, увез ее к себе в Винь-печ, где у него был роскошный дом в европейском стиле. Поклонники певицы были в отчаянии, они словно осиротели. Но вскоре Моиг бросила своего неуровителя с его европейским домом и вернулась к себе, в свое гнездышко под Ханоем. Для Ву ее приезд был важнее, чем ожидаемое вторжение японцев в Индокитай. Еще бы! Певица бросает богатого предпринимателя, своего «благодетеля» и возвращается на сцену!

— Ты, верно, и удраг из Лао-кай, потому что узнал о ее приезде! — улыбнулся Тоан.

Ву взял Тоана под руку.

— Прежде чем продолжить нашу беседу, прошу нас не называйте это место «Лао-кай», так его называют только французы. Его настоящее название «Ляо-няй», что значит «Старая дорога»...

— Замечательно!

Близилась ночь, но по дороге на Ига-ты-го шли толпы беженцев, бескончаемым потоком катились повозки, ехали велорикши. Едва друзья пришли на Ига-ты-го, как снова завывала сирена.

— Черт с ними! Раз уж добрались сюда, на остальное наплевать.

¹ Старое название Ханоя.

Где-то в конце переулка Ву постучал кулаком в дверь.

— Кто там?

— Два усталых, голодных странника. Окажите милость, впустите нас в эту святую обитель.

За дверью послышались бормочущие голоса.

— Там какие-то ненормальные.

— Это, кажется, Ву!

Дверь приоткрылась.

— Ву?

— Извините, но это действительно я.

— Входите скорее! Во время воздушной тревоги стоять на улице не разрешается.

Огни в доме были потушены. Друзья шли ощупью, натываясь на мебель, в беспорядке расставленную по комнате. Ву чиркнул было спичкой, но со всех сторон раздался тревожный шепот.

— Погасите, погасите, а то оптрафуют.

— А где Монг?

— Я здесь.

Ву приблизился к невинке и зашептал ей что-то на ухо.

— Как можно! Тревога же... Какой вы отчаянный!

— А нам какое дело! Пусть с японцами дерутся французы, нас это не касается.

— Ну ладно. Тогда идите наверх. Там не так слышно. А я попробую кое-что устроить...

Через несколько минут в небольшой комнатке на втором этаже, где горела лампа, прикрытая колпаком из газеты, раздались мелодичные звуки люти и четкий стук фатя¹, то редкий, раздумчивый, то дробный и переличатый, как соловьиная трель.

«Облака... облака... и небо, чистое... небо...»

Ву держал в руках небольшой барабан и, кивая в такт своей лохматой головой, отбивал глухие удары: тум... тум... Сейчас для него не существовало в мире ничего, кроме голоса Монг. Тоан подулелжал на цинюнке, украшенной затейливым орнаментом, рядом с какой-то жрицей любви. Время от времени он отпивал из рюмки вина и брал с подноса закуску. Непривычный к вину, Тоан быстро пьянел. От трех рюмок у него уже закружилась голова. Что за голова! Не поет, а рыдает! Звуки люти исполнены какой-то таинственной силы, а в маленьком

¹ Музыкальный ударный инструмент из бамбука.

кусочке бамбука, кажется, заложена живая душа. В этом пении все совершенство: и протяжные выразительные ноты, и речитативы, и внезапные смены тембра. С виду простая, безыскусная песня, а сколько в ней души!

«Не счастье... красы в природе... Не счастье... всех чувств человеческих... Эта гора с рекой, как и мы с тобой...»

Лицо певички стало вдруг постепенно удаляться, растворяясь и исчезло в тумане. Теперь уже пела не Монг, голос как бы отделился и порхал сам по себе по комнате. Голос этот бесмертен, думал Тоан. Он переходит из одной жизни в другую, выбирая для себя самых талантливых. В них он оживает вновь и звучит до тех пор, пока человек не умирает. Тогда голос выбирает себе другого... И так он живет вечно... Тоан стал что-то говорить. Он говорил и плакал. И Ву говорил. Он произносит слова, полные горечи и обиды... А потом все прервалось. Больше Тоан ничего не помнил.

II

Тоан ушел утром, оставив спящего друга в доме певички. Он знал, что Ву может пробыть там еще несколько дней.

После вчерашней попойки он чувствовал себя плохо и не знал, за что приняться. Часов в десять объявили тревогу. Из его соседей никто не захотел уезжать, и каждый раз, когда начинала выть сирена, из домов выходили люди — в основном женщины и дети. Они садились возле неглубокой траншеи и судачили о разных делах до отбоя. Но сегодня с неба вдруг донесся гул, который нарастал с каждой минутой.

— Самолеты, вой самолеты!

Тоан выскочил на двор и забрался на крышу кухни. Высоко-высоко, под самыми облаками медленно летела стайка серебристых самолетов. Никто не знал, чьи они — французские или японские. Тоан почему-то подумал о Китае. Через час, когда прозвучал отбой, он надел пижаму и вышел из дому.

На улицах было многолюдно. Город вишел слухами: «Японские войска уже стоят за Ланг-соном! Японские корабли в заливе! Японские самолеты летают над городом!»

Из города тянулся нескончаемый поток повозок, груженых домашним скарбом. На ручных тележках и велорикшах везли продукты, постели и даже дрова. Все это катилось, тесня и обгоняя друг друга.

Тоан шел навстречу людскому потоку. Его удивило, что в районе, где жила Нина, двери почти всех домов были наглухо закрыты. Он остановился у знакомой двери и позвонил. Потом еще раз. Никто не открывал. Это встревожило Тоана. Видимо, что-то случилось. Он стал яростно дергать дверную ручку.

Из окна соседнего дома выглянула пожилая женщина.

— Вы не знаете, Нина дома?

— Ее нет.

Тоан уже собрался уйти, но тут женщина спросила:

— А вы откуда? Как вас зовут?

— Я работаю вместе с ней в оркестре. Меня зовут Тоан.

— Обождите минуту.

Женщина захлопнула окно и, стуча деревянными сандалиями, вышла на улицу со связкой ключей.

— Значит, вы Тоан?

— Да.

— Она вам тут кое-что оставила.

Не понимая еще, что случилось, Тоан встревожился. Женщина отперла дверь и провела Тоана в гостиную. В комнате было темно — ставни были закрыты. Женщина включила свет. Хотя все здесь стояло на своих местах, Тоан сразу понял, что Нина уехала. На креслах и на столе лежал слой пыли, чувствовалось, что рука хозяйки давно уже ни к чему не прикасалась. Воже мой, куда же она уехала?

Старуха отырала шкаф, достала футляр со скрипкой и протянула письмо.

— Взгляните, это вам?

Тоан машинально протянул руку. Да, на конверте стояло его имя, но что это значит? Уехала? Куда? Тоан открыл ставни и стал читать.

— Будете уходить, не забудьте запереть дверь и занести мне ключи,— сказала старуха.

«Тоан, когда ты получишь это письмо, я, видимо, буду уже далеко. Я не пришла проститься, чтобы не причинять нам обоим лишнюю боль. К тому же я боюсь,

что, если увижу тебя, у меня не хватит мужества решиться уехать и я останусь. Венцы уже собраны, вот только допишу тебе письмо — и в путь. Как пусто, как жутко в доме. Но отчего такая боль? Точно, уезжая, я отрываю от себя кусочек тела. Сейчас пишу и плачу. В этом доме я закрыла глаза своему несчастному отцу. Упокой, господи, его многострадальную душу! Здесь я томилась мечтами о счастье. Но в этом доме я его не нашла.

Нет, Тоан, я не упречаю тебя! Теперь могу сказать тебе правду: я люблю тебя. Да ты и сам это знаешь. Люблю очень. Как бы ни было мне грустно и трудно, стоило лишь поймать мне твой взгляд, увидеть твою улыбку, и я забывала обо всем. Кажется, в эти минуты я была счастлива. И все же, Тоан, я не могу остаться. Мне сказали, что на сегодня-завтра закроют границу и японцы войдут сюда. Чтобы уехать, я должна ехать немедленно. Еду в Китай, но ты, конечно, понимаешь, что там я не останусь. Я поеду дальше, пока не увижу родину, мою Тулу, которую родители покинули двадцать с лишним лет назад. Не знаю, доживу ли я до этого дня! Но если доживу... я смогу наконец утолить свою тоску по России, терзавшую меня и отца долгие-долгие годы. Не знаю, что ожидает меня, но уверена, что все будет хорошо. Последнее время меня преследует какое-то зловещее предчувствие, мне все кажется, что и на мою страну обрушится война. Не могу избавиться от этого чувства. А случись такое, я никогда не прощу себе, что была удален от родины. Господи! Неужели настанет день, когда я ступлю на родную землю, поклонюсь ей и поцелую ее. Только эта надежда еще придает мне силы. Но как трудно навсегда проститься с самым дорогим человеком. Ведь я уже никогда не увижу тебя, Тоан. Кажется, легче умереть...

Рука дрожит... Не могу сдержать слез... Ну, не буду больше. Видно, в этом безумном, страшном мире нет места для нашей любви!

Перед тем как уехать, хочу еще раз сказать тебе: не грать понапрасну силы. У тебя есть талант. Ты должен отдать его своему народу. Но настоящее искусство потребует от тебя огромного терпения и упорства. Да, терпения, точно мастеру, решившему из скалы высечь дворец. Я верю, ты добьешься успеха.

Боже мой, за мной уже пришли! Не знаю, что еще написать. Тоан, оставляю тебе отцовскую скринку, он привез ее еще из России, и я играла на ней только дома. Храни ее всю жизнь, как память о человеке, который любил тебя. Прощай, Тоан! Желаю тебе много-много счастья! Целую тебя, любимый мой! Прощай.

Нинах.

Тоан сидел у окна, опустив голову, не замечая, как бежит время.

Иногда он вскидывал голову и подолгу смотрел в окно, словно перед ним лежала дорога, по которой ему предстояло теперь идти одному. Какой же он глупец! Не сумел удержать свое счастье! Скринка — вот все, что осталось у него от Нины!

Когда пришла соседка, чтобы занереть дом, Тоан тяжело поднялся со стула, взял под мышку футляр и вышел. Солнце уже садилось, небо на горизонте горело багровым заревом.

III

Весть о поражении французов дошла и до глухого полустанка. Старый Ты Гать выходил к каждому поезду, надеясь увидеть Хой и разузнать подробности о последних событиях. Поздно ночью, когда все стихало, были слышны звуки сирены, доносившиеся из Хай зыонга. Из городов без конца ехали беженцы.

Однажды утром в деревню появилась машина депутата Кханя, который приехал вместе с сыном. Верно, в столице теперь уже никого не осталось. Шли слухи, что скоро войдут японские войска. Да, видно, небесам не угодны больше мир и покой!

Однажды вечером вернулся домой и Хой. С камышовой кошелкой в руках, чуть сутулился, он бодро шагнул на улице. Поравнявшись с чайной старого Ты Гатя, он весело окликнул хозяина.

— Здравствуйте, Ты Гать! Как дела?

— Неужели учитель? Наконец-то! Я уж совсем вас заждался. Небось немало новостей привезли? Заходите, выпейте чайку. Чай у меня свежий, душистый.

— На этот раз, дедушка, новостей действительно много.

Хой уселся за стол.

— Немцы у французов отняли Францию! Сдались французы! Кто бы мог подумать, полмесяца и — полный разгром, полная капитуляция! Генералы сдавались в плен, как по команде. Вспору прямо покалеть их!

Старик слушал, поглаживая реденькую бородку.

— Вот как!.. Ида-а-а... Тогда и вириямь стоит покалеть. Нет, господин учитель, значит, есть правда на небесах!

Старик то вставал, то снова присаживался. Наконец он взял черпак и дрожащей от волнения рукой стал наливать Хою чай.

— Теперь все! Теперь можно и умереть спокойно! Есть все же правда на небесах! Ну, а этот... черт его дери... Хоанг Као Кхай! Этот теперь где? Расскажите все по порядку.

Хой взял с подноса пустые чашки и расставил их на столе, обозначив линию фронта.

— Вот смотрите, — пояснил он. — Немецкая армия была здесь все время незначительные бои. Французы сидели за своей линией Мажино и были уверены, что немцам ее не взять. А немцы и не подумали ее брать, они просто прорвались сбоку, вышли к морю и ударили с тыла, — говорил Хой, возбужденно жестикулируя над перевернутыми чашками. — Прямо-таки неслыханно, за какиенибудь две недели немцы дошли до Парижа и взяли его без единого выстрела. И ни один из генералов не пустил себе пулю в лоб после такого позора. У нас в старину ни ружей, ни пороха не было, а дрались за свою страну годами. А когда пала столица, Хоанг Зиеу тут же покончил с собой. Французские же генералы объявили Париж «открытым городом»! Входи, бери!..

— Да-а-а... — задумчиво кивал головой Ты Гать. — Ну, и что же теперь будет, учитель?

— Французское правительство предлагает подписать договор о капитуляции. А пока что немецкая армия продолжает наступать. В день проходит до сотни километров.

Хой вдруг замолчал. Ему показалось, что за спиной у него кто-то стоит. Он обернулся. Действительно, какой-то парнишка молча стоял с двумя пустыми ведрами.

— Кто это?

— Разве не помните? Это Ка, сын тетушки Муй.

— А! Брат Соан?

— Он самый. Теперь он служит в доме Ват, продает лапшу.

— Как мама, Ка?

Парнишка подошел ближе и присел на землю.

— Спасибо, хорошо. А вы, люди, рассказывайте, пожалуйста, дальше.

— Что же дальше! Не сегодня завтра подпишут договор о капитуляции. Вот и все.

— Ну, а с нами что будет? — спросил Ты Гать.

— В газетах пишут, что японцы требуют пропустить в Индокитай свою контрольную мясню. Причем требуют так, что французам, наверное, придется согласиться.

— Понятно. Как говорится: сойдет вода из пруда и риска на дно ляжет. Раз Франция сдалась, так здесь французам и трепыхаться нечего. Вы вот что мне скажите, учителя: что за люди эти японцы? Как они к нам относятся?

— Ну, об этом, дедушка, я не берусь судить. Надеюсь, все будет хорошо.

— В прежние времена слышал я их песню об Азии. Так что вроде бы должны иметь сочувствие.

— А, помню! «Азия — первый континент...» — гимн Тонкинской школы. Старик Май учил нас этому гимну. Поживем — увидим. Ждать-то недолго осталось. Ну ладно, я, с вашего позволения, пойду.

Хой поднялся. Старик пошел его проводить и все улюлюкал, хитро щури глаза. «Как не покалеть! Нет, есть правда на небесах, есть!..»

Хой поспешно зашагал по дороге. Ка побежал за ним.

— Ты разве не домой?

— Нет, я к реке за водой.

— Сестра все еще у денутата?

— Да. Она серьезно больна. Боюсь я за нее.

— Ну что ты! Поправится.

— А ваши, наверное, здорово обрадуются. Тетя Тхао все время ходила на станцию, встречала поезда. А вчера Дюнг вернулся из Хайфона. Ну, ладно, я пойду, до свидания.

Вечером вся семья собралась за ужином. Хой и Дюнг не были дома больше года. Хой работал в Ханое, а Дюнг учился в хайфонской школе. В деревне оставалась Тхао с детьми и свекром. И лишь под Новый год вся семья со-

бегалась вместе, чтобы провести праздники дома. В эти дни забывались обычно повседневные тревоги и заботы о хлебе насущном. Однако на этот раз настроение у всех было тяжелое, никто не знал, куда повернут события. Сейчас всем хотелось быть вместе, сообща как-то легче переносятся трудности и невзгоды. Тхао в этом нуждалась больше всех. Она знала, что теперь семье придется туго, ведь Хой стал безработным, его школа в Ханое снова закрылась. А у Донга вообще не было никакой работы. На аптеку же да на жалкие приработки Тхао при двух детях надежда плохая. Но, как говорится, лучше голодать, да быть вместе. Все-таки в доме появились мужчины. Чтобы как-то отметить приезд мужа и деверя, Тхао добыла полбутылки вина, поджарила арахис, приготовила мужчинам яичницу. Дети уже поели, но все еще вертелись у подноса. Хиеи сидела рядом с дедушкой, а Ван забралась на колени к отцу. Она то и дело протягивала руку к блюду с арахисом.

Хой рассказывал последние новости. Возбужденный вином, он с удовольствием говорил о быстром и полном поражении французов. Старик Зяо слушал молча. Рассказ сына вызывал у него не радость, а скорее тревогу. Если появятся к ним японцы, тогда скажи прощай французскому языку. В свое время им пришлось уже вместо иероглифов учить латинские буквы. А теперь может случиться, что снова придется учить иероглифы, и многолетняя учеба Донга полетит к черту. Старший-то сын имеет профессию, о нем можно не беспокоиться. А Донг? Этот и в интеллигенты не выйдешь, и от крестьянства отошел! Кто мог подумать, что так обернется дело! А чтобы выучить японский, придется снова засесть за иероглифы. Хорошо, что дети с его помощью одолели учебник «Три тысячи знаков». Все-таки кой-какой запас есть. Правда, только подумаешь об этом, так тошно делается.

Погруженный в свои мысли, Зяо лишь краем уха прислушивался к разговору. Время от времени он брал на ладони кусочек яичницы, давал Хиеи, грустно всдыхал и гладил девочку по голове. После того как «французская тема» была исчерпана, перешли к местным новостям.

— Утром на рылке, — сообщил Донг, — встретил дену-татскую жену. Спрашивала, не вернулся ли ты. Почему, говорит, никогда не зайдет в гости?

Хой расхохотался.

— Что это она вдруг стала такой гостеприимной!

— Ничего удивительного! — сказала Тхао. — Треснул верхний жернов, так треснет и нижний. Теперь они все будут сладкими, как патока!

Старый Зяо был явно недоволен словами снохи.

— Ишь какая языкастая! Нельзя так! Надо ценить, что они стали держать себя с народом скромнее. Я думаю, не мешает вам как-нибудь сходить к депутату.

Тхао отвернулась, чтобы скрыть улыбку, а Хой продолжал смеяться.

— Подумать только! Как это я удостоился внимания такой важной особы. Гляди, еще сама в гости к нам зайвится!

— В Хайфоне я недавно встретил Лока, — сообщил Доиг.

— Сына Дьема?

— Да. Он закончил училище и получил звание сержанта. В военной форме его не узнать. Стал артиллеристом. Я его встретил как раз перед их отъездом в До-сон на стрельбы.

— Ты давно виделся с Дьемом? — спросила Тхао мужа. — Жаль Лока, такой всегда был скромный мальчик. Старик-то все еще сердится на него? С тех пор как умерла тетушка, Дьем вроде бы умом тронулся. А тут еще единственный сын из дому ушел. С кем же ему жизнь доживать?

— Лок мне все рассказал, — продолжал Доиг. — Он обиделся на отца за то, что тот грубо обошелся с ним. Отец заставлял его жениться, Лок отказался. Тогда отец наорал на него, заявил, что он не почитает родителей. А когда Лок ушел в военное училище, старик обвинил его в измене родине. В тот день мы с Локом долго говорили. Он просил передать всем привет.

— Я так и знал, что парнишка сбегал, обидевшись на старика. Но кто мог подумать, что он поступит в эту злосчастную школу...

— Может, немного позже ему позволит вернуться? — робко спросила Тхао.

— Он не вернется! — убежденно сказал Доиг. — Он ведь не случайно туда пошел, у него была цель. Он сказал, что только во время войны французы разрешили вьетнамцам учиться военному делу и даже артиллерии. Надо, говорит, воспользоваться этим случаем. Кто знает,

придет день, и военные знания могут потребоваться родные...

Хой удивился. Вот как! Этот Лок, оказывается, не такой уж легкомысленный парень.

— В каком же звании он теперь?

— Он унтер-офицер, нана, а это уже почти офицерское звание.

— Ничего себе! Небось и оклад ему положили немалый?

Не дождавшись ответа, старик пригубил свою рюмку.

— А ты знаешь, брат, ведь я сдал на бакалавра первой степени. — неожиданно заявил Донг.

Хой даже подскочил.

— Не может быть! Когда, где?

Старого Зяю это заявление тоже ошеломило.

— Решил — будь что будет, — стал рассказывать Донг, видя изумление родных. — Подумал: денег в доме не хватает и если я буду учиться, как все, то только на будущий год получу диплом, и то еще неизвестно. Вот и подал заявление, чтобы допущенный к экзаменам. Прикинул, если сдам — сэкономлю целых три года и смогу давать частные уроки. А там поступлю на работу и буду готовиться на вторую степень. Ну, а правду — оставлю учебу и пойду работать. Знаешь, я боялся, что ты будешь меня ругать, поэтому в Ханое остановился у дяди Дьема. Мне, правда, повезло. Еще немного, и я провалил бы английский. Зато на математике набрал много очков. Это меня и спасло. После экзаменов сразу же уехал в Хайфон. Не стал дожидаться. Там из газет узнал, что сдал.

— Так ты действительно сдал на бакалавра? — не унимался Зяю.

— Действительно, отец. У меня даже газета сохранилась.

Донг принес номер «Французского Индокитая», где в разделе объявлений были напечатаны фамилии абитуриентов, сдавших экзамены.

— Да, Ле Ван Донг, группа В.

— Группа В — это группа сдававших самостоятельно.

— А может, это твой однофамилец?

— Нет, в группе В был только один Ле Ван Донг.

— Вот это здорово!

Зяю разволновался, он все еще не верил, что его сын — бакалавр.

— Это только первая ступень, — сказал Донг, — настоящим бакалавром я стану, когда сдам на вторую.

— На будущий год сдашь и на вторую. Голова пролезла, хвост не застрянет!

Хой снова взял газету.

— Посмотрим, кетати, сдал ли депутатский сынок.

— Ищи в А, — сказал Донг. — Ученики из Саро сдавали в этой группе.

— О, тут их несколько десятков! Как же, ученики Французской школы! Посмотрим на Т. Тао, Тхинеу... и все. Наннего Тьонга не видеть...

Тхао рассмеялась.

— Значит, депутатского сынка «прокатили». А наш Донг — уминда. Всего двенадцать человек сдали, и он среди них.

— Что же ты теперь думаешь делать? — спросил Хой брата.

— Думаю на будущий год поехать в Хайой, поступить в частную школу. Буду изучать математику. Ну и попробую устроиться на работу. Буду учиться и работать. У меня математика хорошо идет. Если удастся, стану математиком.

— Ладно, моли бога, чтоб у нас все устроилось, — заключил Зяо, — тогда и брат поможет доучиться. А то, гляди, так повернется, что вся твоя учеба полетит псу под хвост.

Слова старого Зяо заставили всех умолкнуть. В бутылке еще оставалось вино, но пить его никто уже не хотел.

IV

Было уже за полночь, а Хой и Тхао все еще сидели за столом и тихо, вполголоса разговаривали. Как всегда, Тхао выкладывала мужу сельские новости. Шоан недавно выдала старшую дочь. Зять работает десятником где-то на строительстве дороги. Кан продолжает пить лекарства, надеется произвести на свет продолжателя рода. Поругался с Зяо из-за того, что свекор будто давал ему слишком слабые лекарства. Теперь лечится у рыночного лекаря. А какое лекарство ему поможет? Мо, став второй женой Кана, раздобыла, но все еще не беременеет. Старшая жена воспылала к ней лютой ревностью. Что ни

день, то у них драка, перебили все чашки и миски, ни банки, ни склянки не осталось. А Тинь приехала навес-
тить отца как-то в феврале. Она сейчас в Хайфоне, вы-
ступает в каком-то дансинге. Подъехала на машине с ка-
ким-то китайцем и самой переправе. Разодета, как при-
цесса, отцу подарки привезла. А тот ее изругал на чем
свет стоит и прогнал.

У депутата играют все так же, день и ночь. То Но-
вый год, то весенние праздники, то еще что-нибудь. И по
каждому поводу собираются. Сколько семей разорили!
Только и слышно: тот проиграл, тот выиграл. Со всего
района игроки к нему тянутся, дня не обходится без
драки. Играют все — и прыцавый Лунг, и староста, и
его секретарь, и всякие сельские чиновники. Но не-
сколько дней криду играют. Как-то привезли с собой
даже печать и книгу кунчих сделок. Как кто проиграется
и решит продать дом и землю, так тут же и оформляют
все. Уж на что Лунг прижимист, но и тот не удержался.
спустил десятка три донгов, а потом долго ходил возле
дома, все не решался показаться на глаза суаруге. Пожа-
лись он ей тогда, она б его в землю живьем закопала!

Хой не удержался от улыбки.

— Ты не встречала Дон? Как у нее с мужем? Залов-
ка небось командует ею?

— Не скажи! Дон тоже палец в рот не кладет.

— Я тут, на станции, встретил Ка, говорит, что Сози
тяжело больна. Это правда?

— Правда. Помрет, наверно. Ведь ни лекарств, ни
ухода. Недавно Муй забрала ее домой. Хой пригласил
доктора, тот говорит, у нее тиф, и не известно, перенесет
ли она его. Доктор оказался очень порядочным, взялся
лечить пока без денег, нет у них денег-то. — Тхао с мину-
ту помолчала и продолжала раздумчиво: — И отчего люди
такие подлые! Ведь девочка работала на них столько
лет, а как заболела, бросили подыхать как собаку. Ты
как-нибудь загляни к тетунке Муй.

— Обязательно.

— Скажи, чтоб продолжали лечить, может, выживет.
Так ее жалко! Если мы не поможем, им не на кого на-
деяться. Откуда Муй взять денег на лекарство...

Тхао невольно посмотрела на дочку. О небо! Если с
ее детьми случится несчастье, она с ума сойдет!

Хой и Тхао начали уже было дремать, как вдруг до

них дохлелся женовский плач и причитания: «Сыночек! Родной мой!..»

Хой привстал и прислушался.

— Это Диеу,— прошептала Тхао.

— Что с ней?

— Она плачет сына. Его взяли в солдаты в прошлом году. Недавно она узнала, что несколько французских кораблей с солдатами были потоплены в море, так теперь она почти каждую ночь плачет.

Надрывный плач не умолкал.

Тхао лежала, тесно прижавшись к мужу. Нет! Лучшее любой голод и нищета, только бы небо не отнимало никого из семьи! И откуда только берутся эти напасти! Тхао обняла мужа. Боже, какое счастье быть вместе с любимым, почувствовать вот так, на своей шее его теплое дыхание... Они с Хоем живут в разлуке почти круглый год. Уже лет восемь, как женаты, а посчитать, сколько прожили вместе, так и восьми месяцев не наберется. От этих мыслей Тхао стало совсем грустно, она прижалась к мужу и спрятала лицо у него на груди...

Уже под утро Хой снова проснулся от плача тетушки Диеу. Тхао спала, но рука ее лежала на груди Хой. Он осторожно взял в свои руки ее ладонь. Какие жесткие, натруженные руки!.. Ведь это только считалось, что он содержит семью, а что там оставалось ей от нескольких жалких донгов, которые он ежемесячно присылал ей из Ханоя. Он экономил, как только мог, и на еде, и на одежде, и на плате за жилье. Но все же из своих десятидцати донгов мог посылать семье только шесть. Из них четыре нужно было отправлять Донгу: два на учебу и два на причитание, так что Тхао оставалось всего около двух донгов. Вот и вертелась она круглый год как белка в колесе, чтобы прокормить себя, свекра и детей. И свой участок обрабатывала, и к другим занималась, и на рынке умудрилась торговать. Но никогда не слышала Хой от жены ни слова жалобы или упрека. Каждый раз, когда он приезжал из Ханоя, она старалась приготовить для него что-нибудь повкуснее. В молодости Тхао была хорошенькой, а теперь щеки ввалились, плечи заострились, руки стали худые. Только глаза были по-прежнему красивые, ласковые...

Хой ушел с головой в свои невеселые думы. Теперь будет еще труднее! Время настало смутное. Его несчастная школа опять закрылась и не известно, откроется ли еще. Так что теперь он фактически безработный. Кто же будет кормить семью? Опять Тхао? Неужели и ему придется жить за счет жены? Сколько лет он потратил на учебу, и, выходит, все зря!

Тетушка Диеу перестала плакать, но Хой уже не мог заснуть. В голове неотвязно вертелся вопрос: «Что делать? Что теперь делать?» Однако ответа на него он так и не находил. Удивительно! У него есть голова на плечах, есть руки, он умеет работать, а приложить свое умение нигде. Что ему делать в этой деревне! Кому нужны здесь его знания?

Хой припомнил тот вечер в сентябре прошлого года, их беседу с Кхаком. Где теперь Кхак? Кхак говорил, что в их жизни должны наступить перемены, что людям больше невозможно так жить. Верно! Вот ему, Хой, уже невозможно. Но он не видит никаких перемен. Жизнь зашла в тупик, из которого нет выхода!..

Мысли текли вереницей, сознание затуманилось, и Хой снова задремал...

«Ку-ка-ре-ку!» — раздался предутренний крик петуха. Тхао осторожно встала и на цыпочках прошла в угол комнаты будить Хиен.

— Вставай, Хиен, пойдем лушить рис.

— Мамочка, милая, дай еще немножко поспать, — захныкала Хиен.

— Тише, маму разбудишь. Одевайся и помоги мне. А за работу мы получим рисовую крошку и сварим кашу.

Покончив с завтраком, Зю стал тщательно одеваться. На вопрос Донга, куда это он собирается, старик ответил неопределенно:

— Надо сходить в одно место. А ты побудь дома. Если кто придет за лекарством, попроси обждать. Я скоро вернусь.

Вернулся Зю в полдень, лицо его радостно сияло.

— Поди сюда, Донг, — позвал он сына. — Я сейчас был у денутата...

— Незачем было туда ходить! — отрезал Донг.

— Как это — незачем! — обиделся Зю. — Молоко еще на губах не обсохло, а туда же, грубишь отцу.

Донг ничего не ответил и пошел приводить в порядок водоем. Зяо, закулив трубку, стал рассказывать невестке и Хою о своем визите к депутату. Приняли его хорошо, и он сумел пристроить Донга на работу. Жена депутата, узнав, что Донг сдал на бакалавра, решила пригласить его репетитором к дочери на все летние каникулы. А насчет оплаты, говорит, пусть не беспокоится. Ей и семи донгов в месяц не жалко ради такого дела.

— Завтра же пусть оденется получше и идет, не то поведем его силой.

Хой улыбнулся.

— Ну, зачем же вести. Он и сам пойдет.

— А если он им поправится, то сможет у них долго работать. Они люди нужные. Глядишь, и в другом в чем помогут.

— Как же, держи карман шире!.. — усмехнулся Хой.

— Какие вы все умные стали! — пробурчал недоуменный Зяо. — Проглупо слушать! Вот возьми, почитай. Шел мимо рынка, взял у фотографа. Потом отовдешень назад с Хием. — Зяо протянул сыну газету.

— Так и есть! — воскликнул Хой, раскрыв газету. — Французы не выдержали! Двадцать девятого японская контрольная миссия вступит на территорию Индокитая.

V

Каждый день приносили новые вести: японская контрольная миссия, возглавляемая генералом Нисихара, прибыла в Ханой; три японских самолета пролетели над Ханоем и приземлились на аэродроме Зя-лям; генерал Нисихара имел дружескую беседу с генерал-губернатором Катру; японцы, разделившись на группы, отправились в провинции Лап-сон, Као банг, Ха-зынг, Лао-кай и Хай-фонг; японский торпедный катер вошел в хайфонский порт; генерал-губернатор Катру объявил запрет на ввоз товаров из Китая в Северный Вьетнам и издал приказ разобрать железнодорожное полотно вблизи китайской границы; правительство Петена назначило адмирала Деку генерал-губернатором Индокитая вместо генерала Катру...

В стране стало спокойнее, но это никак не отразилось на положении школы «Бать-май». Она и раньше-то сд-

на своила концы с кониами, а теперь директор вынужден был объявить о распродаже школьного имущества в уилах долгов. Хой сообщил об этом в письме его старый приятель, учитель Хуан.

«Ну и черт с ней!» — решил Хой, прочитав письмо. Правда, до сих пор он хватался за эту школу, как уточающий за соломинку. Но вот теперь соломинки не стало, и надо было искать себе другое занятие. Конечно, это не так просто, но зато он избавится наконец от положения бедного учителя частной школы. Сколько лет эта школа занимала у него и силы, и способности, и надежды!

Хой решил писать. Он не мечтал, разумеется, стать вторым Гюго или Толстым, но уж что-нибудь в духе этих бесчисленных любовных историй, с их фальшивыми страданиями, которые изо дня в день печатались в газетах, он как-нибудь напишет. Только все это порядком осточертело читателям. Нет, он будет писать о простых деревенских парнях, об их трудовой жизни. Его перо будет правдивым и беспристрастным!

Меню в семье стало заметно скуднее. Мелкая торговля с лотка не давала никаких доходов. Товары дорожали с каждым днем. Времена настали такие, что на торговле наживались лишь те, у кого было много денег. Они скупили товары, придерживали их и потом продавали втридорога. А на долю лоточников вроде Тхао оставались одни убытки.

Хой почти не выходил из дому. Целыми днями он сидел, согнувшись над письменным столом в темной убогой комнатухе. И только, когда совсем уставал писать, выходил во двор заняться по хозяйству: готовил корм свиньям, нарезал из бамбука лучины.

Иногда, вечером, он вместе с Хиеи отправлялся на край деревни, к тетушке Муй. Здесь его очень уважали и почитали за человека высокообразованного. Мало того, для тетушки Муй Хой был еще и благодетелем: ведь старый Зю бесплатно лечил Соан. Кой, вернувшись в село, вскоре после новгодних праздников, жил теперь в старой хижине Мама. Тетушку Муй часто навещали и Дон с мужем. Они приходили обычно поздно вечером, разжигали очаг и, сидя у огня, говорили о своих делах. Хой любил послушать их, часто засиживался здесь допоздна. Ему было хорошо с этими простыми, искренними людьми.

Тхао стало потакивать, наблюдательная Дон сразу заметила это, а Хой отшучивался:

— Вот черт! И так жить не на что, а жена опять рожать придумала. И с чего бы это! Тут недавно видел ночью сй рие молоты, так даже в глазах потемнело от слабости.

Дон улыбнулась.

— Такие тощие да сутулые самые плодовитые и есть. Вот увидишь, сколько она тебе еще нарожает.

— Я ведь теперь не учитель, я безработный. Вот поеду в Ханой, буду ходить по улицам замки чинить, ключи подготавливать. И работа нетяжелая и заработать можно! Знал я одного такого мастера-ключника. В замках едва разбирался, но раздобыл где-то связку ржавых ключей и стал промышлять. Возьмет, бывало, ящичек под мышку и отправляется на работу. Бродит и высматривает, не уйдет ли какой хозяйка к знакомым или в магазин. Стоит кому уйти из дому, этот ключник тут как тут. Сунет гвоздь в замочную скважину и сломает замок. Хозяйка приходит, а дверь не открывается. Что делать? Куда бежать? Муж скоро придет, а у нее и обед не готов. Тут-то наш ключник и появляется. Идет не спеша, потряхивает связкой ключей: «Кому замки чини-и-ить!» Обрадованная хозяйка бросается к нему, на любую плату согласна. Большие деньги зарабатывал, прохода!

Иногда Хой уговаривал Кой ехать с ним в Ханой.

— Поедем! Вместе будем работать. Еще есть замечательная профессия! Нужно только достать деревянный ящик и две луны, вроде тех, что у часовщиков, и «волшебный фонарь» готов. А внутри поставим керосиновую лампу и приделаем рычаг открыток. Ведь через луну эти открытки кажутся величиной с картину. А я сочиню к ним текст покладнее, вроде: «Самое чудесное из всех чудес природы! Знаменитая пещера Хыонг-сон! Река на фоне скалы!» А сними любую гору, кто там разберет, та это гора или не та. За сеанс одно су. Дешево и сердито! Как наступит вечер, ты ящик на плечо и на рынок. Ребята вокруг будут толпиться, не оторвешь. Да что ребята, сам бы за деньги смотрел. Разве плохо? И хлопот никаких, и заработок хороший. К тому же девушки за тобой косяками ходить будут. Точно тебе говорю!

Кой фыркал от смеха.

Но бывало, и Хой сетовал на судьбу.

— Профессия учителя — сплошной обман, — с грустью говорил он. — Почти все ученики у меня были дети лодочников, лодочников... Голодьба, полунищие. Одеты кое-как, нечто грязные... Риз, патериксы, видят раз в день, мяса и не нюхают. В учебниках написано, что не следует переедать мяса, что это вредно для здоровья. Надо, мол, иногда исключать мясо из меню. У одного моего ученика шестеро братьев и сестер. Старшей сестре пришлось пойти на панель, чтобы кормить остальных. По вечерам гостей приводит домой. А на экзаменах ученикам дали тему для сочинения: «Опиши, как твоя семья проводит вечер». Проучатся такие ученики несколько месяцев и уходят, потому что нечем за учебу платить. И с богатыми плохо. Сам директор гнет перед ними спину. В классах эти сынки хулиганят, а попробуй наказать, так они в тебя чернильницей запустят. Ну а костюм то один на все сезона. Вот и начинаешь выводить чернильные пятна всеми способами. Да на тебя же такой хулиган еще и родителям пожалуется. А те к директору: «Что это, де, ваш учитель придирается к мальчику».

— Неужели и впрямь такое в школах творится? — робко спрашивала тетушка Муй.

— Еще бы! Вот я и решил сменить профессию. Вроде, это все отныне разговоры. Стоит увидеть ребят, как опять тянет в школу.

И Хой улыбался. Он понимал, что дело тут не в профессии. Тяжела жизнь. А уж если говорить откровенно, то только занятия в бедных пригородах Ханоя придавали его жизни какой-то смысл. Нет, он не забудет своих мальчишек! Тама, например. Волосы растрепанные, а мордашка такая смешливая. Однажды пришел к Хою и плачет — мать не смогла собрать три хао за учебу: полицейский оштрафовал ее за торговлю в европейском квартале. Или Сать, который посещал только утренние занятия, а весь день продавал с лотка конфеты. Его тоненький голосок звенел на всех трамвайных остановках. Эти ребята были очень послушны и любили Хоя. Как они радовались, когда узнавали что-нибудь новое, что Земля, например, вращается вокруг Солнца, или когда смогли сами написать: «Моя родина — Вьетнам». И, видя эту радость, Хой забывал все свои невзгоды. Только такие ребята, как правило, оставались недоучками, они либо шли работать в приислуги, либо вообще исчезали неизвестно куда. Так ежеднев-

по, ежедневно общество теряло столько светлых умов, столько прекрасных натур. А ведь они могли бы создавать для него и материальные и духовные ценности. Нужно было спасать их во что бы то ни стало! Хой не раз думал об этом, но он был бессилен сделать что-либо, бессилен был бороться против этой чудовищной общественной машины, которая уничтожала пытливые умы и светлые души.

А теперь у него отняли и это последнее. Нет! Он не будет сидеть сложа руки. Он будет бороться! И Хой с еще большим рвением брался за дело. Он решил написать об этих детях несколько рассказов. Поначалу Хой относился к своему новому занятию с некоторой иронией, но незаметно для себя увлекся. Свои рассказы Хой писал на жизненном материале, так что ему не приходилось ничего выдумывать. Вечера у тетушки Муи отглаживали много впечатлений. Прежде Хой считал, что хорошо знает жизнь крестьян, но, как оказалось, это было далеко не так, и он стал меньше говорить, а больше слушать, наблюдать.

Завершив очередной рассказ, Хой тут же рассылал его в ханойские газеты и журналы и с нетерпением ждал ответа. Но дни шли, а рассказы никто не печатал. Однако Хой упорно продолжал писать, хотя ему уже было ясно, что он зря переводит деньги на почтовые марки.

VI

С тех пор как Кой вернулся в деревню, две дачуги на окраине у реки будто ожили. Кой перекрыв крышу в доме, где прежде жил Мам, и почти каждый день заглядывал к тетушке Муи, где всегда находил себе какую-нибудь работу. Если б не Кой, тетушке Муи совсем плохо пришлось бы в это тяжелое время, когда Соан находилась между жизнью и смертью.

В тот день, когда Муи на своей санине принесла больную Соан домой, у нее почти не осталось никакой надежды. Круглые сутки Соан горела как в огне и все время бредила. Этот бред открыл старой Муи многое. Сколько же, оказывается, мужества у ее маленькой девочки! Каким мучениям подвергалась она в доме денюгата и все молчала, чтобы не расстраивать мать! Порой Муи каза-

тошь, что ее Соан уже умерла: глаза у нее закатывались, она лежала без единого движения. Но видно, не порвалась еще ниточка, которая связывала девушку с жизнью. После кризиса Соан начала поправляться. Она теперь выпивала немного воды и съедала несколько ложек рисовой каши. Как-то она заговорила:

— Мама, это ты?.. Я давно болею?.. Знаешь, мама, если я поправлюсь, ты не посылай меня больше туда, хорошо?..

— Хорошо, доченька, — успокоила Соан мать, — хорошо, только поправляйся, родная, поскорей. А поправишься, будешь жить дома.

Все эти дни Муй не решалась ни на минуту оставить Соан одну. Приготовит лекарство, сварит кашу, постирает и снова бесцельно дежурит у постели. А если уходила на реку помыть белье, ее терзал страх: вдруг Соан станет хуже и она умрет. И так день за днем, ночь за ночью...

Ка каждый день прибывал со станции: то рыбу принесет в платочке, то горсть креветок, то зелени. Посидит немного дома и как заслышит паровозный свисток, тут же срывается — и на станцию. Ка вытянулся и похудел. И ведь лет-то не так много, а уже чувствует себя чуть ли не старшим в доме. Домой без гостинца ребятам не приходит. Хью и Бау обязательно принесет либо шоколет, либо банан, а то и целый кусок сахарного тростника.

Кой на время болезни Соан забрал ребят к себе и сам ухаживал за ними. А когда Соан было особенно плохо, приходил по ночам сменить тетунку Муй у постели больной.

Однажды после ночного дежурства выдалось приятное прохладное утро. Тетунка Муй, утомившись, прикорнула у кровати.

— Мама! — услышала она сквозь дрему слабый голос Соан и тотчас же вскочила.

Соан лежала с открытыми глазами.

— Дай мне поить, мама.

— Как ты себя чувствуешь, доченька?

— Лучше... Сегодня хорошо. Прохладно... Дай мне поить.

Муй стала поить ее с ложечки. Соан жадно глотала воду.

— Хватит. Открой, мама, дверь, чтобы посветлее было. А где Хюс, Бау?

— Их на время забрал к себе Кой, они пока у него живут.

— А Ка? Его тоже нет дома? Ты позови их, пусть придут, посидят со мной.

— Хорошо, а ты посиди еще. Я их потом позову.

Соан замолчала. А Муй все поглядывала на дочь. И радостно было ей, и тревожно. Ей все казалось, что дочь заговорила, чтобы проститься с ней. С чего это ей вдруг захотелось повидать детей? В сознании тетушки Соан сейчас была человеком, соприкоснувшимся с иным миром, повидавшим то, чего никогда не видела она, старая Муй.

Соан продолжала молча лежать, уставившись в пустоту широко раскрытыми глазами. Время от времени она беззвучно шевелила губами. Потом она подняла свою худую руку и стала внимательно ее рассматривать. Глаза у нее по-прежнему горели, как два уголька.

— Мама, когда я была без сознания, мне приснился отец.

Муй совсем перепугалась.

— А как ты его видела, дочка?

— На расстоянии. Он стоял на высоком доме и все звал меня, а голоса его я не слышала.

У Муй от ужаса волосы зашевелились на голове, и она мысленно замолчала: «Смилуйся, отец, не бери дочь к себе». А Соан продолжала смотреть куда-то вдаль, точно перед ее глазами вставали дикие картины, о которых она никому не хотела говорить.

— И Мам куда то ушел! Я, наверное, совсем худая стала, некрасивая. Да, мама?

Старая Муй не знала, что и отвечать. Соан опустила руку, ее губы тронула слабая улыбка, такая жалкая, что у Муй навернулись на глаза слезы.

— Мам скоро вернется. Он сегодня вернется, вот увидишь!

— Ладно, дочка, спи. Как это он может вернуться сегодня?

Соан бросила на мать взгляд, полный упрека, и отвернулась. Муй поняла, что дочь обиделась, но не решилась продолжать разговор на эту тему и занялась приготовлением завтрака.

— Мама, — вдруг сказала Соан, — не надо готовить завтрак, я все равно не буду есть. У меня во рту горько. Поставь лучше воду подогреть, я хочу помыть голову. И дай мне гребешок, и расчешу волосы.

— Что ты надумала, дочка? Ты ведь больна, тебе нельзя мыться.

— Ничего, я уже поправилась. Поставь воду. Мама, у меня очень худое лицо? Скоро Мам вернется. Ты что, не слушаешь меня, что ли?

Соан приподнялась на локтях и нахмурилась. Муй совсем растерялась. Ну конечно, это она перед смертью. Иначе зачем же ей вдруг понадобилось умыться и причесываться...

Тетушка Муй бросилась к постели.

— Умоляю тебя, доченька, поешь каши и постарайся заснуть.

— Не буду! Дай мне гребешок и теплой воды, хочу прополоскать рот и умыться. Прошу, прошу тебя, а ты будто не слышишь. — Соан заплакала.

— Ну, хорошо, хорошо! Иду греть воду. А ты ложись.

— Сначала дай мне гребень!

Соан зажала в руке гребень и только тогда позволила матери уложить себя. Подняв дрожащую руку, Соан еще раз посмотрела на гребешок и успокоилась. Видимо, она утомилась и теперь, тяжело дыша, задремала, устало смежив веки.

Муй сидела молча, не решаясь вмешаться. За много дней Соан, кажется, впервые заснула спокойно. На бледном лице выступили острые скулы. Бескровные губы приоткрылись. Дыхание сделалось чуть заметным. В сердце Муй снова начал закрадываться страх: может быть, дочь отходит сейчас в иной мир? Но Соан открыла глаза и снова задышала тяжело. Она опять подняла к глазам руку с гребнем.

— Поставь же воду, мама, чтобы я успела вымыть голову. Ведь Мам вот-вот вернется домой...

Муй, конечно, знала о тайной любви дочери к Маму, но никак не думала, что чувство это такое сильное. У старой Муй сердце разрывалось на части.

Наконец она умыла и причесала дочь, аккуратно заплела ей косы. Соан выпила лекарство, проглотила не-

сколько ложек рисовой каши и теперь, успокоившись, дремала. Однако при каждом шорохе тут же открывала глаза и смотрела на дверь.

К вечеру Соан стало плохо. По ее лицу ручьями стекал пот, Муй едва успевала его вытирать.

Вечерняя духота кончилась грозой. Шум ливня заглушил все остальные звуки. Вода стала проникать в комнату.

Светильник едва горел.

Муй закрепила дверь веревкой, чтобы ее не сорвало ветром, вывернула фитиль поярче и накрыла Соан одеялом.

Соан проснулась и лежала, прислушиваясь к шуму грозы.

— Как ты себя чувствуешь, дочка?

— Это дождь, мама? Помогли мне сесты.

Муй стала приподнимать дочь да так и оцепенела: весь подол рубашки Соан был в крови.

— Боже мой! — закричала Муй сама не своя. — Что это с тобой, дочка?

— Он сейчас придет, мама!.. Он сейчас придет...

Соан откинулась на кровать, широко раскрыв невидящие глаза. Муй натянула на дочь одеяло и поднесла светильник к ее лицу. Оно бледнее на глазах.

— Соан, Соан! Что с тобой?

Муй выскочила во двор под проливной дождь и стала звать Коя.

Кой сразу прибежал.

— Соан! Соан! Это я, Кой, ты не узнаешь меня? — он опустился на колени у кровати.

Соан не отвечала.

— Пойду приведу лекаря! — Кой падел нон и выскочил из дому.

Лицо Соан сделалось совсем белым, а круги под глазами еще темнее, на щеках и у подбородка выступили прыщи — черты смерти все явственнее проступали на нем.

— Соа-а-ан, доченька... — всхлипывала Муй.

Вскоре пришли Хой и Зяо. Все столпились у кровати больной.

— Не волнуйтесь, тетушка, — сказал Зяо, — пока ничего страшного нет. — Зяо поцупал у Соан пульс, приподнял ей веки. — Я тут принес кое-какие травы, завари-

те их и дайте ей выпить. Это остановит кровотечение. А вот это лекарство давайте понемногу ночью. Завтра утром посмотрим, ей должно быть лучше.

Все ушли, остался только Кой. Он помог старой Муй напоить Соан отваром из трав. Теперь Соан лежала спокойно. В мерцающем свете светильника Кой даже показалось, что лицо больной начало розоветь, пятна на щеках и подбородке стали исчезать. Дыхание сделалось ровнее. Соан спала, плотно закрыв глаза.

Начало светать.

— Теперь будет жить, — сказал Кой тетушке Муй, — ложитесь, отдохните немного, а я подежурю.

Кризис миновал. У Соан появился аппетит. Ей все время хотелось есть.

Каждый вечер Ка приносил чего-нибудь, чтобы подкормить сестру, — немного вареного риса, горсть ланши, кусочек домашней колбасы.

И Кой, и Дон, и Куен, и соседи — все старались помочь Соан, так что о еде Муй не приходилось особенно заботиться. И хотя Соан питалась в основном рисом, бататом да кукурузой, она быстро шла на поправку. Вскоре у нее округлились щеки, постепенно она начала вставать и самостоятельно ходить по дому.

За много лет Соан впервые прожила у себя дома так долго. Коммары недавнего прошлого отодвинулись куда-то, потускнели, остались по ту сторону болезни. Теперь Соан жила в кругу своей семьи, с добрыми, ласковыми людьми. Окруженная любовью, Соан даже похорошела. Черные глаза заблестели, щеки порозовели, на губах заиграла улыбка. Но с выздоровлением к ней вернулась тревога.

Как-то на рынке тетушка Муй встретила депутатшу. Та спросила о здоровье Соан и просила, чтобы она поскорее возвращалась на свое место, так как к Тыонгу понаехало много друзей и рабочих рук не хватало. Застенчивая и тихая по натуре, старая Муй почувствовала, что ее душит злость. Когда ее дочь была при смерти, о ней даже не вспоминали, а теперь, едва встала с постели, они уже ждут не дождутся, как бы поскорее заставить ее работать!

Кой теперь реже заходил к тетушке Муй и, когда бывал, почти всегда заводил разговор о Маме. Он слы-

ишал, будто Мама увезли в палатку, куда-то в горный район. Но больше он толком ничего не знал. Кой очень переменялся за это время. И самое удивительное — он вдруг начал читать. Непонятно только, где и когда он выучился грамоте. Время от времени к нему навещались ребята дядюшки Зана. Они заходили обычно вечером — посидеть, попить чаю да поболтать. И только Со-ан да Хюе было известно, что, кроме них, изредка заезжал и Кою еще один человек, которого здесь никто не знал.

VII

К депутату Кханию приехали гости. Это были знакомые дочери и сына. Тьонга звали теперь на американский манер — Боб-Тьонг, а его друга — Гарри Тхук. Он был сыном владельца плантации в провинции Фу-то. Гарри-Тхук приехал со своей сестрой Фи. Потом появился Зунг, студент медицинского института, двоюродный брат Тхука. Приехали и дети губернатора Ви. Каждый вечер, нарушая сонную тишину сельского захолустья, в поместье шумела молодежь.

Как-то утром Боб-Тьонг приказал оседлать трех лошадей: он намеревался отправиться с друзьями в дальнюю прогулку.

— Я еду на белую, — решительно заявил Гарри-Тхук, увидев оседланных копей.

— Смотри, она с норовом!

— Вот и хорошо, я люблю норовистых. А ты, Зунг, садись на серую, ты ведь еще никогда не ездил верхом.

Зунг стоял в нерешительности, поглядывая на лошадь, которая была копытом по кирпичному настилу двора.

— Мне все равно...

Боб-Тьонг вышел с ружьем за спиной, похлопывая по голенищу стеком.

— Серая — спокойная. А вообще эти лошади все скаковые. Отец купил их у месье Ви специально для верховой езды.

Нхуэт и Фи только что проснулись и вышли на веранду посмотреть на их сборы.

— Куда это вы?

Зунг поднял голову и приветственно помахал девушкам рукой.

— Bonjour¹, девушки, мы решили съездить в Донг-чиеу.

— А когда вернетесь?

— К вечеру, — бросил Боб Тьонг в сторону веранды и молодцевато вскочил на лошадь. — А вы готовьтесь к вечернему балу. Ah revoir². Фи, mon coeur³! — Он приложил руку к сердцу и низко поклонился. Девушки расхохотались. Тхук тоже лихо вскочил на коня, но у Зунга нога застряла в стремях, и он никак не мог сесть в седло. Лошадь смирно ждала его, а он все похлопывал ее по шее и прыгал на одной ноге. Девушки на веранде заливались смехом.

— Что же никто не подсадит Зунга?

Зунг наконец кое-как вскарабкался на седло, он был весь красный от смущения. Его серый послушно тронулся с места.

За воротами Дон пасла коров. Она разговаривала с виномей в длинном белом платье, в пробковом шлеме, под мышкой он держал учебники.

— Bonjour, Донг! — крикнул Боб-Тьонг. — Твоя ученица еще не успела умыться.

— А вы куда так рано?

— Мы нарочно пораньше, чтобы не так жарко. Да, чуть не забыл! Послушай, Донг, передай Нгуэт, чтобы она пригласила Фата и Тьо на сегодняшний вечер, — бросил Тьонг и хлестнул лошадь. Конь сразу валил крупной рысью.

Донг покраснел. Они обращаются с ним, как со слугой!

Донг вошел в приемную и сел в кресло. Увидев Дао, он попросил:

— Будь добра, скажи Нгуэт, что я уже пришел.

Дао ушла и через минуту вернулась.

— Она просила немного подождать. Хочешь, я принесу тебе кофе с молоком?

— Спасибо, я уже позавтракал.

Донг, конечно, соврал: с утра у него не было во рту

¹ Здравствуйте (франц.).

² До свидания (франц.).

³ Мое сердце (франц.).

ни крошки. Он сел к столу, за которым они обычно занимались, и стал машинально листать учебник. Его занятия с Нгуэт сводились к подготовке домашних заданий, которые она должна была выполнить за время летних каникул. Все было бы ничего, если б Нгуен слушала их каникул. Все было бы ничего, если б Нгуэт слушала не больше. Едва Донг начинал объяснять, она отворачивалась, вертелась, а потом неожиданно заявляла: «Я все равно ничегошеньки не понимаю!» Донг краснел и начинал лутаться. Тогда Нгуэт вставала: «Послушай, сделай сам это задание».

Порезывался стук каблучков. Вошла Нгуэт.

— О-о! Почему же Дао не принесла тебе кофе?

— Благодарю, она предлагала, но я уже завтракал.

— А-а... Ну, как, решил yesterday задачи по физике?

— Да, решил. И сейчас объясню их вам.

Нгуэт села за стол, но едва Донг раскрыл рот, как она протестующе замахала руками.

— Нет, не хочу! Оставь мне задачи, я потом сишшу. А что у нас сегодня по расписанию? Геометрия? Ой, на этой геометрии я, наверное, вывихну себе мозги. А наш учитель по геометрии — прямо зверь, задает такие задачи, которые невозможно решить. Нет, мне их все равно не решить, сделай сам, а завтра объяснишь.

Уши у Донга сделались пунцовыми. Он встал и захлопнул учебник.

— Тогда я вынужден буду объявить вашей матери, что отказываюсь заниматься с вами.

Нгуэт насмешливо рассмеялась.

— Ой, смотрите, как он разошелся!

— Я не могу обманывать вашу мать и брать деньги за то, что делаю за вас домашние задания. Вы не выдержите переекзаменовку, останетесь на второй год, тогда меня же будут упрекать.

— Об этом можешь не беспокоиться, меня все равно переведут.

— Возможно, но на вашем месте мне было бы стыдно переходить из класса в класс подобным образом. Скажу вам откровенно, я в жизни еще не встречал такой ленивой ученицы.

Теперь пришла очередь Нгуэт залиться краской. Ее, привыкшую только к лести, впервые в жизни вот так, в

нице, называли лентийкой. И кто? Какой-то голодранец, у которого одно единственное платье! Откуда у него эта честь! И главное, она ничего не могла возразить: слова Донга были справедливы.

Донг надел свой шлем, собираясь уходить.

— Донг! — в голосе Нгуэт звучала не только обида, но и невольное уважение. — Оставайтесь, я буду стараться...

Донг повесил шлем на вешалку и вернулся к столу.

— Хорошо. Итак, я объясню вам вторичные задачи по физике.

Несколько минут Нгуэт терпеливо слушала его.

— Но что я такого сделала? — не выдержала она наконец. — Отчего ты так разозлился? Давай отложим этот урок до завтра. Обещаю тебе с завтрашнего дня учиться прилежно. А сейчас пойдём кататься на лодке. Я и Фи приглашу. Ты умеешь грести?

Нгуэт выбежала из комнаты и через несколько минут появилась в сопровождении подруги.

— Знакомьтесь. Фи — сестра Гарри Тхука, моя подруга. А это Донг. Ну, повали! Но где же мой вон? Ты, Донг, спускайся и жди нас во дворе. Мы кое-что захватим с собой и придем.

Девушки в белых шелковых платьях и белых понах, весело щебеча, шли впереди, постукивая каблучками. Донг брел сзади, шлепая деревянными сандалиями. Он нес мандолину и плетенку с едой.

Солнце поднялось уже высоко. По обеим сторонам дороги тянулась свежая зелень рисовых полей. Крестьяне выжигали рассаду. Над ними кружились аисты, нередко опускались на поле. Время от времени птицы перекликались между собой, словно договаривались о чем-то, и вдруг разом взлетали, хлопая большими белыми крыльями.

Донг согласился на прогулку без всякого удовольствия, но красота родных мест вызвала в его душе удивительную легкость. К тому же ему было приятно находиться в обществе двух молоденьких девушек. Правда, он был очень застенчив, и девушки, видя это, донимали его шутками.

Вскоре они вышли к небольшому причалу на берегу озера.

— Подождите здесь,— сказал Донг,— я схожу попросить лодку.

— Вот еще! Бери любую вон там, на отмели.

— Нет, так нельзя. Посидите, я быстро. Ведь нужны еще шест и весла.

Донг отиравился в селение, видневшееся у дороги. Через несколько минут, отталкиваясь шестом, он уже осторожно вел к причалу лодку вдоль тенистой, заросшей камышом протоки. Девушки захлопали в ладоши: «Браво! Браво!» Придерживая лодку шестом, Донг помог им сойти в нее.

— Ну вот, садитесь на весла, а я буду отталкиваться шестом. Только держите равновесие. Захочется плыть быстрее, работайте веслами. А лучше сидите и играйте на мандолине.

Было жарко, и Донг скинул с себя рубаху.

— Поплывем к пагоде Тхап, хорошо? Вон к той, что стоит среди баньянов.

До пагоды было далеко, и, чтобы сократить путь, Донг повел лодку напрямик через озеро. Когда шест уже не доставал до дна, он взял кормовое весло и стал грести сильными гребками. Лодка быстро заскользила по водной глади.

Тинь-тинь-тинь... Зазвучала мандолина. Фи запела «Санта Люцию». На середине озера поднялся ветер. Игует взвизгнула, придерживая лон рукой.

Фи продолжала петь, поглядывая на Донга. Донг был в майке, оставлявшей открытыми его сильные плечи. Он ухлекея греблей, грудь дышала глубоко и ровно, на руках перекатывались мускулы, лучи солнца, отражаясь от воды, бросали на него розоватые блики. Фи с удивлением заметила, что этот робкий паренек здесь, на озере, неожиданно превратился в красного, уверенного в себе мужчину.

Чем дальше отплывала лодка от берега, тем прозрачнее становилась вода. И небо было удивительно чистое. Где-то вдали тянулись по берегам заросли камыша, виднелись одинокие баньяны и сады, отражавшиеся в воде. Издалека долетал до них чей-то зов и таял в бескрайнем пространстве.

— О-ой!.. Ой!

Девушки кокетливо взвизгнули и рассмеялись: набегавшая волна ударила о лодку и обдала их брызгами.

Ветер здесь, на середине озера, стал сильнее. Рыбь перешла в волны. Лодка то взбиралась на них, то ныряла вниз.

— Как страшно!

— Я даже смотреть на воду боюсь!

Вначале девушки шутили, но потом перепугались жерьез и сидели, сцепившись друг за друга, закрыв лица лопами. Лодка продолжала прыгать на волнах.

— Ничего страшного! Ну что вы за трусихи! Еще немного, и мы пройдем это место...

Донг смеялся, с силой работал веслами. Ему нравилось единоборство с ветром и волнами. А перепуганные девушки казались сейчас особенно милыми.

— Ну, вот и проскочили!

Фи открыла глаза и огляделась. Волн больше не было, на поверхности воды осталась лишь мелкая рыба.

— Пронесло...

Теперь они плыли через небольшой залив, сплошь заросший распустившимися лотосами. Огромные гляциевитые листья почти касались друг друга, а над ними, покачиваясь на высоких стеблях, краснели сотни цветов.

— Донг, помедленнее, пожалуйста! — взмолилась девушка. — Дай нам парвать лотосов.

— Как можно! Это же чужие цветы.

— Можно! Это озеро принадлежит нам! — хозяйским тоном заявила Игуэт.

Только тут вспомнил Донг, что он здесь всего лишь в роли лодочника «молодой хозяйки». Он молча опустил весло, и лодка медленно заскользила среди цветов.

— Мы нарвем побольше, часть положим на алтарь в пагоде, а остальные привезем домой, украсим зал. Одними лотосами украсим.

Девушки принялись рвать цветы. Донг тоже наклонился и сорвал большой лист. Серебряные капли перекапывались на нем, как жемчужины. Вскоре дно лодки скрылось под порохом цветов.

— Ну, хватит, пожадуй. Я гребу к берегу...

Донг поднялся, взял в руки шест и пацунал дно. Отталкиваясь шестом, он легко повел лодку к берегу. Фи то и дело поглядывала на Донга. Встретив неожиданно его взгляд, она не опустила глаз, не отвернулась, а продолжала смотреть, как бы говоря: «Ты мне нравишься!»

Донг повел лодку прямо к баньяну, что рос на берегу, возле пагоды. Баньяну этому была, верно, не одна сотня

дет. Огромные ветви его раскинулись, покрыв землю широкой, густой тенью. Донг прыгнул на берег и придержал лодку.

— Дай руку Фи, а то она еще упадет!

Фи оперлась на протянутую руку и вышла на берег, одарив Донга многозначительным взглядом.

Пагода была очень древняя, от старости крыша ее почернела, покрылась плесенью. Фасад выходил на озеро. В конце просторного двора, укрывшегося в тени баньяна, лежали две огромные каменные черепицы, почтительно склонив к земле свои головы. Их круглые нащипы были до блеска отполированы тысячами рук, которые прикасались к этим священным камням в надежде, что они принесут счастье. В глубине двора сидел перет своим черным ящиком предсказатель судьбы. Старуха, торгующая благовониями и желтой бумагой, заменявшей жертвенное золото, увидев двух парадных барышень, сложила на груди ладони и затянула: «А зи да-фат! Става всевышнему! Купите, барышни, благовонных палочек!»

Рядом с пагодой показалось стадо буйволов. Ребятишки, сидевшие на них верхом, попрыгали на землю и, вооружившись бамбуковыми прутиками, стали гнать медлительных животных к воде. Буйволы один за другим шумно плюхались в озеро. Они погружались в воду так, что из нее торчали только их могучие рога и подпир. Мальчишки бросились к черепицам. Они выбирались на их спины и с громким смехом скатывались на землю. Двое подбежали к баньяну и, ухватившись за плети воздушных корней, свисавшие с дерева, разбегались, подпрыгивали, и пролетали по воздуху над землей. Все вокруг огласилось звонкими ребячьими голосами.

Веселая возня детей заразила и Донга. От залез на дерево, разделся и прыгнул в воду. Ребята, визжа от восторга, тоже полезли на баньян.

Когда девушки вышли из пагоды, Донг с каким-то малышом на спине поднимая к берегу. Ребята тотчас же окружили его плотным кольцом. «Теперь меня, меня!» Донг рассмеялся, схватил какого-то малыша, залез с ним на невысокий сук и, крепко прижав мальчугана к себе, прыгнул в воду.

— Поехали домой, Донг! — крикнула ему Фи.

— Ну что ж, домой так домой!

Он вылез на берег. Вода стекала с него ручьями.

Быстро, словно обезьяна, он взобрался на дерево, схватил одежду и, уцепившись, как за канат, за крепкую плеть, смело спустился на землю и исчез в кустах.

Когда Донг вскочил в лодку, Фи не спускала с него глаз.

— Ты, Донг, настоящий Тарзан! Здорово плаваешь! — сказала она.

— Я же с детства купаюсь в этом озере. Не раз переплывал его посредине.

И Нгуэт стала теперь смотреть на Донга совсем другими глазами.

— Назад я повезу вас вдоль берега, там нет волн, — сказал Донг и оттолкнул лодку от берега. — Что же вы попросили у Будды?

— Свою просьбу я не могу тебе здесь сказать! — Фи кокетливо улыбнулась.

— Что же это за просьба, о которой нельзя сказать вслух?

— Будешь вести себя хорошо — какнибудь сказку. — Она рассмеялась, запрокинув голову.

Нгуэт чуть заметно сдвинула брови.

— С завтрашнего дня ты будешь учить нас плавать. Хорошо?

— С условием, что вы с завтрашнего утра начнете как следует заниматься.

— Обещаю. Вот вам моя рука, наставник!

Тинь тинь-тинь... Фи, загадочно улыбаясь, перебирала струны мандолины. Лодка плавно скользила вдоль берега...

VIII

Бах! Бах! Клубы дыма медленно уносило ветром. Боб-Тьюнг подъехал к сцене на склоне холма и стал осматривать кусты. Подошли Гарри-Тхун и Зунг.

— Не стоит искать, господин снайпер, наша птичка полетела умирать!

— Я видел, как она упала. — раздраженно ответил Тьюнг.

— Ну ладно, упала так упала. Поехали!

Друзья расхохотались.

Лошади шли по холму бок о бок.

— Однако мы выглядим очень эффектно! — сказал Тхук.

— Как в «Трех всадишках в Бенгалии». Помните фильм?

— Или как «Герои из Льюнг-зянга». А здорово звучит: герои из Льюнг-зянга!

— Спина побаливает, — вздохнул Зунг. — И жрать чертовски хочется. Давайте отдохнем немного.

Друзья сошли с лошадей и, присев в тени, достали из пакета жареную курицу и рисовый пудинг.

— Ну, вот и закусили! — сказал через некоторое время Тхук, вытирая жирные руки. — Теперь неплохо было бы послушать последние новости, которые привез Зунг.

— Да, Зунг, расскажи что-нибудь, — поддержала приятеля Тьонг. — Я ведь давно из Ханоя, что там нового? Как французы уживаются с япониками?

Зунг нахмурился.

— Это не тема для шуток.

— Ну, это я так! Я ведь все понимаю...

Зунг огляделся.

— Слышали вы что-нибудь о принце Кьюнг Де? — спросил он, понизив голос.

— Нет...

— Это прямой отпрыск династии Нгуенов, который не примирился с французским господством, эмигрировал и задался целью возродить независимую родину. Он сейчас в Японии, женился на дочери японского императора. Но скоро наступит день, когда он возвратится на родину. Французы сдают позиции. Не сегодня-завтра войска Великой Японии войдут в Индокитай. Тогда он вернется и, если это будет угодно народу, сядет на престол. В противном случае он станет главой государства. Но так или иначе он вернется с японской армией, которая разобьет белокожих. Вы слышали об идее Великой Восточной Азии? Нет? Это идея освобождения желтой расы. Азия велика, ее население самое многочисленное в мире. Азия станет самым могучим континентом земного шара! Мы, представители желтой расы, не из трусливых.

— Да уж, японское дзюдо не сравнить с английским боксом! — поддержал его Тьонг.

— Я вам, конечно, изложил все в общих чертах. Сейчас в стране десятки тысяч приверженцев Кьюнг Де, но они до поры до времени молчат, ожидают подходящего

момента. Как только японская армия вступит в страну, они все как один поднимутся и ударят по французам.

— Значит, они заодно с коммунистами? — У Тьонга округлились глаза.

— Ну и дура же ты! — Зунг презрительно улыбнулся. — Да ты знаешь, кто такие коммунисты? Обезьянцы без роду, без племени. Они только и ждут случая, чтобы ограбить богатых и поделить их имущество между собой. Все поделить — и жен и детей. Коммунистов надо уничтожать. А я вам говорю о патриотах, об интеллигентах, таких, как мы с вами, которые поднимутся с оружием в руках и возглавят борьбу народа против французов! Я знаю много таких... Это известные врачи, инженеры, писатели, даже мандарины среди них есть. Все они состоят в новой партии, но об этом я не имею права пока говорить. — Зунг перешел на шепот. — Эта партия называется Лига возрождения Великого Вьетнама.

Все трое помолчали.

— Но где они возьмут оружие, чтобы разбить французов? — прервал молчание Тхук.

— За оружием дело не станет, его даст японская армия. Есть много и других способов. Уже сейчас оно закупается на средства от партийных взносов. И да будет вам известно, что в Японии тысячи аниматоров окончили офицерские школы всех родов войск, есть даже летчики и моряки. Но наши люди в японской армии, естественно, говорят по-японски, так что никто не знает, какой они национальности. Когда армия войдет в страну, они скажут свое слово.

— Здорово! — Тьонг восхищенно хлопнул себя по бедру.

— Но верю ли, что японцы искренне хотят помочь нам? — спросил Тхук.

— Конечно! Ты забыл, что Кимонг Де — зять японского императора? Чего не сделает тесть для своего зятя! К тому же они одной расы!

— А мы тут ничего и не знали!

— Откуда же вам знать! Партия эта подпольная. Когда вступают в эту партию, на крови клянутся хранить тайну. Все члены партии воспитываются в духе японских самураев. А они ведь чуть что — сразу харакири! Сами себе вспарывают живот. Вот какими должны быть истинные герои.

Вечером по дороге домой Зуиґ еще сидел в седле, он сторбился, вынул ноги из стремян и не чаял скорее добраться до дому. Ехал он сзади, отстав от своих приятелей. А те часто пускали лошадей вкачь, и каждый старался опередить другого.

Миновав переправу Гом, Тьонг понал лошадей по дороге вдоль дамоы. Гхук пустился вдогонку, и, только когда показались сады, они придержали лошадей и поехали шагом.

— Ты не находишь, что наше поместье — настоящий рай? Все, что ты видишь, включая озеро, принадлежит нам, — хвастливо заявил Тьонг.

— В таком случае я даю тебе титул «князь райских земель», — засмеялся Гхук. — А что ты скажешь по поводу того, что говорил Зуиґ?

— В общем, заманчиво! Но кажется, этот малый из простых.

— Его отец продавал марки на ханойском почтамте.

— Говорил он красиво, но мне показалось, что он пытается держаться с нами как ровня. Я этого не люблю. Я согласен что-то делать, но руководить должны не такие, как он. Его указания я выполнять не намерен.

— Но ведь он еще не давал никаких указаний.

— Еще бы! Надо, посмотрим, что у них получится.

— Ты, кажется, трусишь!

— Хочешь заработать в челюсть?

— Стоит ли так горячиться? Давай покурим. Еще ведь рано.

Они сошли с лошадей и усадились на траве под тенистым деревом, с наслаждением вытянув ноги.

— Слушай, Тьонг, — проговорил Гхук, закуривая, — тебе нравится Фи?

— Правится? Я без ума от нее!

— Но ведь твоя мамаша собирается сватать за тебя Тяу.

Тьонг пожал плечами и отмахнулся, давая понять, что это не имеет никакого значения.

— Хотелось бы тебе помочь, но сестра, кажется, не обращает на тебя внимания. А завтра мы уже возвращаемся домой.

— К чему такая снешка? Погостите еще несколько дней.

— Нет, надо ехать. Приезжай как-нибудь к нам.

И постарайся сегодня же перейти в наступление. Можешь рассчитывать на меня. Но учти, Фат тоже водочится за ней.

— Он ведет разведку, сколько можно за нее получить. Он и за Нгуэт тоже водочится.

Они расстанутся на земле, помахивая сигаретами.

На дамбе появилась крестьянская девушка с серпом в руках. Заметив молодых парней и догадавшись, что они из поместья депутата, она свернула к реке.

— А что, педурна! — Тхук чмокнул губами.

— Хочешь, устрою ее тебе? — предложил Тьонг.

— Так просто?

— Пошли! Пальчики оближешь.

Приятель поднялся и направился к реке.

Поставив коромысло у куста белой помиди, Тхом принялась резать траву. И тут появились Тьонг и Тхук.

— Послушай, девушка!

Наглый тон Тьонга испугал Тхом. Она сделала вид, что ничего не слышит, продолжая жать траву. Тогда Тхук схватил девушку за руку, вырвал серп и отбросил его. Тьонг угрожающе занес над ней нож.

— Крикнешь — убью!

— Ой, помогите...

Но крик тут же оборвался. Тхук зажал ей рот и цепко обхватил девушку. Но Тхом вырвалась и бросилась бежать.

— По-мо-ги-те...

Она едва успела сделать несколько шагов, как насплывники настигли ее, зажали рот и повалили на траву.

— Э-эй, кто здесь кричал?

Со стороны протоки, заросшей густой травой и кустарником, послышался шум, кто то шел через протоку вброд.

— Бежим! — крикнул Тьонг приятелю.

Воспользовавшись их замешательством, Тхом крикнула что было мочи:

— Ой, люди, спасите!..

Тхук схватил ее за горло, дважды ударил кулаком по лицу и бросился вслед за Тьонгом.

— Ах вы, наскуды, разрази ваших предков! — кричала им вдогонку Тхом.

Шаги по воде зашлепали быстрее, куеты раздвинулись, и появился мужчина в набедренной повязке.

— Кто здесь? Что случилось?

Тхом сидела на траве, оправляя юбку.

Мужчина, заметив убегающих, бросился было вслед за ними, однако те успели вскочить на лошадей и уехали.

— Бои мой, это ты, Тхом? Они разбили тебе лицо!

Тут только Тхом узнала своего спасителя. Это был Кой. Она стояла перед ним, обрадованная этой встречей и смущенная.

IX

Как-то вечером из Хайфона к депутату приехал Куанг Лой. Хозяин и гость долго о чем-то беседовали, завершившись в гостиной. Уже прощаясь, Куанг Лой бросил на советника умоляющий взгляд.

— Может быть, вы все же передумаете?

— Я уже сказал, что, к сожалению, ничего не могу сделать.

— Подумайте вы не видите, что я буквально тою, а вы вырываете последнюю соломинку...

Депутат покрутил усы и усмехнулся.

— Ну, как можно так говорить! Дело есть дело. Думаю, что вы и сами это прекрасно понимаете.

Глаза Куанг Лоя налились кровью.

— Да, понимаю. Я все понимаю!..

Он повернулся и, не попрощавшись, пошел к машине.

Кхань посмотрел ему вслед, насмешливо прищурил глаза. Потом он вернулся в гостиную, сел в кресло, закурил сигарету и стал не спеша допивать свой ликер. Сейчас депутат Кхань был весь откровенное самодовольство. Хм, хочешь умирать — пожалуйста! Но зачем же других пугать! Ничего не поделаешь, дружок, пришел твой конец! Говорят, когда везет, то и небо идет тебе навстречу! При таком повороте событий контора по покупке и продаже железного лома, а вместе с ней и маленькая жена Куанг Лоя скорее всего перейдут в его руки. И это уже не мечта. Во время войны можно неплохо заработать на железе. Однако сейчас депутат больше думал не о железе, а о женщине. Какие у нее глаза!.. То колющие и злые, то влажные и зовущие...

На пружинной кровати, застеленной лишь циновками и затянутой тюлевым москитником толстая депутатша ворочалась, не давая уснуть мужу. Сам депутат лежал неподвижно, закинув руки за голову. Время от времени он неприязненно поглядывал на лежащую рядом жену. Из комнаты Тьонга доносились звуки флейт.

— Тьонг просится в Ханой. Может, стоит пустить его? Будет там заниматься и сдавать экзамены.

— Смотри сама. По-моему, он нарочно все это затеял. Заниматься можно и дома. А он целыми днями развлекается, к учебникам и не притрагивается. Одни девушки на уме. Каждый вечер Дао отбивается от него всером. Боюсь, как бы от этих шуток у нее не вспух живот, тогда хлопот не оберешься.

— Он уже, слава богу, взрослый, надо же и ему развлечься. Сам-то в молодости, поим, похлеще был?

— И эта история с Тхом! Мало ему девок! А он, как бандит, вышел на дорогу. Народ теперь злой, не то что раньше. Придется мне самому поговорить с ним. Ты только потакаешь ему.

— Но, прошу тебя, говори с ним помягче. Ведь он отмечен печатью Будды.

— Вот-вот, он и стал таким, потому что ты постоянно твердишь ему об этом.

— Не учи меня, пожалуйста! Ты забыл, сколько пришлось поститься да класть поклонов, вымаливая небеса о испослании нам сына! Хорошо, я сама отвезу его в Ханой.

Супруги замолчали. Мысли депутата были далеко, в Хайфоне. Он вспомнил хорошенькую жену Куанг Лоя и улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься?

— Да вот вспомнил Куанг Лоя...

— Опять денег просил?

— Он скоро станет нищим. Я ему это еще раньше предсказывала. Домна приказала долго жить. Нечего было соваться в дела, которыми французы никогда не позволят заниматься нам. К тому же с прибытием японской контрольной миссии поставки в Китай полностью прекратились. Теперь Куанг Лоя со всех сторон осаждают кредиторы.

— Но что будет с нашими деньгами?

— Контора занисана не на него, а на жену. Поняла?

Срок по договору наступит через пять месяцев. Не запла-тит — придется ей продать контору. Внесу еще несколько тысяч — и контора наша.

— А зачем тебе она? Покунуть, продавать! Кто будет ею заниматься? Не будешь следить — все разворуют и де-ней не увидишь. Лучше уж вложить деньги в землю.

У тебя больше, чем на покунку земли, воображения не хватает! Будто нет других способов увеличить капи-талы. А железо сейчас — ходовой товар, на нем можно хо-рошо заработать.

— Зато земля — дело верное.

— Ладно, не ворчи, могу продать контору...

— Так, по-моему, будет лучше.

Кхань не ответил и отвернулся к стене. Он пожалел, что рассказал жене о конторе. Если она догадается о его истинных намерениях, тогда все расстроится. Она ведь на все пойдет! Он-то уж ее знает!.. Еще до рождения Тян-га он, придравшись к тому, что она оказалась бездетной, взяв себе вторую жену и поставил ей деревянный домик в селе Тям. Эта и бровью не повела, но под Новый год молодая жена исчезла. Только через несколько дней ребя-тинки наткнулись в канаве на ее труп. В затылке у нее торчал острый бамбуковый кол. Приехал чиновник из уезда, составили протокол. Но убийцу так и не нашли, и история эта вскоре забылась. Однако он, Кхань, знал, что тут не обошлось без услуг Прыцавого Лонга. Этот бан-дит и человеческой крови хлебнет — не поморщится. С тех пор Кхань больше не заикался о второй жене. А если и заводил любовницу, то старался держать ее подальше от своего поместья.

Вот почему теперь он был предельно осторожен. Тигри-ца постарела, но ногти у нее по-прежнему острые. Он нево-льно взглянул на жену. До чего все таки противное лицо!

В коридоре послышался стук сандалий.

— Это ты, Игуэт?

— Вы еще не спите?

— Почему так поздно? Иди спать! Захочешь помать-ся, позови Соан, она принесет горячей воды.

Шаги удалились.

— Откуда это она? — недовольно буркнул Кхань.

— Была у губернаторши. Вчера заявила Тяу, проси-ла меня отпустить ее. У них там был бал. Я послала за ней машину.

— Стала осторожной? — насмешливо заметил Куань. — Жаль только, осторожность твою запоздала.

— Ты опять за старое! И, что ли, виновата, что ей пришлось сделать аборт! Как же теперь быть!

— Хм! Теперь уж конечно...

— И она не виновата! Ее приглашали к себе дети мэра, сыновья прокурора. Кто же думал, что они позволят себе такое? Раз уж ты такой умный, пойдешь пожалеешься на этих французских шалонаев! А то только и знаешь пилить меня...

— Мадю, не будем об этом. Я просто так напомнил. Ты обратила внимание на этого Донга? Каждый день они ходят плавать. Смотри, опять оставляешь огонь рядом с соломой. Плавать научиться, а живот снова пагуляет...

— Ну нет! Этот смиренный, как теленок. Потом, я приказала Дао приглядывать за ними. Так что от меня ничто не укроется. Но уж раз заговорили об этом, хочу поговорить с тобой.

— О чем? Уж не в зятя ли ты его выбрала?

— Зачем же торопиться?

— Ты что, совсем рехнулась? Сын пиджера! Да он саа-дали за ней носить не достоин!

— Ты сначала выслушай... Я уже и так и этак прикидывала. В нашем районе только семья Дака да губернатора нам ровня. Семья Дака осточертела, а что до семьи Ви, то те вроде хотят породниться с нами. Фат на днях снова приходил в гости. Но я его знаю. Гуляка и развратник! У него уже не меньше десятка любовниц было и ребенок в Ханое... И к Нгуен у него никаких чувств нет. Ему нужны только деньги. За нашу дочь он меньше ста мау не возьмет. А не заткнуть рот, так поднесет тебе свинью с отрезанными ушами¹. Позора не оберешься! Да и губернаторша нам этого никогда не простит. Всю жизнь будем терпеть от них унижение. С какой стати отдавать ни с того ни с сего и землю и деньги шалонаю, который все прокутит! И у дочери жизни не будет, и самим рта не дадут раскрыть. Вот я и решила: не отдавать Нгуен ни к Дакам, ни к Ви...

¹ По обычаю, спустя несколько дней после свадьбы муж присылает родителям невесты зажаренную свинью. Если их дочь оказалась не девинной, свинью присылают с отрезанными ушами.

— Но не за этого же голодранца! Есть и другие, — прервал ее Кхань. — Поезжай в Ханой, там можно найти девочке приличного мужа.

— У тебя все это просто, как ладонь перевернуть! Я уже присматривалась. Но пойми наконец, что наша дочь — товарец с брачком, а во вторых, не такая уж она красавица. Так что не легко, совсем не легко найти ей мужа.

— Но с какой стати ты пришла сюда Донга?

— Что значит пришла! Просто подумала о нем. Парнишка смиренный, умный, учитея, пожалуй, лучше всех в уезде. Знаешь ли ты, что он перескочил через три класса и сдал экзамены на бакалавра? Я думаю, с ним надо быть поласковей, может, даже помочь чемнибудь. С такими способностями он уже на будущий год сдаст на вторую степень. А там, глядишь, года через три и высшее образование. Если выдать за него Нгуэт, он лет через пять станет начальником уезда. Нгуэт к тому времени будет всего двадцать два. В двадцать два года — жена уездного начальника! Не так уж плохо! К тому же парень из бедной семьи, с ним можно и не церемониться. Что ни скажешь — все сделает, что ни дашь — всем будет доволен. И от нас власть не уйдет, и дочь будет хорошо пристроена. Опять же и Нгуэт и земля при нас останутся. Вот как я думаю!

Кхань улыбнулся.

— Ну что ж, тебе трудно возразить. Боюсь только, слишком далеко ты загадываешь. Заваришь кашу, а потом выяснится, что все было напрасно.

— Я забочусь о счастье дочери и не хочу ее выдать за кого попало. Подыщется кто другой — приличный и с положением, — я его не упущу, не беспокойся! Ну, а Донг пусть пока остается ренетитором. Потом понемногу станем помогать деньгами. Если и не выдадим за него, все равно будет нам обязан. Одним врагом на селе будет меньше. А в такое смутное время каждый человек дорог.

— А с Тьонгом что надумала? Ведь если не отдадим Нгуэт за Фата, они не согласятся отдать Тяу за Тьонга.

— И об этом уже подумала. Они хотят получить нашу землю, вот и соглашаются отдать Тяу за Тьонга. Тяу недурна и уже среднюю школу заканчивает, смогла бы вести наши приходо-расходные книги. Приданого за ней большого не жди, от силы три-четыре мау да несколь-

ко лангов¹ золота. Вот я и решила, женим Тьонга на Тяу, а там выдадим и Игуэт за Донга. Обидятся — объясним: Игуэт, мол, не согласилась, когда узнала, что у Фата есть ребенок. Ничего с ними не сделается! Ну, как тебе нравится мой план?

— На словах получается, а вот как на деле?

— И на деле получится!

Супруги замолчали. Повернувшись спиной друг к другу, каждый думал о своем. Перед глазами Кханя неотступно стояла молодая жена Куанг Лоя...

Х

Кхань сидел за чашкой утреннего кофе и просматривая газету. И тут в глаза ему бросились строки, обведенные траурной рамкой. «Господин Чан Ван Лой (Куанг Лой), 52 лет, предприниматель, хорошо известный в деловых кругах Хайфона и Ханоя. Редакция выражает соболезнование семье покойного». Депутату стало как-то не по себе. Только вчера этот Лой сидел у него в гостиной, разговаривая... Совсем еще не старый был мужчина... Интересно, сколько у него осталось детей? Кхань быстро пробежал объявление. Похороны состоятся в десять часов утра... в Хай-зыонге, в доме номер... по улице... Супруга покойного, госпожа... дети... сын... сын... дочь... сын... дочь... дочь... сын... Да! Семь душ, старшая замужем. Откуда у него их столько! И вот теперь вся эта орава осталась нищей и должна идти с протянутой рукой на улицу! Умер в Хай-зыонге? Скорее всего перевезли туда уже потом. В извещении не упоминалась вторая жена из Хайфона. Видно, она только числилась женой, а официально не была зарегистрирована с ним... Депутат взглянул на часы. Пожалуй, если выехать сейчас, он успеет. Он должен отдать последний долг покойному. Кхань позвонил в колокольчик и вызвал свою машину.

Возле невзрачного одноэтажного дома, служившего одновременно и конторой по продаже спиртных напитков, стоял катафалк, запряженный двумя лошадьми. У дверей толпились нищие и ребяташки: кто пришел из любопыт-

¹ Ланг равен 37,301 г.

ства, а кто в надежде получить милостыню или подрабывать на похоронах.

Кто бы мог подумать, что от всего имущества Куанг Лоя останется в конце концов только этот дом! Но даже и он скоро перестанет быть собственностью семьи. Через несколько дней кредиторы подадут в суд, Куанг Лоя объявит банкротом и все пойдет с молотка. А семью просто выгонят на улицу.

Из дома неслись траурные звуки флейт. Дверь с улицы веда в гостиную. Там все было убрано, оставили только алтарь, над которым вились клубы дыма от благовоний. Сквозь дым на собравшихся смотрел из застекленной рамки портрет покойного. У гроба на полу сидела вдова с распущенными волосами в белой одежде. Белый траурный колпак скрывал половину лица.

Человек тридцать родственников и знакомых, пришедших проститься с покойным, теснились в небольшой комнате, наполненной дымом от ароматических палочек. Но вот к гробу подошли четверо мужчин в черных одеждах с белой каймой. Флейты заиграли громче. Все встали. Снаружи напирала толпа любопытных. В комнате стало еще теснее. Песлышались громкие рыдания. Гроб вынесли на улицу. Соблюдая обычай, вдова бросилась на землю и стала с плачем кататься в пыли, хватаясь за одежду служителей, выносящих гроб.

Процессия потянулась к центру города и направилась по главной улице, чтобы все жители могли видеть похороны. Вдова время от времени падала на землю и билась в рыданиях. Машинка денутата медленно двигалась в конце траурной процессии, внимание толпы привлекали не столько похороны, сколько эта блестящая машина.

Кхань не раз начинался уже уехать. Он испытывал какую-то неловкость, наверное, не следовало ему появиться здесь... И тем не менее он почему-то продолжал молча идти за гробом. Было очень жарко. Кхань вынул платок и вытер лоб. Слуга вышел из машины и пошел сзади, держа зонт над головой хозяина. Денутат поднял глаза и взглянул на катафалк. Да! Всех нас ожидает такая участь... Кем бы ты ни был при жизни, в конце концов все равно будешь лежать в ящике из шести досок... И к чему богатство! Ведь туда с собой ничего не унесешь! Все в мире тлен и суета...

Вдова уже устала плакать, из груди у нее вырывался

уже не плач, а хрип. Она до того ослабла, что едва передвигала ноги.

— Здравствуйте, господин депутат!— К Кханю подошел какой-то сеиовласый человек в потертом костюме.

— Вы, наверное, не помните меня. Я учился с вами когда-то в школе «Доинг-чиеу».

Депутат рассеянно посмотрел на него.

— Аа-а... Чем же вы теперь занимаетесь?

— Так, кое-какой торговлишкой... В наше время деньги зарабатывать не так-то просто.

Кхань вдруг вспомнил его.

— Позвольте, вы не Фу?

— Точно так, Фу.

Фу был младшим братом Куанг Лоя. В детстве этот Фу часто душил Кханя, ежедневно требуя от него дань — одно су, на которое он покупал булку. По губам депутата скользнула еле заметная улыбка.

— Отчего же скончался господин Куанг Лой так скоропостижно?

Фу смутился.

— Не от болезни. Он был здоров! — сказал он тихо. — Его, господин депутат, точно какое-то горе, вот разум и помутился. Он принял яд... Даже подумать страшно!..

У депутата потемнело в глазах. А Фу продолжал что-то еще шептать ему в ухо.

— Извините... я должен идти... извините...

— Пожалуйста, пожалуйста! Как это благородно с вашей стороны... вы пришли проститься с братом, это большая честь для нас...

Кхань, не дослушав, сунул свою пухлую руку Фу и торопливо пошел назад. В ушах у него все еще пронзительно звучали флейты и монотонно ухал барабан...

Только когда машина подъехала к мосту через Мыонг, Кхань пришел в себя.

— Останови!

Шофер резко затормозил.

— Ты сойдишь здесь! — сказал Кхань слуге, сидевшему рядом с шофером. — Скажешь госпоже, что я поехал в Хайфон и оттуда позднее припью за ними машину. Ясно?

Всю дорогу Кхань сидел молча, погрузившись в свои мысли. Смерть Куанг Лоя преследовала его. Выходит, в

тот же вечер он покопчил с собой! Ему вспомнился последний взгляд Куанг Лоя, полный ненависти и отчаяния. Каждый умирает по-своему, но смерть делает всех равными. Интересно, как умрет он сам, когда придет его час? Кхань нахмурился, он был недоволен собой. Незачем думать о смерти, это ни к чему. И все-таки муравьи забегали у него по спине. Сорок восемь лет, старость не за горами. Найдется ли хоть кто-нибудь, кто искренне оплачет его, когда он закроет глаза? Жена? Тьонг? Нгуэт? Начальник уезда Мон, губернатор Ви? Его любовницы или Прыщавый Лоинг? Кто еще? Он перебрал всех и вдруг понял, что он страшно одинок. Вокруг него полно листочков, но, умри он, они только обрадуются. Злобная гримаса исказила его лицо. Ничего, он еще проживет, хотя бы для того, чтобы позлить их. Все только и ждут, как бы слопать один другого. Даже жене и детям нельзя доверять! Печально, но факт! И твоя смерть касается только тебя одного. Тяжело!

Машина въехала в город и, миновав квартал американской компании «Shell», покатила в сторону цементного завода. Вдоль дороги тянулись крытые соломой грязные домишки. Трава, земля, лица людей — все здесь было покрыто черной угольной пылью.

Миновав набережную, машина выехала на берег канала, забитого катерами и парусниками. Возле пристани стояла в ремонте землечерпалка. Рабочие, будто муравьи, облепили железную цепь и огромные кирпично-красные от глины ковши, заржавевшие от морской воды. Звонко лязгали по железу молотки.

Каким печальным стал Хайфон! Исчезли тысячи американских грузовиков, которые прежде, как кузнечики, заполняли все лужайки и сады. Теперь вдоль опустевших казарм тянулись бесконечные пустыри. Даже в порту было тихо. Какое-то суденышко лениво пускало из трубы жидкие клубы дыма. Над подъездом гостиницы «Азия» — самой большой в Хайфоне — развевалось белое знамя с красным кругом посередине. Кхань даже вадрогнул: японцы! Вдоль тротуара стояло несколько лимузинов, на которых тоже трепетали маленькие белые флажки с красным солнцем. Здесь разместилось отделение японской контрольной миссии. Торговля в городе замерла. В магазинах почти не было покупателей. Машин на улицах тоже

было мало. Поток американских грузов, направлявшихся в Китай через Хайфон, прекратился, и Хайфон умирал — горло города сжимала безжалостная и крепкая рука.

Этого и следовало ожидать!.. — подумал Кхань. Только теперь он ясно представил себе, почему так неожиданно обанкротился Куанг Лой. Кхань впервые по-настоящему ощутил дыхание войны. Видно, те дни, когда деньги текли рекой, дни веселья и разгула, лишь предвещали бурю. И никто еще не знает, что сулит им завтрашний день...

Машина вдруг с визгом остановилась. Депутата бросило вперед. Шофер едва-едва успел затормозить, чтобы не налететь на машины, выскочившие на большой скорости из переулка. На радиаторе у каждой трепетал белый флажок с красным солнцем. В них сидели офицеры с каменными лицами. Японцы! Кхань смотрел на них округлившимися от удивления глазами.

— На виллу Куанг Лоя, — бросил он наконец шоферу. — Ты помнишь дорогу?

— Конечно, господин!

Машина развернулась и въехала в тот же переулок, куда только что свернули японские машины. Минут через десять они остановились у железных ворот, увитых антигонами. Белая трехэтажная вилла стояла среди розовых кустов в безмолвии, с наглухо закрытыми окнами.

Кхань вышел из машины. Медной таблички с надписью «Вилла Куанг Лоя» уже не было, вместо нее висело напечатанное по-французски и по-вьетнамски объявление о продаже виллы.

Кхань позвонил. Через несколько минут к нему вышел мужчина в желтом костюме, похожем на униформу курьеров.

— Вам кого?

— В доме кто-нибудь живет?

— Нет, все уехали. Дом олепчатан. Вы желаете его приобрести?

— Нет, я приехал навестить хозяйку.

— Ее нет, все уехали.

Кхань сел в машину.

— В ресторан «Ханг Тяу».

Четырехэтажный китайский ресторан был открыт, когда в Хайфоне появились первые китайские беженцы.

Кхань бывал здесь несколько раз, и каждый раз ему приходилось прилагать немало труда, чтобы раздобыть столик. Раньше это было излюбленное место дельцов. С утра до позднего вечера здесь слышалась музыка, разговоры, смех, не умолкал стук игральные костей. А теперь этот ресторан был безлюден и тих, как и весь Хайфон.

Кхань вышел из машины.

— Вот возьми, — он протянул шоферу деньги, — сходи куда нибудь пообедай, а потом отвезешь госпожу и Тьонга в Ханой. Оставайся там, пока она не сделает все, что ей нужно. А как закончите дела, возвращайтесь домой.

— А за вами не нужно заезжать?

— Нет. Я приеду поездом.

Кхань поднялся в отдельный кабинет. Молоденькая китайка в длинном платье с разрезами по бокам до самых бедер, с округлыми обнаженными руками вошла в комнату, неся серебряный поднос. На нем лежало полотенце, смоченное горячей ароматной водой. Кхань обтер душистой белой тканью лицо, руки и, возвращая полотенце, оставил на подносе пять донгов. Губы девушки тронула благодарная улыбка. Приятно картавя, она спросила гостя по-вьетнамски, какие блюда он предпочитает. Дверь снова открылась, и на пороге появилась еще одна китайка с музыкальным инструментом в руках. Она бесшумно придвинула к столу табурет и, перебирая струны, тихо запела. Ей было не больше шестнадцати. Она пела, не поднимая глаз. Лицо ее было печально, как и песни, которую она исполнила.

Под это грустное пение Кхань и обедал. За столом ему прислуживала первая китайка, и каждый раз, поднимая на нее взгляд, он встречал ее запускую улыбку. Раньше он, не смущаясь, ваял бы в свои руки эти округлые нежные запястья, но сегодня почему то даже улыбка алых губ не рождала в его душе желаний. Кхань все еще не мог прийти в себя после самоубийства Куанг Лоя.

XI

Колтора была открыта. Кхань сошел с велорикши и остановился перед свежевыкрашенной вывеской на французском и вьетнамском языках:

КОНТОРА ПО КУПКЕ И ПРОДАЖЕ ЖЕЛЕЗНОГО ЛОМА ХОАНГ ТХИ ЛАН

Выходит, контора была оформлена не на Куанг Лоя! Какое счастье, что деловое обязательство составлено на имя Хоанг Тхи Лан. Если бы он имел дело с Куанг Лоем, быть бы ему, как говорится, и без рыбы, и без сетей!

Двое чернорабочих несли тонкую полосу железа к ожидавшей на улице повозке. Молоденькая протавница с карандашом в руках шла за ними. Завидев посетителя, она подошла к нему.

— Вы желаете что-нибудь у нас купить?

— Скажите, госпожа Куанг... простите, госпожа Тхи Лан здесь?

— А по какому делу она вам нужна?

«Кажется, ваша хозяйка боится кредиторов», — подумал Кхань и произнес с улыбкой:

— Передайте, пожалуйста, что приехал депутат из Хай-зыонга.

Девушка исчезла в глубине дома. Кхань стал прохаживаться по складу, осматривая груды железного лома. Он успел выкурить половину сигареты, пока появилась девушка и пригласила его.

— Прошу вас, пройдите за мной.

Они миновали две смежные комнаты, пересекли двор и вошли в небольшую гостиную. Лан вышла ему навстречу в длинном платье из белого шелка. Волосы ее были уложены валиком.

— Ах, это вы, господин депутат! — приветствовала она гостя.

В маленькой гостиной было тесно, к тому же комната была темная, электрический свет горел здесь даже днем.

— Прошу вас, садитесь!

Кхань уселся в кресло и стал наблюдать за хозяйкой, которая доставала из шкафа чайный сервиз. Да, в тот раз она его принимала в другой гостиной с коврами, бахатными шторами... Но сама хозяйка была такой же, как прежде, и здесь казалась даже более доступной. Кхань бесцеремонно рассматривал ее всю — от длинных ресниц до маленьких ножек.

— Вы так долго не приезжали...

Лан вежливо улыбнулась, как бы спрашивая, что

привело вас сюда сейчас... Кхань выждал секунду две и приступил прямо к делу.

— Вы читали сегодняшние газеты?

— Я просмотрела их мельком. Там есть что-нибудь интересное?

Кхань опешил. Она вела себя так, словно действительно ничего не знала. На лице никаких следов замешательства, на губах по-прежнему вежливая улыбка.

— Значит, вы не знаете, что ваш муж...

— Ах, вы о господине Куанг Лое... Мы давно не виделись с вами, и у меня не было случая рассказать вам обо всем. Видите ли, этот человек не имеет ко мне больше никакого отношения.

Женщина грустно улыбнулась, как бы говоря: «Что делать! Такова жизнь!»

— Простите, — пробормотал Кхань, — я думал...

Лан глубоко вздохнула.

— Когда дела у него пошли совсем скверно, я помогла ему — одолжила свои личные сбережения, чтобы спасти его. Но все напрасно. Я считала, что сделала все, что могла. Но он не оценил моих усилий. Он требовал, чтобы я продала контору. Я отказалась наотрез. Тогда он явился сюда и устроил мне неприличную сцену. Мне пришлось... Прошу вас, не вынуждайте меня вспоминать подробности, особенно теперь, когда его не стало...

Лан отвернулась, вынула платочек и приложила его к глазам. Кхань был в восторге — что за женщина! Казалось бы, нежная и беспомощная, а какой характер! От Лан не укрылось, что депутат любит ее. В ее глазах все еще сквозила грусть, когда она ему сказала:

— От вас я ничего не хочу скрывать, вы такой чуткий...

— Да-да, — поддержал ее депутат. — Я понимаю вас... Как все в жизни несправедливо — редко бывает, чтобы хороший человек был счастлив. Простите меня за мою откровенность, но я всегда думал: за что небо послало ему такую прекрасную женщину, которой он совсем не достоин?

Госпожа Лан залилась румянцем.

— Вы преувеличиваете мои достоинства...

— Нет, правда. Только я могу оценить их по-настоящему. Я очень ценю вас, Лан...

Пристальный взгляд депутата привел Лан в замешательство.

— Сегодня утром, когда я прочитал это сообщение, мне тотчас же пришли на ум вы. «У нее, вероятно, будут затруднения», — подумал я и погнелся сюда, чтобы узнать, не смогу ли я быть чем либо полезен? К тому же я теперь ваш компаньон...

Лан, подняв на него глаза, улыбнулась.

— Благодарю вас. Я не забуду этого...

— Ну, к чему эти разговоры о благодарности! — перебил ее Кхань. — Я вижу, у вас тут очень тесно, а дело это надо расширять. Я как раз и хотел поговорить с вами об этом. Вот что, Лан, если вы согласны со мной сотрудничать, мы с вами сумеем поднять любое дело. Но для сотрудничества необходимо полное доверие.

Кхань поднялся и зашагал по комнате. Лан молча следила за ним, ей явно был по душе этот разговор. Кхань вдруг остановился и сказал, понизив голос:

— Я не привык ходить вокруг да около. Нет ничего лучше полной откровенности...

Он уверенно взял руку женщины в свою. Лан прикрыла лицо другой рукой, и у нее по щеке покатились слезы. Кхань мягко отнял и вторую руку.

— Не надо плакать. Хорошо, что я встретил тебя, тебе будет со мной во сто крат лучше, чем с ним. И уж, конечно, я не допущу, чтобы ты страдала!

— Откуда мне знать, что меня ждет! Я теперь всего боюсь...

— Для начала купим тебе машину. Какая марка тебе больше нравится? Давай прямо сейчас поедem по французским фирмам, и ты выберешь себе машину по вкусу. Недавно появился новый Форд-40. Недурная машина. А потом надо присмотреть тебе дом. Хочешь, я куплю твою прежнюю виллу и оформлю ее на твое имя?

— Ну зачем так спешить? Лучше вложить деньги в предприятие...

— Предприятие — особая статья. К делам мы еще вернемся. Но прежде всего я хочу позаботиться о тебе, устроить твою жизнь.

— Мне как-то советовали купить виллу по дороге в До-сол...

— И отлично. Вези меня туда! Впрочем, зачем ехать, если она тебе нравится, понравится и мне. Едем сейчас за

машиной, я хочу увезти тебя на несколько дней в бухту Ха-донг. Ты была там когда-нибудь?

В тот же вечер на новой машине они подъехали к гостинице «Азия». В этой гостинице обычно останавливались французы, и лишь изредка в ресторане можно было встретить какого-нибудь крупного чиновника или буржуа—аппамита, причем европейцы смотрели на местных жителей с нескрываемым презрением. Но Кханю хотелось похвастаться перед новой любовницей, тем более, что он был хорошо знаком с метрдотелем.

Они приехали пораньше и устроились за отдельным столиком, в укромном уголке. Кхань осмотрелся. Его внимание привлек огромный портрет, висевший в зале на самом видном месте. Это был какой-то старый французский генерал. Кхань наклонился к Жан.

— Прошлый раз на этом месте висела другая картина, кажется, охота на кабанов. А теперь почему-то повесили этот портрет.

— Как? Ты не знаешь, кто это? Это же маршал Петен.

— А-а...

Дверь ресторана непрерывно вращалась, впуская в зал все новых и новых посетителей, оживленно болтавших по-французски. В зале было тесно, в воздухе повисло густое облако табачного дыма. Но вот в дверях показалась группа японских офицеров. Все они были одеты одинаково: кургузые фуражки, низко надвинутые на лоб и открывавшие плотные затылки, короткие френчи защитного цвета, кожаные сапоги. Но Кханю прежде всего бросились в глаза сабли. Длинные, в широких кожаных ножнах, они били по ногам и лязгали при каждом движении. В зал словно нахлуло войной. О, как не похожи были эти сабли на оправленные в серебро кортики французских офицеров, которых Кханю приходилось видеть на различных торжествах.

Громко тоная, японцы прошли к большому столу у окна, выходящего на улицу. Они уселись, вытянув ноги, точно после утомительной ходьбы. Французы, сидевшие поблизости, переглянулись и стали говорить шепотом.

Дверь выпустила в зал новую группу японцев. Кхань обратил внимание на сопровождавшего их человека в пепсе. Непонятно было, кто он: японец или вьетнамец?

Пришедшие направились к первой группе офицеров, которые уже усадились за стол. Один из них подошел к соседнему столику, где расположились французы, надменно вскинул голову и жестом показал, что требует освободить стол. Французы побагровели, но все-таки поднялись из-за стола.

У Кханя даже в голове вомутилось. «Вот это да!.. Вот, оказывается, какие настали времена! А я то живу в своей берлоге и ничего не знаю!»

Но у него совсем похолодело в груди, когда мужчина, сопровождавший японцев, посмотрев в их сторону, улыбнулся и чуть заметно кивнул его спутнице, а та ответила на его приветствие.

— Кто это? — спросил Кхань.

— Ты разве не знаешь? Это господин Бать Зиен, предприниматель, сын старого Кама.

Старика Кама он знал. Лет двадцать назад это был известный богач — владелец угольных шахт, который осмелился создать вьетнамскую пароходную компанию, вступившую в конкурентную борьбу с французской компанией. Французы, конечно, затеяли тяжбу и тянули ее до тех пор, пока не вынудили Кама закрыть пароходство. История эта была широко известна.

— Зиен говорит по-японски, как японец, — шептала Лан, — они, кажется, хотят дать ему подряд на строительство аэродрома. А от генерал-губернатора требуют передать для строительства все американские машины и горючее, предназначавшееся для Китая. А вот та пара, что сидит по другую сторону стола, — владельцы кафе, которое находится у моста. Оказывается, японцы давным-давно засылали к нам своих людей, а мы ничего и не замечали.

Кхань был в восторге от Лан. Ей все известно.

— Несколько месяцев назад Бать Зиен предлагал Куанг Лою создать японо-вьетнамскую фирму, которая импортировала бы японские товары и вывозила в Японию рис, но тот почему-то испугался. А на днях он напомнил мне о своем предложении. Как ты смотришь на это?

— О, это серьезное дело! Ты разузнай все как следует, а там видно будет, надо все взвесить хорошенько. Признаться, в коммерции я мало смыслю.

— Я тоже думаю, что надо повременить. Капитал мы

всегда успеем вложить в дело. А пока я все досконально узнаю и в случае чего тут же сообщу тебе.

— Ты, Лан, просто молодец! Я же говорил, что судьба нас свела не случайно.

Лан улыбнулась и поднесла к губам бокал с шампанским...

— Выпьем за наше счастье!..

С улицы вдруг донесся какой-то шум. Все повернулось к окнам, на улице полицейский-француз разгонял толпу любопытных, глазевших сквозь огромные окна на японцев. Обычно при появлении полицейского зеваки моментально исчезали, а тут растерялись и не успели разбежаться. Обозленный полицейский схватил какого-то парня за шиворот, дал ему под зад коленом и раздавил ногой свалившийся у того с головы нон.

Подобные инциденты на том и заканчивались. Но вдруг один из японских офицеров вышел на улицу, подошел к полицейскому и, ни слова не говоря, дал ему пощечину. Парнишка, воспользовавшись этим, улизнул. Полицейский тоже ретировался, а японца окружила толпа. Он что-то сказал на своем языке. Его никто не понял. Тогда офицер вытащил из кармана горсть конфет, подошел к мальчишке, торговавшему жареным арахисом, и протянул ему конфеты. Мальчишка юркнул за спины зрителей. Это забесило офицера. Он швырнул конфеты в толпу, потом угрожающе потряс кулаком, что-то пробормотал и, гремя саблей, скрылся в ресторане.

На противоположной стороне улицы какой-то парнишка, хохоча, рассказывал сестре об этом происшествии.

— Вот это да, Аи! Как он его, этого французского петуха, съездил по морде!

— Хватит болтать, Сон. Идем лучше отсюда, если не хочешь нарваться на неприятности.

Они смешались с толпой, но по дороге Сон продолжал оживленно комментировать происшествие.

ХИ

Снова наступила осень. Свист ветра разбудил Ты в его комнатухе под самой крышей. Скоро начнет светать. Да, примчались осенние, холодные ветры. Они пронизали в комнату, заставляя Ты поеживаться.

Ветер, завывая, гнал по улице сухую листву. Отчетливо слышался стук оконной рамы в соседнем доме. Откуда-то издалека донесся плач ребенка, но тут же умолк, оборванный ветром.

Да, скоро рассвет. Вот уже стучит тачка дворника, сейчас он возьмет метлу, лопату и начнет подметать. Скоро послышится знакомый крик: «Че-о-орный кофе! Кому черный кофе?» Каждое утро, в четыре часа, на угол приходил продавец кофе со своей «закусочной» на коромыслах. Через некоторое время вокруг «закусочной» расставлялось несколько человек — какой-нибудь рикша, лотышник, гулящая девка, рабочий — по дороге на утреннюю смену... И примерно в это же время раздавался стук сандалий Бить, которая возвращалась из публичного дома. Она осторожно, на цыпочках подходила к дому и тихонько стучала в дверь. Потом долго молча ждала, когда сестра откроет дверь. Иногда она простаивала по полчаса — младшая сестра спала крепко. Казалось, шум ветра заглушил все другие звуки. Итак, снова наступает осень. Ветер носится по ночному городу, словно задался целью разбудить город, погруженный в глубокий сон. Вставай! Вставай! Пришла осень!..

«Че-о-орный кофе!» — донесся до Ты голос старика с улицы. Как хочется согреться в эту ветреную ночь возле желтого огня! Ты вскочил, принес маленькую печурку, несколько поленьев, разжег огонь и поставил чайник. Скорее в печурке запылало жаркое пламя. Ему стало как будто бы не так одиноко: огонь — это ведь друг. Сколько ночей прокоротал Ты вот так же, как сегодня. Он достал незаконченное полотно, прислонил к ножке топчана, поближе к огню, и стал внимательно его разглядывать. На картине была изображена ваза с цветами, крупными темно-золотистыми хризантемами, похожими на огненные факелы. Ваза была лишь набросана, многие места на ней даже еще не окрашены. Картину эту Ты начал писать еще в прошлом году, осенью. Многие интересовались, почему он бросил ее писать. Достань где-нибудь несколько хризантем, воткни в вазу и закончи наконец! Но он только смеялся. Что им ответить? Он не мог закончить свою картину потому, что живой огонь этих цветов, который он увидел однажды осенью, погас. И сколько потом он ни смотрел на другие хризантемы, он так и не увидит этого огня. Так картина и осталась незаконченной...

По-настоящему люди могут писать только тогда, когда испытывают какой-то душевный подъем, когда сам процесс творчества рождает радость. Так размышлял Ты, сидя у печурки. Когда на душе тоскливо, лучше не браться за кисть. Грусть убивает трепетный огонь творчества. В самом ощущении жизни заложена радость. Ну а если тебе не хочется жить, откуда же взиться вдохновению? Когда душа мертва, мертва кисть, и все тогда стынет в мертвой неподвижности...

Ты снова взглянул на свои пламенеющие хризантемы. Может быть, сегодня он их закончит? Ты почувствовал, что нарождающийся день станет днем увлеченного труда. Радоваться — так радоваться по-настоящему, и работать так, чтобы и силены не разогнуть!

Ты всегда работал самозабвенно. Над каждой картиной он трудился не покладая рук, переделывал ее по многу раз, стоял с чем-то боролся. Интересно, писалось ли кому-нибудь легко? У Ты бывали моменты, когда он писал очень быстро, но эти счастливые мгновения приходили после долгих часов напряженного труда, он как бы высекал огонь. И вот приходил момент, когда этот творческий огонь загорался. Тогда картина словно сама рождалась на полотне. Но большей частью время уходило на мучительные поиски, на высекание огня, а огонь все не загорался, лишь чадил во мгле. И так изо дня в день, из месяца в месяц безжалостно растрачивал он свои силы, свою молодость, лучшие годы жизни. И все не было времени найти свою подругу, свою любовь. Тем более что он был беден, неуклюж и не умел красиво говорить. В его жизни была лишь одна девушка — Фьонг. Но это было давно, около десяти лет назад, и его любовь так и не успела расцвести. Фьонг была дочерью богатых родителей и пошла за тем, кто посулил ей беззаботную жизнь, она и не подозревала, что растоптала искреннее и глубокое чувство юноши.

С тех пор Ты думал лишь о своей работе. Каждый день был борьбой за кусок хлеба, за тюбик красок. А когда ему удавалось написать что-то интересное, милую сердцу картину, тут же приходилось продавать, и он не знал даже, вывесили ее где-нибудь или сунули в угол, где она пылится я по сей день. Часто по ночам, после утомительного труда, он лежал без сна, думал о своей работе, о жизни, и все начинало путаться у него в голове. Боль-

ше всего его страшила мысль, что он вдруг не сможет больше писать или станет писать по шаблону, в угоду моде. Это было бы равносильно смерти, хотя, может быть, тогда у него было бы все: и шила, и деньги, и женщины. Как у Тхань Тунга.

Чайник давно вскипел. Рассвет еще не наступил, но мерцавшие в окне звезды заметно пообледнели. Темнота стала как будто прозрачней. Но все-таки слышался ветер, но уже слышно было, как просынается город, рождая тысячи звуков приближающегося утра. Вот раздался одинокий стук деревянных сандалий, вот прошуршали по асфальту резиновые шины рикши, где-то у колонки зашумела струя воды, издали донесся паровозный свисток... Видно, утро сегодня будет ясное. Сухой свежий воздух натянул кожу на лице Ты. Утра ранней осенью прозрачны, как хрусталь, и обидно сидеть в четырех стенах в такой чудный день. Ты снова кинул взгляд на мольберт. Почему он всю жизнь создает себе трудности? Ведь еще ни разу как следует он не отдыхал. Погулять бы несколько дней! Ни о чем не думать, просто бродить без цели в свое удовольствие и глядеть на мир... А он — нет, он постоянно торопился, работал до одури, будто его подгоняла сама смерть!

— Что делает ранним утром господин художник?

Ты вздрогнул от неожиданности и поднял глаза. В дверях стояла девушка в шелковом лиловом платочке.

— А, это ты, Бить? Что привело тебя ко мне?

Девушка улыбалась, стараясь скрыть смущение.

— Да вот стучала, стучала, а ребята, видно, крепко спят. Неудобно громко стучать в такую рань. Увидела у тебя огонек, вот и зашла...

Бить подвинула табурет к печурке и присела. Она развязала косынку, ее запавшие усталые глаза робко глядели на Ты.

— Ты... не доволен, что я пришла?

— Ну что ты, давай пить чай.

Ты заварил чай и разлил его по чашкам. Бить достала из кармана пачку сигарет и протянула художнику. Ты отрицательно покачал головой. Девушка вынула сигарету, закурила и, обхватив руками колени, стала рассеянно смотреть на огонь. Потом зевнула так, что на глаза навернулись слезы.

— Спать очень хочется! Знаешь, мне сегодня не по-

дол... Этот зараза бой из Донг Лака зажилил у меня целых два донга!

И она добавила несколько крениких словечек.

— Э, черт, сорвалось! — рассмеялась Бить.

Ты продолжал сидеть молча.

— Скучно небось тебе? И как ты только можешь быть один целыми днями? Здесь только спать можно... Я посилю у тебя немножко, ладно? Устала до смерти!

Ты поднялся и убрал картину, стоявшую возле тончана.

Бить потянулась, зевнула и, бросив окурок в пепурку, повалилась на тончан. Но потом, неожиданно смутившись, она свернулась калачиком и отвернулась к стене. Через минуту она уже храпела, без стеснения раскинувшись во сне.

День день днень!.. Проехал первый утренний трамвай. Ошинокие звезды еще мерцали в нефритовом небе. Ты вышел на веранду, умылся и, вернувшись в комнату, осторожно прикрыл окно. Потом взял легкое байковое одеяло и прикрыл им Бить. Сейчас ее лицо казалось одутловатым, под глазами темнели круги.

Бить была старшей дочерью дядюшки Тхой, жившего внизу, во дворе. Год назад она еще была совсем девочкой, бегала по двору с распущенными волосами или, нагусиному вытянув тонкую шею, носила воду на коромысле.

Дом, в котором жил Ты, был с виду совсем небольшой, но каким-то образом тут помещалось до десятка семей. Впрочем, так было почти во всех домах на их улочке. Жильцы ютились в темных камерках, разделенных тонкими стенами с облупившейся штукатуркой. Кого здесь только не было: маляр, старуха, скупавшая утиль, тачечник, галачник, несколько учеников из школы «Тханг-донг», кондуктор автобуса, знахарка...

Некоторые жили здесь уже по несколько лет. Когда кто-либо съезжал, на его место тут же находился новый квартирант. За угол платили нять—семь хао в месяц. Среди всей этой разношерстной публики только семья типографского бухгалтера считалась здесь привилегированной. Она жила в отдельной комнате с кафельным полом. А так обычно по две три семьи ютились в одной комнате.

Дядюшка Тхой поселился в этом доме еще до приезда Ты. Он жил с детьми в деревянной пристройке, кры-

той жестью, и считался старожилем. На этой улице жили его предки, потому то Тхой и не желал расстаться с этим местом. Работал он на кожевенном заводе. Поредко они с Ты встречались по дороге домой. Ты шел с очередного сеанса с натуры, а Тхой — с завода. И каждый раз старик всемо приоткрывал художника неизменным вопросом: «Ну, где сегодня художничал?»

Ты знал, что Тхой одинок и сам воспитывает четырех детей. Каждый заработанный денг он нес домой. Среди непостоянной, текучей публики, населявшей дом, семья кожевника была укромным гнездышком. Это было деревцо, пустившее глубокие корни на крошечном участке, и оно росло, несмотря на зной и бури, пронесшиеся над ним. Все обитатели дома, живущего как ковчег по течению жизни, считали семью Тхой своеобразной родиной. В шутку Тхой называли «хранителем домашнего очага». И кто бы куда ни переезжал, в назначенный праздник он всегда навещал «родные края», зная, что найдет старого вдовца на прежнем месте, в своей пачуге под банановыми деревьями, им самим посаженными.

Старый Тхой был покладист и обладал удивительным умением находить общий язык с детьми. Ты ни разу не слышал, чтобы он повысил на детей голос. Иногда Тхой пытался дочь купить подбутылки водки и выпивал ее дома. Пьяный он становился еще добрее, только лицо у него краснело. Выпив вино, он заваливался обычно спать, так что его никто и не слышал.

И вот теперь в эту семью пришла беда!

Как-то Тхой почувствовал себя плохо, видно, простудился.

Его тошнило, кружилась голова, но он не решался отпроситься с работы и продолжал стоять у машины. Потом вдруг потемнело в глазах. Рабочие услышали крик, но было уже поздно — машина отхватила старому Тхой руку.

Его тут же отравили в больницу. Дети начали голодать. И вот однажды старая ведьма, которая собирала утиль, повела Бить на Кыа-донг. А кому не известно, что это за улица! Там были кабаки и публичные дома для солдат.

Спустя месяц Тхой вернулся домой, но работать уже не мог. С тех пор он и занял, а напившись, ругался, приходил в ярость и жестоко бил детей. А иногда тихо пла-

нал. Изменилась и Бить. Всего несколько месяцев назад это была скромная застенчивая девушка, которая целыми днями хлопотала по хозяйству: поила воду, готовила обед, стирала, смотрела за младшими детьми. Нередко забегала она и к Ты посмотреть, как он работает. Бывало, даже позировала ему. Теперь Бить стала краситься, ходила в шиповом платье и каждый вечер ее видели на Кладонг. Стучалось, она возвращалась поздно пьяная и, не в силах дойти до дому, падала и засыпала на улице. Выражение лица у нее стало дерзким и каким-то вымывающим. Ты со страхом думал, что ее ждет. Придет день, полиция схватит ее, отправит на медосмотр и не станет больше доброй девушки Бить, дочери дядюшки Тхоя, а будет еще одна зарегистрированная проститутка.

XIII

Ты вышел мольберт на веранду и начал работать. Время от времени он отрывал взгляд от мольберта и смотрел на знакомую картину — скопление крыш, черных, коричневых, всевозможных форм и размеров, которые в беспорядке теснились, прижимаясь друг к другу. Изломанную линию этих крыш окаймляла легкая полоска утреннего тумана, который медленно таял среди зеленой листвы.

Вот солнечная полоса добралась до веранды, потом побежала дальше, полезла по покрытой плесенью стене и проникла к нему в окно. Ты заглянул в комнату: солнечный луч был уже возле тумана. Бить все еще сладко спала. Несколько часов подряд Ты писал, позабыв обо всем. После бесчисленных набросков он наконец нашел нужную ему композицию. Все оказалось так просто! Теперь нужно только закончить вазу и создать гладкий, тепло-розовый фой, гармонизированный с темно-золотистыми хризантемами. У Ты от волнения пересохло в горле.

Картина была почти готова. Чуть отойди, Ты застыл с кистью и палитрой в руках.

Саллине стояло уже высоко, было, пожалуй, около десяти.

— Послушай, ты дома? — донесся до него чей-то голос. Ты подошел к лестнице и заглянул вниз.

— Тоан! Поднимайся!

Тоан поднимался по лестнице, задрал вверх голову.

— Уже пишешь? Счастливый!..

Ты пошел за табуретом. Увидя сидящую на кровати девушку, Тоан спросил:

— Кто это?

— Знакомая. Зашла утром, попросилась поспать.

Тоан понимающе улыбнулся и подошел к картине. Его глаза восхищенно сощурились.

— Здорово... Очень здорово! Но здесь не хватает, кажется, подставки для букета. И цвет вазы бледноват, не дает в полную силу заиграть огню цветов.

Теперь и самому Ты казалось, что в картине еще много недоделок. Он в растерянности смотрел на полотно, недовольный своей работой.

— Да, надо еще поработать...

— Ты это читал? — Тоан протянул приятелю газету «Искусство». — Здесь статья Тхань Тунга, он поддразнивает тебя.

Ты развернул газету и бегло просмотрел статью.

— Ну как?

— Пусть пишет что хочет!

— Ну, нет! Этот дилец от искусства пытается читать проповеди другим! А у нас нет ни места, ни средств, чтобы сказать хоть слово.

— А к чему? Попусту время терять? Лучше уж потратить его на работу.

— Я с тобой не согласен! Нам нужна своя газета. Последние дни я все время думаю об этом. Нам бьют потому, что мы разрозненны. А почему бы нам не создать свою группу, вроде той, что окопалась в «Искусстве»?

Ты примирительно улыбнулся.

— Мне кажется, все эти группы, газеты... пустая трата времени.

— Нет, газета необходима! Газета, выражающая мнение честных людей. Чтобы противостоять всем этим...

— Но по-моему, все приличные газеты запрещены.

— И назовем эту газету «Лотос»! — продолжая развивать свою мысль Тоан, не обратив внимания на замечание друга. — Кстати, в этом номере есть хороший рассказ какого-то Хоя... Его никто не знает. Мне бы хотелось познакомиться с этим малым. Он пишет серьезно и с горечью. Если нам удастся организовать свой «Лотос», его обязательно нужно привлечь в нашу группу.

Друзья были так увлечены беседой, что не заметили, как прохнулась Бить. Она встала, поправила перед зеркалом волосы, повязала косынку и, сообразив, что гость художника может просидеть еще долго, тихонько прошла на веранду, а там незаметно спустилась во двор.

— Пойдем в комнату, — предложила Тоан, — а то голоу ну напекло.

Ты заварил чай.

— Черт знает что происходит! Время сейчас не особенно подходящее для занятия искусством. Ты видел утренние газеты?

Ты покачал головой.

— Ты, я смотрю, ничего не знаешь и не замечаешь, кроме своего мольберта. На улицах только и говорят о последних событиях. Неужели ты не слышал, что президент Петен назначает в Тоан делегата с Мануаной относительно Индокитая? Сейчас японская армия стоит в Нижнем Китае, в Гуанси. Японцы настаивают на вступлении в Северный Вьетнам. А генерал-губернатор Деху не соглашается. Мы сидим на закане!

Беседа не клеилась, и Тоан поднялся. Уже подожди к лестнице, он полез в барман и протянул приятелю несколько донгов.

Вчера вечером подарили за исполнение танганской музыки. Французы теперь часто заходят к нам в бар, першничают, понимают, что не сегодня-завтра придется драться с японцами.

Проводив друга, Ты вернулся в комнату и почувствовал себя страшно одиноким. Он сидел, задумчиво глядя на картину, не испытывая уже никакого желания писать.

Как сложно, как непонятно все вокруг! Запутано, словно клубок пшоты! А он только и знает, что рисовать... Ты развернул газету и перечитал статью Тхань Тунга. Что он сделал этому Тунгу? Почему он то и дело задевает его? Нахлынула непонятная тоска, и уже ему казалось, что и жить совсем не стоит. Он встал и пошел во двор. Неужели он может закончить собой?

Всю вторую половину дня Ты упорно работал, но картина так и не давалась ему. Ваза действительно была слишком светлая. Ты загрунтовывал, снова писал эту несчастную вазу. Но вкоть его все чаще застывала в впаду-

хе. Он ловил себя на том, что не полчася сидит, не шевелясь, не притрагиваясь к палитре...

Так его и застала Бить, когда со свертком в руках поднималась по лестнице. Ты издрогнул, увидев ее, заил кисть и сделал несколько мазков. Бить переоделась в кофту и шаровары, смела румяна и теперь снова стала похожа на ту простую девушку, какой ее всегда знал Ты.

И не надоело тебе рисовать? — спросила она с улыбкой. — Я принесла немного риса из нового урожая. Да оставь ты кисть хоть на минуту!

Бить отняла у него кисть и палитру, положила их на столик и, усевшись рядом с ним, развернула сверток. Она протянула ему банан.

— Ешь! Ведь к самому рту подносят...

Ты послушно съел банан. Бить посмотрела на него и громко рассмеялась:

— Ну прямо Будда! Ум не подумал ли ты стать монахом?

Ты пристально посмотрел на девушку. Бить не выдержала взгляда и лениво хленила его по плечу.

— Ну, что уставился, точно приглотить хочешь?

— Такая ты мне больше нравишься.

Бить изобразила на лице обиду.

— Ему нравится такая, не нравится этакая... Воображень больно! Не пришла бы к тебе, так и сидел бы накрытый плесенью. И ни одна девушка к тебе не придет!

Бить хорохорилась, но в голосе ее слышалась грусть. Помолчав, она спросила:

— Значит, без помады и румян я красивее?

— Не только красивее, но и вообще... лучше.

— Но ведь в таком виде ни одна кинемора не подойдет ко мне. Сообразкаешь? А если кто и пригласит, то от силы даст два хао. А принаряжусь, подкрашусь, могу и несколько донгов запросить. Один парень до сих пор с ума по мне сходит. У его родителей дом на Хонковой. Вот смех! Все спрашивает, откуда я да кто родители. Я наврала ему с три корюба, а он верит. Раз заплакал даже, просил выйти за него.

— Почему же не хочешь?

— Очень надо! Не нравится он мне. А потом знаю я все это: пока ухаживает, золотые горы сулит, а женится, надоюм и выгонит! Все вы такие: пока своего не добь-

тебя, на все согласны, а уступи хоть раз — только вас и видели!

Бить вздохнула.

— Ну, а ты что за человек? С виду прямо Будда, а на самом деле? Спать у тебя хорошо. Я к тебе завтра опять приду, ладно?

— Хм!..

— Надоело мне стучаться по ночам и ждать под дверью. Иногда бродишь бродишь по улицам до самого утра. Устанешь так, что жизнь не мила. Впору с моста в реку. Препари все препари!.. А теперь я буду приходить отсыпаться у тебя. Ладно?

Ты подошел к окну и, опершись на подоконник, стал молча смотреть на крыши домов.

— Ну, так как? — не отставала Бить. — Или прогонишь?

Ты молча взял с кровати книгу и шел к модьберту.

— Вот здорово! Чего же ты пасунишься? Хоть бы спасибо сказал за утешение. Послушай, почему бы тебе не нарисовать меня? Хочешь, буду твоей натурщицей. И платить ничего не надо. Ты еще не знаешь, какая я красивая!..

— Хватит тебе, — мрачно сказал Ты, — дай поработать. Скоро солнце зайдет.

— Хватит, так хватит! Я пошла.

Ты отложил книгу и проводил девушку взглядом. Огчего, однако, стало так тяжело на душе?

Осенью вечера наступают рано. Лучи солнца постепенно сбегали с крыш, и они погружались в зеленоватую тень. Сидела неба поблекла. Встали темной громадой высились квадратная колокольня католической церкви. Над ней, широко раскинув крылья, парил ястреб. «Бим-бом!.. Бим-бом!..» — покатались удары колокола. Спустился туман, смениваясь с клубами серого дыма, поднимавшегося из крохотных двориков. Небо на горизонте потемнело, на нем замерцала первая звезда. Что принесет с собой завтрашний день?

XIV

В полдень вдруг тревожно завыва сирена. Ты, удивленный, остановился посреди улицы, кинувшейся народом. Что за черт! Ведь газетой сообщили, что вчера вечером те-

перая-губернатор Доку и генерал Писихора в конце концов подписали соглашение о мире японских войск в Индокитай!

Люди недоумевали.

У-у-у... У-у-у... Вой то стихал, замирая, то вновь усиливался. Бом!.. Бом!.. Бом!.. Звонил колокол. Да это же настоящая тревога! У Ты от страха сжалось сердце. Нужно бежать, но куда?..

Улица дрогнула. В одно мгновение все сменилось. Покупатели бросились из магазинов, автомобили понеслись, ослепшая воздух неистовыми гудками, велорикши беснорядочно заметались между тротуарами. Двери и окна магазинов закрывались щитами. Беспрепятственно звонили велосипедисты, дробно стучали деревянные сандалии, слышались чьи-то испуганные крики. Тревога! Тревога! Люди бежали по улицам. Несколько женщин в модной растерянности металась на перекрестке, не в силах сообразить, куда бы им свернуть...

Со стороны Южных ворот подошел трамвай и остановился посреди улицы. Пассажиры столпились у выхода, мешая друг другу, затормаживая дверь бесчисленными корзинами, коромыслами, плетенками...

Перепуганный Ты тоже бежал, не зная, куда и зачем он бежит. Сердце бешено колотилось. Неопытно откуда взявшийся страх, с которым он не в силах был бороться, сковал его. И чем дальше он бежал, тем сильнее становился страх. У него было такое чувство, будто сама смерть гонится за ним и вот-вот догонит его. Когда он оборачивался, то, насколько хватал глаз, видел толпы обезумевших людей.

Людской поток увлек Ты в боковую улицу. Он устал, ему трудно было дышать. Толпа постепенно редела. Ты замедлил бег, ему вдруг стало стыдно. Он поднял голову и посмотрел на небо. Оно было по-прежнему спокойно, солнце заливало полуденным зноем опустевшие улицы. Вой сирены смолк. Перестал звонить и колокол. В наступившей тишине слышен был лишь звон пикада и издававшиеся далекие автомобильные гудки. Все двери и окна домов были наглухо закрыты. Ты поспешил под развесистое дерево у адания суда. Здесь, в просторном сквере, еще в прошлом году было вырыто несколько траншей. Под деревьями возле зигзагообразных канав толпились люди. Здесь тоже было тихо, никто не разговаривал. На

противоположной стороне улицы перед тюремными воротами шагал часовой.

В этот полуденный час весь город потонул в насто-роженную тишину. Только на деревьях неумолчно щебяти воробьи, словно посмеиваясь над людьми, да трещали сикады. Ты пришел под дерево. Рядом молодая женщина кормила грудью ребенка. Несколько пожестворших листьев сорвалось с дерева и бесшумно сыпалось в траву. Груши мельничек — лоточники, продавшие мороженого, чистильщики обуви, которых всегда полно на любом перекрестке, — азартно играли в орла и решку.

Вдруг женщина, кормившая ребенка, побледнела и, прижав младенца к себе, торопливо соскользнула в траншею, на дно посыпались комья земли. Груши ребит спря-талась под деревом, облепили его ствол. Ты тоже спрягнулся в канаву. Где-то в небе тудал самолет. Несколько галочек закричало:

— Вон! Вон!

Ты, припугнувшись, посмотрел в ту сторону, откуда неслся гул, и вдруг увидел их! Кто-то громко стал считать: два, три, четыре, семь, восемь... Маленькие светлые точки медленно плыли в голубом небе.

— Японские!

— Где, где?

Какой то мужчина смотрел на самолеты в бинокль.

— Вон еще. Ясно, японские.

За первым эшелоном детело второе. Оно детело ниже, и теперь на крыльях были отчетливо видны красные круги. Все спустились в траншею и оттуда продолжали с любопытством наблюдать за самолетами, пока те не скрылись из виду.

Ты возвратился домой в полном смятении. Комната показалась ему чужой. Он вышел на веранду, чтобы спить с перенки белье. Где-то возле Восточных ворот, на крыше трехэтажного здания гостиницы «Париж» и еще на каком-то высоком доме — кажется, это было кафе «Жозеф» — темнели фигурки французских солдат, разворачивающих в небо длинные стволы зениток. Внизу, на улице, слышались громкие голоса. Семья бухгалтера укладывала вещи, очевидно, они уезжали из города.

Вот-вот все полетит к чертям! Ты словно томилс какое-то тревожное ожидание, ощущение страха и одновре-

менно надежды. Что же все-таки будет? Неужели эти зенитки скоро заговорят? Неужели разлетится в пух и прах этот немислимый мир, в котором становится невозможно существовать? Что принесет стране драка между французами и японцами? В голове Ты вертедись сотни вопросов, но ответа ни на один из них он не находил. И все-таки, несмотря на полнейшую неизвестность, у Ты теплилась робкая и совершенно, казалось бы, бессмысленная надежда.

Ты метался в своей комнатусшке, как в клетке. Наконец он не выдержал, запер дверь и сбегал вниз. Он решил пойти к Тоану, нужно было с кем-то отвести душу.

Улицы походили на растрепанный улей. Снова потянулись веренища беженцев. Часть магазинов торговала, но большинство были закрыты. Тележки, повозки, вьюки, нагруженные бесчисленными узлами, корзинами, свертками, запряженные быками, телями, на которых громоздились домашний скарб, — все это непрерывным потоком двигалось на автобусные стоянки, к железнодорожному вокзалу, к дорогам, идущим из города.

Нечасто обычное безразличие, в глазах у людей как бы прибавилось жизни. На трамвайной остановке Ты увидел сценку, которая так и просилась на полотно. Среди нелепо этого хаоса на узле спокойно сидела женщина с ребенком за спиной. Ребенку наскучило сидеть, и он тянул ручки к стоявшей рядом девушке в длинном коричневом платье, с плетенкой за плечами. Ты прошел было мимо, но не выдержав, обернулся, чтобы еще раз взглянуть на девушку. Она была красива какой-то свежей, безыскусной красотой, а длинное платье и плетенка за плечами делали ее похожей на героиню старинной вьетнамской сказки.

Раздался пронзительный вой автомобильной сирены, и несколько санитарных военных машин рассекли вереницу повозок и возбужденную толпу.

Ты прибавил шагу.

— Куда направляешься? — Кто-то тронул Ты за плечо.

Он обернулся. Это был Ву.

— Да вот хочу разыскать Тоана.

Ву насмешливо прищурил глаза.

— А ты не знаешь случайно, куда едут эти санитарные машины? — Он взял Ты под руку. — Пойдем встретим

поезд из Ханг-сона. Вчера ночью в районе Ханг-сона произошел первый бой между войсками адмирала Деку и его величества японского императора.

Привокзальная улица была похожа на шумный рынок. Толпа с каждой минутой росла. Подъезжали все новые повозки. Уланы и тюки лежали в беспорядке на земле, и тут же небывалое скопище роскошных машин самых разнообразных марок. Было много французов. Они прибывали целыми семьями, нагруженные чемоданами и свертками. Все старались пробиться в здание вокзала.

— Смори, — виноватого говорил Ву, — французские сановники орудуют, как простые смертные! Сегодня я видел нескольких метисок, которые вместо юбок напялили на себя шаровары и понты. Кто бы мог подумать, что наши национальные костюмы войдут в моду! Да ты держись смелей, работай локтями, не стесняйся. Иначе не попадем на платформу.

Увлекая за собой друга, Ву ринулся прямо в стайку французских дам, столпившихся у входа на перрон для европейцев.

На вокзале царил такой же беспорядок, как и на привокзальной улице. В этот день на юг шло три дополнительных поезда, и все же около специального поезда, где были только купированные вагоны и вагоны первого класса, началась настоящая давка. Здесь слышалась и французская, и английская, и китайская, и даже индийская речь. Французы, забыв о приличиях, со всех ног мчались к поезду, что шел в Туа-гям и Да-лат. Эти провинции издавна считались земным раем. Индийские предприниматели, русские белые эмигранты, китайские торговцы — все стремились заполучить место в вагоне этого спасительного поезда, который увезет их подальше от Ханоя, где запахло порохом. Теперь было не до этикета. Никто не желал уступать своего места. Какой-то француз с багровым от ярости лицом ворвался в кабинет начальника станции.

— Время отправления давно прошло! Почему вы не отправляете состав?

— Это мое дело! И нечего вам сюда совать свой нос.

— Я вынужден это сделать. А что, если объявят тревогу? Куда вы денете людей?

— Меня это не касается!

И начальник станции перед самым носом француза захлопнул дверь.

Ву, прищурясь, дымил трубкой.

— Вот оно, войско без генерала! Но подожди, кажется, подходит поезд из Ланг-сона!

Ву подвел Ты к санитарам с красными крестами на руках. Паровоз пыхтел и, отрывисто свистя, медленно тащил вагоны. Наконец состав остановился.

Ву толкнул Ты в бок.

— Смотри!

Санитары стали выносить на носилках раненых. Одни, вторые, третьи... Вскоре носилки заполнили половину перрона. Большинство раненых были французы и вьетны. Лица у всех изморожены, глаза либо закрыты, либо с неподвижно застывшим взглядом. Одежда испачкана кровью.

Раненых выносили через задние ворота вокзала, где их дожидались санитарные машины.

Потерявшие сами спускались на перрон. Грязные бинты, тяжелый запах войны...

Ву достал пачку сигарет и протянул ее солдату-сенегалцу с подвешенной на козылке рукой. Их окружили раненые. Ву отдал всю пачку сержанту.

— Merci, monsieur¹, — поблагодарил сержант.

Ты удивился. Может быть, времена действительно меняются? Солдаты разделили между собой всю пачку и курили, глубоко и жадно затягиваясь, точно желая с помощью сигареты прийти в себя после того ада, из которого только что унесли ноги. Они молча наблюдали за своими соотечественниками, которые, не обращая никакого внимания на раненых, продолжали драться за места на поезд в Сайгон.

Ву заговорил с вьетнамским солдатом, у которого половина лица была закрыта окровавленным бинтом. Один глаз смотрел над бинтом устало и безразлично.

— Ну, как там?

Солдат испуганно повел по сторонам одним глазом.

— Страшное дело! Все трясет по швам. Кто поздравес, тот еще сумел удрать. Несколько батальонов перешли на сторону японцев.

Заметив подходящего офицера, солдат отошел в сторону. Ву потащил Ты за собой.

— Хватит, пойдем куда-нибудь еще. Так куда ты шел?

— На Тхам-тхен, к Тоану.

¹ Благодарю вас! (франц.)

— Ну, тогда иди. А я пойду взгляну на резиденцию генерал-губернатора. Передай Тоану, что сегодня часов в девять вечера я зайду в «Галльский петух» вынуть рюмку коньяку. С тех пор как маршал Петен запретил крепкие напитки, пожалуй, только в этом баре и найдешь коньяк.

— Купите лотерейный билет!

Голос, раздавшийся у них за спиной, заставил обоих обернуться. Молоденькая продавщица билетов Национальной лотереи французского Индокитая сидела на тротуаре на деревянной скамеечке.

— Купите по билету. У меня легкая рука. Вас обязательно ждет выигрыш!

Ву рассмеялся.

— Это замечательно — продавать сегодня лотерейные билеты! Попрошу вас, девушка, дайте один билет этому обремененному фортуной господину и один мне.

Ву вынул авторучку и написал на своем билете дату.

— Попрошу вас, девушка, распишите вот здесь. Благодарю. Ну а ты что стоишь столбом? Дай ей тоже подписать билет. И ты получишь свое счастье — счастье, которое раздаст это прелестное создание в столь знаменательный день!..

Опустилась темная ночь. В уличных фонарях горели теперь синие лампочки, на перекрестках — зеленые. Тьма скрывала лица пешеходов. Люди ходили наเท้าх, торопливо скользящие вдоль домов. Голосов не было слышно — только шум повозок и ручных тележек, которые увозили беженцев из города, раздавался до полуночи. На пустырях и в городских парках продолжали рыть траншеи.

Ты теперь часто бродил по городу, а когда бродить надоедало, забирался в свою мансарду.

Образ женщины, сидевшей на узле с ребенком за спиной, и лицо девушки с плетеной стояли у него перед глазами. Он должен написать это! Во время войны на долю женщины в конечном итоге приходится самые большие тяготы и страдания. И по существу, человечество выживает благодаря женщинам. Ты вспоминал рассказы бабушки, слышанные еще в детстве, о том, как покидали жители родные места во время нашествия французов. Бежали и от французов и от бандитов, зарывались в землю, как муравьи, как черви... Все повторяется! Матери,

жены, сестры уходят от братьев, уходят, несмотря на трудности и лишения, которые сулит им жизнь без крова, жизнь беженцев, уходят, чтобы сохранить детей, эти ростки завтрашнего дня. Чтобы, когда уляжется буря, погаснет огонь войны, на обугленной земле зазеленели слабые побеги.

Но привычке Ты мысленно набрасывал эскиз будущей картины. Фонарный столб. Кусок обвалившейся стены. Батровое небо, затянутое дымом. Женщина, сидя на узлах, кормит грудью ребенка, она тревожно смотрит вдаль на алое зарево пожара. Рядом девушка с плетенкой на плече склонилась к ребенку, она взяла в свою руку это пухленький кулачок. Малыш, держаась другой ручонкой за грудь матери, повернул голову и улыбнулся девушке...

Что-то должно измениться! Сегодня Ты своими глазами видел, как рушится *та страна*! Он видел войско без генералов, видел разбегавшихся в разные стороны солдат, вернувшихся из Лангсона, видел, как литургия и поезд на Сайгон французские чиновники. Да, и эта малая девушка, продававшая лотерейные билеты перед вокзалом! Ты достал из кармана свой лотерейный билет, разглядел его, в ушах у него все еще звучал бойкий, веселый голос. Нет, что-то обязательно должно измениться!

XV

В эту ночь Ан так и не уснула. В окнах темно. Время от времени слышится шум проезжающих военных грузовиков. Перед рассветом она поднялась, вымыла рис и поставила варить. Когда рис сварился, Ан пошла будить брата, чтобы позавтракать пораньше, до тревоги. Вот уже два дня в Хайфоне непрерывные тревоги, им и счет потерь. Время завтрака, обеда, ужина — все перепуталось. Вчера, например, Ан полдня просидела голодная в траншее рядом с казармой. А когда дали отбой — в третьем часу, — пора было идти на работу. Но едва они приступили к работе, как снова завила сирена, и все просидели без дела почти до вечера.

Ан и Сон завтракали на кухне возле чуть теплого очага. Сон скользнул взглядом по располневшей фигуре сестры.

— Может быть, тебе, Ан, уехать на время в Тхюи шуен, пока здесь все не уляжется...

— Это зачем же? — возразила Ан. — Хозяин и так хочет сократить часть рабочих, и, уйдя я на несколько дней, он сейчас же выгонит меня.

Сон снова нагнулся на живот сестры, но ничего больше не сказал.

— У вас сегодня не будет занятий?

— Нет. Учитель сказал, что все школы закрываются. о начале занятий объявит в газетах. Ты видела вчера над городом японские самолеты?

— Видела.

— Одиннадцать штук! Вечером я был на мосту, там вели огромные пушки, каскетки, будут настоящие бои.

— А нашу мастерскую перевели на военные заказы. Шьем только одежду для солдат. Вчера была тревога, и мы целый день сидели в подвале, ничего не делали. А перед концом смены приехал француз, разоратея — мол. тревога тревогой, а мы должны...

Ан внезапно остановилась, не закончив фразы. Сон ждал, что она скажет, но Ан сидела, забыв обо всем. Она почувствовала, как *он* с силой толкнул ее изнутри, как маленькая попка уперлась в бок. Теплое чувство охватило ее, лицо светилось радостным светом.

— Поддай мне чашку, я подложу тебе рис.

Ан вздрогнула.

— Доедай сам, мне не падо.

Она встала и вышла во двор. Было почти совсем светло.

Он снова задвигался там, в животе. Ан лоспенила в дем. Она села, боясь шевельнуться, прислушиваясь к его движениям. И снова Ан ощутила прилив неизяснимой любви к этому крохотному существу, сообщавшему ей, что он живет! Ан наклонила голову и прошептала: «Маленький мой!» И как странно было ей в первый раз в жизни произнести эти слова. А ведь через каких-нибудь пятнадцать - двадцать дней *он* будет у нее на руках.

А *он* тем временем затих. Ан пила питье. Прошлой ночью она закончила последнюю размашонку и теперь с умилением разглядывала ее. Душа ее трепетала, как трепещет под порывами весеннего ветра распустившийся

листик. Ан приготовила все: простынки, пеленки, одеяло, носочки, чепчик... Теперь оставалось ждать...

Кто у нее будет? Мальчик или девочка? Подруги сказали, что, если живет круглый, родится девочка. А одна, наоборот, посмотрела на концы ее бровей, на соски и решительно заявила: будет сын! Но сын или дочь — это все равно будет кровинка Кхака. Наверное, ребенок ее будет похож на Кхака, ведь она ни на минуту не переставала думать о нем.

С самого начала беременности Ан чутко прислушивалась к тому, что происходит в ней. Вначале ей было тяжело, она все время думала о Кхаке. Где то он теперь? Знает ли, что у них должен быть ребенок? Его одиночество скрашивал *он*, она умерла бы от горя, если б не было его. Теперь она должна жить, чтобы вырастить ребенка. В первые месяцы, когда она выходила на улицу, ей казалось, все видит, что она беременна. Особенно на работе. Стоило кому-нибудь из подруг посмотреть в ее сторону, у Ан начинали дрожать руки. Она не знала, как ей держать себя, ведь теперь Ан для всех будет матерью-одиночкой.

Мать-одиночка! При мысли об этом она заливалась краской. Она помнит, как у них в деревне обрили девушке голову, выманили известью и оставили голую в сторожевой будке в наказание за то, что она забеременела до замужества. Потом девушка пропала без вести. В памяти Ан навсегда врезались слова, которыми родители клеймили несчастную: «Падаль, петаскуха, чтоб тебя елоны растоптали, звери разорвали на части!» С тех пор Ан усвоила: мать-одиночка — самое позорное клеймо, самая тяжкая вина, которая только может быть у девушки. И ничто не может смыть этого позора.

Вот почему, чем заметнее становился живот, тем больше страх охватывал Ан. Сколько бессонных ночей провела она, раздумывая над своей судьбой. Она решила бросить работу и уехать с братом куда-нибудь в другие места, где ее никто не знает. Там она могла сказать, что муж уехал на заработки. Но куда бежать? Здесь все-таки работа, знакомые. К тому же Сон не закончил еще школу. А на новом месте неизвестно еще, что ее ждет. Ан не знала, на что решиться. Было и еще одно обстоятельство, которое удерживало ее здесь. Ан надеялась, что получит известие о Кхаке или, кто знает, может быть, он

сам вернется домой. Она должна оставаться здесь, чтобы не потерять следы Кхака.

Ан осталась, но ни минуты она не знала покоя. И вот однажды, когда она сидела дома и шила, она вдруг почувствовала сильный толчок. По всему телу разлилось удивительное тепло, сердце радостно забилось, из глаз чуть не брызнули слезы. Бедняцкий ты мой! Какая глупая у тебя мать! Сейчас важно одно: чтобы ты жила, а все остальное не имеет никакого значения.

С тех пор у нее точно погасло на душе, она стала совсем другой. Она поняла, что стала матерью и теперь ради ребенка может вынести что угодно, справиться с любыми невзгодами...

Стало совсем светло. Ан отправилась на работу, предупредила брата, что во время тревоги он должен запереть дом и бежать на цустьер.

Улицы были безлюдны. Многие дома стояли покосные, безмолвные. Лишь кое-где были открыты лавки.

Ан шла, тяжело ступая деревянными подошвами. Она с удивлением оглядывалась вокруг — как изменились улицы со вчерашнего дня! Чего-то здесь не хватало. Наконец Ан догадалась: улицы были слишком молчаливы и безлюдны, не хватало звонких ребячьих голосов, веселых детских мордашек.

У моста ей встретились вьетнамские солдаты, они шли цепочкой под навесами молчаливых домов. И улица показалась Ан еще более безлюдной. Утренний ветерок гонял обрывки бумаги, взметал пыль. Проехало несколько военных грузовиков с солдатами...

У-у-у!.. У-у-у!.. Низко завывала сирена. Ан невольно вздрогнула. Вой постепенно забирался все выше, пока у Ан не заложило уши. Тревога!..

Ан остановилась и оглянулась по сторонам, соображая, куда лучше спрятаться. Двери домов торопливо распахивались, люди бежали к ближайшим укрытиям.

В небе послышался рев мотора. Ан подняла голову. Над кронами деревьев, над крышами домов промчались одна за другой три черные тени. Сверху застрочили пулеметы. В ответ забухали орудия. Ан тяжело побежала вместе со всеми. Она ничего не понимала, слышала только, как били пушки и ревели самолеты. «Кхак, родной!..» — прошептала она. — О небо! Что будет с ребенком? Она оглянулась. Самолеты вернулись и снова летели на них,

вытянувшись в линию, похожие на чудовищных птиц. И вот из-под брюха самолета отделилась черная капля, потом вторая, третья. «Бомбы! Все пропало!» Ан бросилась в переулочек. Что-то схватил ее и втащил в траншею... Она свалилась на чьи-то плечи, и только успела пригнуться, закрывая живот, как раздался страшный взрыв. Траншея качнулась, как гамак. На голову посыпались комья земли, все покрылось пыльной пылью.

Когда Ан подняла голову и открыла глаза, она увидела, что несколько домов в конце переулка рухнули, все окутано пламенем и дымом, на землю падают куски штукатурки, доски, камни, поднятые в воздух взрывом. Рядом с Ан какой-то мужчина машинально жевал кусок хлеба и как заведенный повторял: «Все погибло! Все погибло!»

Через несколько минут облака пыли рассеялись. Испуганные люди в траншее удивленно разглядывали друг друга.

Только теперь Ан почувствовала страх.

— Бегите, бегите, а то все погибнете! — кричал кто-то.

Все выскочили из траншеи и бросились на главную улицу. Ан тоже вылетела. Со стороны развалин слышались приглушенные крики. Ан, как в тумане, пошла назад, в сторону моста.

Люди бежали из центра на окраины. Все с тревогой смотрели на небо: не появятся ли вновь японские самолеты. Посреди улицы Ан с ужасом увидела трупы, их еще не успели убрать. Под фонарным столбом, сверкнув, лежал человек, у которого не было головы. Промчался грузовик с солдатами.

Ан продолжала идти, ничего не замечая. И вдруг она почувствовала смертельную усталость. Перед глазами у нее замелькали яркие круги, голова закружилась, и, боясь упасть, она прислонилась к дереву, а потом опустилась на землю. В небе снова послышался нарастающий вой моторов, снова загрохотали орудия. Люди вокруг мгновенно исчезли. Но Ан продолжала сидеть, не в силах уже подняться с земли.

XVI

— А-а-а!

Голос брата швырнул ее из оцепенения. Сон схватил сестру за руку и уселся на землю рядом с ней. Самолеты

с жутким ревом пронеслись над головами, едва не задев крыши.

— Я услышала взрывы и кинулась тебя искать. Пойдем домой!

Сон помог Ан подняться, и она пошла, опираясь на его плечо. Улицы словно вымерли. Но на перекрестке Ан-лионг, где начинался пригород, они увидели огромную толпу. Люди стекались сюда со всех улиц, чтобы выбраться на дорогу, ведущую в Ксиен-ан. Неизвестно откуда появились слухи: «Инонцы уже в До-соне! В До-соне идут сильные бои!»

Вход на мост загромодили тележки, повозки, люди, казалось, протиснуться сквозь этот плотный живой заслон невозможно. Каждый старался проскочить скорее узкое место, напоминающее бутылочное горлышко. Сразу же за мостом зеленым заросли тростника и рисовые поля. Каждый хотел поскорее добраться туда.

Две машины, набитые французскими солдатами, подъехали со стороны центра, сигналами требуя очистить дорогу. Толпа загромождалась. Люди теснились, пытались освободить проход, но ничего не получалось. Офицер вытащил из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Наконец машины проехали.

Людейой толпа затянула Ан и Соня. Сон крепко держал сестру за руку. Со всех сторон на них напирала, но в конце концов они миновали этот затор.

Ан старалась не отставать от брата, но вынуждена была часто останавливаться, не давая пяти бить в живот.

— Сон, не беги так, Сон!

Прямое как стрела асфальтированное шоссе, обсаженное по обеим сторонам деревьями, проходило среди полей и камышовых зарослей. Толпа стала постепенно редеть. Люди группами сходили с дороги, чтобы укрыться в зарослях камыша. Они поглядывали в сторону Хайфона, стараясь понять, что там происходит. Но там было тихо. Только дымная желена стлалась над городом. Это дымили трубы цементного завода.

Снова рев самолета! Людей мгновенно смело с шоссе. Они кинулись в поле, бежали по грудь в рисовых колосьях. Ан и Сон спрятались под деревом. Со стороны Ксиен-ан, раскинув крылья, приближалась черная птица, она летела над кронами деревьев... Ан побледила. У нее бе-

нено заколотило в сердце. Она смотрела на несущуюся прямо на них громаду, и ей казалось, что вот-вот из-под его брюха опять полетят черные капли... Ви-и-у-у!.. Самолет пронесся над их головами. На крыльях были ясно видны зловещие красные пятна.

Сон снова потянул сестру на дорогу. Мост был теперь совсем недалеко. Аи, преодолевая усталость, из последних сил тащила за братом.

— А француз притих, боится пошевелиться! — произнес кто-то впереди.

— Интересно, как там в До-сопе...

У моста все незольно обернулось. К мосту приближался мотоцикл с коляской, за ним шла легковая машина, в которой сидели французские офицеры. Вдвинули золотом погоны. Впереди, на радиаторе, трепетал белый флажок. Но, словно опасаясь, что маленький флажок может быть не замечен, офицер, сидевший в мотоцикле, размахивал белым полотнящем, прикрепленным к длинному шесту.

«Французы сдаются!» — догадалась Аи.

Страх, преследовавший ее с самого утра, сразу прошел. О, почему с нею нет Кхака! Вот бы он посмотрел, как сдаются в плен французы! Нет, она не может оставаться на месте, она должна подойти ближе, чтобы своими глазами увидеть эту картину: французы сдаются японцам!

За мостом она сказала брату:

— Пройдем еще немного по дороге.

Мотоцикл и легковая машина унеслись вперед.

Солнце стало припекать. Они подошли к чайной, и Сон сказал:

— Здесь уже не страшно. Отдохнем немного.

Перед чайной, крытой соломой, крестьяне обнаружили нескольких велосипедистов, приехавших из Хайфона. Те рассказывали об утренней бомбежке. Аи раскраснелась от жары и усталости, она залпом выпила несколько чашек чая. И тут появились странный рокочущий шум, который нарастал с каждой минутой. Все решили сперва, что это самолет, но нет, это было что-то другое. И снова люди выгнали на шоссе. Кажется, это автомашины, они идут из Тхайбиня. Рокот приближался, показалась первая машина, окрашенная в желто-бурый цвет. Нет, это

не успели. И конечно, ничего другого им и не оставалось, как сдаться. Да, азиатам хитрости не занимать!

Сон никак не хотел уходить, ему все надо было знать, все посмотреть.

— Пойдем, Сон, пойдем!

— Сейчас. Все спокойно, зачем спешить? Я еще не хочу есть.

Ан тоже не чувствовала голода, но от усталости у нее отнимались ноги. И живот немного побаливал. Ан беспокоилась, не повредила ли она ему. Как бы не начались преждевременные роды...

— Ну, тогда я пойду одна.

Сон поспешил за сестрой.

Дома Ан сразу легла. Сон сам сварил рис, а когда принес в комнату, увидел, что сестра собирает детское белье в маленькую корзинку. Лицо у нее было бледное, глаза светились каким-то тревожным блеском.

— Сходи, Сон, приведи рикшу.

— Что случилось. Ан? Куда ты?

Ан вдруг закусила губу, на лбу у нее выступили капли пота. Она едва не закричала от острой боли, пронзившей тело.

— Приведи скорей рикшу, Сон!

Ан сама добралась до частного родильного дома на набережной.

Мужчины уходят в море, жизнь их полна опасностей, но борются они сообща. Женщины остаются дома, но бороться им приходится в одиночку. И вот теперь Ан мучилась одна, она рожала человека. Было уже далеко за полночь, но Ан утратила ощущение времени. Большая электрическая лампа посреди комнаты заливала всю ее ослепительным светом. Он бил Ан прямо в глаза. Правда, сейчас она не видела ничего, даже этой нестерпимо яркой лампы. Ей было очень больно, и, стараясь сдержать крик, она стиснула зубы.

— Потерпи еще немного. Уже скоро, — подбадривала ее акушерка.

Ан снова застонала. Вошла няня с подносом. Она внесла чашку жидкой рисовой каши.

— Постарайся съесть хотя бы ложку, — стала уговаривать она Ан, — все-таки сил будет побольше. Да ты не бойся, все обойдется. Родится, выкуда не денется!

Ан с усилием протолкала несколько ложек каши. Но тут тело пронизала новая острая боль, и она собрала все свои силы, помогая ему появиться на свет.

Раздался крик новорожденного. Наконец-то!

— Родился!..

Ан, обессиленная, лежала пластом, боль тут же стихла. Она прикрыла глаза, на мгновение погрузилась в забытие, и словно сквозь сон до нее донеслось:

— Мальчик!

Уа... Уа... Тоненький детский крик словно влил в нее свежие силы. Это плачет ее сын! Сердце Ан переполнилось горячее чувство нежности и жалости. Ей захотелось поскорее увидеть его.

— Ах ты разбойник, что же ты так воишь? А голос-то, голос какой беззастыт! — говорила няня, помогая акушерке обмывать розовое тельце.

С улицы доносились грохот. Японские танки патрулировали город.

XVII

Беженцы хлынули на юг страны. Поезда не ходили, и люди ехали на лошадях, на велосипедах, шли пешком. Они приносили с собой новости: японцы разбили французов у Ланг-сона, японцы заняли Хайфон, они хорошо вооружены, у них много танков.

Потом поезда опять пошли как обычно. Каждый день по шоссе проносились блестящие легковые машины — японские офицеры и чиновники ехали из Ханоя в Хайфон или из Хайфона в Ханой. И каждый раз французский часовый у моста, увидев машину, брал на караул.

Прошло несколько дней, все оставалось будто не прежним. Только в деревнях стало тревожнее. Говорили, что появилось много бандитов, они грабят и убивают среди беда дня. Ходили слухи, что во время боя у Ланг-сона между французами и японцами несколько сот вьетнамских солдат, членов тайного прояпонского общества, повернули ружья против французов, но будто после капитуляции французов японцы бросили этих солдат на произвол судьбы. Часть из них ушла в Китай, часть подалась в леса.

В общем, в слухах недостатка не было.

На полях снова заколосился рис. Кой, как и в прошлом году, работал на жатве. Урожай в этом году был беднее прошлогоднего. Был только октябрь, а во многих семьях рис уже кончился. Что то ждет их в январе — феврале?

Кой часто вспоминал прошлую осень. Прошел только год, а сколько перемен! За этот год он, Кой, многое понял. Люди открывали ему глаза, да и сам он многое постигал. И теперь у него было такое чувство, будто за этот год у него состарилась душа.

Да и остальные жители деревни как-то приуныли. В жатву уже не слышно было песен, и, казалось, радость никогда больше не появится здесь, остались одни заботы и тревоги.

Когда перешли на участок предводительницы Шоан, на Коя нахлынули воспоминания о Куо и о Маме. Весь день солнце немилосердно пекло, однако женщины работали не разгибая спины. Но вот им принесли еду.

— Пора отдохнуть, Кой.

Кой поднял голову. Перед ним стояла Тхом. Девушка смотрела на него, вытирая рукавом раскрасневшееся лицо.

— Пойдем к нам, вместе поедим.

— Да вот хочу закончить свой участок.

— Брось! Отдохни немного.

Они пошли по тропинке вдоль полей. Тхом шла впереди. Вдруг она обернулась и спросила:

— Почему последнее время ты стал такой?

— Какой?

Тхом ничего не ответила, затормозилась дальше. Больше они ничего не сказали друг другу.

За обедом Кой был задумчив и молчалив. С того памятного дня, когда Кой выручил ее из беды, девушка при каждой встрече с ним заметно смущалась. Раньше она всегда подшучивала над ним, особенно на людях. Сейчас она держалась по-иному. Кому казалось даже, что она избегает встреч с ним. Но, возвращаясь домой, он иногда встречал Тхом на берегу, недалеко от своей лачуги. Она здоровалась с ним и тут же исчезала. Он так и не мог понять, чего она ждет от него...

— О-о-о-й-й! А-а-а-а!.. Вот черт!

Неугаанный вняк вывел Коя из задумчивости. Это во-

пила Винь, дочь предводительницы. Какой-то иарень, поймав ящерицу, поднесил ее к лицу девушки, а та визжала от страха. Обед подошел к концу, и женщины стали расходиться. Они и так-то недолюбливали эту Винь, а тут еще предводительская дочка подняла визг.

— Кой, отними у него ящерицу!.. Ой, мамочка!..

Она, тяжело дыша, повисла на руке у Коя, прижимаясь к нему грудью.

Кой сразу заметил, что Тхом, взглянув с их сторону, недовольно нахмурилась и отнергулась.

— Ну что ты маленькая? Перестань!

— Да, он меня ящерицей!..— Винь снова спрягалась за спину Коя, крепко обхватив его руками.

— Слушай, брось ты эту ящерицу! А ты отценись от меня.

— Подумаешь, еще мне дерет!— сердито буркнула Винь и отошла в сторону.

После полудня Тхом жала рис рядом с Коем, но была молчалива. Несколько раз он бросал взгляд в ее сторону, девушка тоже не поднимала головы. Казалось, она вся ушла в работу, и все же Кой чувствовал, что она думает о нем. Странно, почему раньше он ничего не замечал? Разве она не знает о Куэ? И тут на него снова нахлынули печальные воспоминания. Рука полностью опустела сери. А потом образы Куэ и Тхом как-то странно слились. Кой тяжело вздохнул и, точно в ответ, услышал вздох Тхом.

— Ко-о-й!

Юноша обернулся.

— Тебя тут спрашивает Ты Гать,— кричал ему издали Дыть.

Кой посмотрел в сторону дороги. Там стоял Ты Гать и махал ему рукой. Кой подошел к старику.

— В чем дело, отец?

— Пойдем, мне надо кое-что тебе сказать.

Ты Гать отвел Коя подальше и тихо произнес:

— Я получил письмо от Мама.

— Неужели! Что же он пишет? Дайте взглянуть!

Ты Гать протянул письмо.

— Значит, жив. Откуда же оно?— спрашивал Кой, вертя письмо в руках.

— Из самого Хавянга. Я получил его вчера, но ли

как не думал, что это от Мама. Оказывается, он грамоте выучился, сам пишет.

Кой стал с трудом разбирать первую строчку.

— Никак и ты уже умеешь читать? — поразился Ты Гатя.

— Ну что вы!.. Только буквы научился складывать. Что он пишет?

— Шлет поклон и тебе и семье Соан. Пишет, что попал в лагеря и заболел там малярией. Просил, чтобы ты написал ему, как тут идут дела.

Кой слушал старика, а сам продолжал складывать буквы в слова: «Пишет вам ваш Мам...»

— Ну, что будем делать?

— Вы дайте это письмо мне. Я как-нибудь найду к вам, принесу его. Дома-то я его быстрее разберу.

— Можно и так. Только ты не забудь сказать Муй о письме.

— Не забуду.

Кой проводил взглядом старого Ты Гатя и вернулся к себе на участок.

— Что это ты сразу так повеселел? — спросила его Тхом.

— Да так, ничего...

— От кого письмо-то?

Кой ничего не ответил. «Сегодня же надо будет сообщить Соан», — думал он, продолжая жать рис.

— Японские танки у моста! — крикнул кто-то.

Эта весть сразу облетела деревню. Кой наскоро проглотил чашку риса и бросился к мосту.

Действительно, посреди улицы стояли три больших танка. Вокруг них толпился народ.

На лавке, перед харчевней Бат сидели несколько плотных, низкорослых японцев и с жадностью поедали яйца. Один в расстегнутой гимнастерке, из-под которой виднелась волосатая грудь, изображая рукой на своем носу горбинку, ладонью другой руки как бы рубил себя по шее, давая понять, что французам теперь конец. Ребятишки хлопали в ладоши и заливались смехом.

В толпе говорили:

— А сам жирный, как француз!

— А запах-то от них какой! Козлятину, что ли, едят?

— Нет! Это они опрыскивают себя чем-то от комаров.

Старый Ты Гать с любопытством смотрел на японцев.

Подошел Кой. Ты Гать кивнул в сторону солдат:

— Видел, как они французам головы рубят!

Кой не ответил. Значит, вот они какие фашистские войска! Он много слышал о них, а теперь видит собственными глазами. Да, эти не будут церемониться, дай им только волю!

Покончив с едой, японцы отправились к своим танкам. Из харчевни выбежала хозяйка, показывая японцу в растегнутой гимнастерке четыре пальца: «За яйца и бананы... Четыре хао...» Японец усмехнулся и полез на танк. Тогда Бат схватила его за ногу и снова показала четыре пальца. Японец нахмурился, зло крикнул что-то и ударил Бат в лицо. Она упала, как подкошенная, на пыльную дорогу. Танки взревели и двинулись через мост.

Толпа постепенно разошлась. Ты Гать шел за Коем.

— Какая подлость! А еще одной с нами расы!

— Что вы от них хотите — фашисты!

И хоть не знал Ты Гать, что такое фашисты, он согласно кивнул головой.

— Пойдем, Кой.

Кой вздрогнул. Он и не заметил, когда подошла Тхом.

По дороге к дому оба молчали. Каждый думал о своем. Интересно, где сейчас Ле? Может быть, его посадили? Надо сходить на пристань, разыскать Зана, узнать, нет ли каких новостей. А может, Ле сейчас как раз там. Кой будто снова услышал голос Зана, который назвал ему это место: «Бак-сон!» Кой не знал, где находится эта провинция, но когда он произносил ее название, ему представлялись горы, покрытые густым лесом. Из рассказов Ле Кой знал, что бойцы Красной Армии носят на головных уборах красные звезды. Наверное, и у наших тоже красные звезды... Эх, Ле, как мне не хватает сейчас тебя!

— Тхом!

— Что? — отозвалась девушка.

Она замедлила шаги.

— Вернешься домой, скажи дяде, что я задержусь. Мне еще нужно кое-что дома сделать.

— А завтра пойдешь жать?

— Конечно. Ну, пока...

Он уже хотел повернуть с дороги, но Тхом окликнула его:

— Кой!

Голос у нее дрожал, казалось, еще минута, и она заплачет. Кой остановился. В сумерках он почти не различал ее лица, но слышал неровное дыхание девушки, и у него самого часто забилося сердце. Что с ним? Ему вдруг показалось, что он стоит с Куз. Нет, это не Куз, это Тхом, но как они похожи. И радостно, и грустно...

— Завтра, Тхом. Завтра вечером я буду ждать тебя на берегу. Там поговорим.

Кой свернул на тропинку и исчез в темноте.

Конец первой книги.

Художник М. Бишофс
Художественный редактор А. Купцов
Редактор М. Финогенова
Технические редакторы Н. Андрианова,
Г. Калинцева
Корректор Э. Зельдес

Сдано в производство 12/VI 1970 г.
Подписано к печати 24/VIII 1970 г.
Бумага 84×108¹/₂, бум. л. 6¹/₂, печ. л. 21,42
Уч.-изд. л. 19,46 Изд. № 11437
Цена 1 р. 21 к. Зак. 172

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21

Московская типография № 20
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

